

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВОПИСИ,
СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ ИМЕНИ И. Е. РЕПИНА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОГО МИРА

Санкт-Петербург

2018

**THE ACADEMY OF SCIENCES OF RUSSIA
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SAINT-PETERSBURG REPIN STATE ACADEMIC INSTITUTE
OF PAINTING, SCULPTURE AND ARCHITECTURE**

RESEARCH MUSEUM OF RUSSIAN ACADEMY OF ARTS

THE STATE HERMITAGE MUSEUM

**THE BOSPORAN PHENOMENON:
GENERAL AND PECULIAR FEATURES
OF HISTORICAL AND CULTURAL
SPACE IN THE WORLD
OF CLASSICAL ANTIQUITY**

**PROCEEDINGS
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE**

PART 2

Publishing and Printing Center
of Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design
2018

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРЫ И АРХИТЕКТУРЫ
ИМЕНИ И. Е. РЕПИНА**

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ
ПРИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНТИЧНОГО МИРА

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

ЧАСТЬ 2

Санкт-Петербург
Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского Государственного Университета
промышленных технологий и дизайна

2018

УДК 930.26:947.011
ББК 63.4:63.3(0)329.48

Б 85

Редколлегия «Боспорского феномена»:

*Ю. Г. Бобров, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев, Н. К. Жижина,
Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова,
В. А. Хриановский*

Ответственные редакторы-составители:

В. Ю. Зуев, В. А. Хриановский

Б 85 Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 2 – СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. – 390 с.

ISBN 978-5-7937-1721-2 (ч. 2)

ISBN 978-5-7937-1719-9

В сборнике представлены материалы очередной – 15-й в цикле «Боспорский феномен» – международной научной конференции, посвященной сравнительному анализу Боспорского царства с другими государствами античного мира и греческими городами-колониями Северного Причерноморья, выявлению общих и специфических черт в его государственном устройстве, историческом окружении, эволюции, общественно-политической жизни, материальной и духовной культуре. Издание рассчитано на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами древней истории.

УДК 930.26:947.011

ББК 63.4:63.3 (0) 329.48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Благотворительного фонда содействия охране и исследованию
Памятников археологии Северного Причерноморья и Приазовья
«Артемиды» (Москва).*

*Конференция проводится при поддержке
Санкт-Петербургского государственного академического института
живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина
(Санкт-Петербург)*

На фронтисписе:

Деталь браслета в виде головы льва. Пантикапей. Некрополь. Конец V – начало IV в. до н.э. Золото, киноварь. Из раскопок А. Е. Люценко, 1854 г. Государственный Эрмитаж. Инв. № П.1854.28. Фотография А. М. Кокшарова.

978-5-7937-1721-2

9 785793 717212

© Коллектив авторов, 2018

© ИПЦ СПбГУПТД, 2018

II. БОСПОР И АНТИЧНЫЙ МИР

Emre Taştemir

Ports of the Bosphorus in the light of New Finds

Straits which have been uniting the Mediterranean and the Black Sea due to its location for thousands of years, has a large network combining many cultural compositions. Great many ports exist at straits which are important trade routes because of their position. These ports are situated on the both European and Anatolian coasts. The ports located in the places where waves are less and which have links with hypocentre are preferred. The Golden Horn with its sea whose folded part looking to the strait and have a large number of ports with its calm water. The place is like a gift of the nature, protected from the wind, safe and various ports are located there (Fig. 1). Phosphorion, one of the main ports of Byzantium and known as closed port (θιεζηζηδο ηηκίλ) was protected by breakwater and walls on it (Müller-Wiener. 2003. 57). Although the name of Bucoleon Port was started to be used in Xth and XIth A. D. its importance dates back to Vth and VIth centuries because they were used by emperors (Müller-Wiener, 2003. 60). Zosimos clarified the position of Neorion Port. Identifying Byzantium, he points that the city was located on the hill which was formed by Keras (The Golden Horn). He also claims that walls of Byzantium continues from the Golden Horn to the Sea of Marmara along the hill. He also words that walls lie descendingly towards the Aphrodite Temple in the west, Neorion Port in the north (Gyllius Const. III. 1. – Zosimos II. 30. 3). At Kykla Port, also called as Kykla (Çemberler), Byzantions cleaned up the enemies attacked to their city here. That is why they founded Athena Promachos statue here (Dion. Byz, II. 2 fr. 12). Reconstruction of Heptaskalion Port which doesn't exist any longer can be made only by sources and considering structure of land between the Armenian Patriarchate and Yenikapı. Walls made of dimension stones and found in 1819 were totally disappeared (Müller-Wiener. 2003. 61).

Skythou, according to the legend, people used to reach firstly to the port which was called as İskit (Τὰ Σθύζυπ) where the bull moved from his land, named as Skythes edge (before arriving Beşiktaş wharf). Skythes was said to

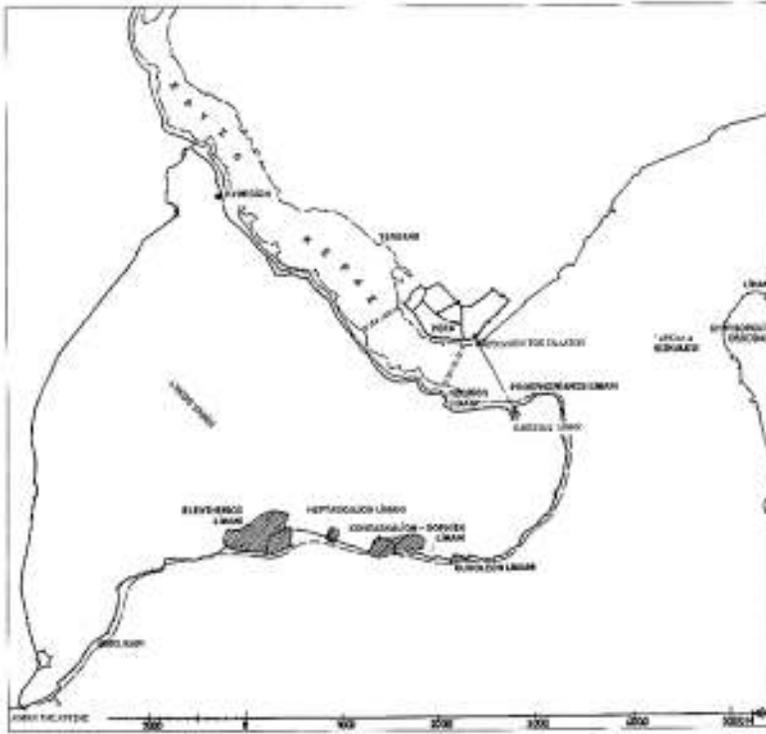

Fig. 1. Golden Horn and its surroundings

have sailed from here to Kreta and had an affair with Pasiphae who was the wife of Minos. It is believed that it was the source of this transcendental and bull based race (Dion. Byz. II. 6 fr. 28 – Müller. 1990. 34). Then, Iasion (Beşiktaş) port where Iason edged in with the land while passing by the strait during his Kolkhis travel, open to west and south winds, was arrived. The Apollon statue would stand in this big grove full of laurels (Dion. Byz. II. 7 fr. 28) Next stop was Khēlai port and Bebek port known as «kıskaçlar» (Υειάϊ) in Turkish. It is told that the port took the name from gripper like shaped moles lying towards the sea from both sides of it. In addition, the Temple of Artemis who has nets/ hunting/ tracing, was located on the middle bend of the bay (Dion. Byz. II. 11 fr. 34).

Arkheion Port, Arkheion (Ortaköy) was reached. It was famous for fertile and beautiful vineyards. It was surrounded by the hills raising and going towards the sea. Tortuous and deep spring runs to the seaside through the valley. Soon after Kalkhedon was established in *ca.* 685 B. C. Arkhias, son of

Aristonymos from Thasos, was told to have come and settle here. Lasthenes Port, Leosthenes (İstinye) Bay which inherited its name Leosthenes from Megara used to run along. Dionysios of Byzantion (II. 13 fr. 40) is also known as Lasthenes. P Gyllius thinks it should be read as (Bosp. II. 14 fr. 40) Leosthenes or Laosthenes.

Phryksos Port, according to Hesykhios of Miletos, Phryksos founded a temple for Artemis at this port (Patr. Const. 33) located in Kanlıca (Bosp. 68–69 [ad 31. 8–12]). Eutropios – Eutropos Port, it is learnt that Iustinianus founded another port in Eutropiou (known as Kalamış today) which is not far from Heraion. It must be the port which was named as Eutropios/Eutropos by Zonaras (epit. hist. 197) in the past.

Among the ancient period ports in İstanbul, there are also ports whose names were inspired from various races: Ephesiates, Port of Ephesians, Phosphoros (Karataş Farm). Its name comes either from Artemis or the old lighthouse near it. The long coast next to it was known as the port of Ephesians'/ Ephesiates Port (Great Port) due to the ships landed and anchored there (Dion. Byz. II. 20 fr. 49). Lycians' Port, Afterwards Lycians' port (near Garipçe Cape) which is big enough to hold capsized vessels and both deep and safe enough to be anchored was arrived. The Temple of Aphrodite was believed to be situated here (Dion. Byz. II. 21 fr. 50). Ahead of Rhodians' port Amykos in Khrysopolis (Üsküdar), village of Chalcedon which has one of the most beautiful and best ports of Asian side with its deepness, stillness and size was seen (Dion. Byz. III. 9 fr. 65).

Apart from these ports there are also Ports discovered/uncovered from recent excavations and surface researches are: Theodosius, Eleutherios Port or with its common name later Theodosius Port (Latin: Portus Theodosiacus), ancient trade port in the south of Constantinopolis, capital of the Byzantine Empire. Even though this port is sometimes identified with the Theodosius port, only Byzantium source about its existence clearly states that it came into existence before it. Probably the port which was a natural bay at first dates to 4th century before (Müller-Wiener. 2003. 60).

Bathonea is located in Avcılar-Firuzköy district of Küçükçekmece lake basin. Two ports named as small and big ports were found in the excavations going on since 2009. The big one is on the edge of Avcılar Firuzköy peninsula on Küçükçekmece lake. Remains at 1,5 m. thickness, made of straight dimension stones and boulders were found at the end of the peninsula. As the small one both sides of which are constructed in 100 m intervals is smaller than the one in the south of the peninsula it was called as Small Port (Aydıngün. 2016. 371–388; Aydıngün-Bilgili. 2015. 374–388).

Anguniara port, some ruins which are thought to belong a port on the south cape of the peninsula between Büyükçekmece and Küçükçekmece

lakes were found. The area in which buildings belonging to archaeological remains were known as «Angoria Farm» till 1940s; however, it took the name of «Reşit Paşa Farm» lastly. It is possible that those ruins may refer to Angurina port constructed long before the Byzantine Period (Öniz-Aydingün-Kaya. 2017. 175–186).

In the study, construction purposes of ports at straits, dates of use and reasons of locations are intended to be explained through ancient authors, notes of wanderers, information and data obtained from archaeological excavations and surface researches.

Литература

- Ş. Aydingün. İstanbul Küçükçekmece Göl Havzası (Bathonea?) Kazıları İlk Beş Yıllık Değerlendirme 2010–2015, KST. 38, 1. Cilt. 371–388.
- Ş. Aydingün, A. E. Bilgili. İstanbul Tarih Öncesi Arkeolojik Yüzeysel Araştırmaları ve Küçükçekmece Göl Havzası (Bathonea) Kazılarının İstanbul'a Katkıları, 2015.
- Dionysios Byzantios*. Dionysii Anaplus Bospori. Ed. K. Müller. Geographi Graeci Minores. Paris, 1990. Vol. II.
- Petrus Gylliu*. İstanbul'un Tarihi Eserleri, çev. Erendiz Özbayoğlu, İstanbul, 1997.
- P. Magdalino*. Bizans Dönemi Konstantinopolis Limanları, İsta. nbul Arkeoloji Müzeleri Yayını, 2013.
- Hesychius Milesius*. Fragmenta. Ed. K. Müller, FHG. Paris: Didot, 1841–1870: 145–177. Frr. 1–3.
- W. Müller-Wiener*. İstanbul'un Tarihsel Topografyası. Çev.: Ü. Sayın. İstanbul, 2002.
- W. Müller-Wiener*. Bizans'tan Osmanlı'ya İstanbul Limanı. Çev.: E. Özbek. İstanbul, 2003.
- K. Müller*. Geographi Graeci Minores. Paris, 1902. Vol. I–II
- A. V. Millingen. Konstantinopolis, Alkım Yayınevi, 2003.
- H. Öniz, Ş. Aydingün, H. Kaya, İstanbul Beylikdüzü Kıyılarında Arkeolojik Kalıntılar (Angurina?), Arkeoloji ve Sanat Dergisi, Sayı: 155, 2017, 175–186.
- Zosimus*, Historia Nova. A Translation with Commentary by R. T. Ridley, Zosimus: New History. Byzantina Australiensia 2. Sydney, 1982.

Д. Е. Чистов

Урбанизация античных центров Северного Причерноморья в VI – начале V вв. до н. э. Сходства и различия

Облик античных урбанизированных центров Северного Причерноморья периода архаики на самых ранних этапах формирования их городской структуры до недавнего времени был предметом очень немногих специальных исследований. Причиной тому, в первую очередь, является

слабая степень изученности ранних строительных остатков, в большинстве случаев перекрытых напластованиями и сооружениями последующих периодов. Вследствие этого постройки архаического горизонта нередко раскрываются очень фрагментарно – на небольших участках, где поздние строительные остатки в силу каких-либо причин имели плохую сохранность, либо же в промежутках между ними – например, в границах более поздних помещений. Как результат, иногда мы можем иметь более адекватные представления о небольших по площади комплексах – полуземлянках или компактных изолированных постройках типа «дома колониста», полностью или почти полностью попадающих в такие участки; однако, изучая наиболее ранние многокамерные постройки, имеем дело с обрывками кладок или отдельными помещениями, не дающими представления о планировке дома в целом. Следует заметить, что в этом отношении регион Северного Причерноморья вовсе не уникален – в греческих городах Эгеиды в фокусе внимания исследователей по сходным причинам долгое время оставались строительные горизонты периодов классики, эллинизма, а также постройки Железного века, изучению которых архаические сооружения нередко препятствовали (Lang. 2005. P. 13). Вместе с тем, для архаических городов Северного Понта изучение сложения их городской структуры, т. е. принципов организации городского пространства и уличной сети, типов, размеров и внутренней планировки жилых домов, имеет особенное значение, поскольку позволяет раскрыть общие и индивидуальные черты в социальной организации этих колоний, а также специфические местные факторы, влиявшие на их становление.

Из всех античных центров северного Причерноморья городская планировка архаического периода в наилучшей степени изучена на *Березанском поселении*, где фактическое отсутствие строительных горизонтов эллинистического и римского периодов позволяет исследовать раннюю застройку широкими площадями. Вместе с тем, и на примере Борисфена – Березани мы пока не имеем целостной картины пространственной организации архаического города второй половины VI – начала V в. до н. э. Исследования последних десятилетий позволили существенно скорректировать первую схему городской планировки, разработанную на основе данных, имевшихся к началу 1990-х гг. (Solovyov. 1999. P. 78–79. Fig. 58). Новые раскопки подтвердили выводы о наличии городской планировочной сетки, состоявшей из системы кварталов, разделенных улицами стандартной ширины (3,2–3,5 м) и более узкими переулками, однако показали, что планировка Борисфена не была полностью ортогональной. Значительные отклонения направлений улиц в различных районах города от осей север – юг и запад – восток, различная пло-

щадь и форма городских кварталов делают фактически невозможной экстраполяцию уже раскрытых участков планировки на всю остальную территорию памятника, как это предлагалось ранее (Рис. 1).

К настоящему времени об облике архаического города на Березани известно следующее. Жилые дома были сблокированы в кварталы; количество домохозяйств – ойкосов в каждом из них составляло не менее 5–6, а площадь отдельного дома (с учетом двора) могла варьироваться в рамках 180–370 м², хотя средняя площадь большинства домов, видимо, не превышала 200–250 м² (Solovyov. 1999. P. 65–77; Чистов. 2017а. С. 138–140). Городская планировочная сеть состояла из магистральных продольных улиц, числом не менее пяти, проходивших приблизительно с запада на восток. В реальности эти улицы не были прямыми и строго параллельными друг другу и, кроме того,

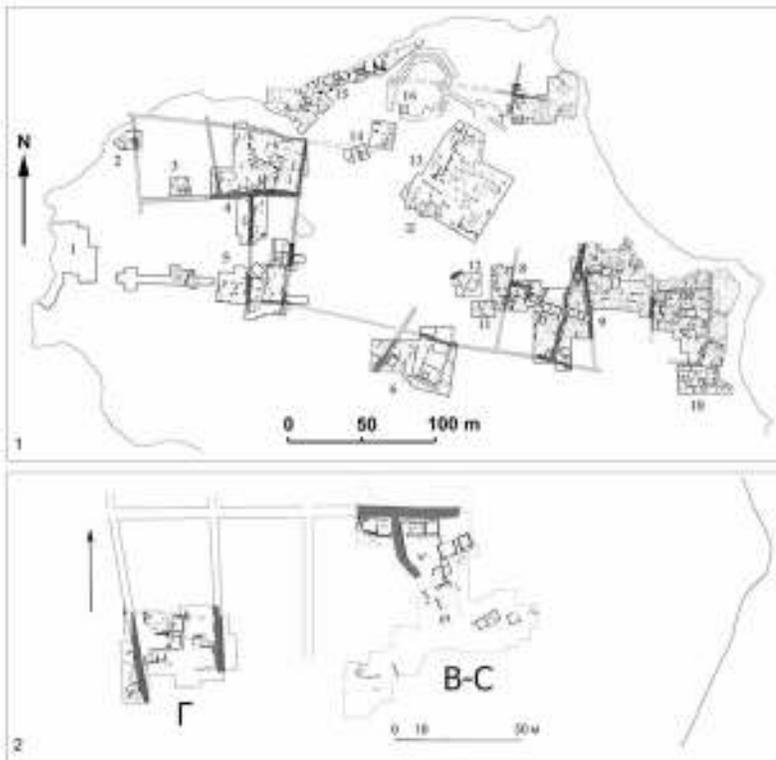

Рис. 1. 1 – Реконструкция уличной сети Березанского поселения (с учетом данных на 2017 г.). 2 – реконструкция уличной сети мысовой части Нимфея (по Д. Е. Чистову. 2017)

имели заметные отклонения от широтного направления. Лишь одна из магистральных улиц к настоящему времени раскрыта на трех различных раскопанных участках: она проходит с заметным отклонением к юго-востоку. Еще две продольные улицы достоверно зафиксированы на одном раскопе; о том, где они проходят в других частях Березани, мы можем пока только догадываться. Количество поперечных улиц и переулков, пересекавших древний полуостров приблизительно с севера на юг, было значительно большим, однако исследовано к настоящему времени (на участках различной протяженности) лишь около десяти (Chistov, Krutilov. 2014. P. 216–220. Fig. 2; Bujskikh, Chistov 2018. P. 11–13. Fig. 11). Меридиональные улицы не всегда пересекали всю застроенную территорию с севера на юг; так, в ходе раскопок северо-западного участка выявлен Т-образный перекресток, возникший вследствие различной формы кварталов в северной и южной частях Борисфена (Solovyov. 1999. P. 57. Fig. 77). Южный квартал на этом участке имеет форму прямоугольника, вытянутого в меридиональном направлении, соседний же с севера квартал имел неправильные трапециевидные очертания. В северо-восточной части Березани раскопками последних лет выявлен квартал треугольной формы: две образующие его меридионально ориентированные улицы с севера сходились под острым углом, сливаясь в одну (Чистов, Ильина. 2017. С. 177–180. Ил. 1) (Рис. 1. 1, № 9 на плане).

Как в этом, так и в других случаях ориентировка поперечных улиц имела отклонения от меридиональной оси. Складывается впечатление, что если в западной части поселения эти улицы были ориентированы практически строго по линии север – юг, то в центральной и восточной частях города они имели в разной степени значительное отклонение к юго-западу. Возможно, они направлялись к древней гавани, по всей видимости, соответствующей современной бухте в северо-восточной части острова Березань. Кварталы неправильных, в т. ч. треугольных очертаний известны в архаической застройке Мегар Гиблейских: они располагались в районе агоры, делившей город на две части с различной ориентировкой уличной сети. Общественные же здания занимали части выходивших на агору жилых кварталов (Auberson, Villard, Vallet. 1976. Portefeuille 3, plan 11–14; Metraux. 1978. P. 153–156). Вполне вероятно, что различная ориентировка участков квартальной сети архаического Борисфена была также обусловлена контурами береговой линии и расположением городских общественных зданий. Хотя к настоящему времени на Березани не установлено ни местонахождение агоры, ни сам факт ее существования, в определении территории, которую занимал общественный центр, достигнут значительный прогресс. Все

четыре известных сооружения, которые могут быть интерпретированы как остатки построек общественного или религиозного назначения, расположены в одном районе архаического города, на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, и занимают части жилых кварталов, примыкавших с севера и с юга к одной из магистральных улиц (Chistov. 2015. P. 403–413). Кроме того, локализация общественного центра подтверждается немногочисленными находками архитектурных деталей и скульптуры, большая часть из которых обнаружена в той же части современного острова (Bujskikh, Chistov. 2018).

Сопоставлению сведений о городской планировке Березани с соседней Ольвией серьезно препятствует слабая изученность ранних слоев последней. До недавнего времени подвергалась сомнению даже сама возможность существования в архаической Ольвии регулярной планировки, хотя наличие определенной регламентации градостроительного процесса допускалось (Крыжицкий. 1971. С. 98–99; 1993. С. 35; Крыжицкий, Русяева. 1978. С. 5). Тем не менее, новые исследования в юго-восточной части Верхнего города Ольвии позволили раскрыть часть жилого квартала позднеархаического и раннеклассического времени, застроенного жилыми домами в последней четверти VI в. до н. э. Обнаружены участки пересекавшихся меридионально и широтно ориентированных городских улиц шириной около 3,5 м, ограничивавших квартал с юга и запада. Эти данные, сопоставленные с результатами раскопок Б. В. Фармаковского в центральной части Ольвии, где был раскрыт существовавший с конца VI в. до н. э. перекресток Главной меридиональной и поперечной ей улиц, позволяют предполагать наличие в позднеархаический период регулярной планировки на территории всего Верхнего города (Bujskikh. 2017. Fig. 5. P. 13). Определенное сходство в пространственной организации ранней Ольвии и Борисфена косвенно указывает как на общность градостроительных концепций, так и на то, что урбанизация этих центров протекала почти одновременно (Буйских. 2013. С. 25–27).

Мы располагаем очень ограниченным объемом данных об облике ранних поселений на месте городских центров Нижнего Поднестровья второй половины VI – начала V в. до н. э. На территории Роксоланского городища (*Никония*) жилые и хозяйственные постройки этого времени представлены исключительно прямоугольными полуземлянками с сырцовыми кладками по периметру; переход к массовому строительству многокамерных каменно-сырцовых домов наблюдается только в середине V в. до н. э., хотя можно усмотреть признаки градостроительной регламентации и во взаимном расположении ранних комплексов (Секерская. 2013. С. 516–517).

Результаты исследований ряда центров Европейского Боспора, а именно – Нимфея, Мирмекия, Тиритаки, и, возможно, Порфмия указывают на появление участков регулярной городской планировки с последней четверти – конца VI в. до н. э. В *Мирмекии* фрагментарные строительные остатки архаических жилых домов раскрыты в различных частях памятника, но значительный участок ранней городской застройки исследован лишь на раскопе «И» в восточном районе древнего города (Рис. 2, 1). В его северной части архаические постройки сохранились в наилучшей степени. Границы позднеархаического квартала здесь выявлены с трех сторон, причем раскрыт большой отрезок меридионально ориентированной городской улицы шириной около 3 м, ограничивавшей этот квартал с запада. Еще одна широтно ориентированная улица, существовавшая с конца VI в. до н. э., обнаружена в южной части раскопа «И». Остается неясным, представляло ли ограниченное этими четырьмя улицами пространство один большой квартал, вытянутый с севера на юг, или же оно делилось еще одной улицей на два квартала меньших размеров (Бутягин, Чистов. 2015. С. 32–33. Илл. 1). Так или иначе, можно утверждать, что в восточной части Мирмекия с конца VI в. до н. э. существовал участок ортогональной жилой застройки с сетью улиц, ориентированной по сторонам света. Возможно, аналогичная планировка в значительной степени распространялась и на западный район города. Вместе с тем, позднеархаические постройки, непосредственно примыкавшие к скале акрополя, возводились с учетом рельефа, и в плане имели существенные отклонения от меридионального и широтного направлений (Butyagin. 2007. P. 24. Fig. 2; Бутягин, Чистов. 2015. С. 31).

Массовый переход к наземному домостроительству в *Нимфее* имел место в последней четверти – конце VI в. до н. э. (Худяк. 1962. С. 18) и привел к возникновению городской застройки на площади, которую можно приблизительно оценить в 5–6 га. К настоящему времени строительные остатки позднеархаического периода выявлены на двух участках раскопок – «В – С» и «Г». Степень их изученности очень различается: в мысовой части городища, на раскопе «В – С» в той или иной степени полно раскрыты остатки четырех жилых домов конца VI–V вв. до н. э., а также отрезки двух пересекавшихся улиц, ориентированных в широтном и меридиональном направлениях (последняя заметно изгибалась к юго-востоку). Западнее, на раскопе «Г», ранние строительные остатки исследовались лишь на тех участках, где этому не препятствовали эллинистические постройки, вследствие чего границы отдельных домов и их планировка восстанавливаются лишь гипотетически. Вместе с тем, и на этом участке был выявлен отрезок

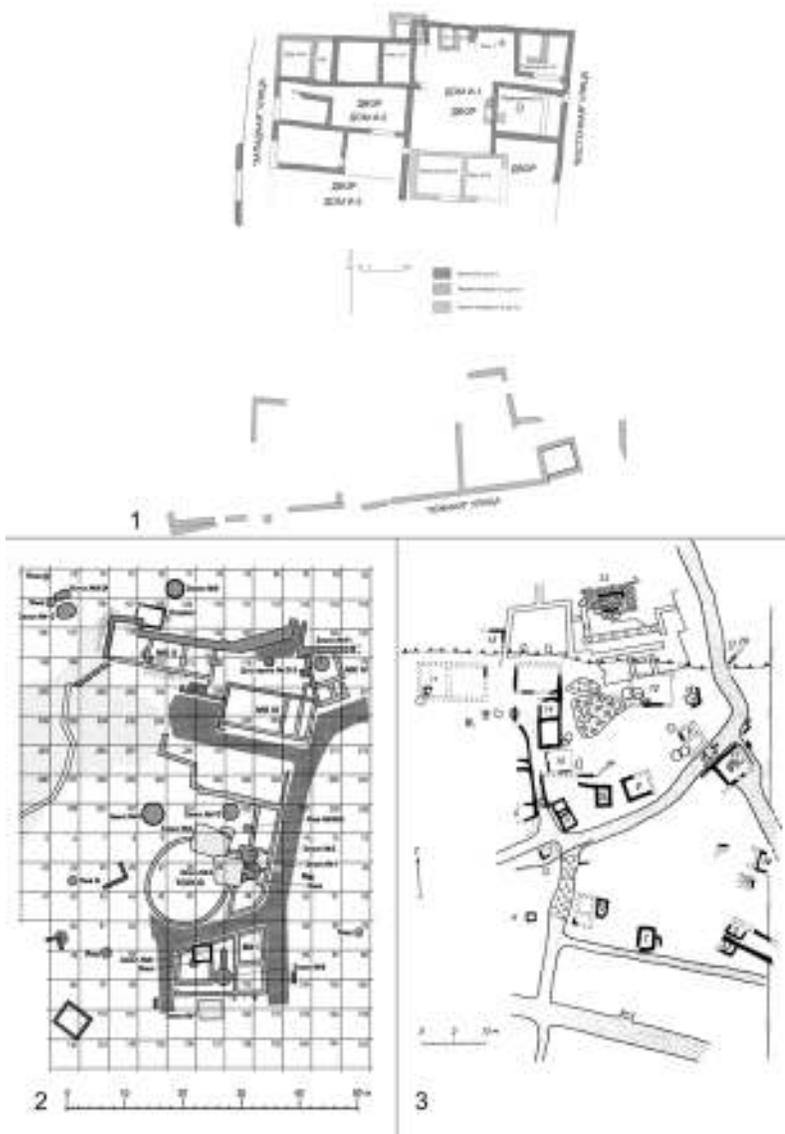

Рис. 2. 1 – План архаического квартала на участке «И» в восточной части Мирмекия (по А. М. Буягину и Д. Е. Чистову. 2015). 2 – Уличная сеть Западного плато акрополя Пантикапея (по В. П. Толстикову. 2017). 3 – Уличная сеть северного склона Западного плато Пантикапея (по И. Д. Марченко. 1979).

меридионально ориентированной городской улицы, существовавшей с позднеархаического времени. Уличная сеть Нимфея была, вероятно, ориентирована по осям север – юг и запад – восток, однако городская планировка уже с момента ее возникновения не была строго ортогональной (Рис. 1, 2). В особенности это проявлялось вблизи оконечности мыса, где очертания обрывистой береговой линии оказывали влияние на форму городских кварталов (Чистов. 2017. Илл. 10).

Сравнительно хорошо исследована позднеархаическая жилая застройка *Тиритаки*. Строительные остатки этого времени исследованы в западной части памятника (раскопы XIV–XXVII), где были раскрыты остатки двух соседних жилых домов, стены которых были позднее перекрыты оборонительной стеной, возникшей приблизительно промежутке между 510 и 480 гг. до н. э. (Гайдукевич. 1952. С. 86–87; Twardecki. 2014. P. 34–37). Исследования, возобновленные в этой части Тиритаки в последнее десятилетие, показали, что строительные остатки этих сооружений продолжают и к западу от крепостной стены. Таким образом, при ее возведении застроенная территория города несколько сократилась (Twardecki. 2016. P. 37–38).

Участок городской застройки значительно большей площади был раскрыт на раскопе XXVI, расположенном восточнее, в центральной части памятника. По мнению исследователя (Зинько. 2014; Зинько. 2017), обнаруженные строительные остатки принадлежат шести жилым домам, находившимся в составе одного городского квартала, возникшего в 530-х гг. до н. э. К сожалению, границы этого квартала не попали в исследованную к настоящему времени площадь ни с одной из сторон, что серьезно препятствует как составлению гипотетической модели уличной сети архаической Тиритаки, так и проверке достоверности членения раскрытого квартала на участки отдельных домохозяйств. Ориентировка архаических построек на двух этих раскопах имела заметное отклонение от расположения по сторонам света; наибольшее отклонение (до 45°) имели сооружения на раскопе XXVI (Зинько. 2014. С. 306–307. Рис. 291; Гайдукевич 1952. С. 74–86. Рис. 85). Некоторые различия в ориентировке построек на этих участках, которые разделяет не более 50 м, могут быть обусловлены рельефом: дома в западной части городища находились на небольшом холме, древний уровень дневной поверхности которого был на 4–5 м выше, чем у построек квартала на XXVI раскопе (Twardecki. 2016. P. 38. Fig. 5. Fig. 10).

Участок архаической городской застройки конца VI – начала V в. до н. э., раскрытый в *Порфми*, не дает возможности реконструировать планировку, поскольку в его границах не обнаружены городские улицы. По всей видимости, возведенный на террасированном склоне

«многокамерный наземный комплекс», состоявший не менее чем из десяти помещений (Vakhtina. 2003. P. 45. Fig. 18, 19, 20; Вахтина. 2009. Рис. 119), в действительности представляет собой части не одного, а по меньшей мере двух сблокированных в квартал домохозяйств, с востока пристроенных к ранней оборонительной стене. Их помещения в целом ориентированы по сторонам света, с небольшим отклонением, обусловленным направлением крепостной стены.

Городское ядро архаического *Пантикапея*, располагавшееся на склонах и террасах горы Митридат, развивалось в соответствии с особенностями рельефа местности и задачами обороны, поэтому о регулярной планировке применительно к этому памятнику говорить не приходится. Регламентация градостроительства, в случае Пантикапея, очевидно, проявлялась в возникновении нескольких функциональных зон – раннего акрополя с теменосом на верхнем плато, небольшого района многокамерных жилых построек, примыкавшего к нему с севера; западного плато – территории, включенной в состав акрополя в конце VI в. до н. э. и, вероятно, использовавшейся для размещения административных задний полиса, а также северного склона западного плато, занятого рядовой жилой застройкой (Толстиков и др. 2017. С. 212–213).

На Западном плато в границах укрепленной территории акрополя Пантикапея раскрыты части нескольких кварталов, в застройку которых были включены как многокамерные здания, так и общественное здание – толос (Рис. 2, 2). Хотя в целом позднеархаические постройки акрополя ориентировались по сторонам света, раскрытый участок уличной сети не демонстрирует регулярного плана: Главная улица, спускаясь по склону в северном направлении, изгибается в соответствии с рельефом к северо-востоку, а поперечные улицы, подходя с запада, пересекаются с ней также не под прямыми углами (Толстиков и др. 2017. С. 32–33, 255. Таб. 19). Этот район застраивается в период расширения Пантикапея, его активной урбанизации, однако подвергается разрушению между 490 и 485 гг. до н. э., вероятно, в результате вражеского нападения (Толстиков и др. 2017. С. 37).

Планировка района архаической жилой застройки, находившегося на северном склоне западного плато горы Митридат, также имела характер, сообразный рельефу (Рис. 2, 3). Очень небольшие по площади одно- и двухкамерные дома располагались на пологих террасообразных уступах склона вдоль двух параллельных улиц, спускавшихся с севера на юг и выводивших на площадь (возможно – общественного назначения), которая имела вымостку из крупных полигональных плит (Марченко. 1979. С. 164–178; Марченко. 1984. С. 11–18).

Раскопки античных центров Азиатского Боспора пока не подтверждают наличие на каком-либо из городских памятников квартальной уличной сети с периода поздней архаики. Вместе с тем, в ряде случаев наличие регулярной квартальной планировки правомерно предполагать. В ходе новейших раскопок Верхнего города *Фанагории* раскрыт целый участок городской застройки второй половины VI в. до н. э., состоявший из домов с сырцовыми стенами, лишенными каменных цоколей. Судя по предварительным публикациям, на наиболее раннем этапе застройки преобладали домохозяйства весьма скромной площади – около 40–65 м² (Кузнецов. 2009. С. 193; Кузнецов. 2010. С. 450–451), что, наряду с небольшой шириной улиц и переулков, объясняется авторами раскопок ограниченными размерами холма, на котором размещалось раннее поселение. Площадь исторического ядра города не превышала 2 га; его защищала крепостная стена из сырца, возведенная в третьей четверти VI в. до н. э. (Кузнецов. 2017. С. 52–53. Рис. 37). По мнению В. Д. Кузнецова, дома раннего поселения не блокировались в кварталы. Вместе с тем, все постройки имели одинаковую ориентацию – с северо-запада на юго-восток, а их компактное размещение указывает на наличие единого плана застройки с момента основания города (Кузнецов. 2001. С. 12; Кузнецов. 2009. С. 194–195). Одно из раскрытых зданий (№ 300), площадью 75 м², по мнению авторов раскопок, могло иметь общественное назначение (Завойкин, Кузнецов. 2011).

Планировка архаической городской застройки *Анапского поселения (Синдской гавани)*, как и его площадь, не поддаются достоверной реконструкции. Вместе с тем, и в этом случае вполне можно говорить о регламентации градостроительного процесса с момента начала возведения каменно-сырцовых домов, которыми застраивалась небольшая укрепленная территория раннего поселения. Остатки сооружений конца VI–V вв. до н. э., раскрытые на раскопе «Океан», имели общую диагональную ориентировку – углами по сторонам света. Обнаружен и небольшой участок вымощенной мелкими камнями улицы, спускавшейся к морю с юго-востока на северо-запад (Алексеева. 1990. С. 20–21. Рис. 1; Алексеева. 1997. С. 15–17, 283. Табл. 3; Алексеева. 2010. С. 474. Рис. 4).

На наличие регламентации в городской застройке *поселения Гаркуша I (античного Патрея)* последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. указывают остатки сырцовых домов, ориентированных по сторонам света, раскрытые в возвышенной западной части памятника (Абрамов. 2010. С. 53–532. Рис. 3–4). Архаические слои *Гермонассы* изучены чрезвычайно слабо. Тем не менее, судя по исследованным участкам, городская застройка последней четверти VI в. до н. э. свои-

ми направлениями совпадала с сооружениями классического и эллинистического периодов: диагональная ориентировка, возможно, была обусловлена направлениями улиц, идущих к спуску к гавани в северо-восточной части города (Зеест. 1977. С. 55).

Время возникновения городской застройки в античных городах Северного Причерноморья определяется с различной степенью достоверности. Наиболее раннее каменно-сырцовое сооружение в регионе к настоящему времени зафиксировано на акрополе Пантикапея. Оно представляло собой небольшую (19,2 м²) однокамерную постройку, пристроенную к внутреннему фасу древнейшей оборонительной стены, защищавшей периметр Верхнего плато акрополя. Находки из слоя пожара в этом здании датируют его гибель не позднее середины VI в. до н. э. (Толстиков и др. 2017. С. 14–15, 55–56, 59, 247, Таб. 11). Городская застройка Фанагории и Березанского поселения (возможно также Ольвии) возникает несколько позже – в начале третьей четверти VI в. до н. э. Очень вероятно, что эти события почти не разнесены по времени, поскольку были связаны с одной колонизационной волной, вызванной установлением персидского протектората Ахеменидов над Ионией после разгрома Лидийского царства в 546 г. до н. э.

Для Борисфена-Березани можно предположить наличие особой строительной фазы, непосредственно предшествовавшей началу массового домостроительства. Большие прямоугольные полуземлянки определенного типа, т. н. «дома колониста», в ряде случаев совпадают ориентировкой с более поздними постройками и направлениями улиц. Их появление можно связать либо с прибытием особой группы, авангарда второй волны колонистов, высадившейся на полуострове в устье Днепро-Бугского лимана в конце второй четверти – середине VI в. до н. э., либо атрибутировать как первые жилища жителей урбанизированной колонии, построенные непосредственно после высадки «второй волны» в 540-х гг. до н. э. (Чистов. 2017а. С. 133–136; 2017б. С. 132–134).

Для остальных вышеперечисленных центров наиболее приемлемые даты активной фазы урбанизации приходятся на последнюю четверть VI в. до н. э. – рубеж VI–V вв. до н. э., т. е. несколькими десятилетиями позже. Впрочем, нельзя исключить того, что по мере накопления новых данных время перехода к массовому строительству сырцово-каменных домов для некоторых памятников может быть понижено. Несмотря на указанные различия в датах, в процессе урбанизации городов Северного и Северо-Западного Причерноморья можно усмотреть много общих черт. Застройка этих центров на начальных этапах, как правило, велась по единому плану; жилое строительство было регламентировано. В ряде случаев эта регламентация приводила к форми-

рованию сети улиц и кварталов, имевших общую ориентировку с некоторыми отклонениями, вызванными особенностями рельефа или очертаниями береговой линии. Вместе с тем, ни в одном случае эта квартальная сеть не была строго ортогональной, а количество составлявших квартал домов и их площадь могли сильно варьироваться. Городские улицы архаических северопричерноморских колоний обычно имели схожую ширину (3–3,5 м). Каменное мощение систематически не применялось, хотя отдельные участки могли иметь плитовые вымостки¹. В остальных случаях улицы были замощены многократно подсыпавшимися черепками, мелким камнем или известковой крошкой. Следы дренажа вдоль улиц прослеживаются во многих случаях, однако его устройство, видимо, никак не регламентировалось.

Не имея возможности в рамках данной статьи уделить достаточно внимания сопоставлению различных типов жилых домов, точнее говоря – вариантов организации их внутреннего пространства, кратко остановимся лишь на вопросе их размеров. Трудно согласиться с высказанным применительно к постройкам Северного Причерноморья и, в частности, Фанагории мнением, согласно которому (однокамерные) дома площадью в 15–20 квадратных метров в целом характерны для периода архаики (Завойкин, Кузнецов. 2011. С. 190). Как было показано выше, на большинстве памятников региона это совсем не так. Для домостроительства архаической эпохи в целом характерен переход к многокамерным жилищам различной компоновки, что является отражением глубоких изменений, происходивших в структуре греческой семьи и общества (Lang. 2005. P. 14–19, 31–32). Возникновение на территории нового поселения компактной застройки, состоящей из домохозяйств столь малых размеров, как представляется, должно быть обусловлено какими-то вескими причинами, не имеющими отношения к имущественному или социальному статусу жителей. К ним может относиться необходимость срочного возведения жилищ после прибытия на новое место или же после разрушений². В качестве таковых могут также выступать задачи обороны, диктующие необходимость размещать максимальное количество домов в границах укрепленного периметра и/или пригодных под застройку площадок возвышенной местности.

¹ Так, например, плитовое мощение имела архаическая улица Мирмекия, но лишь на том участке, где она спускалась вниз по подтесанной скале (Бутягин, Чистов. 2015. С. 32).

² Помимо землянок различной формы и заглубленных однокамерных построек типа «дома колониста» в городах Северного Причерноморья примером этому может служить временный возврат к ранним формам жилища Железного века – небольшим одно- и двухкамерным постройкам, а также домам с криволинейным планом в Клазоменах после катастрофических событий во второй пол. VI в. до н. э. (Ersouy. 2007. P. 167–170).

Очевидным примером этому может служить застройка акрополя Пантикапея, и, возможно, Верхнего города Фанагории³. Противоположные наблюдения можно сделать при анализе особенностей планировки жилых домов Березанского поселения, которые в некоторых случаях указывают на поэтапное, и не вполне рациональное освоение хозяевами выделенного им под застройку участка (Чистов. 2017а. С. 146–147).

Важно заметить, что определение границ отдельных домохозяйств практически невозможно, если в реконструируемом районе древнего поселения не раскрыты участки уличной сети. Группировка помещений и дворов в отдельные многокамерные дома редко когда может оказаться достоверной в отсутствие хотя бы фрагментарных сведений о расположении улиц, служивших им внешними границами и определявших расположение входа в каждый из домов. Недостаток таких данных может приводить к ошибкам, в результате которых внутрименовые проходы и части дворов интерпретируются как «переулки», а отдельные постройки, т. е. составные элементы многокамерного домохозяйства, — в качестве изолированных одно- или двухкамерных ойкосов. Кроме того, похожие неточности могут возникать в случае плохой сохранности наземной части многокамерного дома и сравнительно хорошей — его подвальных или полуподвальных помещений⁴.

Несколько ранних построек Синдской гавани, по мнению Е. М. Алексеевой, можно «условно считать однокамерными», хотя в непосредственной близости от них находился и дом (№ 2), состоявший, судя по обрывкам кладок и пятнам полов, из 5–6 объемов (включая крытые помещения и двор) (Алексеева. 1997. С. 16, 283. Табл. 3; Алексеева 2010. С. 473–474. Рис. 4). Возможность одновременного существования в границах компактного участка городской застройки как однокамерных жилищ, так и дома несопоставимо больших размеров и сложности внутренней планировки представляется сомнительной. Намного выше вероятность того, что мы имеем дело с отдельными дошедшими до нас помещениями многокамерных домохозяйств.

³ В силу тех же причин, очевидно, отсутствуют признаки регулярного плана архаической застройки укрепленного холма Калабак-Тепе в Милете (Greaves. 2002. P. 81; Senff. 1995. Abb. 8, 9).

⁴ Наглядные примеры этому тезису можно привести в домостроительстве Березанского поселения, где нередко в границах выделенной и огороженной территории домохозяйства возводились постройки, не имевшие общих стен с другими постройками того же или соседнего дома. Нередко эти сооружения были «полуподвалами», т. е. имели пониженный относительно древней дневной поверхности уровень пола (Чистов. 2017а. С. 145–147. Рис. 8). Если они были бы исследованы на ограниченных участках, не захватывавших внешние границы домохозяйств, мы вполне могли бы интерпретировать их как изолированные однокамерные дома.

Возможно, столь же ошибочно в случае дома с подвалом в Кепак (Сокольский. 1975. С. 615–619; Усачева, Сорокина. 1984. С. 84. Табл. XLIV, 1) его понимание в качестве изолированной жилой постройки площадью всего лишь 15 м², однако с полноценным, поделенным на четыре маленьких отсека подвалом под полом (Журавлев, Кузнецов. 2010. С. 542).

О правомерности группировки в домохозяйства отдельных построек второй половины VI в. до н. э., раскрытых в Верхнем городе Фанагории, можно будет обоснованно судить лишь после появления полной публикации этих материалов. Авторы раскопок, очевидно, склоняются к мнению, согласно которому фактически каждая из раскрытых ими однокамерных построек является отдельным домохозяйством. В двух случаях к таким небольшим постройкам примыкают огороженные дворы (Кузнецов. 2009. С. 193–195; Завойкин, Кузнецов. 2011. С. 190). Однако изданный к настоящему времени план (Завойкин, Кузнецов. 2011. С. 193. Рис. 8) не позволяет сделать однозначный вывод о правильности объемной реконструкции (Кузнецов 2017 С. 53. Рис. 38) этого участка. Нельзя исключить того, что в исследованную территорию попали части сблокированных в квартал многокамерных домов, а кажущаяся изолированность строений является следствием плохой сохранности остатков сырцово-архитектуры.

Таким образом, регулярная планировка, в наилучшей степени исследованная на Березанском поселении, вовсе не была чем-то исключительным для античных колоний Северного Причерноморья архаического периода. Признаки наличия регламентации строительства, а в ряде случаев – и целые участки схожим образом устроенной уличной сети фиксируются при раскопках большинства городских памятников региона, урбанизация которых приходится на вторую половину VI в. до н. э. Для этих планировочных сеток характерно общее направление продольных и поперечных улиц: чаще всего – по сторонам света, но иногда – под 45° относительно широтной и меридиональной осей. Вместе с тем, улицы не были идеально ровными и параллельными, их ширина и направления нередко выдерживались очень приблизительно; отсутствовала унификация формы кварталов и количества домов внутри них. Площади отдельных домов внутри одного квартала, судя по некоторым известным нам примерам (Березань, Мирмекий) могли заметно различаться. По этим показателям планировка Березанского поселения имеет больше общего с планом Старой Смирны архаического периода (Akurgal. 1983. S. 51–56. Abb. 30–31; Lang. 1996. Abb. 10), нежели с линейной сеткой “per strigas” колоний Великой Греции VIII–VI вв. до н. э. (Hoepfner, Schwandner. 1994. P. 2–4).

Период активной урбанизации, формирования уличной сети рассмотренных выше центров Северного Причерноморья укладывается в рамки второй пол. VI в. до н. э., т. е. совпадает по времени с глубокими изменениями в градостроительных традициях греческого мира, выразившихся в развитии концепции общественных пространств и сооружений, роста значимости храмов, формализации архитектурных ордеров. Такие градостроительные концепции, как выделение района агоры и организация регулярной уличной сети, появившиеся в колониях Великой Греции еще в конце VIII–VII вв. до н. э., к этому времени внедряются и в «старых» греческих городах (Moggis. 1998. P. 23, 33–35, 73–74). Градостроительный опыт, полученный в результате колонизационной активности Милета в Причерноморье, вероятно, в свою очередь стал важным источником сложения концепции классической ортогональной планировки в самой метрополии (Greaves. 2002. P. 82).

Литература

- А. П. Абрамов.* Патрей // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. I.
- Е. М. Алексеева.* Раннее поселение на месте Анапы (VI–V вв. до н. э.) // КСИА. 1990. № 197.
- Е. М. Алексеева.* Античный город Горгиппия. М., Эдиториал УРСС, 1997.
- Е. М. Алексеева.* Горгиппия // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. I.
- А. В. Буйских.* О греческой колонизации Северо-западного Причерноморья (новая модель?) // ВДИ. 2013. № 1.
- А. М. Бутягин, Д. Е. Чистов.* Палеорельеф Карантинного мыса и архаическая застройка Мирмекия // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь, 2015.
- М. Ю. Вахтина.* Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор // БИ. 2009. Вып. XXII.
- В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // Боспорские города. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М. – Л., 1952. – (МИА. № 25).
- Д. В. Журавлев, В. Д. Кузнецов.* Кепы // Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. Т. I.
- А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов.* Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 2011. № 4.
- И. Б. Зеест.* К вопросу о городской планировке Гермонассы // История и культура античного мира. М.: Наука, 1977.
- В. Н. Зинько.* Тиритака. Раскоп XXVI. Симферополь – Керчь, Центр археологических исследований «Деметра», 2014. Т. II. – (БИ. Supplementum 11).
- В. Н. Зинько.* Жилые дома боспорского города Тиритака в графических реконструкциях // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). К.: Стародавній світ, 2017.
- С. Д. Кржицкий.* Жилые ансамбли древней Ольвии. К.: Наукова думка, 1971.

- С. Д. Крыжицкий.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. К., Наукова думка, 1993.
- С. Д. Крыжицкий, А. С. Русяева.* Найдавніші житла Ольвії // Археологія. 1978. Вип. 26.
- В. Д. Кузнецов.* Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Вып. 1.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория в архаическое время // Пятая кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- В. Д. Кузнецов.* Фанагория – столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. 1.
- В. Д. Кузнецов.* Великая греческая колонизация и основание Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки. М., ГМИИ им. А. С. Пушкина; Государственный музей-заповедник «Фанагория»; Институт археологии РАН, 2017.
- И. Д. Марченко.* О планировке Северного склона Пантикапея (К проблеме изучения агоры) // СА. 1979. № 2.
- И. Д. Марченко.* Раскопки Пантикапея в 1965–1972 годах // СГМИИ. 1984. Вып. VII.
- Н. М. Секерская.* Никоний // Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины). Одесса, СМІЛ, 2013.
- Н. И. Сокольский.* Новые раскопки в Кепях // Actes de la XII conference Internationale d'études classiques "Eirene", Cluj – Napoca, 2–7 Octobre, 1972. Amsterdam, 1975.
- В. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева.* Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. По материалам исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ имени А. С. Пушкина на горе Митридат. М., Изд-во «Перо», 2017.
- О. Н. Усачева, Н. П. Сорокина.* Кепы // Античные Государства Северного Причерноморья. М., Наука, 1984.
- М. М. Худяк.* Из истории Нимфея VI–III веков до н. э. Л., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
- Д. Е. Чистов.* Урбанизация архаического Нимфея // Перипл: от Борисфена до Боспора. ТГЭ. 2017. Т. 88.
- Д. Е. Чистов.* Жилое домостроительство Березанского поселения второй половины VI – первой половины V в. до н. э. // Археологические вести. 2017а. № 23.
- Д. Е. Чистов.* Землянки архаической Березани // Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С. Д. Крижицького). К., Стародавній світ, 2017б.
- Д. Е. Чистов., Ю. И. Ильина.* Исследования экспедиции Гос. Эрмитажа на острове Березань в 2015 году // АСГЭ. 2017. Т. 41.
- E. Akurgal.* Alt-Smyrna I. Wohnschichten und Athenatempel. Ankara, 1983.
- P. Auberson, Fr. Villard, G. Vallet.* Mégara Hyblaea. 1. Le quartier de l'agora archaïque. Rome, École Française de Rome, 1976.
- A. Bujskikh.* From Dugouts to Houses: Urban Development in Late Archaic Olbia Pontica // Caiete ARA. 2017. Vol. 8.

- A. Bujskikh, D. Chistov.* Architectural Details and Monumental Buildings at Borysthenes // *Caiete ARA*. 2018. Vol. 9.
- A. Butyagin.* Archaic Myrmekion // *Greeks and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC*. Proceeding of the International Conference October 2000, Taman, Russia. Oxford, 2007. – (BAR International Series. 1729).
- D. Chistov.* The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localisation // *The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC – 10th Century AD)*. Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. London, Archaeopress, 2015.
- D. Chistov, V. Krutilov.* The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement // *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov Herausgegeben von Nikolai Povalachev*. Göttingen, Cuvillier Verlag, 2014.
- Y. Ersoy.* Notes on History and Archaeology of Early Clazomenae // *Frühes Ionien. Eine Bestandsaufnahme, Panionion-Symposium Güzelcamli 26. September – 1. Oktober 1999*. Mainz, 2007. – (Milesische Forschungen. Bd. 5).
- A. M. Greaves.* Miletos: a history. London; New York, Routledge, 2002.
- W. Hoepfner, E-L. Schwandner.* Haus und Stadt im klassischen Griechenland. München, Deutscher Kunstverlag, 1994.
- F. Lang.* Archaische Siedlungen in Griechenland: Struktur und Entwicklung. Berlin, Akademie Verlag, 1996.
- F. Lang.* Structural Change in Archaic Greek Housing // *Ancient Greek houses and households: chronological, regional, and social diversity*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2005.
- G. Metraux.* Western Greek land-use and city-planning in the Archaic period. New York – London, Garland Publishing, 1978.
- Y. Morris.* Archaeology and Archaic Greek history // *Archaic Greece: new Approaches and new Evidence*. London, Duckworth, 1998.
- R. Senff.* Die Grabung am Kalabaktepe // *Archäologischer Anzeiger*. 1995.
- S. L. Solovyov.* Ancient Berezan. The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden, Brill, 1999. – (Colloquia Pontica 4).
- A. Twarddecki.* The Ancient site of Tyritake in the Cymmerian Bosphorus. Polish excavations 2008–2013 // *Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus*. Warsaw, The National Museum in Warsaw, 2014.
- A. Twarddecki.* Polish excavations at Tyritake 2008–2014. A small revolution in archaic architecture // *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches*. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015. Oxford, Archaeopress, 2016.
- M. Ju. Vakhtina.* Archaic buildings of Portmion // *The Cauldron of Ariantas, Studies Presented to A. N. Seeglov on the Occasion of His 70th Birthday*. Aarhus, Aarhus University press, 2003. – (Black Sea Studies. Vol. 1).

В. Ю. Зуев

Первая серия зеркал борисфенитского типа

*Памяти друга, коллеги, соавтора
Игоря Анатольевича Бажана (1957–2018) посвящаю*

В прошлом году мною была предложена новая типология зеркал борисфенитского типа, которая охватывает 143 находки подобных зеркал в евразийском ареале степной зоны от Приуралья, Кавказа до Трансильвании и на юге – до Киренаики на побережье Африки. Эти зеркала распределены на шесть серий, выпускавшихся, как я предполагаю, мастерскими города Борисфен на острове Березань, в основной своей массе, на протяжении полувека от середины до конца VI в. до н. э. (Рис. 1. Зуев. 2017. С. 144–154)¹. Здесь публикуются зеркала первой серии борисфенитского типа. Это зеркала с бортиком по краю диска и многоствольной рукоятью, декорированной гравировками и инкрустациями другими металлами под образ колонны с капителями. В месте крепления диска к рукояти находится либо сложный по форме элемент, отдалённо напоминающий азиатские капители с рогатыми головками животных по краям, либо капитель ионического ордера. На конце рукоятей зеркал первой серии находится либо головки быка или баранов, либо орнаментальный элемент с солярными гравировками (Рис. 1, 1–3). К моменту написания этой статьи известно два варианта зеркал, объединяемых мною в первую серию (Рис. 2, 1–9). Они слишком тесно связаны между собой, чтобы говорить о разнице серий, но и заметно отличаются в деталях. Возможно, мы просто пока не имеем материала для более уверенного разделения зеркал первой серии на самостоятельные группы, учитывая ещё пять серий зеркал борисфенитского типа. Вероятно также, что это результат первых поисков серийного изготовления зеркал, которые, как я полагаю, производились в мастерских полиса «Торжища борисфенитов». И отличие вариантов между собой – свидетельство этого творческого поиска. К первому варианту

¹ Постерная презентация типологии была представлена на конференции: «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики», посвящённой 70-летию Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН, 13–14 ноября 2017 г. (<http://scythia-sarmatia.ru/publish/>). Обсуждение типологии борисфенитских зеркал было проведено на заседании международной научной конференции «Иранский мир II–I тыс. до н. э.: модели инкультурации», посвящённой памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского в Институте востоковедения РАН 28 ноября 2017 г. Публикация текста состоялась в Киеве в сборнике, посвящённом 90-летию членкорреспондента НАН Украины С. Д. Крыжицкого. На момент публикации типологии было известно 141 зеркало.

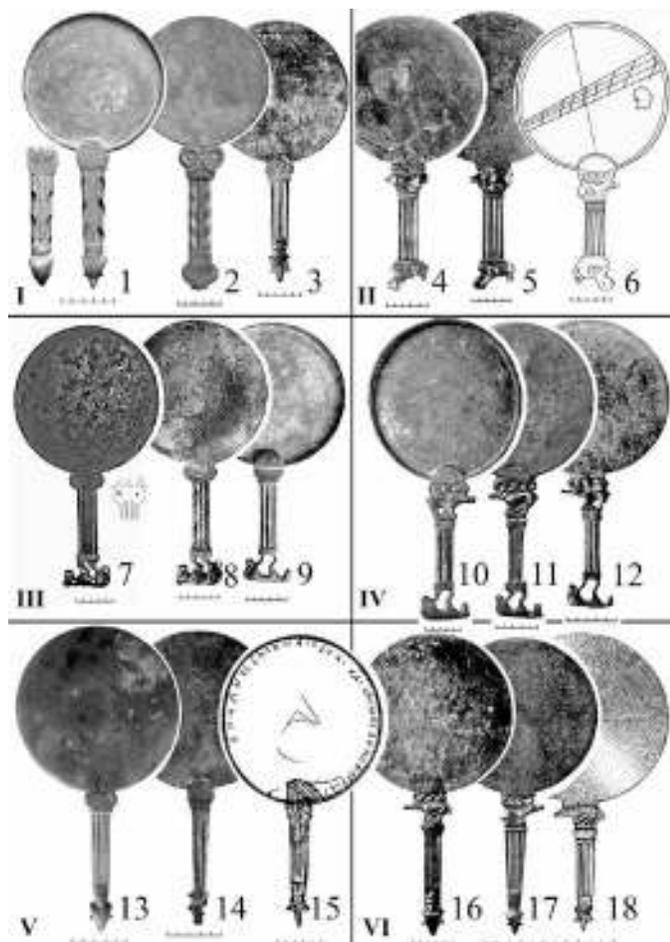

Рисунок 1. Шесть серий зеркал борисфенитского типа: I – *первая серия*: 1 – Краснодарский край, Россия, сл. находка 2016 г.; 2 – Хмельницкая область, Украина, сл. находка 2016 г.; 3 – Россия. Эрмитаж, ОАМ. Инв. № 2247, сл. находка (коллекция Юргевича). II – *вторая серия*: 4 – Нальчик, Россия, сл. находка 1913; 5 – Бостон. США, Музей изящных искусств. Инв. № 621189, сл. находка; 6 – Березань. Россия. Эрмитаж, ОАМ. Инв. № В. 2823, сл. находка (Коллекция И. И. Толстого); III – *третья серия*: 7 – с. Крымгиреевское, Россия, сл. находка 1885, сл. находка; 8 – Керчь, Украина, сл. находка 2003 г.; 9 – Сечени, случайная находка 1937 г. (?). IV – *четвертая серия*: 10 – Тузла. 1911 г. Некрополь, погребение 55; 11 – Мухи-Коксмадомб (Борсол), сл. находка 1931–1932 г.; 12 – Ольвия. Россия. 1912 г. Могила 36. V – *пятая серия*: 13 – с. Маков, Украина, сл. находка (Архив КСАН, папка 17–113); 14 – Ольвия. Россия. 1915 г. Могила 33; 15 – Ольвия, Россия, сл. находка (Эрмитаж. ОАМ. Инв. № О. 16964). VI – *шестая серия*: 16 – Ольвия. Россия. 1912 г. Могила 64; 17 – Ольвия. Россия. 1914. Могила 18; 18 – Ольвия, Россия, сл. находка (ОМ. № 1083–1060)

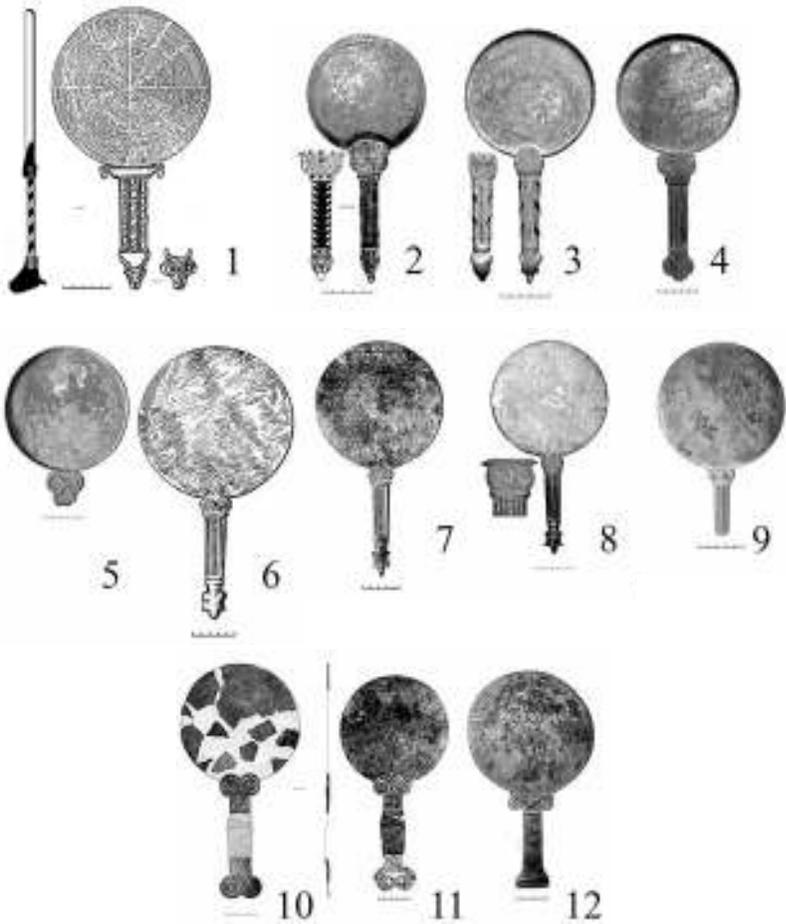
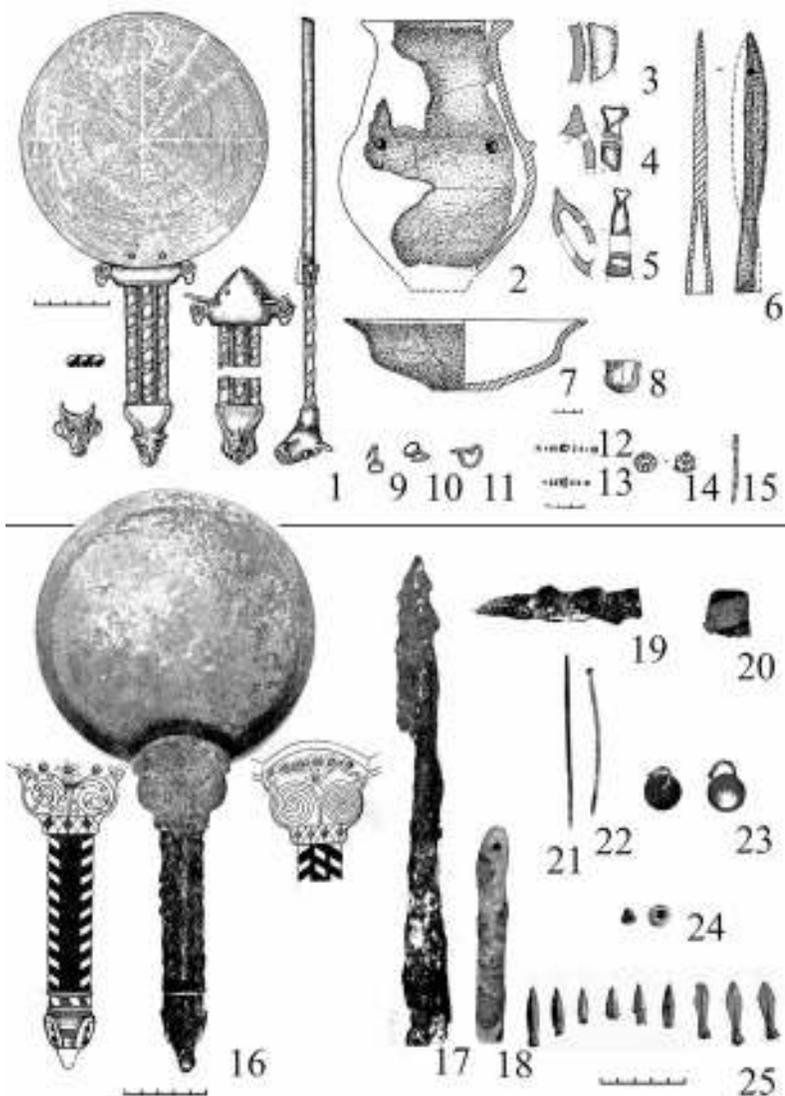

Рисунок 2. Два варианта первой серии зеркал борисфенитского типа (1–9) и серия зеркал с плоскими дисками и рукоятями в виде колонн (10–12): 1 – *первый вариант*: с. Шутновцы, Каменец-Подольского района Хмельницкой области Украины. Курган 1. 1996 г. 2–9 – *второй вариант*: 2-с. Братышево в Польше (ныне Тлумачский район Ивано-Франковской области Украины). Курган II. 1934 г.; 3 – Краснодарский край, Россия, сл. находка 2016 г.; 4 – Хмельницкая область Украины, сл. находка 2016 г.; 5 – Крым, Россия, сл. находка 2017 г.; 6-с. Мачуха (урочище Таранов яр), Полтавского района, Полтавской области, УССР. Курган № 18, погребение 1. 1926 г.; 7 – Россия. Эрмитаж, ОАМ. Инв. № 2247, сл. находка (коллекция Юргевича); 8 – г. Городок. Хмельницкая область, Украина, сл. находка 2015 г.; 9 – Харьковская обл. Украины, сл. находка 2015 г. 10–12 – *серия зеркал с плоскими дисками и рукоятями в виде колонн*: 10 – Ольвия. Россия. Некрополь. Могила 5. 1905 г.; 11 – с. Басовка, Роменского уезда Полтавской губернии, Россия. Курган 6. 1899 г.; 12 – с. Журовка (урочище Криворуково) Чигиринского уезда Киевской губернии, Россия. Курган 404. 1903 г.

относится одно зеркало, найденное в кургане 1 у с. Шутновцы 1996 г. находки (Рис. 2, 1). Ко второму варианту – восемь экземпляров зеркал (Братышев, курган II 1934 г.; Краснодарский край, случайная находка 2017 г.; Хмельницкая область, случайная находка 2016 г.; Крым, случайная находка 2017 г.; с. Мачуха, Полтавской области, курган 18, по-

Рисунок 3. Зеркала первой серии: 1–15 – с. Шутновцы, Каменец-Подольско-го района Хмельницкой области Украины. Курган I. 1996 г. 1 – Бронзовое зеркало с железной рукоятью; 2 – чернолощёная корчага; 3–5 – фрагменты ручек трёх черпаков; 6 – железный наконечник копья; 7 – сероглиняная миска; 8 – глиняная чарка; 9, 10 – бронзовые гвоздевидные серёжки; 11 – электровая гвоздевидная серёжка; 12 – более 300 каолиновых бусин с платя погребённой; 13 – каолиновые бусины из погребальной камеры; 14 – стеклянная бусина с девятью шишковидными выступами; 15 – обломок бронзовой шпильки (по: Гуцал, Гуцал. 2009). 16–25 – с. Братышево в Польше (ныне Глумачский район Ивано-Франковской области Украины). Курган II. 1934 г. 16 – Бронзовое зеркало с железной рукоятью; 17 – железный наконечник копья; 18 – каменный оселок; 19 – лезвие железного ножа; 20 – бронзовая ворворка; 21 – бронзовая игла; 22 – бронзовая булавка; 23 – электровые гвоздевидные серёжки; 24 – стеклянные и костяные бусины; 25 – двухлопастные с жальцами и трёхлопастные бронзовые наконечники стрел (по: Reichl. 1936)

гребение 1 1926 г.; зеркало из коллекции В. Н. Юргевича; г. Городок, Хмельницкой области, случайная находка 2015 г.; Харьковская область, случайная находка 2015 г. Рис. 2, 2–9). Три из них обнаружены в погребальных комплексах, и шесть относятся к категории случайных находок. Я говорю о вариантах, а не о подражаниях именно потому, что считаю эти зеркала выполненными греческими мастерами и не вижу в них участия скифских мастеров или проявления заказа со стороны скифов, как это предполагает Т. М. Кузнецова. Их вариативность я считаю результатом творческих поисков мастеров ионийской школы литья. Главным был общий образ сверкающего бронзового диска над рукоятью-колонной с богатой по декору капителью, конец которой украшен жертвенными головками быка или баранов. Этой идее была подчинена ещё одна серия зеркал, очень близкая зеркалам борисфенитского типа, но отличающаяся от него тем, что диски зеркал этой серии не имели бортиков по краю. Эта серия зеркал представлена тремя экземплярами, найденных в Ольвии, в 1905 г., в могиле 5; в кургане 6 у с. Басовка, Роменского уезда в 1899 г.; и в кургане 404 у с. Журовка (урочище Криворуково), раскопанном в 1903 г. (Рис. 2, 10–12)². Формально эти зеркала не входят в серию зеркал борисфенитского типа. Но подчинённость их общей программе изготовления с зеркалами пер-

² Появление категории «варианты зеркал» объясняется уточнением данных о раскопках в 1905 г. могилы № 5 в Ольвийском некрополе Н. И. Репниковым. Долгие годы была известна лишь фотография бронзовой накладки с рукояти зеркала. Благодаря любезности Ю. И. Ильиной, хранителя ольвийской коллекции Государственного Эрмитажа, стало возможным ознакомление с зеркалом и уточнение его характеристик. Публикации самостоятельной серии зеркал, которой принадлежит это ольвийское зеркало, посвящена отдельная работа.

вой серии борисфенитского типа, одновременность их изготовления с зеркалами первой серии (вторая половина VI в. до н. э.), конструктивные особенности (сочетание железных рукоятей и бронзовых деталей зеркал) делают эти зеркала важным сопутствующим материалом, характеризующим предполагаемый производственный центр – Борисфен как один из самобытных сосуществующих центров производства бронзовых зеркал эпохи архаики, наряду с ионийскими центрами Малой Азии, островом Эгина, Спартой, Коринфом, Атикой и городами Южной Италии (Билимович. 1976. С. 33). Производственный центр в Борисфене специализировался на выпуске зеркал, боковая рукоять которых так или иначе восходила к образу колонн – типично ионийской художественной идее: солнечный диск над колонной – символом священной рощи, в которой обитают боги и их священные животные, о чём речь ещё впереди.

1. Бронзовое зеркало из кургана 1 в могильнике у с. Шутновцы, Каменец-Подольского района Хмельницкой области Украины, найдено было в 1996 г. (Гуцал. 2007. С. 62–64; А. Гуцал, В. Гуцал. 2009. С. 125–134; А. Гуцал, В. Гуцал, Могилев. 2012. С. 141–153; Зуев. 2017. С. 147. Рис. 1, 1; Кузнецова. 2010. С. 197–198; Mogylov. 2013. P. 203–214).³ Оно своеобразно по форме, но, несомненно, относится к борисфенитскому типу зеркал (Кузнецова. 2010. С. 197). Зеркало имеет диск с бортиком по краю. С лицевой стороны зеркала диск опирается на бронзовую брусковидную капитель, украшенную по бокам головками баранов. Выше капители на диске – две заклёпки. С оборотной стороны брусок капители отлит с треугольным выступом вверх, в котором видны также две заклёпки, которыми диск зеркала прикреплён к выступу капители. Ствол рукояти откован в виде трёх круглых железных колонок, которые инкрустированы перевивающей их бронзовой лентой, поднимающейся вверх под углом от низа левой колонки к верху правой колонки. Колонки вставлены в паз капители, а снизу на них одета отлитая отдельно бронзовая головка быка. Общая высота зеркала 36,5 см. Диаметр диска 20,5 см. Длина рукояти 16 см. Ширина рукояти 3 см (Рис. 2, 1; Рис. 3, 1).

Датировка зеркала, предложенная А. Ф. Гуцалом, – конец VII – начало VI в. до н. э. – дискуссионна. Т. М. Кузнецова считает её слишком ранней, исходя из своих представлений о времени прихода скифов в Северное Причерноморье после 585 г. до н. э. (Кузнецова. 2010. С. 197). Вряд ли это рассуждение можно считать серьёзным контраргументом. Существеннее

³ В своих работах о зеркалах Т. М. Кузнецова постоянно путает русский и украинский языки. Поэтому этот памятник она называет Шутнивцами.

другое. Датировка зеркала определена Гуцалами исходя из общей даты могильника. Из семи курганов могильника инвентарь только одного погребения в кургане 3 по составу стрелкового набора и наличия железных панцирных пластин сопоставляется с курганами Келермеса. С рукоятями мечей из Келермеса Гуцалы сравнивают и сечение рукояти зеркала из Шутновцов (А. Гуцал, В. Гуцал. 2009. С. 132–133). Кроме того, эти исследователи признают, что курганы у Шутновцов и у Братышева являются синхронными. Они ссылаются на то, что в стрелковом наборе из кургана II в Братышево, где также найдено зеркало первой серии борисфенитского типа, происходят двулопастные бронзовые наконечники стрел с жальцами (Рис. 3, 25), которые, по их мнению, характерны только для колчаных наборов VII в. до н. э. (А. Гуцал, В. Гуцал. 2009. С. 130). Глиняная биконическая корчага из погребения в кургане 1 у с. Шутновцов (Рис. 3, 2) сопоставляется Гуцалами с корчагой из 3 Долинянского кургана последней четверти VII в. до н. э. (Смирнова. 1993. С. 109, 111. Рис. 4, 6). Само зеркало исследователи считают произведением местных скифских мастеров, выразивших в декоре зеркала культовые традиции земледельцев Поднепровья раннего железного века. То есть они не считают зеркало произведением греческих колонистов.

Несомненным в трактовке зеркала из кургана 1 у с. Шутновцов А. Ф. и В. А. Гуцалами мне представляется их возражения Т. М. Кузнецовой по поводу её идеи, что этот ритуальный предмет – протопатера. Этому противоречит не только мелкость объёма оборотной стороны диска с бортиком, высотой 0,7 см, но и то, что этот «сосуд» протекал бы в месте крепления с рукоятью (А. Гуцал, В. Гуцал. 2009. С. 133).

Что касается датировки, то я считаю, указанные авторы исчерпали все аргументы для удревнения зеркала из Шутновцов до рубежа VII–VI в. до н. э., но от этого дата не выглядит убедительной. В состав комплекса из кургана 1 в Шутновцах не входит ни одного предмета, имеющего несомненную дату VII в. до н. э. Там нет двулопастных наконечников стрел, которые хорошо известны в смешанных стрелковых наборах середины VI в. до н. э. Относительно керамического набора (биконическая корчага, миска, черпаки – Рис. 3, 2, 3–5, 7, 8), следует заметить, что эти сосуды являются постоянным набором скифского горизонта захоронений, к примеру, Каменноостского могильника на Северном Кавказе, которые бытуют и в середине VI в. до н. э., погребальный обряд которого перекликается с захоронениями в курганном могильнике у с. Шутновцы (Зуев. 2014. С. 66–94). Справедливо считая курганы у с. Шутновцы и у Братышево синхронными, исследователи впадают в противоречие, поскольку датировка последних комплексов несомненно относится к середине VI в. до н. э. В самом

комплексе из кургана 1 у с. Шутновцы они проигнорировали вопрос о датировке гвоздевидных подвесок-«серёг» (Рис. 3, 9–11), типология и хронология которых хорошо разработана на материалах Правобережного Поднепровья и некрополя Ольвии. В литературе хорошо известно более десятка комплексов типа кургана 100 («Могилы Терновки») у с. Синявка, или кургана 447 у с. Журовка Черкасской области, где эти подвески-«серьги» надёжно датированы материалами античного импорта (Петренко. 1978. Табл. 16, 48–59; Ковпаненко. 1981; Скуднова. 1988; Клочко. 2016. С. 106. Рис. 4, 1–6).

При этом я тоже считаю, что своеобразное зеркало из кургана 1 у с. Шутновцы является одним из самых ранних в серии зеркал борисфенитского типа (Рис. 3, 1). Но не сделанным скифскими мастерами Поднепровья, а исполненным ионийскими литейщиками и привезённым в Скифию через «торжище борисфенитов». Доказать его производство в Борисфене пока невозможно, в виду единичности зеркала с таким оформлением. Но то, что это продукция мастера, сформированного в рамках ионийской культурной традиции, для меня представляется несомненным.

2. В 1934 г. были произведены раскопки курганов у с. Братышево в Польше (ныне Тлумачский район Ивано-Франковской области Украины). В кургане № II найдено бронзовое зеркало с инкрустированной рукоятью борисфенитского типа (Рис. 3, 16). Диск зеркала имеет скошенный под углом кверху бортик, как у зеркала из Шутновцов. Рукоять трактована в форме колонны. Место крепления диска с рукоятью выполнено в форме бронзовой декоративной капители ионического стиля. Это навершие богато украшено гравировками растительных мотивов и цветов, рисунок которых различается на внешней и оборотной сторонах рукояти. Ствол рукояти составлен из трёх железных круглых колонок, откованных в ряд, инкрустированных бронзовыми лентами. На внешней стороне инкрустации имеются на крайних колонках в виде лент, идущих под углом друг к другу. На оборотной стороне центральная и правая колонки обвиты лентами в одном направлении, а левая колонка – в противоположном направлении. На конец рукояти надета отдельно отлитая головка барана, загривок и лоб которого на лицевой стороне зеркала покрыт гравированным геометрическим орнаментом. Техника изготовления рукояти идентична рукояти зеркала из Шутновцов. Только в Братышево переход от диска к рукояти оформлен в виде ордерной ионийской капители. Диаметр диска 18,7 см. Высота бортика 1,5 см. Длина рукояти 18,3 см. Ширина рукояти 2,8 см. Общая высота зеркала 34,8 см⁴.

⁴ Т. М. Кузнецова пишет, что зеркала из Братышевских курганов недоступны для изучения, поскольку хранятся где-то в Польше (Кузнецова. 2010. С. 189). Это не так. Матери-

В отношении его принадлежности к ионийской художественной традиции убедительно писали большинство исследователей (Бондарь. 1955. С. 70. Рис. 6 а; Мелюкова. 1958. С. 44. Рис. 8, 1; Oberländer. 1967. S. 72. № 104; Reichl. 1936. S. 151–152. Taf. V, 1; Кузнецова. 2002. С. 166. Карта 12. № 87. Табл. Б. № 87. С. 210. Карта 14. № 87. С. 234. Алф. ук. пам. № 87. С. 255. Кат. 1. № 53. С. 283. Кат. 1. № 53. С. 304. Кат. 1. № 53; Tézer. 2005. P. 19, P. 30. Fig. 3, P. 36. Pl. 10. 5 b; Кузнецова. 2010. С. 189, 197–199. Табл. 129. № 87. Алф. ук. пам. № 87. С. 288. Кат. 1. № 53. С. 313. Кат. 1. № 53. С. 358. Кат. 1. № 53. С. 370;). Скифской работой это зеркало считала только В. М. Скуднова (Скуднова. 1962. С. 21). Т. М. Кузнецова подвергла критике мнение В. М. Скудновой (Кузнецова. 2010. С. 197), но сама предположила, что зеркало изготовлено в Поднестровье заезжим греком в сотрудничестве с местным кузнецом (Кузнецова. 2010. С. 198). Хронологическая позиция курганов у с. Братышево определяется серединой VI в. до н. э.

3. В 2016 г. стала известна случайная находка бронзового зеркала из Краснодарского края (Зуев. 2017. С. 146, 147. Рис. 1, 3). Зеркало было повреждённым (пробит диск примерно посередине). Оно подверглось реставрации и продано в частную коллекцию (Архив КСАН № Папка 17–943). В подлинности зеркала нет оснований сомневаться: оно выполнено технологически в той же традиции, что и зеркала из Шутновцов и Братышево, отличаясь от них только тем, что инкрустированная рукоять целиком отлита из бронзы и инкрустирована полосками лент из серебра. Сравнение гравировок этого зеркала с гравировками зеркала из кургана II в Братышево говорит в пользу подлинной самостоятельной работы древнего мастера. Зеркало имеет диск с бортиком по краю, который крепится двумя заклёпками к бронзовой капители ионийской растительной волюты, имеющей на лицевой стороне тщательно проработанный гравировкой орнамент. Капитель отлита в одной форме с рукоятью в виде трёх круглых колонок в ряд. Крайние колонки обвиты тремя серебряными лентами под углом друг к другу, сходясь к средней колонке. Средняя колонка имитирована как самостоятельный элемент: от крайних колонок она отделена псевдожелобками, покрытыми косыми насечками, а ствол её украшен парными горизонтальными насечками. Внизу рукоять через валик с вертикальными насечками переходит в головку барана, отлитую в одной форме вместе с рукоятью. Диаметр диска 12,7 см. Высота бортика 0,7 см. Длина рукояти 14,4 см. Ширина рукояти 2,3 см. Длина головки барана с насадом 3,4 см. Ширина рогов головки барана 2,5 см. Общая высота зеркала 24,5 см (Рис. 4, 1).

алы раскопок братышевских курганов хранятся в Тернопольском историко-краеведческом музее на Украине с момента их поступления в музей в 1934 г. (Шовкопляс. 1951. С. 240).

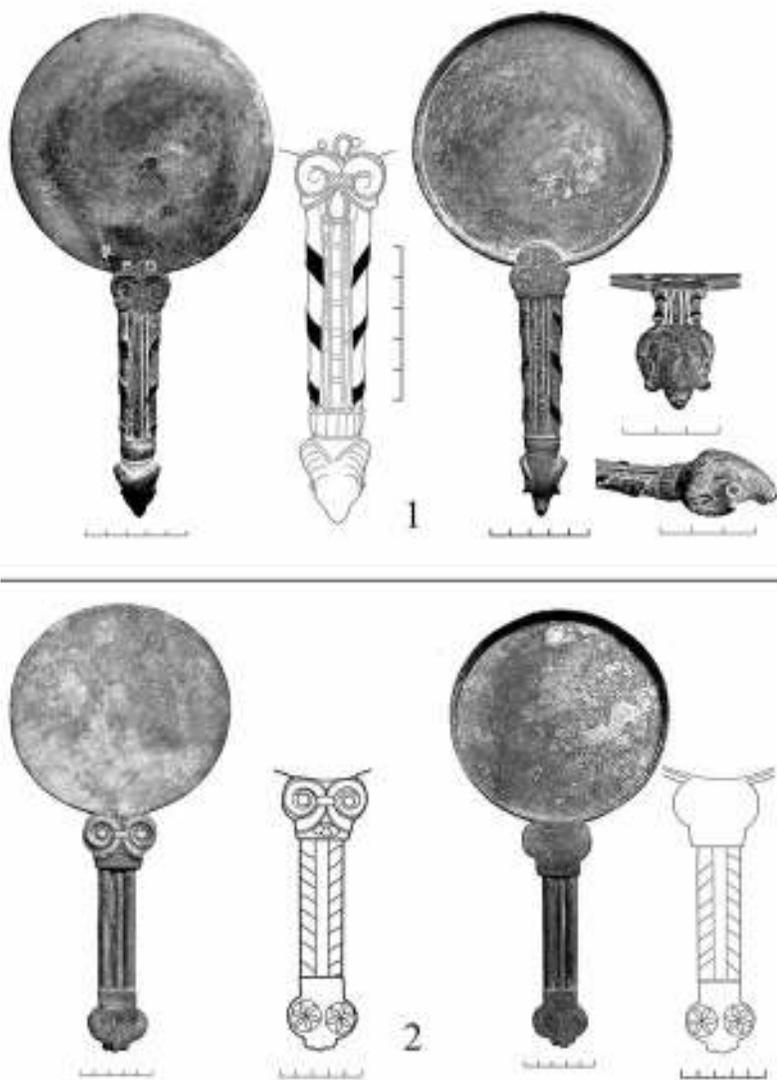

Рисунок 4. Зеркала первой серии: 1 – Краснодарский край, Россия, сл. находка 2016 г. Бронзовое зеркало с гравированной ионийской капителью на верху рукояти и головкой барана; 2 – Хмельницкая область, Украина, сл. находка 2016 г. Бронзовое зеркало с литой ионийской капителью на верху рукояти и насадом с гравированными солярными знаками

На краснодарском экземпляре мы видим явное упрощение технологии изготовления рукояти зеркала: она повторяет форму составных рукоятей зеркал из Шутновцов и Братышево, но выполнена единой отливкой, которая затем была украшена инкрустацией и с лицевой стороны – гравированным орнаментом. Краснодарское зеркало 2017 г. имеет очень важное значение для рассмотрения первой серии зеркал борисфенитского типа как единой, постепенно развивающейся художественной серии предметов декоративного искусства. Оно перекликается как с зеркалами, у которых часть рукояти делалась из кованого железа, так и с зеркалами этой серии, которые целиком отлиты из бронзы. К сожалению, из-за потери археологического контекста это зеркало трудно датировать однозначно, но по совокупности всех деталей оно может быть отнесено к середине VI в. до н. э.

4. Выразительные капители ионического ордера фиксируются на ряде рукоятей зеркал. Одно из них случайно найдено в 2016 г. в Хмельницкой области Украины (Архив КСАН № 21–996; Зуев. 2017. С. 147. Рис. 1, 4). Зеркало имеет диск с бортиком по краю, который сужается кверху. Диск припаян кверху ионической капители с односторонним изображением на лицевой стороне в виде двух завивающихся побегов, перехваченных горизонтальной лентой в месте соприкосновения завитков. Под перехватом изображена трёхлепестковая пальметта. Обратная сторона капители совершенно гладкая, без изображений. Рукоять образуют три вертикальные колонки, отлитые из бронзы с капителью в одной форме. Сечение крайних колонок круглое, а средней колонки – ромбовидное с хорошо выделенной гранью. На крайних колонках имеются насечки разметки для лент, обвивающих колонки под углом друг к другу. Но самой инкрустации нет – имеется только разметка. Средняя колонка не имеет никаких изображений. Сложную форму имеет низ рукояти, отлитый в одной форме с нею. Прямоугольный «насад» переходит в овал, на котором посередине имеются два шарика и чуть более длинный прямоугольный выступ. В овал с двух сторон врезаны окружности с характерным геометрическим солярным орнаментом – шестилепестковой розеткой в центре каждой окружности. Диаметр диска зеркала 15,5 см. Высота бортика 0,9 см. Длина рукояти 16,6 см. Капитель вверху рукояти шириной 5,2 см. Высота капители – 3,7 см. Ширина трёхрёберной рукояти 2,5 см. Ширина нижнего элемента с солярными знаками – 4,3 см. Высота – 4,5 см. Общая высота зеркала 31,1 см (Рис. 4, 2). Это зеркало очень близко по своим формам описанным выше зеркалам первой серии. На основании отмеченного сходства его тоже можно датировать второй половиной VI в. до н. э.

5. Другое зеркало с бронзовой капителью, венчающей железную рукоять, было найдено случайно в Крыму в 2017 г. (Архив КСАН № 18–44). Оно имеет большое значение для осознания серийности производства ранних зеркал борисфенитского типа, хотя и относится к случайным находкам, лишённым археологического контекста. Диск зеркала имеет бортик по краю, который припаян к волоте навершия рукояти в виде капители такого же образца, как на зеркале из Хмельницкой области, как у зеркал с комбинированными (бронзово-железными) рукоятями, зеркал из Ольвии и найденного у с. Басовки Роменского уезда, о которых речь ещё впереди. Зеркало из Крыма сохранило диск с прямым бортиком по краю и навершие рукояти, состоящее из украшения верха в виде бронзовой капители и железного стержня самой рукояти, сохранившейся фрагментарно в месте крепления с навершием. Капитель с односторонним изображением в виде двух завивающихся побегов, перехваченных горизонтальной лентой в месте соприкосновения завитков. Под перехватом изображена трёхлепестковая пальметта. Диаметр диска 16,2 см. Высота бортика 0,8 см. Ширина капители 5 см, высота – 4 см. Видимая ширина железной части рукояти 2 см (Рис. 5, 1).

Если рассматривать сохранившиеся зеркала как нечто единое, как серию, то легко убедиться, что в ней отражены некоторые закономерности развития в трактовке художественных деталей. Так, если зеркало из Братышева (Рис. 3, 16) имеет в месте крепления диска с рукоятью гравированный орнамент в виде связки растений, расходящихся под диском на две стороны, то на Краснодарском зеркале (Рис. 4, 1) мы видим уже гравировку капители, составленной из завитков с горизонтальной лентой, украшенной двумя крестиками, которая перехватывает побеги в месте их соприкосновения. Эта схема в точности повторяется и на рельефных литых композициях капителей из Хмельницкой области (Рис. 4, 2), из Крыма (Рис. 5, 1), на капителях зеркал из Ольвии (Рис. 2, 10) и Басовки (Рис. 2, 11). При разности их исполнения как по технике, так и по трактовке – весьма наглядна общая идея, положенная в основу образа. Условно говоря, одна мастерская. Возможно, в перспективе эта серия зеркал разобьётся на какие-то более близкие группировки (не будем забывать о случайности отбора материала для классификации), но сейчас эта серия хорошо отличима от других пяти серий зеркал борисфенитского типа и подражаний им. Наблюдения за трактовкой капителей в месте крепления дисков зеркал к рукоятям позволяет увидеть ещё одну тенденцию, которую можно назвать либо линией развития, либо постепенным размытием образа до потери осмысления, что перед нами капитель. Эту тенденцию демонстрируют зеркала из Мачухи (Рис. 2, 6), березанское, или ольвийское зеркало

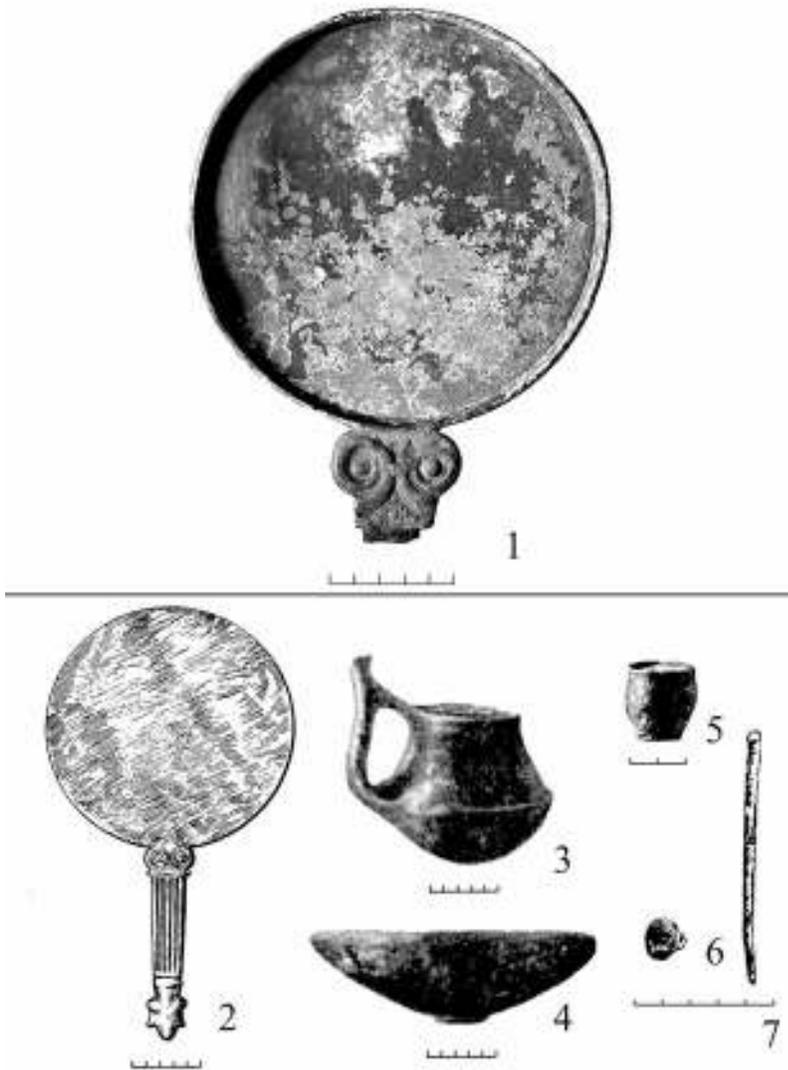

Рисунок 5. Зеркала первой серии: 1 – Крым, Россия, сл. находка 2017 г. Бронзовое зеркало с литым навершием в виде ионийской капители для железной рукояти; 2–7 – с. Мачуха (урочище Таранов яр), Полтавского района, Полтавской области, УССР. Курган № 18, погребение 1. 1926 г. 2 – Бронзовое зеркало и ионийской капителью на навершии рукояти и головкой барана не конце (по: Бондарь. 1955); 3 – чернолощёный черпак с высокой ручкой; 4 – сероглиняная миска на кольцевом поддоне; 5 – глиняная чарка; 6 – бронзовая гвоздевидная серёжка; 7 – бронзовая булавка (по: Ковпаненко. 1981)

по происхождению из коллекции В. Н. Юргевича (Рис. 2, 7), зеркало, найденное у г. Городок (Рис. 2, 8) и зеркало из Харьковской области (Рис. 2, 9). Мы видим, как постепенно на этих зеркалах начинает размываться и теряться идея капители как орнаментального элемента декора зеркал этой серии и заменяться декоративным орнаментом «точка в кружочке», которая хорошо известна на зеркалах других серий типологии борисфенитских зеркал.

б. Бронзовое зеркало с капителью в месте крепления диска и рукояти происходит из комплекса, раскопанного Н. Я. Рудинским в 1926 г. у с. Мачуха (урочище Таранов яр), Полтавского района, Полтавской области. В кургане № 18, погребении 1 было найдено бронзовое зеркало с диском и небольшим бортиком по краю (высота – 0,5 см) и боковой ручкой. В месте крепления диска к рукояти находится капитель, украшенная воллотой, от которой вниз по рукояти идут четыре желобка, разделяя пять тонких колонок. На нижней части рукояти – скульптурная головка барана. Диаметр диска 14 см. Длина рукояти 12,2 см. Ширина рукояти 2,5 см. Общая высота зеркала 26, 2 см (Рис. 5, 2).

Погребальный инвентарь состоял из серой миски с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне (Рис. 5, 4), чернолощёного черпака с резким ребром по тулову и отставленной и вытянутой вверх рукоятью (Рис. 5, 3), а также небольшого горшочка баночной формы – чарочки (Рис. 5, 5). Кроме этого, в инвентарь входила бронзовая булавка с шишечкой наверху (Рис. 5, 7) и бронзовая височная гвоздевидная подвеска (Рис. 5, 6), аналогичная подвескам из Шутновцов и Братышево (Рудинский. 1928. Т. I. С. 44–51. Табл. VII. Рис. 12; Рудинский. Науковий архів ІА НАН України. № Р/1–4; Рудинский. 1949. 53–79). Инвентарь типичный для погребений второй половины VI в. до н. э.

Зеркало из Мачухи известно в литературе, в основном, по рисунку Н. Н. Бондаря (Бондарь. 1955. С. 59; С. 62. № 42; С. 66; С. 74. Рис. 12 а)⁵. Этот рисунок воспроизводят все последующие исследователи. Особо абстрактен он в передаче Т. М. Кузнецовой, у которой совсем нельзя понять форму ионийской капители навершия рукояти (Кузнецова. 2002. С. 170. Табл. 98. № 325). Есть недочёты в информации об этом зеркале и у других исследователей. Так, В. М. Скуднова неверно ссылается на работу Рудинского 1928 г., подставив в ссылку данные из статьи Н. Н. Бондаря (Скуднова. 1962. С. 17. № 9). С реальным описанием зеркала из Мачухи и тем, что навершие рукояти трак-

⁵ Н. Н. Бондарь в тексте статьи на с. 66 ошибочно ссылается на рисунок 2 а, вместо 12 а. И путает в отсылках работы Рудинского, хотя при зарисовке он явно пользовался отчётом о раскопках кургана.

товано в форме ионийской капители, знакома была Г. Т. Ковпаненко. И хотя она схематично повторила рисунок зеркала по Н. Н. Бондарю, Г. Т. Ковпаненко издала весь состав погребального комплекса (Ковпаненко. 1967. С. 7; 82; Рис. 41, 8–12, 14; Рис. 53, 108; С. 114; С. 155–156)⁶. Неясность вкралась в классификацию зеркала из Мачухи в работе Т. М. Кузнецовой. На с. 166 первого тома исследования она относит его к III типу 2 варианту, а на с. 210 – к III типу 3 варианту (Кузнецова. 2002. С. 166. Карта 12. № 325. Ср.: С. 210. Карта 14. № 325). Ошибки вкралась у неё и в описание работ Рудинского (она объединила публикации 1928 и 1949 года в одну), и в датировку комплекса IV в. до н. э. со ссылкой на мнение Г. Т. Ковпаненко. Эти данные за Кузнецовой повторяет и З. Тезер, описывая по неясному рисунку навершие рукояти зеркала как украшенное концентрическими кругами (Tézer. 2005. P. 19, P. 29. Fig. 2. № 16, P. 36. Pl. 10. 3 a).

Изображение ионийской капители на рукояти зеркала из Мачухи, вероятно, проработано было не так чётко, как на вышеотмеченных зеркалах, и это зеркало относится к началу тенденции постепенного вырождения этого мотива, сближаясь с находкой из коллекции В. Н. Юргевича.

7. Это зеркало было найдено неизвестно когда, то ли на Березани, то ли в Ольвии. Его приобрёл до революции одесский коллекционер и знаток древностей В. Н. Юргевич (1818–1898). В 1931 г. часть коллекции Юргевича поступила из Одессы на хранение в Государственный Эрмитаж (ГЭ. ОАМ. Инв. № В 2247). Обстоятельства этой передачи – отдельная тема исследования (Бажан, Зуев. 2014. С. 15. Рис. 12, 1). Зеркало имеет диск с невысоким вертикальным бортиком. На лицевой стороне под диском навершие рукояти, трактованное как овал, в который вписаны гравировкой две точки, вокруг которых находятся по две окружности. Под овалом с боков – два острых выступа (вероятно, рудимент валика, свойственный рельефным капителям), которые потом будут очень характерны для зеркал пятой серии борисфенитского типа как самостоятельный декоративный элемент. Ствол рукояти украшен четырьмя желобками, похожими на каннелюры ствола колонны. Снизу на рукояти – головка барана. Интересно, что на лицевой стороне рукояти головка барана помещена тыльной стороной, что было вырезано в модели, по которой делалась отливка рукояти. На оборотной стороне зеркала у навершия рукояти имеется округлый выступ, с помощью которого диск зеркала крепится к навершию рукояти. Изображений на нём кругов и точек нет. Диаметр диска 17 см. Высота борти-

⁶ В подписях к рис. 41 Г. Т. Ковпаненко ошибочно относит зеркало к инвентарю кург. 18, погр. 2.

ка 0,5 см. Высота навершия на лицевой стороне 2,25 см. На оборотной стороне – 3,25 см. Ширина навершия рукояти 3,5 см. Ширина рукояти 2,25 см. Высота головки барана 4,5 см. Ширина головки барана 2,5 см. Общая высота зеркала 21,5 см (Рис. 6, 1).

Ещё И. Рейхль сопоставляла это зеркало с найденным в кургане у с. Братышев (Reichl. 1936. S. 154). В. М. Скуднава отнесла его к третьей группе своей классификации и датировала зеркало второй половиной VI в. до н. э. (Скуднава. 1962. С. 18. № 15, С. 20. Рис. 17). П. Оберляндер относил его к числу ольвийских архаических зеркал (Oberländer. 1967. 301 S. 72. № 106). Эту дату и атрибуцию приняли Т. М. Кузнецова (Кузнецова. 2002. С. 174. Табл. 102. № 625. С. 217. Табл. 124. Тип III. Вариант 2. С. 250. Алф. ук. пам. № 625. С. 336. Кат. 2. № 266), З. Тезер (Tézer. 2005. P. 19, P. 36. Pl. 10. 1 b), И. А. Бажан и В. Ю. Зуев (Бажан, Зуев. 2014. С. 15. С. 29. Рис. 12, 1).

8. г. Городок. Хмельницкая область. Случайная находка 2015 г. (Ключко, Козыменко. 2017. С. 264. Илл. 3). Зеркало имеет диск с прямым бортиком по краю. Рукоять с лицевой стороны украшена овалом, под которым, как и на зеркале из коллекции В. Н. Юргевича, имеются характерные треугольные выступы. Овал украшен резьбой по восковой модели – три рельефные точки образуют равносторонний треугольник вершиной вниз. Вокруг них, соприкасаясь и перекрывая друг друга, врезаны по три окружности вокруг каждой из точек. Если эти декоративные элементы восходят к идее завитков волют капителей, то можно констатировать, что декор зеркала из Городка демонстрирует полную утрату идеи передачи капители в трактовке навершия рукояти, и здесь мы имеем уже просто солярную декоративную символику. На обороте овал навершия рукояти сверху имеет полукруглый сегмент, которым диск крепится к рукояти. Ствол рукояти разделён глубокими бороздками на пять вертикальных колонок. На конце рукояти переходник трапезиевидной формы, увенчанный стилизованной бараньей головкой, которая только имитирует насад, т. к. отлита в одной форме с рукоятью. Диаметр диска зеркала 14,4 см. Высота бортика 0,5 см. Высота навершия на лицевой стороне 2 см. На оборотной стороне – 3 см. Ширина навершия рукояти 2,5 см. Ширина рукояти 2 см. Высота головки барана 4,25 см. Ширина головки барана 2,4 см. Общая высота зеркала 26 см (Рис. 6, 2).

9. Харьковская обл. Случайная находка 2015 года. Архив КСАН № 18–304. Зеркало с массивным прямым бортиком по краю диска. Рукоять с лицевой стороны украшена овалом, под которым имеются характерные выступы. Овал с лицевой стороны очень зашлифован. На восковой модели имелись какие-то проработки абриса капители (?),

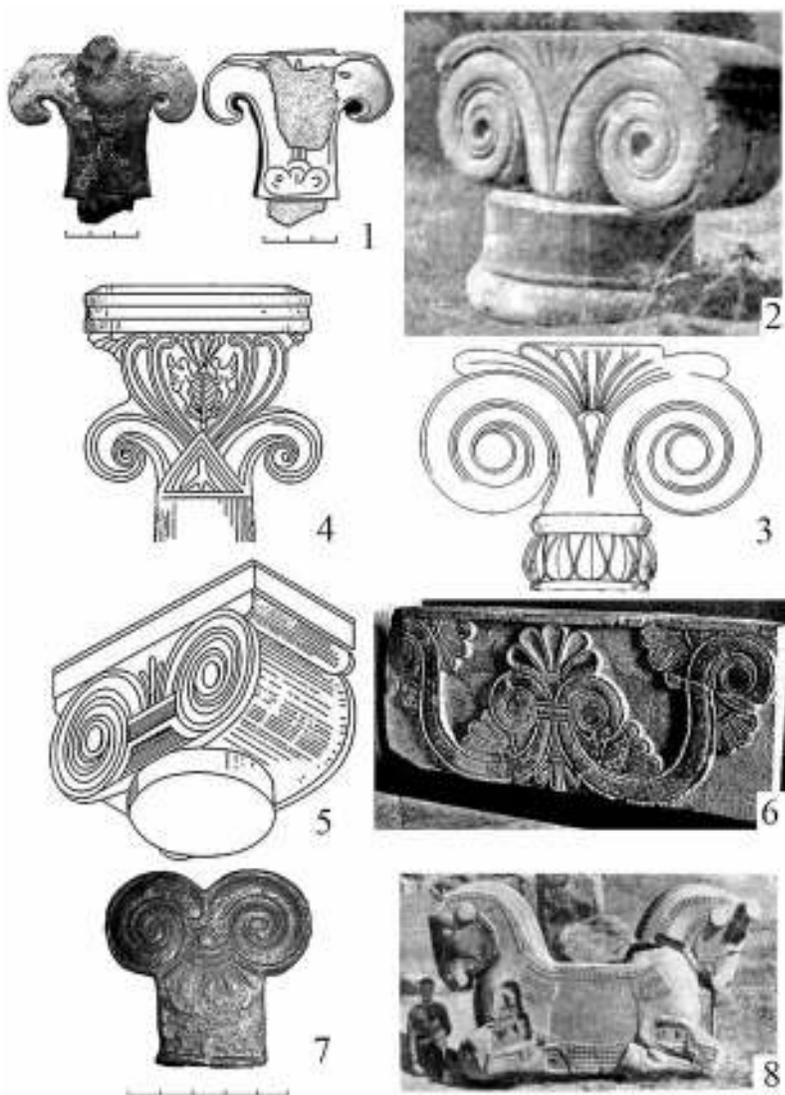

Рисунок 6. Зеркала первой серии: 1 – Россия. Эрмитаж, ОАМ. Инв. № 2247, сл. находка (коллекция Юргевича); 2 – г. Городок. Хмельницкая область, Украина, сл. находка 2015 г.; 3 – Харьковская обл. Украины, сл. находка 2015 г.

Рисунок 7. Ионийские и малоазийские архитектурные истоки декора зеркал первой серии борисфенитского типа. 1 – фрагмент железной рукояти с бронзовым навершием от зеркала из ботроса храма Геры на о. Самос (по Н. Р. Isler); 2 – эолийская капитель храма на Чигри-Даге. Конец VII – начало VI в до н. э. (по В. Ф. Маркузону); 3 – эолийская капитель храма в Неандрии. Начало VI в. до н. э. (по В. Ф. Маркузону); 4 – капитель колонны с барельефа на о. Кипр. Начало VI в. до н. э. (по В. Ф. Маркузону); 5 – капитель колонны храма Аполлона с о. Делос. Рубеж VII–VI в. до н. э. (по В. Ф. Маркузону); 6 – декор алтаря архаического Афениона в Сиракузах. Первая половина VI в. до н. э. (по Barletta); 7 – бронзовая накладка в виде капители ионического ордера с железной рукояти зеркала из Ольвии. 1905 г. Могила 5. Конец VI в. до н. э.; 8 – капитель колонны Ападаны в Персеполе. Начало V в. до н. э.

но при стыковке рукояти с диском на этапе восковой модели (?) и шлифовки поверхности зеркала эти детали были загёрты. На лицевой стороне овал был украшен резьбой по восковой модели – две точки и вокруг них врезаны окружности. Такие орнаменты будут характерны для украшения наверший рукоятей зеркал пятой серии, где большую роль в декоре играют головки баранов на конце рукоятей. Но, поскольку на этом экземпляре украшение низа рукояти не сохранилось и бортик по краю диска очень массивен и высок, я счёл возможным отнести это зеркало к числу экземпляров второго варианта первой серии, который завершает её классификационно, маркируя связь с зеркалами пятой серии борисфенитского типа, которых к настоящему времени известно 34 экземпляра (Зуев. 2017. С. 151–152. Рис. 2, 7–9). На обороте зеркала из Харьковской области овал навершия рукояти сверху имеет полукруглый сегмент, которым диск крепится к рукояти. Ствол рукояти разделён с обеих сторон рукояти глубокими бороздками на пять вертикальных колонок. Диаметр зеркала 14,5 см. Высота бортика 1,2 см. Высота навершия рукояти на лицевой стороне 2 см. Высота навершия на обороте 4 см. Ширина навершия рукояти 3 см. Ширина рукояти 1,7 см. Общая сохранившаяся высота зеркала 22,5 см (Рис. 6, 3).

Зеркала первой серии особенно сближает, как это ни парадоксально, пестрота и разнообразие декорировки их рукоятей. В основе схемы рукоятей лежит трёхчастная структура: навершие в виде растительного элемента, похожего на капитель ионийской колонны, ствола, состоящего из связки вертикальных прутьев (или колонн), обвитых лентами, и нижнего насада, который трактуется то в виде головы быка (Шутновцы, кург. 1. Рис. 3, 1), то в виде головы барана (Братышев, курган II. Рис. 3, 16; Краснодарский край, случайная находка. Рис. 4, 1), то в виде фигурного насада с гравировкой двух солярных знаков, вписанных в окружность (Хмельницкая обл., случайная находка 2016 г. Рис. 4, 2). Сложность гравированного узора на плоскостях наверший двух зеркал

из Братышева и Краснодарского края столь велика, что поневоле задумываешься о полихромии вырезанного на плоскости навершия рисунка. Видимо, со временем от гравированного узора на навершиях рукоятей первой серии зеркал мастера переходят к рельефным изображениям растительных мотивов, вырезанных на восковой модели (навершие

рукояти из Хмельницкой области: Рис. 4, 2). Растительный орнамент всё более схематизируется, становясь более похожим на капитель колонны, а позднее мотив завитков вырождается в изображения трёх (как на зеркале из окрестностей г. Городок, сл. находка (Рис. 6, 2) – Ключко, Козыменко. 2017. С. 263, 359), а потом – двух круглых углублений, вписанных в окружности (Ольвия (коллекция Юргевича). Рис. 6, 1).

Интересно отметить общий технологический момент, характерный для большинства зеркал первой серии борисфенитского типа: комбинирование деталей, отлитых в бронзе и откованных из железа.

Т. М. Кузнецова (которой были известны только два зеркала из Братышева и Шутновцов) категорически настаивает на нескифском происхождении этих зеркал «в западных (или северо-западных) районах» от Скифии. Она пишет, что эти зеркала «были изготовлены греческим мастером, работавшим в контакте с металлургами лесостепи, которым, видимо, и принадлежит “изобретение” железных ручек» (Кузнецова. 2010. С. 198). Она считает, что использование железа в качестве материала при изготовлении этих зеркал является варварским вкладом оседлого населения Скифии и земель, прилегающих к этой стране, в производство греческими мастерами подобных изделий. Мне представляется эта концепция греко-варварского сотрудничества абсолютно надуманной, порождённой античной литературной традицией о вкладе варварских народов в копилку достижений цивилизации древнего мира. Во-первых, как показывают исследования металлургических производств, в Борисфене железоделательное производство и бронзолитейные мастерские были объединены вокруг одних печей-плавилен (Маньчев, Назаров, Недопако, Паньков. 2004. С. 38–39). Во-вторых, сама мысль, что греческие мастера заимствовали при производстве зеркал навыки кузнечного дела у варваров, населявших Скифию, представляется мне *argumentum ad absurdo*.

Обратимся для наглядности к материалам археологических раскопок на острове Самос. Там, при раскопках Герайона (Ηράϊον, святилища при храме Геры на южном побережье острова, в 5 километрах к юго-западу от города Питагориона) в слоях ботроса второй четверти VI в. до н. э., был найден фрагмент рукояти зеркала, украшенной бронзовой накладкой в виде лотоса, изображавшего капитель колонны (Рис. 7, 1). Бронзовая накладка скрепляла бронзовый диск зеркала и ствол боковой рукояти, откованной из железа. Вероятнее всего, это зеркало попало на Самос из мастерских ионийского побережья Малой Азии вместе с характерными образцами восточно-греческой керамики ориентализирующего стиля (Isler. 1978. Bd. IV. Inv. № 23). Во всяком случае, предполагать участие варварских кузнецов из Скифии в из-

готовлении этого зеркала не приходится. Эта находка, на мой взгляд, убедительно доказывает, что идея образа зеркал с рукоятями, оформленными в виде колонн ионического ордера, является несомненно греческой, порождённой художественными традициями Ионии и сопредельных ей стран древнего Востока и реализованной целиком греческими мастерами одной производственной школы.

Как известно из истории архитектуры, именно в Ионии и Эолии в первой половине VI в. до н. э. формируется и расцветает строительство культовых зданий, основным элементом которых являются колонны ионического ордера.

К сожалению, сейчас осталось мало культовых архитектурных сооружений эпохи архаики в городах побережья Малой Азии, демонстрирующих декор ионийских храмов. Но и отдельные фрагменты – капители колонн, декор алтарей той эпохи – наглядно демонстрируют общий художественный контекст, в котором зародились и развились декоративные формы, запечатлённые на зеркалах первой серии борисфенитского типа и не только. Мотивы капителей с рукояти зеркал из самосского Герайона и первой серии борисфенитского типа очень точно воспроизводят образцы наверхней эолийских колонн из Чигри-Дага (Рис. 7, 2), храма в Неандрии (Рис. 7, 3). Такие же капители встречаются широко в Эгееде: на Кипре (Рис. 7, 4) и Делосе (Рис. 7, 5). Много находок подобного декора архитектурных украшений встречено в архаических центрах Великой Греции, особенно на Сицилии, где они тракуются как результат ионийской колонизации (Barletta. 2000. S. 203–216). Очень близок узор борисфенитских рукоятей зеркал декору алтаря архаического Афениона в Сиракузах первой половины VI в. до н. э. (Рис. 7, 6. Ср. особенно декор бронзовой накладки на железную рукоять зеркала из могилы № 5, 1905 г. раскопок некрополя Ольвии: Рис. 7, 7). Исследователи ионийской архитектуры сходятся во мнении, что генезис эолийских памятников архитектуры и выработка в целом ионического ордера тесно увязаны с влиянием архитектуры Вавилонии и Ассирии, оказавшей огромное влияние на становление архитектуры державы Ахеменидской Персии (Маркузон. 1973. С. 245). Достаточно вспомнить массивные капители колонн Ападаны Дария I в Персеполе (построенного в V в. до н. э., но воспроизводящего облик парадного зала эпохи архаики), украшенные протомами копытных животных (Рис. 7, 8) и сравнить с ними рукоять зеркала из Шутновцов, чтобы понять иконографические истоки образа этого зеркала: они, безусловно, связаны с художественными традициями Малой Азии эпохи архаики.

Что же символизировали колонны ионического ордера и трактованные в их образе рукояти зеркал первой серии борисфенитского типа? Колоннады в архаических храмах Ионии (см., к примеру, 155 колонн

храма Геры на Самосе) символизируют каптированные священные рощи – место обитания божеств и посвящённых богам животных, перед которыми греки воздвигали алтари. Сама идея греческих храмов – местонахождение рукотворного кумира божества – вырабатывается из мотива священных зарослей, перед которыми возведён алтарь. Заросли эти были организованы в укрытия для статуй божеств, и эти сплетённые, обвязанные лентами деревья постепенно становятся прообразом колоннад, окружающих целлы храмов. По сути, этот мотив каптированных в колонну растительных побегов мы видим в образе рукоятей-колонн на зеркалах первой серии борисфенитского типа. Они живо напоминают о священных рощах и греческих алтарях у них в Скифии, как культовых местах эпохи начальной колонизации побережья Понта, с каковыми, вероятнее всего, связано и производство рассматриваемых зеркал первой серии борисфенитского типа. Производство, организованное греками в колонии Милета в Побужье – полисе Борисфен.

Литература

- И. А. Бажан, В. Ю. Зуев.* Случайные находки скифских зеркал эпохи архаики в Северном Причерноморье // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* Севастополь, Тюмень, 2014. Вып. 6.
- З. А. Билимович.* Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // *Культура и искусство античного мира.* Вып. 5. Л., Аврора, 1976. – (ТГЭ. Т. 17).
- Н. Н. Бондарь.* Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // *СА.* 1955. Т. XXIII.
- А. Ф. Гуцал.* Шутнівцевські кургани // *Ранній залізний вік Свразії. До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна.* Київ: Чигирин, 2007. С. 62–64.
- А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал.* Курганний комплекс с бронзовим дзеркалом із Шутновець // *Епоха раннього заліза.* Київ, 2009. С. 125–134.
- А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал, А. Д. Могилев.* Новые исследования курганов скифского времени на западе Восточноевропейской лесостепи // *Кадырбаевские чтения-2012. Материалы III Международной научной конференции 14–15 ноября 2012 г. Актобе, 2012.* С. 141–153.
- В. Ю. Зуев.* Боспорский транзитный путь распространения греческих зеркал в эпоху архаики (по материалам погребальных памятников и случайных находок) // *Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998).* (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 66–94.
- В. Ю. Зуев.* Типология борисфенитских зеркал // *Північне Причерномор'я за античної доби (за пошану С. Д. Крижицького).* Київ: Стародавній світ, 2017. С. 144–154.
- В. И. Клочко, А. В. Козыменко.* Древний металл Украины. Киев, 2017.

- Л. С. Ключко.* Декоративні елементи жіночого вбрання на землях Правобережної Скіфії // Археологія і давня історія України. К., 2016. Вип. 2 (19).
- Г. Т. Ковпаненко.* Племена скифського часу на Ворсклі. К., 1967.
- Г. Т. Ковпаненко.* Кургани раннескифского времени в бассейне р. Рось. К.: Наукова думка, 1981.
- Т. М. Кузнецова.* Зеркала Скифии VI–III в. до н. э. М., Индрик, 2002. Т. I.
- Т. М. Кузнецова.* Зеркала Скифии VI–III в. до н. э. Том II. М., Таус, 2010. Т. II.
- В. И. Манычев, В. В. Назаров, Д. П. Недопако, С. В. Паньков.* Новая находка ручки бронзового зеркала на о. Березань // *Bygghenika* – 2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию исследования острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004.
- В. Ф. Маркузон* (ред.) Эолийская архитектура // Всеобщая история архитектуры. Т. II: Архитектура античного мира (Греция и Рим). М., Стройиздат, 1973.
- А. И. Мелюкова.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье. М., 1958. – (МИА. № 64).
- В. Г. Петренко.* Украшения Скифии VII–III в. до н. э. М.: Наука, 1978.
- М. Я. Рудинський.* Археологічні збірки Полтавського музею // Збірник, присвячений 35-річчю Полтавського державного музею ім. В. Г. Короленка. Полтава, 1928. Т. I.
- М. Я. Рудинський.* Матеріали до розкопок Тараноярського могильника коло с. Мачухи на Полтавщині // Науковий архів ІА НАН України. № P/1–4.
- М. Я. Рудинський.* Мачухська експедиція Інституту археології в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1949.
- В. М. Скуднова.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Культура и искусство античного мира. Л., 1962. Вып. 3. – (ТГЭ. Т. VII).
- В. М. Скуднова.* Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1988.
- Г. И. Смирнова.* Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. №. 2.
- В. A. Barletta.* Ionic Influence in Western Greek Architecture: Towards a Definition // Die Ägäis und das Westliche Mittelmeer. Beziehung und Wechselwirkungen 8 bis 5. Jhdt. Von Chr. Vienna, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2000.
- H. P. Isler.* Das archaische Nordtor und seine Umgebung im Heraion von Samos // Samos. 1978. Bd. IV.
- P. Oberländer.* Griechische Handspiegel. Dissertation zur Erlangung der Doktornwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Hamburg. Hamburg, 1967.
- I. Reichl.* Zwiercladla podolskiew kulturu scytyjskiew // *T. Sulimirski.* Skytowie na Zachodniem Podolu. Lwów, 1936.
- Z. Tézer.* Skíta kori tükrök a Kárpát-medencében. (Scythian-period Mirrors in the Carpathian Basin) // Budapest Régiségei. Budapest, 2005. Vol. XXXIX.

А. В. Иванов, Н. И. Сударев

Арифарн – царь фракийцев?¹

Количество письменных источников по ранней истории Боспора Киммерийского чрезвычайно мало, а сами источники – неполны. Все это приводит к необходимости привлекать для изучения древней истории региона дополнительные данные, в первую очередь, результаты археологических исследований. В труде Диодора Сицилийского «Историческая Библиотека» в главе XX, 20–24 повествуется о междоусобной войне между сыновьями Перисада I. Этот отрывок давно привлекает внимание историков и археологов, и его изучению посвящено большое количество работ. Одним из наиболее дискутируемых является вопрос о том, царем какого племени был союзник Евмела I Арифарн? (Десятчиков. 1977; Иванчик. 2010; Балахванцев, Беглова. 2011). В тексте сицилийского историка Арифарн назван царем Фракийцев (XX, 22). Это место особенно важно, так как в тексте говорится о союзниках Эвмела из соседних варварских народов. Еще в 1843 году Август Бек предложил исправить «фракийцев» на «фатеев», исходя из мнения, что среди соседей Боспора фракийцев не было и быть не могло (См. об этом Десятчиков. 1977. С. 46; Иванчик. 2010. С. 343). Позже, исходя из того же посыла, Карл Мюллер предложил исправить «фракийцев» на «сираков» на том основании, что такое исправление более вероятно. И та, и другая конъектура нашла своих сторонников и противников (Иванчик. 2010. С. 343–345). Но в основном спор развернулся вокруг того, как надо исправлять текст Диодора. Одно из немногих исключений – это статья Б. Г. Петерса, в которой он прямо говорит, что «текст Диодора здесь не испорчен при переписке и его надо читать дословно» (Петерс. 1985. С. 24). А. И. Иванчик, упоминая об этой статье, считает неубедительной локализацию царской крепости и событий, описанных Диодором в районе с. Михайловка (с чем мы соглашаемся), и в необходимости самой конъектуры, похоже, не сомневается. Следует отметить также мнение В. Д. Блаватского, который предполагал наличие какого-то автохтонного фракийского населения, а также предположение М. И. Артамонова, что фракийцами Диодор мог назвать синдов (Блаватский. 1964. С. 55–56; Артамонов. 1974. С. 125). Вероятно, последней по времени статьёй, касающейся этого вопроса, является работа А. С. Балахванцева и Е. А. Бегловой

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

с показательным названием «Арифарн – царь фатеев или сираков?» (Балахванцев, Беглова. 2011).

Несколько особняком стоят работы лингвистов, которые, рассматривая антропонию, топонимику и т. д., приходят к выводу о наличии реликтов фракийского языка как в Северном Причерноморье в целом, так и в районе Азиатского Боспора в частности. Только перечисление различных точек зрения и авторов, которые писали на эту тему может стать поводом для отдельной большой работы. Отметим в этой связи лишь работы В. П. Яйленко² (Яйленко. 2013, 2014, 2017 и т. д.), в которых он подробно рассматривает различные сюжеты, связанные с наличием фракийцев в Северном Причерноморье, и последнюю обобщающую работу 2017 г. С. Р. Тохтасьева³, который критически рассматривает выводы коллег по фракийской тематике. В связи со своими исследованиями В. П. Яйленко приходит к следующему выводу: «Упоминание царя фракийцев в войске Сатира казалось настолько неожиданным, что предлагалось заменить этноним фракийцев на фатеев или сираков, мы сочли этих фракийцев наемниками (Яйленко. 1990. С. 297). Все это теперь излишне в свете указания эпитафии Аргота о “фракийцах-меотах” и изложенных тут данных о фрако-дакийской топонимике азиатского Боспора» (Яйленко. 2014. С. 550).

В связи с вышесказанным особенно важными являются данные археологии. Еще недавно общепринятой являлась точка зрения, что в эпоху позднего бронзового века – раннежелезного века территория Таманского полуострова являлась пустынной; на ней обитали лишь немногочисленные группы кочевников, а в период колонизации Тамань представляла собой практически безлюдную территорию, и прибывающие сюда греки не встретили местного населения (Паромов, Гей. 2005; Завойкин. 2013). В противовес данной позиции нами неоднократно аргументировалось то, что на данной территории в период, предшествующий и синхронный греческой колонизации, местное население существовало и было в основной своей массе оседлым (Иванов, Сударев. 2012; 2013; 2014 и т. д.). Однако до недавнего времени эта точка зрения считалась экзотической (Завойкин. 2013. С. 166. Сн. 11).

Результаты последних исследований на Таманском полуострове и окружающих территориях позволяют поставить точку в этой дискуссии. За последние годы только на Таманском полуострове выявлено несколько десятков поселений и некрополей эпохи поздней бронзы –

² Благодарим Валерия Петровича Яйленко за ценные консультации по данному вопросу.

³ При подготовке этой работы мы активно переписывались с Сергеем Ремировичем Тохтасевым, получили ряд очень полезных советов и вопросов. К несчастью, эта переписка трагически прервалась. Светлая Память.

раннего железного века, многие из которых подверглись широкомаштабным раскопкам (Kiyashko 2017; Кияшко. 2017. С. 17–26; Соловьев. 2017. С. 185–191; Шаров. 2016. С. 127–129). Одновременно были проведены разведки и не менее масштабные раскопки в сопредельных Анапском, Крымском и Новороссийском районах. По результатам исследований мы можем говорить не просто о наличии местного населения на Тамани в эту эпоху, но и выявить различия между локальными группами варваров на разных территориях. Более того, этот огромный накопленный материал позволяет нам говорить о быте, погребальных обрядах, домостроительной технике, ремесле и прочем.

Схематично картина выглядит следующим образом. В период поздней бронзы с территории Северо-Западного Причерноморья, Прикарпатья, совр. Румынии и Молдавии через Крым на территорию Азиатского Боспора⁴ перемещается новое население – носители «сабастиновской культуры». Данная культура рядом авторов относится к кругу прафракийских (Яйленко. 2014. С. 514, 551). Это было оседлое население, жившее в стационарных домах, занимавшееся земледелием, скотоводством, металлообработкой и производством керамики. Интересно, что связи с Балканами не прерывались. Значительная часть металлических изделий, обнаруженных на Тамани, имеет не Кавказское, что было бы ожидаемо, а Балканское происхождение (Кияшко. 2017; Кияшко, Сударев. 2018; Сударев, Соловьев, Шаров. 2018).

Позднее данная культура на территории Таманского полуострова сменяется белозёрской. По мнению ряда исследователей, белозёрская культура является развитием сабастиновской культуры с влиянием культуры Ноуа и связана с культурами фракийского гальштата (Новикова. 1976. С. 25–57; Телегин. 1961; Яйленко. 2014. С. 514). Материалы белозерского времени представлены на поселение Балка Хреева II (раскопки А. А. Глухова), грунтовом могильнике Юбилейный IV (работы Ш. О. Давудова), а также Тузла VII (раскопки С. В. Буравлева). Этой же культуре принадлежат сосуды бронзового века, найденные в древних хозяйственных комплексах городища Ильич I (раскопки О. В. Шарова и С. Л. Соловьева) и поселения Волна I (раскопки В. Г. Житникова). Наиболее характерные образцы керамики (например, корчага с каннелюрами (Балка Хреева II)) имеют прямые аналогии в материалах фракийского гальштата (керамика группы Кишенеу-Корлатэнь (Смирнова 1990)). Смена культуры в данном контексте не означает

⁴ Мы используем термин «Азиатский Боспор» как географическое понятие и подразумеваем территорию, позднее вошедшую в Азиатскую часть Боспорского государства, а именно совр. Темрюкский, Анапский районы, западную часть Крымского района, а также, возможно, часть Новороссийского района.

кардинальную смену населения. Изменения происходят больше эволюционным путем, хотя допускаем и приток нового населения с запада – носителей новой культурной традиции белозёрского облика. Тем не менее, принципиальных изменений в системе расселения не происходит: на Тамани сохраняются стационарные поселения, продолжают развиваться и некоторые из существовавших в предшествующий период. Видимо, несколько меняется хозяйственный уклад: активнее развивается скотоводство при сохранении земледелия. Среди керамики довольно много форм, находящихся аналогии в культурах фракийского гальштата. По крайней мере, до начала эпохи железа больше никаких подвижек и особых изменений не наблюдается. Однако, начиная уже с VIII в. до н. э., на территории Таманского полуострова становится заметным влияние протомеотской культуры, идущее с востока. В этот период начинают проявляться различия между северной и южной частями Таманского полуострова. Если в северной части полуострова ощущается влияние меотских традиций, выраженное в распространении отдельных форм керамики и технологии ее производства, то в южной происходит консервация предшествующих традиций. Причем эти традиции очевидно связаны с памятниками Анапского региона. Более того, уже в конце VII – начале VI в. до н. э. на территории Анапского района и южной части Таманского полуострова формируется единое культурное пространство⁵, выраженное в едином погребальном обряде и материальной культуре (Мимоход, Сударев, Успенский. 2018).

Здесь остановимся подробнее. Исследуя горизонт начала раннего железа Кубани, В. Р. Эрлих выделил три широких локальных варианта протомеотской культуры (Эрлих. 2007. С. 34–55. Рис. 12). Один из них охватывает территорию Тамани, Анапы-Новороссийска и Крымский район, другие два – центральные районы Кубани. Значительно позже, во время и после скифских походов, в рамках локальных групп складываются два культурных кластера: в Закубанье формируется Меотская культура, а на территории Черноморского побережья в регионе Анапы – Новороссийска к VI в. до н. э. образуется племенной массив, объединенный единой культурой. Довольно продолжительное время считалось, что обозначенные культуры чрезвычайно близки и, возможно, родственны. Их сопоставление привело к выводам противопо-

⁵ В данном случае мы используем этот термин, чтобы избежать словосочетания «археологическая культура». Выделение археологической культуры – тема отдельной работы, далеко выходящая за рамки тезисов и требующая целого ряда аргументов и доказательств. Однако, по нашему мнению, на всей этой территории в указанный период существует единая синдская археологическая культура, границы и особенности которой еще предстоит обозначить.

ложным (Иванов. 2016). Однако сравнения лежали в культурной плоскости, вопросы этничности в работе не поднимались, не говоря уже об этногенезе. Предполагается, что Меотская культура, зародившаяся в центральных областях Кубани, сложилась на субстрате позднебронзового населения – «срубников» и «кобяковцев» (Эрлих. 2007. С. 33). Вопрос о происхождении варваров Анапы – Новороссийска никогда серьёзно не поднимался. Стоит, однако, отметить, что исследователи считали это население в основном местным, с примесью кавказских корней (Крушкол. 1967. С. 158; 1970. С. 39–41; Алексеева. 1991. С. 39–41). Полученные нами сведения теперь позволяют говорить, что в южной части Таманского полуострова происходит непрерывное развитие местного населения от эпохи поздней бронзы до греческой колонизации и памятников синдской культуры. Поскольку две области – Тамань и регион Анапы – объединены общим культурным пространством, то следует предположить, что процессы здесь протекали идентично. Таким образом, следует констатировать, что в сложении этого культурного пространства главную роль сыграл не восточный, а западный импульс – белозёрский.

Довершили процесс формирования и обособили эту культурную общность уже скифские походы. Складывается впечатление, что степная часть Анапского района накануне колонизации опустела, а обитатели этих мест ушли в предгорные районы⁶. Однако с самого начала греческой колонизации, уже в конце VII в. до н. э., вновь появляются некрополи и поселения местного населения. Траектория появления варварских поселений совпадает с траекторией распространения греческих поселений (Сударев. 2014, Сударев, Гарбузов. 2015), что, по нашему мнению, не случайно. Данная ситуация находит параллели в истории Северо-Западного Причерноморья, где население эпохи позднего бронзового – раннежелезного веков было вытеснено новым кочевым населением в лесостепь, а с появлением греческих колоний вновь стало перемещаться обратно, вступая с греками в «трудовую операцию» (Яйленко. 2014; 2017).

В нашей статье «О двух моделях колонизации Азиатского Боспора» (Иванов, Сударев. 2014) мы говорили, что на Таманском полуострове существовало догреческое население, сходное с протомеотским населением Прикубанья, но отличное от населения Синдики. Оно дожило до появления греков, но вскоре после начала колонизации исчезло, либо истребленное греками, либо вытесненное на восток. В то же самое время в Анапском регионе автохтонное население сосуществовало с греками,

⁶ Отметим, что пока это только предположение.

подвергаясь сильнейшему культурному влиянию. Новейшие исследования позволяют существенно скорректировать получившуюся картину. Действительно, на большей части Таманского полуострова местное население исчезает вскоре после появления греков. В восточной части Таманского полуострова на т. н. «острове «Кандаур» существует еще одна группа населения, которая вплоть до второй половины V в. до н. э. сохраняет свою самобытность, практически не пуская на свою территорию греков, и имеет с ними крайне ограниченные контакты. Данная группа также ближе к меотам Прикубанья, нежели к синдам Анапского района. Однако в юго-западной части Таманского полуострова существует локальная группа, имеющая ту же материальную культуру, что и синдское население Анапского региона, те же типы погребальных памятников, такую же керамику и т. д. и так же сосуществующая с греками вплоть до IV в. до н. э. (Мимоход, Сударев, Успенский. 2018). Это позволяет нам предварительно очертить ареал распространения синдской культуры. По нашему мнению, синды обитали в юго-западной части Таманского полуострова и в Анапском районе. Восточная граница проходила где-то в районе либо чуть западнее Краснобатареиного городища (Иванов, Сударев. 2015). Вопрос о южной границе мы пока оставляем открытым, возможно, в районе нынешней границы между Анапским и Новороссийским районами, но не исключено, что и чуть южнее.

Подведем некоторые итоги. С эпохи поздней бронзы на территории Азиатского Боспора существует население, генетически связанное с культурами прафракийского и раннефракийского круга. На фоне наличия на данной территории значительного количества фракийских языковых реликтов мы можем говорить о том, что это население было фракийским. В эпоху раннего железного века и вплоть до греческой колонизации мы видим непрерывное существование данного населения в юго-западной части Таманского полуострова. Аналогичная ситуация наблюдается в Анапском районе. Сравнение погребальных памятников этой территории находит поразительное сходство с погребальными памятниками некоторых территорий Фракии (Gergova. 1989), причём это сходство настолько полное, что примерами из Фракии можно иллюстрировать погребальные памятники синдов, и наоборот. Параллели находит даже культовые погребения голов, которые мы встречаем как в некрополях Фракии, так и в варварских погребениях Тамани. В то же время погребальные обряды Синдики, куда мы включаем Анапский регион и юго-западную часть Тамани, отличаются от погребальной практики меотского населения. Кроме того, на территории Фракии довольно много параллелей с названиями Азиатского Боспора, что вряд ли является случайным (Яйленко. 2014. С. 543).

Если наше предположение верно, а мы в этом уверены, то многие доселе непонятные моменты в истории и археологии не только Боспора, но и региона в целом приобретают новое звучание. Лингвистами неоднократно отмечалась общее происхождение и схожесть палеобалканских языков – фракийского, фригийского, македонского и греческого; фракийское происхождение ряда греческих богов, героев и культов, в том числе Диониса, Аполлона и Орфея. Являясь близкими соседями друг друга, имея очень много общего в языке, мифологии и культуре, синды и греки рано начали контактировать и сосуществовать друг с другом. С учетом всего этого становится понятным и мгновенное восприятие синдами греческой культуры, и подчеркнутое отделение синдов от всех прочих племен в титулатуре боспорских царей, и особое положение Синдики в составе Боспорского государства. Понятным становится и распространение Аполлона Иатроса как покровителя греческой колонизации, и приход к власти династии Спартокидов с их именами, находящими параллели в одрисской династии⁷, и распространение гробниц фракийского типа⁸, и многое-многое другое, что просто физически не умещается в рамки этих тезисов, но является звеньями одной цепи.

Все вышесказанное лишь является прологом к заключительной части. Ну а в заключение мы отметим, что, на наш взгляд, в свете предложенных данных снимается главная причина, приведшая к конъектуре сообщения Диодора об Арифарне – царе фракийцев. Мы видим, что на территории Азиатского Боспора существовала группа фракийского населения, а поэтому тезис, что Арифарн не мог быть царем фракийцев, потому что фракийцев там не было, является ошибочным. Более того, имеющиеся археологические данные позволяют предположить, что под фракийцами Диодор подразумевал именно синдов. В пользу этого косвенно говорит и такой факт, что, описывая события, происходившие на Азиатской части Боспора, Диодор не упоминает о синдах, крупнейшем народе, там обитавшем⁹. Кроме того, синды нам известны как оседлые земледельцы, а именно это и проистекает из описания

⁷ По нашему мнению, Спартокиды являлись фракийцами по происхождению. Происходили они из среды фракийцев-синдов или были связаны с правящей одрисской династией – вопрос открытый. На наш взгляд, одно не исключает другого.

⁸ Отметим мнение А. П. Манцевич, которая усматривала в гробнице кугана Карагодеуаш аналогю Казанлыкской гробнице, а также мнение Н. В. Анфимова, который видел в этой гробнице погребение самого Арифарна.

⁹ Следует отметить, что и упомянутый в Диодором город Гаргаза созвучен имени племени гаргарейцев, упомянутых Страбоном в эпизоде о войне амазонок с фракийцами, гаргарейцами и эвбейцами. По мнению В. П. Яйленко, эти события происходили также на Северо-Западном Кавказе (Яйленко. 2016).

страны царя Арифарна, которую разорял брат Эвмела Сатир. Наконец, обратимся еще к одному моменту, на котором было сломано столько копий: крепость Арифарна располагалась в горно-лесистой местности, на что прямо указывает Диодор. Следует ли здесь напоминать, что в такой именно природно-географической зоне расположен Анапский район, являющийся в это время метрополией синдской культуры?

И. А. Снытко

**Ещё раз об этнокультурной и территориальной
идентификации саев Сайтафарна
Ольвийского декрета в честь гражданина Протогена**

Декрет Протогена (IOSPE, I². 32) на протяжении многих лет, со времени его находки и первых интерпретаций, является предметом острых дискуссий. Кроме перипетий городского быта, документ даёт ценную информацию об окружающих Ольвию народах. Прежде всего, интерес вызывают сведения о племенах, которые существенным образом влияли на социально-политическую ситуацию в полисе эллинистической эпохи. В первую очередь, это саи Сайтафарна. Их отождествляли с «царскими скифами» либо с «царскими сарматами» (А. Бёк, Ф. Браун, Я. Харматта, Ф. Слюсаренко, Д. А. Мачинский, П. О. Карышковский, К. Ф. Смирнов, Ю. Г. Виноградов, Р. Б. Исмагилов), которым Ольвия регулярно платила дань, а также дары «по случаю проезда» (см.: Виноградов. 1989. С. 180 сл.; Симоненко, Лобай. 1991. С. 76 сл.). В этом контексте интересны наблюдения А. В. Симоненко о формах внешне эксплуататорской деятельности кочевников по отношению к античным полисам Северного Причерноморья и анализ вопросов, связанных со сроками передвижения в период боевых походов. На базе этого анализа, а также в свете данных археологии, автор приходит к вполне логичному выводу, что нет веских оснований предполагать, что основные кочевья сарматов в IV–III вв. до н. э. переместились западнее Дона. В междуречье Дона и Днепра нет ни одного сарматского комплекса, который однозначно можно было бы датировать временем ранее II в. до н. э. (Симоненко. 1985. С. 74; Симоненко, Лобай. 1991. С. 81–83)¹. В связи с этим, в свете предполагаемой

¹ Относительно хронологии археологических памятников между Доном и Днепром укажем на сомнительность отождествления тиссаматов и савдаратов декрета Протогена

нами датировки событий, описанных в декрете Протогена, в рамках второй четверти – первого десятилетия третьей четверти III в. до н. э. (Снытко. 2016. С. 53–54), возникает, на первый взгляд, непреодолимое противоречие, связанное с возможностью отождествлять саев царя Сайтафарна с «царскими сарматами». Здесь на помощь, опять-таки, могут прийти расчёты А. В. Симоненко, согласно которым расстояние от степей Нижнего Дона (около 700 км) сарматы могли преодолеть за 10–12 дней (Симоненко, Лобай. 1991. С. 79). Следовательно, саям Сайтафарна, если под таковыми подразумевать сарматов, не составляло бы особого труда осуществлять такие кратковременные периодические походы к берегам Днепра для получения дани от Ольвии, а возможно, и не только от неё, уже в те времена². Анализ военных событий в Крыму конца первой трети III в. до н. э. позволяет допустить, что одной из причин, побудивших скифов к агрессии против местных эллинов, могло быть и давление сарматов, которые, вполне вероятно, совершали в это время грабительские рейды вглубь скифской территории (Туровский. 1996. С. 102). При этом нужно чётко разграничивать понятия «обитание» и возможный «ареал эпизодических походов», на что обращает внимание и А. В. Симоненко (Симоненко, Лобай. 1991. С. 81). Заметим также, что Сайтафарн появлялся отнюдь не у стен Ольвии. Он «прибывал в Канкит», «на ту сторону за дарами» и в конце, недовольный дарами, «разгневался и выступил в поход...». По прибытии царя ольвиополиты снаряжали посольство в его резиденцию. Тем не менее, несмотря на многочисленные современные попытки географических привязок, практически невозможно с уверенностью утверждать, что имели в виду авторы текста декрета под таким мало что говорящим нам территориальным понятием, как «та сторона»³ и, безусловно, топонимом Канкит⁴. Можно лишь

с оседлыми сарматами, предлагаемого рядом исследователей. В приведённом Ю. Г. Виноградовым в пользу этого сообщении Страбона о немногочисленных сарматских племенах между Днепром и Дунаем, занимающихся земледелием, отражена этно-демографическая ситуация в этом регионе гораздо более позднего времени (Виноградов. 1989. С. 18–183, Прим. 17).

² Заметим также, что в Нижнем Побужье и Нижнем Поднепровье не зафиксировано ни одного погребального памятника, который можно было бы, даже косвенно, связать со скирами и галатами времени событий, описанных в декрете в честь Протогена, совершавшими аналогичные рейды в эти края.

³ Возможно, под понятием «та сторона» ольвиополитами, в общем, воспринималось пространство к востоку от официальных рубежей полиса.

⁴ Топоним Канкит не обязательно следует соотносить только с каким-либо крупным приграничным селением хоры Ольвии. Недавно С. Б. Буйских попытался отождествить Канкит с городищем Глубокая Пристань на Правобережье Днепра, что не лишено логики, учитывая как исторический, так и археологический контекст (Буйских. 2016. С. 53–57).

констатировать, исходя из сообщения о снаряжении посольства в резиденцию царя, что путь к этим местам был не близким. Учитывая то, что Сайтафарн прибывал не в Ольвию (дары ему преподносились «по случаю проезда»), а в какой-то определённый пункт, удалённый от неё, из которого он, неудовлетворённый дарами и «разгневанный выступил в поход», можно также предположить, что Ольвия не являлась основной и единственной целью его походов. Добавим, что упоминаемым далее по тексту (сторона «В») скирам и галатам, «которые явятся зимой...», нужно было (с учётом их предполагаемого ареала в Подунавье) преодолеть расстояние до Ольвии немногим меньше чем саям Сайтафарна (предполагаемым «царским» сарматам) от придонских степей. Приведённые соображения, на наш взгляд, не позволяют при отождествлении сав Сайтафарна с каким-либо из кочевых племён (скифы, сарматы) отдавать предпочтение «царским скифам» и исключать реальную возможность предполагать в них именно «царских» сарматов.

И ещё на одну деталь из текста декрета хотелось бы обратить внимание. Скифы, тиссаматы и савдараты в страхе перед скирами и галатами ищут «укреплённое место». Приведённое упоминание наверняка свидетельствует о том, что оборона крепостей и фортов в те времена была достаточно эффективным средством защиты от набегов агрессивных кочевых племён. Порой угрозы нападения кочевников так и оставались лишь угрозами (Симоненко, Лобай. 1991. С. 77). Последствиями таких походов для античных полисов Причерноморья, в большинстве случаев, могли быть, после возможной непродолжительной осады городов⁵, разграбление и разрушение поселений и усадеб аграрных территорий, а также откуп в качестве «даров». Вряд ли агрессоры-степняки, наверняка не имевшие необходимой практики и навыков, прибегали к такому убийственному для них средству, как штурм крепостей. Заметим, что и ольвиополиты, зная эту слабую сторону в военной подготовке кочевников, уделяли укреплению фортификации города особое внимание. Протоген финансировал и осуществлял строительство двух куртин, отстроил требующие ремонта и реконструкции пять башен и завершил постройку ещё одного прясла стены (IOSPE. I². 32 «В»: Стк. 29–64). В этом контексте упомянем и «выступившего в поход» разгневанного и недовольного дарами Сайтафарна. Народ ольвиополитов, вероятнее всего, «пришёл в ужас» в большей степени не из-за перспективы предстоящего штурма города, а из-за грядущего

⁵ А практически, блокирования военных отрядов осаждённых от неожиданных вылазок и рейдов за пределы городских стен.

погрома их сельскохозяйственной территории: уничтожения неукреплённых поселений и усадеб, урожая на полях, угона скота на пастбищах, а как следствие, неминуемого подорожания продуктов питания, которые придётся импортировать, и возможного голода. Разгром прежде всего сельской округи античных полисов в Северо-Западном Причерноморье являлся обычной практикой для агрессоров. Достаточно вспомнить истрийский декрет в честь Агафокла, где в стк. 20–22 говорится о том, что фракийское войско во главе с Золтом и отдельные шайки грабителей разоряли хору, не давая возможности собрать урожай (SEG. XXIV. 1095; Виноградов. 1989. С. 199).

Отметим также, что угроза нападения саев Сайтафарна, как скиров и галатов на Ольвию, очевидно, оказалась не только угрозой, а и реальностью. Причём их рейды в Нижнее Побужье, вероятнее всего, приобрели системный характер. Подтверждением этому могут послужить практически полное исчезновение «большой хоры» во второй половине III в. до н. э., отсутствие кочевников, оседлых и полуседлых народов в близлежащих к Ольвии степях Побужья, Поингульи и Поднепровья, на Черноморском побережье, по берегам рек и лиманов, на что мы выше обращали внимание. Наличие на некоторых памятниках хоры Ольвии отдельных находок второй половины III–II вв. до н. э., вероятнее всего, связано с периодическим сезонным земледелием (Крыжицкий и др. 1989. С. 100–101; Снытко. 1997. С. 244–248) во времена кратковременных улучшений внешнеполитической обстановки, сезонными рыбными промыслами, выборками камня с заброшенных поселений и усадеб для городского строительства, и ремонта крепостных сооружений и пр. Чем напряжённее и нестабильнее становилась ситуация в Скифии, тем сложнее становилась и обстановка в Ольвии, которая с середины III в. до н. э. вступала в полосу кризиса и упадка, что отражено и в декрете в честь Протогена (Виноградов, Доманский, Марченко. 1988. С. 34). Более того, в конце первой трети III в. до н. э. прекратилась жизнедеятельность и на поселениях Нижнего Поднепровья. Археологических свидетельств пребывания населения на территории Нижнего Поднепровья от второй четверти III в. до н. э. до второй половины II в. до н. э. не зафиксировано (Былькова. 2007. С. 127–128). Добавим к этому, что такая ситуация была характерна в этот период практически для всех аграрных территорий античных полисов Северо-Западного Причерноморья. В это время прекратилась жизнедеятельность на сельских поселениях Нижнего Поднепровья (Охотников. 2008. С. 129), поселениях, расположенных к западу от Ольвии, и в частности, на наиболее значительном по масштабам, Кошарском (Редина, Папуци-Владыка, Бодзек, Маховски. 2008. С. 150, 154).

В недавних работах А. В. Симоненко (Симоненко. 2005. С. 253; 2010. С. 252, прим. 10) склоняется к отождествлению саев Сайтафарна с людьми, оставившими Тираспольские курганы рубежа IV–III вв. до н. э. – второй – третьей четвертей II в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика. 2012. С. 10). Эта гипотеза, на первый взгляд, привлекательна, учитывая хронологическое соответствие погребений в курганах Глиного со временем событий, описанных в декрете Протогена. Тем не менее, возможны и иные варианты, которые не рассматривает А. В. Симоненко. К примеру, эти курганы могли быть оставлены и скирами, территориально близкими галатам, совершавшими совместно с ними походы к стенам Ольвии. Вопрос об этносе скиров весьма спорен. Не случайно Ю. Г. Виноградов при рассмотрении племён, указанных в декрете Протогена, оставил его открытым, сославшись на разработки П. О. Карышковского (Карышковский. 1971. С. 53 сл.) и приведя лишь декрет из Добруджи, упомянутый Д. М. Пиппиди. В нём скиры указаны среди прочих варваров, угрожавших набегами Истрии (Виноградов. 1989. С. 181. Прим. 16). К тому же, географическая привязка саев Сайтафарна к Поднестровью и, возможно, Подунавью усложняется отсутствием прямой информации о них в литературных и эпиграфических источниках, среди солидного перечня варварских народов и их вождей, обитавших в этих краях (см.: Карышковский, Клейман. 1985. С. 66 сл.). Единственным упоминанием о саях Сайтафарна связано именно с Нижним Побужьем. На основании изложенного, можно констатировать, что какое-либо отождествление саев Сайтафарна с Поднестровьем и Подунавьем, без наличия для этого более существенных аргументов, является на данный момент необоснованным.

Литература

- С. Б. Буйских. К локализации Канкита // Стародавнє Причорномор'я. Одеса, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, 2016. Вип. XI.
- В. П. Былкова. Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: Издательство ХГУ, 2007.
- Ю. Г. Виноградов. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989.
- Ю. Г. Виноградов, Я. В. Доманский, К. К. Марченко. Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром VII–IV вв. до н. э. // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VI–IV вв. до н. э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – Вани. 1985. Тбилиси, 1988.
- Р. Б. Исмаилов. Саи, скифы и Боспор (научный этюд на тему «классической» Скифии) // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского. СПб., 1993. – (ПАВ № 6).

- П. О. Карышковский.* Истрия и её соседи на рубеже III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.
- П. О. Карышковский, И. Б. Клейман.* Древний город Тира. Историко-археологический очерк. Киев: Наукова думка, 1985.
- С. Д. Крыжицкий С. Б. Буйских, А. В. Бураков, В. М. Отрешко.* Сельская округа Ольвии. Киев: Наукова думка, 1989.
- С. Б. Охотников.* Античные поселения городов Нижнего Поднестровья (VI в. до н. э. – III в. н. э.) // ПОНТИКА – 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Kraków, Jagiellonian University, 2008.
- Е. Ф. Редина, Э. Папуци-Владыка, Я. Бодзек, В. Маховски.* Археологический комплекс античного времени у села Кошары – итоги исследования // ПОНТИКА – 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Kraków, Jagiellonian University, 2008.
- А. В. Симоненко.* Ольвия и сарматы // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985.
- А. В. Симоненко.* Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвёртая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- А. В. Симоненко.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, Нестор-История, 2010.
- А. В. Симоненко, Б. И. Лобай.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991.
- И. А. Снытко.* К вопросу о причинах прекращения жизни на хоре Ольвии во второй половине III в. до н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Международной археологической конференции. Одесса: Ветаком, 1997.
- И. А. Снытко.* Декрет в честь гражданина Протогена в контексте истории Ольвийского полиса III в. до н. э. (историко-археологический аспект) // Stratum plus. Третий до... потерянное столетие. СПб., Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2016. № 3.
- Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глинное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, 2012.
- Е. Я. Туровский.* К вопросу о причинах гибели «Великой Скифии» // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. ТД международной научной конференции. Ростов-на-Дону, 1996.

Е. С. Лесная

Имитации некоторых форм восточногреческой столовой керамики из раскопок Херсонеса

Восточногреческая столовая керамика, так же, как и амфорная тара, представляет собой ценный источник информации о хронологии раннего периода существования греческих апойкий в Северном Причерноморье. В отличие от амфор периода архаики, современные разработки типологии и хронологии этой группы керамического импорта позволяют датировать её в более узких хронологических рамках. В последние годы изучению восточногреческой керамики уделяется большое внимание – были опубликованы коллекции из раскопок Ольвии (Буйских. 2013), Пантикапея (Тугушева. 2017. С. 94–140), Березани (Ильина. 2000. С. 201–209; 2005. С. 70–173; 2010. С. 141–170).

Находки «милетских черепков» при раскопках Херсонеса были отмечены ещё в начале XX в. в дневниках Р. Х. Лепера. Небольшую коллекцию ионийской керамики, найденной при исследованиях городища раннего некрополя, опубликовал Г. Д. Белов (Белов. 1972. С. 17–26). Основную массу находок он датировал V в. до н. э. и считал их доказательством существования на месте будущего дорийского Херсонеса ионийской фактории (Белов. 1972. С. 23). В 1970–80-х гг. М. И. Золотарёвым в ходе планомерных археологических работ в Северо-Восточном районе херсонесского городища были открыты сохранившиеся остатки культурного слоя и сооружений, предшествующих появлению здесь регулярной квартальной застройки во второй четверти – середине IV в. до н. э. (Буйских. 2008. С. 67). Находки из этих раскопок и частично коллекций К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера, Г. Д. Белова и С. Г. Рыжова М. И. Золотарёв и Ю. Г. Виноградов привлекли в качестве археологической основы для разработки своей гипотезы об основании Херсонеса в 528/527 г. до н. э. В серии работ М. И. Золотарёвым были представлены ранние амфоры и импортная столовая керамика, которую автор атрибутировал как ионийскую и датировал последней четвертью VI – второй четвертью V вв. до н. э. (Золотарёв. 1993. С. 14; Золотарёв. 2005. Рис. 2, 3). Исследователь разделил сосуды на несколько групп: кувшины, одноручные глубокие чаши-килики, леканы и их крышки (Золотарёв. 1993. С. 7). Всего в каталоге М. И. Золотарёвым было учтено около 200 профильных фрагментов. Основным признаком для выделения восточногреческой керамики послужил орнамент в виде полос, vyplненных краской на стенках сосудов. В процессе обжига эта краска приобретала оттенки от красного до тёмно-коричневого.

С этого времени тезис о присутствии в ранней керамической коллекции Херсонеса многочисленной группы восточногреческой керамики прочно укоренился в историографии. Тем не менее, непосредственное знакомство с материалами в фондах херсонесского музея позволило А. В. Буйских высказать некоторые замечания в отношении атрибуций и датировок, предложенных предшественниками. Наиболее ранние сосуды исследовательница отнесла ко времени не ранее самого конца VI – начала V вв. до н. э. Также она впервые высказала мнение о том, что большая часть керамики, которая считается в Херсонесе ионийской, представляет собой колониальные имитации и может быть импортом из Ольвии или другого причерноморского центра (Буйских. 2006. С. 271–272). В керамической коллекции самой Ольвии исследовательница выделила большую группу сосудов, которая по ряду особенностей может быть признана местной, ольвийской имитацией ионийской полосатой керамики (Буйских. 2013. С. 140). Кроме того, находка в Ольвии бракованной при обжиге глубокой миски в комплексе, датированном не позднее середины VI в. до н. э., является наиболее ранним зафиксированным примером собственного керамического производства в этом античном центре (Буйских. 2013. С. 140. Кат. № 9.251, 9.260). Таким образом хронологические рамки бытования ольвийских сосудов, имитирующих импортные образцы, охватывают период второй половины VI–V вв. до н. э. (Буйских. 2013. С. 140, 150–151).

Возвращаясь к херсонесским сосудам, можно сказать, что собственно восточногреческая керамика представлена совсем небольшой по количеству, но разнообразной по составу коллекцией сосудов. Среди них можно назвать фрагменты киликов, тарных сосудов типа диносов, столовых амфор, грибовидных кувшинов, асков, лекан, кубков, светильников. Основной же массив керамики, которая считается в Херсонесе ионийской, составляют сосуды, которые, как представляется, действительно следует относить к её имитациям. Эти сосуды надёжно выделяются и по визуальным характеристикам керамического теста, и по особенностям морфологии. Наиболее многочисленны красноглиняные одноручные чаши, декорированные по внутренней и иногда по внешней поверхности концентрическими полосами красной/коричневой краски. В группе чаш можно выделить несколько вариантов сосудов в зависимости от оформления закраины: с прямым краем (Рис. 1, 1–3) и с уплощённым краем, слегка скошенным внутрь (Рис. 1, 4–6). В основном чаши имеют кольцевой поддон, но встречаются и экземпляры с уплощённым дном. Иногда поверхность сосуда покрыта светлым ангобом. Керамическое тесто плотное, содержит мелкие светлые и тёмные включения. При сравнении херсонесских образцов с местными

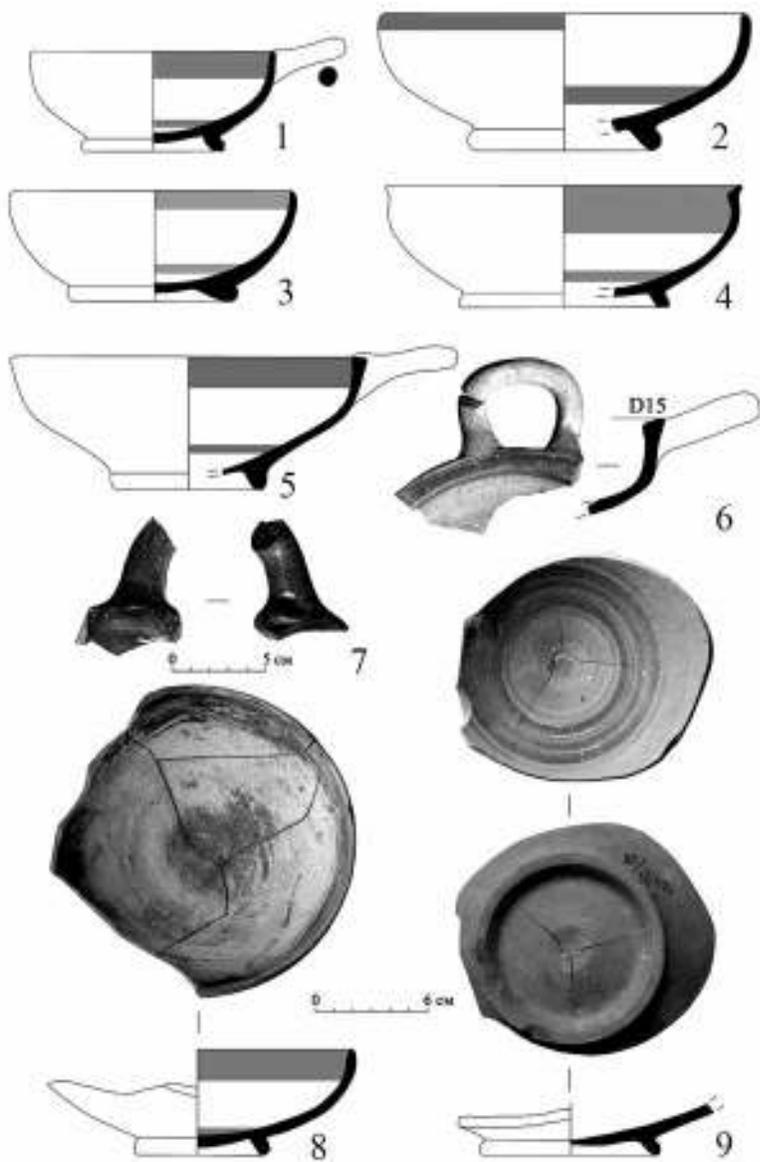

Рис. 1. Одноручные чаши, декорированные полосами красной краски из раскопок Херсонеса

чашами из Ольвии можно отметить, что для последних характерно значительно больше вариантов оформления закраин и разнообразие пропорций (Буйских. 2013. Рис. 126–136). Судя по находкам сосудов в закрытых комплексах и слоях херсонесского городища, а также в погребениях некрополя, время их бытования можно определить в рамках V – первой половины IV вв. до н. э. (Белов. 1938. С. 235. Рис. 77; Ушаков, Лесная, Тюрин. 2012. С. 314. Рис. 7).

В настоящее время из раскопок Херсонеса известны три фрагмента бракованных сосудов. Один из них представлен обломком закраины чаши с основанием ручки (Рис. 1, 7). Он был найден в помещении 18А ХСVII квартала в античном слое, неоднократно потревоженном позднейшими перестройками (раскопки С. В. Ушакова, 2012 г.). Глина сосуда перегоревшая, имеет характерный тёмно-серый цвет. Поверхность фрагмента деформирована, со вздутиями. Вероятно, изначально она была покрыта светлым ангобом, который в результате длительного пребывания в печи приобрёл зеленоватый оттенок. Ещё одна чаша происходит из раскопок С. Г. Рыжова на 6-й поперечной улице (1977 г.). Поверхность сосуда деформирована, красочное покрытие нанесено небрежно, смазано. Керамическое тесто красно-коричневого цвета, содержит светлые включения (Рис. 1, 8). Третий экземпляр – нижняя часть чаши с трещинами на дне, образовавшимися при обжиге (Рис. 1, 9). Керамическое тесто сосуда светло-коричневого цвета, с включениями светлых и тёмных частиц. Он происходит из засыпи сооружения, которое автор раскопок, С. Ф. Стржелецкий, интерпретировал как цистерну – нимфеум. По всей видимости, это сооружение являлось склепом и относилось к раннему некрополю (Буйских. 2008. С. 57–58). В середине – начале третьей четверти IV в. до н. э. (Стоянов. 2003. С. 327) или на рубеже 40-х – 30-х гг. этого столетия (Иващенко. 2014. С. 278) «нимфеум» был перекрыт оборонительной стеной. В качестве нивелировочной подсыпки был использован материал, привезённый с городской свалки, о чём свидетельствует широкий хронологический разброс в датировках сосудов, найденных в засыпи «нимфеума». Весь керамический комплекс датируется в пределах V – первой половины IV вв. до н. э. (Рогов. 2001. С. 117; Иващенко. 2014. С. 278).

Также в херсонесской коллекции выделяется группа закрытых сосудов, которые можно интерпретировать как реминисценции ионийских столовых амфор с ребром по горлу, бытующих на протяжении V в. до н. э. (Буйских. 2013. С. 118–119). Главным отличием от ионийских сосудов является отсутствие характерного ребра и орнамента в верхней части амфор. Херсонесские экземпляры представлены двумя крупными фрагментами и немногочисленной коллекцией венцов и ручек.

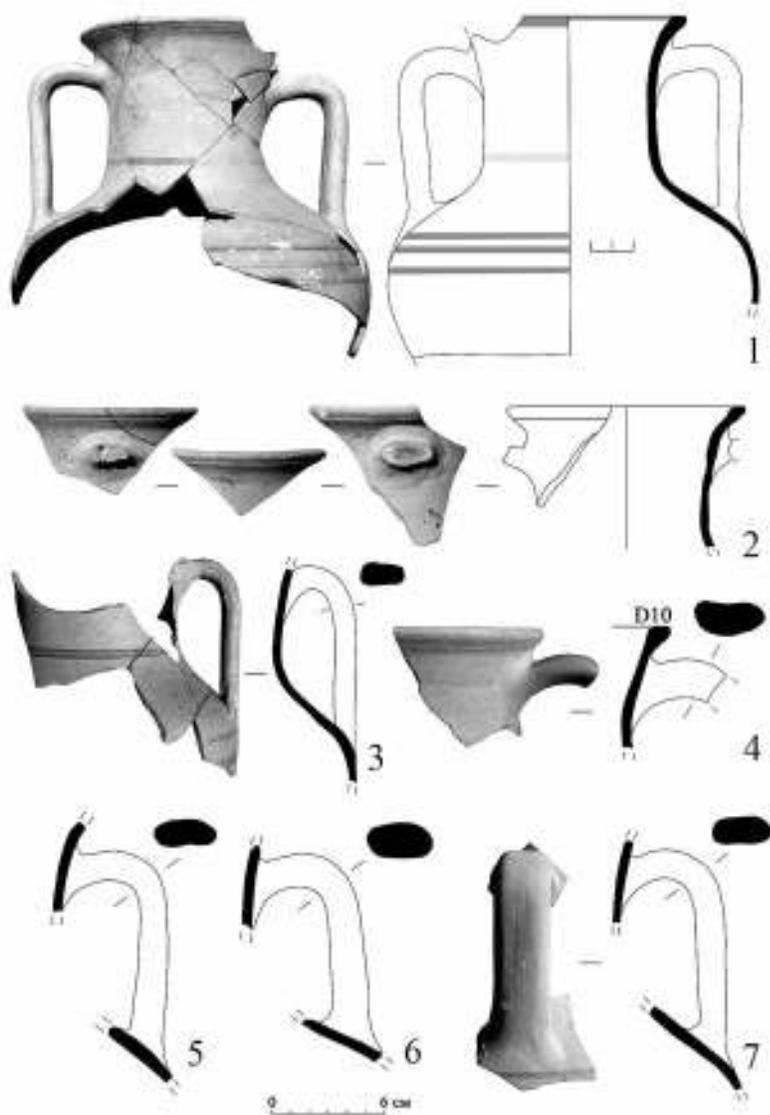

Рис. 2. Столовые амфоры, декорированные полосами краски из раскопок Херсонеса

Судя по этим находкам, полосами краски декорировались зона в нижней части горла и плечи сосуда под ручками (Рис. 2). Вероятно, этой же группе столовых амфор принадлежат многочисленные стенки с тремя горизонтальными полосами, выполненными красной краской. Керамическое тесто фрагментов светло-коричневое, с мелкими светлыми включениями. Как и в случае с одноручными чашами, рассматриваемые сосуды могут быть датированы в широких хронологических рамках V – первой половины IV вв. до н. э.

Учитывая большое количество находок этой группы керамики в Херсонесе, в том числе и бракованных, можно сделать предположение об их местном происхождении. Однако утверждать это по крайней мере преждевременно, поскольку никаких других убедительных свидетельств существования здесь собственного керамического производства в V – первой половине IV вв. до н. э. в настоящее время неизвестно. Также в ранних комплексах встречаются сосуды, имитирующие востонгреческие образцы, которые исследователи относят к ольвийской продукции: фрагменты канфаров (Буйских. 2013. С. 172. Рис. 170; Рыжов, Лесная. 2018 (в печати)) и светильника с вертикальной ручкой-петлёй (Шейко. 2015. С. 217–218). Вероятно, какая-то часть одноручных чаш является импортом из Ольвии. Нельзя исключать и то, что представленные сосуды могут относиться к продукции какого-либо другого античного центра Причерноморья. Формирование ранней керамической коллекции Херсонеса начинается в первой четверти V в. до н. э., уже после завершения массового поступления в Северное Причерноморье широкого ассортимента керамической продукции востонгреческих центров – в период, когда в колониях импорт уже был поддержан развитым местным керамическим производством, удовлетворяющим не только потребности внутреннего рынка, но и поставляющим товар на экспорт.

Литература

- Г. Д. Белов. Отчёт о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, Государственное издательство Крымской АССР, 1938.
- Г. Д. Белов. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. 1972. Т. XIII.
- А. В. Буйских. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // АМА. 2006. Вып. 12.
- А. В. Буйских. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. 2008. Вып. 5.
- А. В. Буйских. Архаическая расписная керамика из Ольвии (востонгреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: «Стародавній світ», 2013.
- Ю. Г. Виноградов, М. И. Золотарёв. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

- М. И. Золотарёв.* Херсонесская архаика. Севастополь, [б. и.], 1993.
- М. И. Золотарёв.* Херсонес Таврический: основание и становление полиса // ХСб. 2005. Вып. 14.
- М. В. Иващенко.* Керамические клейма из херсонесского «нимфеума» // *Stratum plus*. 2014. № 6.
- Ю. И. Ильина.* О новых находках восточно-греческой керамики на острове Березань // ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб.: Изд-во «Алетейя», 2000.
- Ю. И. Ильина.* Хносская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. Т. I.
- Ю. И. Ильина.* Клазоменская керамика из раскопок на Березани // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. Т. II.
- Е. Я. Rogov.* Общественный источник в Юго-Восточной части Херсонесского городища // *Археология*. 2001. № 4.
- С. Г. Рыжов, Е. С. Лесная.* О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. БЧ. 2018. Вып. XIX.
- Р. В. Стоянов.* Мемориальный погребальный комплекс V в. до н. э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического // *Stratum plus*. 2003–2004. № 3.
- О. В. Тугушева.* Восточногреческая керамика из раскопок Пантикапея 1945–2017 годов. Общая характеристика // Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей. От апоикии – к городу. М.: Издательство «Перо», 2017.
- С. В. Ушаков, Е. С. Лесная, М. И. Тюрин.* Новый керамический комплекс V в. до н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвящённый 65-летию В. П. Копылова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013.
- І. М. Шейко.* Світільники з вертикальними ручками-петлями з Ольвії та Борисфену // *Археологія і давня історія України*. 2015. Вип. 1.

С. А. Зинченко

Изображение на терракотовой пластинке из Херсонеса: попытка интерпретации образной программы

Терракотовая пластинка (Рис. 1, 1), найденная в 1946 г. в Херсонесе (раскопки ГИМа), была первоначально описана как изображение так называемой змееногой богини с головой быка (Пятышева. 1947. С. 213). Пластинка, размером 6,8×6,3 см и толщиной 0,6 см, выполнена из обожженной глины, слегка декорирована кремовым ангобом и датируется I–II вв. н. э. (Пятышева. 1947. С. 213, 218). На ней «/.../» изображена

1

2

Рис. 1. Варианты изображений Rankenfrau в искусстве Северного Причерноморья и других регионов античного мира: 1 – терракотовая пластинка из Херсонеса (по: Пятышева. 1947. С. 213); 2 – прорисовка изображения из блюда из кургана Чертомлык (Кондаков, Толстой. 1889. Вып. 2. С. 111)

обнаженная женская фигура со стилизованными крыльями за плечами, змеевидными (от колен) ногами, переходящими в стилизованные растительные завитки, концы которых с листьями и цветами находятся в руках изображенной фигуры. Самым необычным в ней является голова, представляющая бычачью морду в стиле обычных плоскостных пластических изображений голов быка – букраниев /.../» (Пятышева. 1947. С. 213). С самого начала введения этого изображения в научный оборот оно трактовалось как произведение синкретическое, сочетающее в себе разные традиции. Так, по мнению Н. В. Пятышевой, «существо /.../ на пластинке 1946 г. является лучшим выразителем синтеза двух местных религиозных элементов – скифского и таврского. Это синтетическое божество рождено местной мифографией, но с прева-лированием все же таврского начала¹» (Пятышева. 1947. С. 218). Как полагает Н. П. Сорокина, на пластинке представлено изображение сирены (Сорокина. 1960. С. 95). М. И. Артамонов персонажа на пластинке рассматривал как «/.../ олицетворение плодоносящей природы, которое под именем Апи почиталось как божество земли, а под именем Аргимпасы – как божество неба. Бычья голова, надо полагать, указывает на культ животного, в котором воплощались космические, в дальнейшем антропоморфизированные представления. Бык, очевидно, был звериным двойником и атрибутом этого божества» (Артамонов. 1961. С. 69–70). По мнению В. М. Зубаря, изображение на пластине можно отождествить с одной из легендарных родоначальниц скифов – Ехидной (Зубарь. 2005. С. 31–32). Приведенные описания показывают, что интересующий нас образ наделён множеством аспектов, чрезвычайно многогранен своей образной программой. Вряд ли когда удастся в полной мере определить все смысловые слагаемые, вкладываемые в данное произведение его создателями. В данной пластинке сплетаются и архетипическое как общее для всех, и особенное как присущее различным культурам, на базе которых создавался новый потребитель – заказчик этого широкого спектра культурных аллюзий. Как отмечает М. Ю. Вахтина, «/.../ когда мы обращаемся к изделиям, изготовленными греческими мастерам для представителей варварской элиты /.../, мы имеем дело с гораздо более сложными иконографически (и, вероятно, семантически) образами и композициями, чем те, которые представлены на памятниках искусства, происходящих из других областей античного мира» (Вахтина. 2015. С. 77). Несмотря на то, что рассматриваемый в статье памятник не входит в набор элитных и представ-

¹ Говоря о таврской традиции, Н. В. Пятышева имеет в виду почитание таврского божества Девы.

ляет собой вариант самой что ни на есть обиходной продукции², анализ и интерпретация его образной программы должны учитывать эти особенности генезиса и дальнейшего бытования, ибо «/.../ долог путь от первого знака к первому символу, иначе говоря, от детства знака-индекса до его символоподобной зрелости» (Фойт. 1993. 64).

При интерпретации образной программы постараемся учесть сложности в построении иконографических схем и многоплановость возникающих ассоциаций.

Говоря об изображении на терракотовой пластинке из Херсонеса, обратим внимание на то, что подобная схема включает в себя такие элементы, как стилизованные крылья, задняя часть тулова и ноги, замененные на орнаментальные детали в виде растительных побегов и голов змеиных либо грифона (что встречается достаточно редко), бычью голову. Эти разнообразные элементы не столь часто представлены в какой-нибудь одной хорошо узнаваемой и применяемой достаточно массово иконографической схеме.

Рассматривая иконографическую схему, подобную той, которая представлена на терракотовой пластинке из Херсонеса, Е. А. Савостина предложила называть её «прорастающая дева» (Rankenfrau) (Савостина. 1996. С. 72–83). Как отмечает М. Ю. Вахтина, «тип женской фигуры, как бы “вырастающей” из системы растительного орнамента, широко известен на территории Греции, Италии и Малой Азии. Встречается он и в круге памятников Северного Причерноморья, как античных, так и принадлежащих к вещам, изготовленным в рамках так называемого греко-скифского искусства» (Вахтина. 2015. С. 76). В типе «прорастающих» (Rankenfrau) возможно выделить следующие варианты: 1) женская протома с заменой нижней части тулова и ног на орнаментальные элементы в виде прорастающих листьев и побегов; 2) женская протома с заменой нижней части тулова и ног на орнаментальные мотивы в виде прорастающих листьев и побегов в сочетании со змеями/грифонами. Второй вариант, возможно, более близок тому, что представлен на пластинке из Херсонеса. К памятникам, в которых используется второй вариант, можно отнести: изображения на золотом налобнике из кургана Большая Цимбалка (Золото степу. Археологія України. 1991. С. 152. Рис. 1; Вахтина. 2015. С. 80. Ил. 3) и на серебряном налобнике из конского погребения № 2 кургана Толстая могила (Вахти-

² Так, Н. В. Пятыхшева, отмечая хорошее качество глины, обращает внимание на следующие факты: «Судя по небрежности и поспешности, с какими слепок вынимался из формы, производство было массовым и вкусы потребителей не слишком взыскательны, так как отпечаток передавал изображение в нечетком виде» (Пятыхшева. 1947. С. 214).

на. 2015. С. 77)³; бляшки из кургана Куль-Оба (Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 102. Кат. 31. Табл. 11, 21; см. также Журавлев, Новикова. 2012) из собрания ГИМа и аналогичные им изделия из собрания Государственного Эрмитажа (Артамонов. 1961. С. 67. Рис. 10); бляшка из Херсонеса (Пятышева. 1956. Табл. I, 1) и др.⁴

На сегодняшний день существует достаточно много вариантов интерпретации образной программы описываемой иконографической схемы, связанных с попытками соотнесения изображаемого персонажа с миром представителей как скифской, таврской, так и греческой мифологии⁵. Д. В. Журавлев, анализируя бляшку с Rankenfrau из Куль-Обы (собрание ГИМа)⁶, отмечает: «... / мотив не имеет никакого отношения к скифской мифологии и является полностью греческим» (Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 110), полагая также и то, что «Rankenfrau, или “прорастающая дева” – это сюжет, заимствованный из искусства Передней Азии, который был адаптирован во многих регионах Средиземноморья и Причерноморья в позднеклассическое – раннеэллинистическое время» (Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 107). М. Ю. Вахтина, исследуя изображение Rankenfrau на серебряном блюде из Чертомлыкского кургана⁷, склонна видеть в этом памятнике трансляцию представлений «... / о каком-то могущественном местном божестве /.../» (Вахтина. 2015. С. 84), отмечая «возможно, что /.../ в рассматриваемой нами контактной зоне – Северном Причерноморье – “прорастающие” могли опираться на какую-либо местную традицию, и потому образ нашел яркое развитие в так называемом греко-скифском искусстве. /.../ он мог легко адаптироваться в соответствии со вкусами варварских заказчиков, и вещи, украшенные подобными изображениями, естественно “вписывались” в контекст локальной культуры /.../» (Вахтина. 2015. С. 77).

Анализируя, хоть и более поздний по времени, памятник, попытаемся определить, возможно ли соотнесение его художественно-образной программы с какой-то более или менее определяемой культурной

³ Датируются оба памятника согласно периодизации, разработанной А. Ю. Алексеевым, 360/350–330/320 гг. до н. э. (Вахтина. 2015. С. 77).

⁴ Практически полный список предметов с аналогичной иконографической схемой приводит Д. В. Журавлев (см. Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 102–103). Список памятников, подобных херсонесской пластинке, также приводит Н. В. Пятышева, относя к находкам на территории Херсонеса 4 предмета (Пятышева. 1947. С. 214).

⁵ Краткий историографический анализ данного вопроса см. Журавлев, Новикова. Шемаханская. 2014. С. 103. 106–107.

⁶ Датируется второй – третьей четвертью IV в. до н. э. (Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 110).

⁷ Датируется последней четвертью IV в. до н. э. (Вахтина. 2015. С. 84).

традицией. Или привнесённое извне воспринимается не в качестве усвоенного инокультурного, а принимается как один из вариантов своих стержневых представлений, которые подчас оказываются не столько своими, сколько архетипическими⁸.

Как отмечает Д. В. Журавлев, ссылаясь на мнения ряда исследователей, «в основе подобной композиции лежит древний иконографический тип *Potnia Theron* в окружении львиноголовых грифонов» (Журавлев, Новикова, Шемаханская. 2014. С. 107). По мнению М. Ю. Вахтиной, «/.../ сама схема “женское божество и грифоны” в раннегреческом искусстве достаточно редка» (Вахтина. 2005. С. 325), а семантическая связь «грифон и женское божество» исследовательницей соотносится с местной особенностью, проиллюстрированной на древнейших памятниках греко-скифской традиции (Вахтина. 2005. С. 328).

Важно вспомнить, что *Πότνια Θηρών* (*Potnia Theron*) – очень ранний мифологический персонаж, восходящий к эпохе праиндоевропейского единства, а возможно, и ещё более древней⁹. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что, описывая и выделяя основные черты – качества *Πότνια Θηρών*, А. И. Зайцев подчёркивал: «/.../ часто высказываемое мнение, будто минойская владычица зверей представляет собой лишь одну из форм чуть ли не универсального существа, является необоснованным» (Зайцев. 2005. С. 54). Таким универсальным существом поначалу, вероятно, был образ женщины (матери) – прародительницы, обладавший большим количеством схожих качеств, насыщенный многими разными аспектами, не позволяющими чётко выделить лишь одну присущую этому образу и его характеризующую (маркирующую) функцию, так как «/.../ этот образ (матери-прародительницы – С. 3.) предстаёт синкретичным и по своей семантической сущности, и по иконографическому воплощению» (Хлобыстина. 1978. С. 158). Самая яркая серия достаточно близких (а порой и однотипных) памятников, происходящих с территории Эгеиды и связанная с репрезентацией *Πότνια Θηρών*, выделяется с VII в. до н. э. по середину VI в. до н. э. Итак, с одной стороны, *Πότνια Θηρών*, возможно, не является

⁸ По мнению Я. А. Шера, совпадение изобразительных формул требует объяснения причин. В качестве объяснений Я. А. Шер предлагает: «/.../ 1) совпадающие изобразительные формулы представляют собой общечеловеческие универсалии и появились независимо друг от друга; 2) некий словесный и/или изобразительный сюжет (мотив) заимствован одной культурой у другой; 3) два похожих мотива восходят к общему предку» (Шер. 2006. С. 199).

⁹ М. Л. Нош полагает, что в бронзовом веке иконография *Πότνια Θηρών* уже присутствует со всеми своими элементами (Nosch, 2009. P. 34). Также на присутствие специфических черт *Πότνια Θηρών* в искусстве позднеминойского периода обращает внимание и Ю. В. Андреев (Андреев. 2002. С. 299).

частью, составляющей образ универсального архетипического божества. С другой стороны, вопрос о возможной семантической и даже иконографической взаимосвязи/взаимозаменяемости при передаче этих мифологических персонажей не исчерпывается одним лишь постулированием тезиса о том, что персонажи неидентичные.

Обратимся к ряду изобразительных памятников античного и древневосточного искусства, связанных с репрезентацией Πότνια θηρών, в которых можно выявить если не интересующую нас иконографическую схему целиком, то её отдельные компоненты. К подобным памятникам необходимо отнести изображения на золотых подвесках из Минет-эль-Бейда (Peggy L. Day. 1992. Fig. 2,3)¹⁰. На одной из золотых подвесок представлен достаточно важный иконографический элемент – змеи, прорастающие из бедер женской фигуры (Рис. 2, 1), на другой – две пары рогов на голове (Рис. 2, 2). Э. Бэван отмечает, что, как только образ Πότνια θηρών возвращается в искусство Греции раннеархаического периода, змеи становятся одним из элементов, с которым связана репрезентация данного образа (Bevan. 1985. P. 264). В качестве примеров Э. Бэван приводит изображения на пластинке-фибуле из слоновой кости (Рис. 2, 4) из святилища Артемиды Орфии в Спарте¹¹ (Bevan. 1985. P. 511)¹² и на раскрашенном терракотовом рельефе (Рис. 2, 3) с северного склона Ареопага¹³ (по: Bevan. 1985. P. 511). Бычья голова (или как её отдельный элемент – рога) также будут встречены в изображениях Πότνια θηρών в древневосточном и античном искусстве¹⁴. В качестве одного из примеров стоит привести изображение на серебряном блюде из Чертомлыкского кургана, когда орнаментальные растительные элементы слагают абрис бычьей головы/букrania¹⁵. Как и змеи, быки являлись достаточно популярным и важным элементом в изображениях Πότνια θηρών¹⁶.

¹⁰ Одна золотая подвеска датируется около 1400 г. до н. э. (Peggy L. Day. 1992. Fig. 2. P. 189), другую П. Л. Дэй датирует поздним бронзовым веком (Peggy L. Day. 1992. Fig. 3. P. 190).

¹¹ Датируется VIII в. до н. э. (Bevan. 1985. P. 511).

¹² Подобное изображение представлено на обломке глиняного сосуда, происходящего из Нимруда (Barnett. 1948. Pl. VIII, g).

¹³ Датируется VII в. до н. э. (Bevan. 1985. P. 264).

¹⁴ Но, при использовании отдельных частей быка (головы/рогов), крайне редко можно встретить изображение Πότνια θηρών с быками (см. Lehmann-Hartleben. 1939).

¹⁵ Благодарю за подсказку, высказанную Я. А. Шером.

¹⁶ Так, С. Ю. Сапрыкин указывает на то, что бык «.../ играл ведущую роль в обрядах греческой Артемиды и полуперсидской богини Артемиды Нанайи. /.../ Быки посвящались и Анахите (=Анаит в Понте), ибо считались ее жертвенными животными» (Сапрыкин. 2009. С. 219).

Рис. 2. Варианты изображений Πότνια θηρῶν в античном и древневосточном искусстве с элементами иконографической схемы, связанной с репрезентацией образа Rankenfrau: 1 – на золотой подвеске из Минет-эль-Бейда (по: Peggy L. Day. 1992. Fig. 2); 2 – на золотой пластинке/подвеске из Минет-эль-Бейда (по: Peggy L. Day. 1992. Fig. 3); 3 – на раскрашенном терракотовом рельефе с северного склона Арэопага (по: Bevan. 1985. P. 511. Fig. 45); 4 – на пластинке-фибуле из слоновой кости из святилища Артемиды Орфии в Спарте (по: Андреев. 2008. С. 73. Илл. 17, 1).

Образ Πότνια θηρών, являясь изобразительной формулой, связанной, скорее всего, с общечеловеческими универсалиями, в рамках каждой культуры будет представляться через различные изобразительные вариации. Принадлежность этого образа к сфере культурных универсалий вряд ли будет способствовать нахождению на определённой территории некоего первообразца¹⁷. Πότνια θηρών присутствует практически в любой культуре Древнего мира, представляясь под разными именами, а порой и под несколькими сразу.

Образ «прорастающей девы» (Rankenfrau), получивший своё изобразительное воплощение в античных центрах Северного Причерноморья, также вряд ли может быть «привязан» к конкретному божееству. Кроме того, имея лишь повторения в ряде отдельных элементов (но не целиком иконографической схемы), Rankenfrau вряд ли может рассматриваться как эквивалент либо вариант образа Πότνια θηρών. Возможно, в пользу подобного вывода могут выступать теогонические тексты, сохраняющие древнее мистическое знание. В частности – орфическая теогония по Иерониму и Гелланику, излагаемая Дамаскием (ок. 462 – после 538) в «О началах»: «третье начало, идущее после двух, родилось из них, т. е. из воды¹⁸ и земли, и являет собой «Дракона [Змея] с приросшими головами быка и льва, а посреди [них] – лик бога. На плечах у него крылья, имя ему – Нестареющий Хронос [Время], он же Геракл¹⁹. С ним соединена Ананкэ [Необходимость] – то же самое существо, что и Адрастея – бестелесная, распростёртая по всему космосу и касающаяся его границ»²⁰ (Фрагменты ранних греческих философов. 1989. С. 61–62). В образе Rankenfrau, возможно, отсутствует изначальная соотнесённость с определёнными божеествами в силу того, что передается не персоналия, а изобразительными средствами показывается акт, священнодействие – рождение мира. Безусловно, важна связь содержательной программы с функциями предметов – быть связанными с погребениями и посвященными теме нового рождения, повторяющему/воспроизводящему акт генезиса мира. Заметим, что связь содержательной программы рассматриваемого памятника с демиургической темой проявляется и в отдельных элементах изобразительной схемы. Так, Порфирий в своём трактате «О пещере нимф»,

¹⁷Что не исключает заимствования различными культурами определённых иконографических схем.

¹⁸В связи с приведённой цитатой, вспоминается, что, по мнению С. В. Кулланды, имя скифской богини Апи восходит к иранскому «вода», «водная» (Кулланда. 2016. С. 48).

¹⁹Стоит обратить внимание на то, что возможно отождествление Геракла с Potnios Teron (Burkert. 1979. P. 94).

²⁰Пер. А. В. Лебедева.

посвященным толкованию гомеровского описания пещеры на Итаке, называет души идущих в мир становления²¹ быкородными пчелами (Порфирий. 1988. С. 472) и упоминает о том, что «/.../ божество, которое тайно слывет как становление, называют похитителем быков» (Порфирий. 1988. С. 472). Итак, изображается священный, демиургический акт, а не конкретный персонаж мифологии. Отсутствие необходимости воспроизведения конкретного персонажа приводит к тому, что нет необходимости и в детальном воссоздании устоявшейся иконографической схемы.

Литература

- Ю. В. Андреев.* От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., «Дмитрий Буланин», 2002.
- Ю. В. Андреев.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., Нестор-История, 2008.
- М. И. Артамонов.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2.
- М. Ю. Вахтина.* Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., «Алетейя», 2005.
- М. Ю. Вахтина.* Об иконографии женского божества на серебряном блюде из кургана Чертомлык // ТГЭ. 2015. Т. LXXVII. Золото степу. Археологія України. Київ, Інститут археології АН України; Шлезвіг, Археологічний музей, 1991.
- Д. В. Журавлев, Е. Ю. Новикова.* Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Образы времени. Их истории древнего искусства. М., Исторический музей, 2012. – (Тр. ГИМ. Вып. 189).
- Д. В. Журавлев, Е. Ю. Новикова, М. С. Шемаханская.* Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М., Исторический музей, 2014. – (Тр. ГИМ. Вып. 200).
- А. И. Зайцев* Греческая религия и мифология. СПб., Филологический факультет СПбГУ; М., Издательский центр «Академия», 2005.
- В. М. Зубарь.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев, Издательский дом «Стилос», 2005.
- И. И. Толстой, Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства. Древности скифо-сарматския. СПб., Тип. А. Бенке, 1889. Вып. 2.
- С. В. Кулланда.* Скифы: язык и этногенез. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Порфирий.* О пещере нимф / Пер. А. А. Тахо-Годи // Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. М., Искусство, 1988. Кн. 2.

²¹ Порфирий также отмечает, что «/.../ души, идущие в мир становления, назывались пчелами, но лишь те, которые намеревались жить по справедливости и снова вознестись, творя угодное богам» (Порфирий. 1988. С. 473). Пчелы в культурах Эгеиды выступают как символ Великой богини-матери.

- Н. В. Пятыхшева.* Культ греко-таврского божества в Херсонесе // ВДИ. 1947. № 3.
- Н. В. Пятыхшева.* Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н. э. – IV век н. э. М., Госкультпросветиздат, 1956. – (Тр. ГИМ. Вып. 18).
- Е. А. Савостина* «Змееногая богиня» – «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // Историко-археологический альманах. Армавир, М., 1996. Вып. 2.
- С. Ю. Сапрыкин.* Религии и культы Понта эллинистического и римского времени. М. – Тула, «Триумф принт», 2009.
- Н. П. Сорокина.* Навершие боспорского надгробия из собрания Государственного Исторического музея // Археологический сборник. М., «Советская Россия», 1960. Тр. ГИМ. Вып. 37.
- В. Фойт.* Иконичность ранних форм в искусстве // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М., Российский государственный гуманитарный университет, 1993.
- Фрагменты ранних греческих философов. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. А. В. Лебедев (сост.). М., Наука, 1989. Ч. 1.
- Я. А. Шер.* Первобытное искусство: учебное пособие. Кемерово, Кузбассвузиздат, 2006.
- М. Д. Хлобыстина.* Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // У истоков творчества (Первобытное искусство). Новосибирск, «Наука» Сибирское отделение, 1978.
- R. D. Barnett.* Early Greek and Oriental Ivories // The Journal of Hellenic Studies. 1948. Vol. 68.
- W. Burkert.* Structure and History in Greek Mythology. Berkley, University of California Press, 1979.
- E. Bevan.* Representations of Animals Sanctuaries of Artemis and of Other Olympian Deities. Ph. D. University of Edinburgh, 1985.
- K. Lehmann-Hartleben.* Note on the Potnia Taurōn // AJA. 1939. Vol. 43. No. 4.
- M. L. Nosch.* Approaches to Artemis in Bronze Age Greece // From Artemis to Diana: The Goddess of Man and Beast / Ed. by Fischer-Hansen T., Poulsen B. // Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, 2009.
- Peggy L. Day.* Anat: Ugarit's "Mistress of Animals" // Journal of Near Eastern Studies. 1992. Vol. 51. No. 3.

В. А. Кутайсов

О времени строительства античного театра в Херсонесе

В литературе утвердилось мнение о том, что театр располагается в юго-восточном районе херсонесского городища. Однако на самом деле это не вполне соответствует реальной действительности. Как становится очевидным при рассмотрении последнего из опубликованных планов Херсонеса, театральное здание находилось на южной окраине города, возле самых крепостных стен (Буйских, Золотарёв. 2001. Рис. 6; Буй-

ских. 2008. Рис. 11, 13). Исходный ландшафт данной территории определяла весьма неглубокая так называемая Театральная балка, впадающая в гораздо более крупную балку, получившую впоследствии название Карантинной. Склоны Театральной балки изначально представляли собой скальные выступы, понижающиеся ступенями на восток и на юг. В тальвеге данной впадины сначала было два источника, причем один из них сразу иссяк после проведения масштабных вскрышных работ в ходе сооружения театра; второй же продолжал действовать на протяжении всего периода деятельности театральной постройки, создавая тем самым постоянные трудности в ее эксплуатации.

На юго-западном склоне балки над материковым грунтом был обнаружен так называемый таврский слой, общей толщиной 0,25 м. В структурном отношении он представлял из себя две прослойки сиреневой по цвету золы, толщиной по 0,06–0,07 см каждая, разделенные между собой слоем желтого суглинка толщиной 0,12–0,13 см. Из этого слоя происходят три лощенных фрагмента кизил-кобинских сосудов, два из которых были украшены на поверхности гребенчатым орнаментом. Здесь же были обнаружены две примитивных антропоморфных фигурки, изготовленные из плохо обожженной глины, предмет, напоминающий ложку, и три керамических цилиндра (Зедгенидзе. 1976. С. 28). Все эти терракотовые статуэтки М. Е. Бондаренко связывает с культом таврской богини-девственницы (Бондаренко. 2003. С. 21), а А. В. Шевченко рассматривает как вотивы женских земледельческих божеств (Шевченко. 2005. С. 115–116. Табл. 30).

По мнению О. А. Махневой, все эти находки свидетельствуют о существовании на данном месте таврской стоянки или селища VII–VI вв. до н. э.¹ Предложенная выше названным автором хронология подтверждается радио-углеродной датировкой двух взятых из горелого слоя проб, относящихся к 520±25 г. до н. э. и 590±35 г. до н. э. Зольный слой образовался тут, как полагает Л. В. Фирсов, в результате пожара, уничтожившего древесно-кустарниковую растительность на рубеже VII–VI вв. до н. э. (Фирсов. 1976. С. 74, 80–81).

Весь участок, занятый позднее театром, до начала последней четверти IV в. до н. э. располагался за пределами городской территории Херсонеса конца V – первой половины IV вв. до н. э. Ранняя крепостная стена конца V в. до н. э. проходила по северной кромке Театрального оврага. Раскопками были открыты семь массивных известняковых глыб,

¹ О. И. Домбровский. Отчёт о раскопках в Херсонесе на участке античного театра и храма с ковчегом в 1970 г. // НА ИА НАНУ. Ф. № 7020–7022. 120 с.; НА ГМЗХТ. Ф. № 1411/1–5; НА ИАК РАН, № 858. Л. 5.

впущенных в материковый грунт основания внешнего южного панциря оборонительной кладки, которые являлись фундаментом. Обнажены они были только с внутренней тычковой стороны. Пространство между огромными блоками было заполнено мелким бутом на глине. После того как в последней четверти IV в. до н. э. крепостная куртина оказалась внутри городской черты, она была почти полностью разобрана. Небольшой отрезок ее фундамента во II в. н. э. был использован в качестве основания северной стены террасы, примыкающей с северо-запада к амфилеме. Между обеими кладками нет никакого соприкосновения, поскольку они разделены двумя слоями грунта. Нижний из них, непосредственно перекрывающий фундамент и заполняющий пустоты в местах выборки камней, содержал материал III–II вв. до н. э. (?), что и определяет время разрушения ранней стены. Сам О. И. Домбровский, тем не менее, не связывал остатки такого массивного фундамента с крепостной стеной, с чем, однако, не соглашалась И. А. Антонова (Антонова. 1996. С. 105), к мнению которой мы присоединяемся.

На противоположном северо-западном краю Театральной балки, за пределами оборонительной линии города, сформировался некрополь позднеклассического времени. В ходе раскопок 1970 г. были раскрыты семь захоронений, одно из них оказалось почти полностью разрушенным. Два погребения юношеские, остальные – детские. Могильные ямы были впущены с поверхности слоя суглинка до материковой скалы, прорезав так называемый таврский слой. Три захоронения были ориентированы головой на северо-восток, одно – на восток, одно – на север и еще одно – на юго-восток. Могильные ямы были обложены бутовым камнем и также перекрыты. В перекрывающем погребения слое были обнаружены три антропоморфных надгробия. Весь погребальный инвентарь относится к третьей четверти IV в. до н. э. (Махнева, Пуздровский. 1998. С. 74–79; Зедгенидзе. 1976. С. 28–34; Зедгенидзе, Махнева. 1971. С. 247–249; Зедгенидзе, Савеля. 1981. С. 4–5; Зедгенидзе, Савеля. 1981. С. 193).

В трех погребениях (№№ 2, 3, 6) в качестве «обола Харона» использовались монеты одного и того же типа: морда льва – звезда. Они датируются А. Н. Зографом и В. А. Анохиным серединой IV в. до н. э., Е. Я. Туровским – третьей четвертью IV в. до н. э., Н. Н. Грандмезоном – всей второй половиной IV в. до н. э., С. А. Коваленко – первой половиной IV в. до н. э. (Анохин. 1977. №№ 27–32; Грандмезон. 1982. С. 34–35; Зограф. 1951. Табл. XXXV, 12; Коваленко. 1999. С. 117, 123; Туровский. 1997. №№ 27–30). Совокупность всех данных, как археологических, так и нумизматических, не оставляет сомнения в том, что описанный выше некрополь относится к третьей четверти IV в.

до н. э. Это подтверждается так же и аттической чернолаковой и краснофигурной керамикой (Зедгенидзе. 1976. Прим. 3). В литературе высказывалось мнение о принадлежности к «театральному» некрополю погребения IV в. до н. э., открытому в 1913 г. в районе бывшей монастырской оранжереи (Зедгенидзе, Савеля. 1981. С. 5. Рис. 1). Однако это захоронение находится примерно на одинаковом расстоянии между могильниками на северном берегу и под руинами театра. Присутствие здесь упомянутой могилы вполне объяснимо, если признать тот факт, что могильник конца V–IV вв. до н. э. располагался вдоль всего внешнего периметра ранних крепостных стен Херсонеса (?).

В то же самое время, когда совершались описанные выше погребения, в тальвеге балки был устроен нимфей, который заполнялся свежей водой из бьющих в балке двух родников. Короткое и извилистое русло ручья, по которому некогда протекала вода, удалось проследить по окатанным мелкими камешками и песку, которые отложились в колдобинах и трещинах коренной скальной породы. Контуры данного сооружения впервые стали очевидными в 1989 г., а заполнение его было полностью разобрано в 1990–1991 гг. (Домбровский. 1997. С. 85). Для устройства ровной площадки для данного сооружения была срезана часть склона правого края балки. Образовавшийся от этой нивелировки грунт, насыщенный бытовой и тарной керамикой, кусками печины и шлака, остатками криц, осколками импортной чернолаковой посуды, выбрасываемый сюда из расположенного рядом порта и перемешанный с верхним рыхлым слоем материковой скалы, был спущен вниз по склону и, таким образом, расширил искусственную террасу.

Бассейн имел в плане овальную форму с максимальным диаметром 5,80 м, минимальным – 4,10 м. Его юго-восточная часть была частично разрушена более поздним фундаментом проскениума. Котлован водоема был частично врезан в материковую скальную террасу, а в основном же в засыпь балки. Борта нимфея были обложены плоскими камнями и оштукатурены цемянковым раствором. Таким же по своей структуре составом было покрыто и дно бассейна. К моменту раскопок водоем сохранился на глубину около 0,9 м, поскольку его верхняя часть была срезана при нивелировке площадки оркестры. По мнению О. И. Домбровского (Домбровский. 1997. С. 85), от водоема осталось только лишь 1/3 глубины, а следовательно, его изначальная глубина достигала 2,7 м, с чем, однако, трудно согласится. В таком случае следует допустить, что при строительстве театра уровень балки был понижен почти на два метра. Предполагать подобное у нас нет абсолютно никаких оснований. Кроме того, уровень дневной поверхности нимфея четко определяется примыкающим к нему с юго-востока водостоком.

У юго-восточного края бассейна находился сложенный из камня выступ на 0,5 м внутрь, назначение которого осталось не ясным. Аморфное заполнение нимфея указывает на то, что он был засыпан одновременно при строительстве театра, а значит, его археологическое содержание позволяет определить время сооружения зрелищной постройки.

Водоем наполнялся чистой и проточной родниковой водой из источников, пробивающихся наружу из-под тогда еще естественных скал. Излишек воды с помощью примыкающего с юго-востока водостока с уклоном примерно 3° отводился в ручей, протекавший, видимо, в то время по тальвегу балки. Желоб последнего, его дно, перекрытие и боковые стенки были выложены из известняковых плит. Заполнение бассейна состояло из плотного рыхлого суглинка. На дне оказался тонкий (7–8 см) слой плотных илистых отложений. Из него были извлечены мелкие черепки преимущественно амфор различных центров и небольших тонкостенных кувшинов. Склеить из этих фрагментов что-нибудь целое не удалось. Не ясной осталась причина попадания керамических осколков на дно водоема. Однако у нас нет никаких оснований предполагать попадание сюда разбитой посуды в результате выполнения каких-то ритуальных целей. Засыпь бассейна и территория вокруг него оказалась перекрытой 20-ти см слоем цемянкового крошева от разрушенного первоначального покрытия нимфея, смешанного с суглинистым натеком и мелким, хорошо просеянным песком. Появление песка связано уже с ремонтом театра в I в. н. э.

На правом склоне Театральной балки, в самом нижнем слое, непосредственно лежащем на материковой скале, где не было выявлено следов погребенной почвы, были найдены куски печины, шлак, обломки кричного железа, много угля, перекаленной керамики. Местами на скале – следы горения, а весь слой, толщиной в среднем до 0,20 м, имеет рыжевато-серый оттенок. Все это, безусловно, свидетельствует о какой-то производственной деятельности (скорее всего, металлургической) на данном участке в тот период, когда он еще не был включен в черту города².

Во время следующего, самого грандиозного пространственного расширения территории Херсонеса низовье Театральной балки было перекрыто новой линией оборонительных сооружений, и, следовательно, весь этот южный участок был включен в городскую черту. Здесь была возведена башня XIII и куртина 15 (по общепринятой нумерации). Время столь крупномасштабного фортификационного строительства

² О. И. Домбровский. Отчет об археологическом исследовании «театрального участка» Херсонеса в 1989 г. // НА ИАК РАН. Ф. № 127; ГИАМЗХТ. № 2930. Л. 19–20.

в настоящее время на основании разнообразных фактов определяется достаточно точно: И. А. Антонова датирует это событие рубежом 3 и 4 четвертей IV в. до н. э. (Антонова. 1996. С. 108), М. И. Золотарёв сначала относил данное событие к последней четверти IV в. до н. э. (1998. С. 33), а затем, в совместной статье с А. В. Буйских, – к началу последней трети IV в. до н. э. (Буйских, Золотарёв. 2001. С. 114), то есть к тому же времени, что и И. А. Антонова. Некоторым анахронизмом выглядит датировка второго этапа фортификационного строительства Херсонеса IV – первой половиной III в. до н. э. (Кленина, Рыжов. 2004. С. 22). В последней посвященной Херсонесу монографии А. В. Буйских относит масштабное расширение территории города в западном направлении к концу второй четверти – не позднее середины IV в. до н. э. (Буйских. 2008. С. 66–67).

Выравнивание строительной площадки под театральное здание потребовало засыпки низовьев балки. Непосредственно скала была перекрыта рыжим и желто-бурым грунтом с большим содержанием бутового камня, общей толщиной до 0,58 м (слои 8–12). Он был насыщен огромным количеством керамического материала. Именно в него была заглублена нижняя часть фундамента проскениума, сложенного из необработанного и разномерного бута. Следовательно, слой этот непосредственно предшествует строительству постройки, а его содержимое может служить надежной основой для определения времени строительства на данном участке. Еще выше залегал желтоватый по цвету, однородный по структуре суглинок, толщиной до 0,90 м. Он так же примыкает к верхней части того же фундамента. Однако в данном случае последний не забутован в нижележащий пласт земли, хотя и сложен грубо из такого же бута, как и в нижних рядах кладки. По мере возведения верхней части данной кладки проскениума одновременно производилась подсыпка рыхлого грунта до самого верхнего ряда камней. Значит, археологическое содержимое из этого слоя также является индикатором датировки театра.

Поверхность подсыпки была уплотнена и перекрыта втоптанном в нее мелким каменным крошевом, видимо, строительным отесом. Очевидно, это и есть «дневная поверхность» времени строительства правого парода театра.

Наиболее существенным, с нашей точки зрения, является тот факт, что в нивелировочной насыпи под театральное сооружение не было найдено ни одного херсонесского штампа. Начало же клеймения керамической тары в Херсонесе, как известно, относится ко времени около 325 г. до н. э. (Кац. 1994. С. 70–71; 2007. С. 313, 442). Следовательно, строительство самого театра необходимо относить ко времени до начала

клеймения в дорийском полисе, то есть до рубежа третьей и последней четвертей IV в. до н. э. Сам же участок был изначально выделен под зрелищную постройку на генеральном плане города периода максимального расширения его территории в эпоху эллинизма. Ко времени не позднее последней четверти IV в. до н. э. относил сооружение театрального здания Е. Я. Туровский, что подтверждается наличием большого количества керамических клейм разных центров (Туровский. 2016. С. 114).

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, Наукова думка, 1977.
- И. А. Антонова.* Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII.
- М. Е. Бондаренко.* Пантеон Херсонеса Таврического. М., Спутник, 2003.
- А. В. Буйских.* Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. Supplementum. 2008. Вып. 5.
- А. В. Буйских, М. И. Золотарёв.* Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1.
- Н. Н. Грандмезон.* Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, Наукова думка, 1982.
- О. И. Домбровский.* Работы на участке Херсонесского театра в 1991–1994 гг. // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997.
- А. А. Зедгенидзе.* Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. № 145.
- А. А. Зедгенидзе, О. А. Махнева.* Раскопки у античного театра в Херсонесе // АО. 1970. М., Наука, 1971.
- А. А. Зедгенидзе, О. Я. Савеля.* Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н. э. // КСИА. 1981. Вып. 168.
- А. А. Зедгенидзе, О. Я. Савеля.* Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, Мецниереба, 1981.
- А. Н. Зограф.* Античные монеты. М. – Л., 1956. – (МИА. № 16).
- М. И. Золотарёв.* Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX.
- В. И. Кац.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, Изд-во Саратовского ун-та, 1994.
- В. И. Кац.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII.
- Е. Ю. Кленина, С. Г. Рыжов.* Топография Херсонеса Таврического // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Roznau, 2004.
- С. А. Коваленко.* О монетном деле Херсонеса Таврического в позднелатинскую эпоху // НЭ. 1999. Т. XVI.
- О. А. Махнева, А. Е. Пуздровский.* Погребения IV в. до н. э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // ХСб. 1998. Вып. IX.

- Е. Я. Туровский.* Монеты независимого Херсонеса. IV–II вв. до н. э. Севастополь, Южногородские ведомости, 1997.
- Е. Я. Туровский.* О датировке херсонесского декрета в честь Сирииска, сына Гераклида // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68), № 2.
- Л. В. Фирсов.* Этоды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск, Наука, 1976.
- А. В. Шевченко.* Культурная символика в античном Херсонесе // Символ в религии и философии. Севастополь, 2005.

Е. Я. Туровский

Херсонес и боспорские цари во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. до н. э.

В рамках конференции «Боспорский феномен» нам уже доводилось высказывать определенные гипотезы относительно отношений Херсонеса и Боспора в первой половине I-го столетия (Туровский. 2011. С. 389; 2013. С. 390, 391), однако новые факты и размышления заставляют значительно скорректировать суждения, высказанные ранее. Прежде всего, хочется подчеркнуть, что данные нумизматики для правильного установления политического статуса и строя Херсонесского полиса в ту или иную эпоху представляются чрезвычайно полезными. Характер выпусков: типология, легенда, наличие или отсутствие надчеканок и пр. Проиллюстрируем эти утверждения примерами.

Для последней четверти IV – первой четверти II вв. до н. э. у серебряных и медных монет Херсонеса фиксируется обязательное присутствие в легендах монет личного имени магистрата (целиком или в сокращении), контролировавшего выпуск монеты в полисе. Эта практика характерна для полисов с демократической формой правления. Пример подобной организации монетного дела даёт западная соседка Херсонеса по черноморскому побережью – демократический полис Ольвия (Карышковский. 1988. С. 82). Монетный магистрат, очевидно, выбирался на Народном собрании и отправлял свои обязанности один год. Во II в. до н. э. практика маркировки выпуска личным именем магистрата, контролирующего чеканку, внезапно прекращается (известно полтора десятка медных выпусков и один серебряный, не имеющих в легенде личных имён). Как правило, такие вещи просто так не случаются, вероятно, следует думать о смене способа управления в полисе. Когда же случилось это событие? Можно уверенно полагать, что случилось оно между 179 г. до н. э. и серединой последней четверти II в.

до н. э. 179 г. – год заключения договора о дружбе и взаимодействии между Херсонесом и понтийским царем Фарнаком I (IOSPE. I². 402), если, конечно, принимать именно эту дату, поскольку существуют и альтернативные варианты датировки договора (Габелко. 2017. С. 47–52). Чеканка монет с личными магистратскими именами возобновляется около середины последней четверти II в. до н. э., и может свидетельствовать в пользу возобновления демократического устройства в Херсонесском полисе (Туровский, Горбатов. 2013. С. 111. №№ 217–223).

В начале подчинения Херсонеса Понтийскому царству (конец II в. до н. э.) в полисе, по-видимому, существовал полноценный демократический строй. Декреты, в частности, в честь понтийского полководца Диофанта сына Асклепидора (IOSPE. I². 352) принимались от лица Совета и Народа. Первые монеты этого этапа имели в составе легенды личные имена магистратов, контролирующих выпуск (Анохин. 2011. С. 123. №№ 817, 818). Однако вскорости эти имена исчезают из легенд херсонесских монет уже окончательно. Место личных имён в выпусках херсонесских монет митридатовского времени замещает монограмма имени верховной херсонесской богини Партенос (Девы) в форме ПАР. Можно полагать, что внешняя субъектность Херсонеса, а отчасти и внутренняя, были сильно ограничены. Есть основание полагать, что при Митридате херсонесский монетный двор выпускал не только городскую монету, но и царские серебряные тетрадрахмы. Речь идёт о давно известной разновидности царских монет, имеющей в легенде монограмму ПАР (Анохин. 2011. С. 125. № 825). Соотнести эту разновидность с Херсонесом мешало отсутствие в легенде имени города в форме ХЕР. Однако недавняя находка в районе мыса Фиолент в Севастополе клада митридатовских тетрадрахм, среди которых значительная часть имела монограмму ПАР, делает гипотезу о месте чеканки этих монет в Херсонесе более основательной. К сожалению, как это часто бывает, клад обнаружили не учёные, а «чёрные» следопыты. Удалось ознакомиться лишь с фотографиями некоторых монет (Рис. 1, 1).

Городские монеты Херсонеса времени большей части подчинения полиса Митридату Евпатору были двух типов: голова Девы с луком и колчаном за спиной – пасущаяся лань со склонённой головой (с различными вариантами компоновки легенды) и голова Девы с луком и колчаном за спиной – орлом, сидящем на пучке молний. Что можно сказать об этих выпусках? В типологии монет и их легендах наблюдается сочетание двух начал – местного и понтийского. Изображение Девы на лицевой стороне – типично херсонесский тип; изображение пасущейся лани и орла, сидящего на молниях – типы понтийские. Характерной чертой легенды всех этих выпусков является следующее об-

стоятельство: по-прежнему остаётся сокращение имени города до трёх букв, а личное имя контролирующего магистрата заменяет монограмма имени богини Партенос – ПАР (Рис. 1, 2, 3).

Монеты Херсонеса митридатовского времени указывают, с одной стороны, на уважение понтийских властей к полисным божествам и традициям, сам по себе факт права монетной чеканки является важным признаком суверенитета (Ефремов. 2006. С. 86); с другой стороны, они отражают и значительное ущемление прав полиса. Исчезновение из легенды монет личных имён, возможно, свидетельствует об упразднении демократии в Херсонесе. Отличительной чертой херсонесских монет времени Митридата Евпатора является отсутствие на них каких-либо надчеканок.

Рис. 1. Херсонесские монеты времен зависимости полиса от Понта, Боспора и Рима: 1 – понтийская тетрадрахма, возможно, чеканившаяся на херсонесском монетном дворе; 2, 3 – херсонесские монеты времени Митридата Евпатора; 4 – херсонесская медь времени Фарнака; 5 – первый херсонесский золотой статер 28 г. н. э.; 6 – медная херсонесская монета с портретом боспорского царя Аспурга

Длительное правление Фарнака II, любимого сына Митридата Евпатора, получившего за предательство дела отца от римлян боспорскую корону и Херсонес под опеку, в херсонесском монетном деле отражено немногими выпусками, но весьма выразительными. Эти выпуски, скорее всего, указывают на то, что зависимость Херсонесского полиса от царской власти усиливается. На наш взгляд, первым медным выпуском при Фарнаке следует считать тетрахалк – тип: голова Девы, лук, колчан – пасущаяся лань (Рис. 1, 4). Как видно, такой же тип, что и на монетах времени Митридата, но место монограммы ПАР занимает монограмма имени царя ФАР. В. А. Анохин выделил этот тип монограммы – тип б, однако отнёс монеты с ними ко времени Митридата Евпатора (Анохин. 1977. С. 147, 168). Относить монеты с такой монограммой к правлению Фарнака, на наш взгляд, справедливо предложил М. М. Чореф (Чореф. 2012. С. 230–250).

Кроме того, к правлению Фарнака II можно уверенно отнести ещё два типа херсонесских монет, неизвестных ранее: Зевс – пучок молний и Дева – кадуцей (Туровский. 2014. С. 309). Следует отметить, что на всех монетах времени правления Фарнака II известны надчеканки: ПАР или звезда (с различным количеством лучей). После гибели Фарнака II Херсонес за свою проримскую позицию получил от Римской республики статус свободного города (Ростовцев. 1917. С. 1–17). Херсонесская нумизматика немедленно отметила это событие выпуском медных оболов с девизом «свободный Херсонес» (ΕΛΕΥΘΕ ΧΕΡΣΟΝΗΣ) и типом: бодающий бык влево – Дева, поражающая копьём лань, монограмма – ПАР. До сих пор считалось, что данные оболочки выпускались на протяжении трёх лет, с 47 по 44 гг. до н. э., параллельно с похожим оболем, тип: л. с. ΧΕΡΣΟ ΕΛΕΥ. Дева, поражающая копьём лань влево – Бодающий бык влево, вокруг имя – ΑΠΟΛΛΩΝΙΔΟΥ (Анохин. 1977. С. 148). Тем не менее, ни одного аргумента в пользу того, что два близких, но не одинаковых типа херсонесских монет выпускались одновременно, приведено не было. На наш взгляд, такая гипотеза лишена всяких оснований. Скорее всего, изначально была выпущена монета типа: Бодающий бык влево, сверху надпись ΕΛΕΥΘΕ, под чертою – ΧΕΡΣΟΝΗΣ; о. с. Дева, поражающая копьём лань, влево, справа монограмма ПАР. Она, по сути, продолжает ту же традицию, что была заложена во времена Митридата Евпатора и продолжена во времена Фарнака II, т. е. имя города в форме – ΧΕΡ или ΧΕΡΣΟΝΗΣ (в данном случае еще и с эпитетом).

Следующий тип оболы, как бы единовременный с описанным, имеет совсем иные видовые признаки, несмотря на как бы внешнюю однотипность. Схема легенды становится иной, монограмму ПАР вновь

заменяет личное имя, при этом девиз «свободный Херсонес» остаётся. Теперь остановимся на таком важном моменте – могла ли практика возврата маркировки монет личным именем выбираемого на год магистрата возобновиться вновь спустя примерно 70 лет после её прекращения? На наш взгляд, этот вариант следует отвергнуть как невозможный. Здесь следует обратиться к детальному анализу этих эмиссий. Первое – оболы с монограммой ПАР имели максимальный вес около 16 г, а оболы с именем Аполлонид не более 12 г. Другой важный момент – последние оболы имеют многочисленные экземпляры, с которых имя Аполлонид было удалено с помощью напильника. Вряд ли имя обычного монетного магистрата могло вызвать такую степень ожесточённого неприятия, чтобы избавляться от него столь затратным способом. Другое дело, если имя принадлежало тирану. Наличие в Херсонесе практически синхронно с выпуском монет с именем Аполлонида тирании зафиксировано документально (IOSPE. I2. 355), правда, документ не сохранил само имя тирана. Малопонятна роль боспорского правителя Асандра в истории с херсонесским тираном – оказывал ли он ему военную помощь и состоял ли с ним в родстве?

После монет с Аполлонидом в последней четверти I в. до н. э. в Херсонесе осуществляется ряд выпусков с головой Зевса, возможно, это изображение Зевса Элевтерия. Именно установкой статуи этого божества отметили свержение тирании в своём полисе ольвиополиты. На наш взгляд, между свержением тирании в Херсонесе в самом начале последней четверти I в. до н. э. и введением в полисе собственной городской эры в 24 г. до н. э. существует самая непосредственная связь. Странно, но введение в Херсонесе новой эры было отражено в херсонесской нумизматике спустя 52 года со дня её введения на золотом статере (Рис. 1, 5) в годы правления императора Тиберия (28 г. н. э.). К слову, это первый случай использования дат городской эры в письменных источниках Херсонеса (Туровский. 2014. С. 312, 313). Что можно сказать о характере отношений Херсонеса и Боспора в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э.? Конкретно – ничего, не хватает данных. Можно предполагать оборонительную симмахию при главенстве Боспора.

Хочется обратиться к ещё одному сюжету из херсонесской нумизматики, по-видимому, связанному с боспорским правителем. В первом веке нашей эры на одной из медных монет появляется лицо бородатого, длинноволосого мужчины (Рис. 1, 6). Один из ведущих исследователей херсонесской нумизматики В. А. Анохин полагал, что монета датируется ещё концом I в. до н. э., а в персонаже на лицевой стороне следует видеть скифа (Анохин. 1977. С. 148. № 207). Однако возникает вопрос: почему скифа? Скифы на протяжении столетий

были злейшими врагами херсонеситов, зачем же их изображать на собственных монетах? К тому же лицо на монете имеет явно выраженные персональные черты. Кто бы это мог быть? Известно, что в первые века нашей эры, точнее, даже с I в. до н. э. боспорские правители были поголовно длинноволосы и большинство из них бородаты, мужское лицо на херсонесских монетах очень похоже на кого-то из них. Решить вопрос помогает дата херсонесской эры, чётко читаемая на монетах, сохранившихся в хорошем состоянии. Год – ОЕ, или 75 год херсонесской эры, что соответствует 51 г. н. э. В этот год на боспорском престоле был молодой царь Котис I, но на монетах с портретами этого царя он всегда изображён без бороды. Зато бороду носил его отец, царь Аспург. Известна медная боспорская монета, на лицевой стороне которой портрет бородатого Аспурга, а на оборотной – безбородого Котиса (Фролова. 1997. С. 90). Возможно, Котис обожествил своего умершего отца, а появление портрета Аспурга на херсонесской монете, – скорее всего, тонкий дипломатический ход, выражающий лояльность Херсонеса по отношению к Боспору и правящему царю. В пользу этого свидетельствует тот факт, что херсонесский выпуск с портретом Аспурга полностью выбивается из типологического ряда херсонесских монет этого времени.

Литература

- В. А. Анохин.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев, Наукова думка. 1977.
- В. А. Анохин.* Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, СтилоС. 2011.
- О. Л. Габелко.* «...Καθὼς βασιλεὺς Φαρνάκης ἄγει»: ещё раз о датировке и интерпретации IOSPE I2 402 // Античные реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 2017.
- Н. В. Ефремов.* Договор о симмахии между Синопой и Гераклеей Понтийской (попытка исторической интерпретации) // Вопросы эпиграфики. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке. Выпуск. I.
- П. О. Карышковский.* Монеты Ольвии. Киев, Наукова думка, 1988.
- М. И. Ростовцев.* Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63.
- Е. Я. Туровский.* Об отношениях Боспора и Херсонеса во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. по нумизматическим данным // БФ. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Е. Я. Туровский.* К вопросу о зависимости Херсонеса Таврического от Боспорского царства по нумизматическим и эпиграфическим данным // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., Нестор – История, 2013.
- Е. Я. Туровский.* Монетное дело Херсонеса между Митридатом Евпатором и императором Тиберием // Stratum plus. СПб., Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2014. Выпуск 6.

- Е. Я. Туровский, В. М. Горбатов. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь, 2013.
- Н. А. Фролова. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Часть I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э. М., Эдиториал УРСС, 1997.
- М. М. Чореф. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II // Сугдейский сборник. Материалы V Судакской международной научной конференции. Киев, Судак, 2012. Выпуск V.

Т. Н. Смекалова, Э. А. Терёхин

К херсонесской надписи (IOSPE. P. 403)¹

Анализ сетки наделов на ближней хоре Херсонеса Таврического, построенной по геореферированной мозаике немецких трофейных аэрофотоснимков 1940-х гг. Гераклеяского п-ва из собрания Национального архива США (National Archives and Records) и полученные точные линейные размеры для каждого блока участков и элементов внутривлочного межевания позволили вернуться к многим проблемам социально-экономической истории этого государства. Среди них вопросы о едином гражданском наделе, модулях измерения и построения площадей участков, о расшифровке термина *гекаторюг* и цифровых значений, встречающихся в известной херсонесской надписи (IOSPE. P. 403) начала III в. до н. э. (Смекалова, Терёхин, Пасуманский. 2018; Смекалова. 2018а). Предметом данного доклада является доказательство трактовки характера самой этой надписи как фрагмента земельного кадастра или переписи земельных участков граждан Херсонеса Таврического.

Было доказано, что единицей измерения площадей на хоре Херсонеса являлась арура, равная квадрату со стороной в 100 египетских локтей, или $52,35 \times 52,35$ м, а гражданским наделом был *гекаторюг*, квадрат со стороной в 100 оргий ($209,4 \times 209,4$ м), площадью 4,385 га (Смекалова, Терёхин, Пасуманский. 2018. С. 315–321). С помощью геореферированной мозаики аэрофотоснимков удалось не только построить привязанную к местности сетку блоков четырёх- и шести-гекаторюговых участков, разделенных дорогами и измерить их точные размеры, но и проследить динамику изменения внутреннего деления

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00134-а «Реконструкция античного земельного кадастра Херсонеса Таврического по данным письменных источников, исторической картографии, дистанционных, геофизических и геоинформационных методов».

блоков от единичного гражданского надела (*гекаторюга*) к крупным землевладениям, иногда достигающим и даже превышающим размеры целого блока.

Совместное изучение известной херсонесской надписи IOSPE. P. 403 с дополнениями, а также фрагмента аналогичной надписи, выбитой на другом камне (Соломоник, Николаенко. 1990) и архивных аэрофотоснимков позволило вернуться к расшифровке численных значений площадей участков, приведённых в этих документах, и предложить их новое прочтение (Смекалова. 2018а; Смекалова. 2018б. С. 452). При этом удалось доказать, что для подсчета площадей, неправильных по форме, в основном краевых участков использовались не только арура (квадрат со стороной в 100 египетских локтей, или 52,35 м), но и в 16 раз меньшая, чем арура, единица – плантажный ряд, равный, полоске земли шириной примерно 10 футов (3,27 м) и длиной в 100 локтей (52,35 м) (Смекалова. 2018а).

Э. И. Соломоник и Г. М. Николаенко совершенно правильно определили, что числа выражают не стоимости, а площади участков в *гекаторюгах* (Соломоник, Николаенко. 1990. С. 84–87). Эта поистине гениальная догадка позволила существенно шагнуть вперед в интерпретации важнейшего документа по земельным отношениям в античном Херсонесе. Однако исследователи оставили без изменения трактовку характера документа как акта купли-продажи или аренды земли. Нам кажется, что после того, как доказано, что числа в документе выражают площади участков, а не их стоимости, вряд ли можно трактовать надпись как акт купли-продажи или аренды участков. Действительно, в силу различий в качестве земель их стоимости могли сильно отличаться от места к месту и должны были бы быть указаны рядом с площадями покупаемых или арендуемых участков, чего мы в документе не видим.

Эти противоречия снимаются, если предположить, что исследуемый документ является переписью земельных владений херсонеситов, или кадастровой записью. Вся размежеванная земля принадлежала полису, поэтому граждане хотя и владели участками, но на ограниченной основе: земля не может быть продана или передана во владение не гражданину данного полиса. Возможно, поэтому в документе употребляется выражение, близкое по значению к «аренде», то есть граждане в каком-то смысле арендуют участки у полиса. Вероятно, создание кадастровой записи потребовалось тогда, когда, во-первых, первоначальное деление на равные участки-*гекаторюги* полностью нарушилось и участки сильно укрупнились. А во-вторых, когда полису потребовались средства, которые должны были поступить в казну от уплаты поземельного налога. Для подсчета налога, взимаемого с каждого

участка, и нужен был обмер всех владений и их кадастровая запись. Её создание, вероятно, имело целью, прежде всего, упорядочение налогообложения доходной винодельческой отрасли, связанной с развитием товарного производства вина на херсонесской хоре.

Предпринятое нами новое прочтение величин земельных участков в исследуемой надписи дало твердую почву для пересмотра характера этого документа. Он, как мы сейчас можем убедиться, представляет собой перечень скрупулезно измеренных площадей участков, принадлежащих тому или иному гражданину. Иными словами, перед нами ни что иное, как фрагмент земельного кадастра Херсонеса Таврического, то есть перепись участков, относящихся к определенной части общей территории хоры. Дошедшая до нас надпись является лишь заключительной частью общей переписи земель. Полный херсонесский кадастр состоял, очевидно, из нескольких каменных блоков с надписями, что подтверждает найденный в 1983 г. фрагмент аналогичного по общему содержанию, структуре, шрифту и особенностям начертания букв лапидарного памятника, высеченного на другом по фактуре и цвету камне (Соломоник, Николаенко. 1990. С. 97, 98).

Благодаря приведенным в надписи IOSPE. P. 403 с дополнениями точным величинам суммарных и парциальных площадей и довольно длинному сохранившемуся ряду последовательного перечисления величин отдельных участков, стало возможным, путем сопоставления со схемой межевания, построенной по аэрофотоснимкам, установить, о какой именно территории идет речь в надписи. Удастся даже предположить, каким реальным участкам на Херсонесской хоре могут соответствовать владения некоторых граждан, имена которых приведены в изучаемом документе.

Анализ надписи позволяет определить, что перечисление имён и земельных владений велось по определенному принципу. Перепись земель, очевидно, велась по географическому принципу, то есть начиная от некой начальной точки с соблюдением определенного порядка перечисления участков. В надписи последовательно и методично описывались все участки, входящие в состав конкретных достаточно больших территорий. Площади участков отдельных владельцев описывались, очевидно, «поблочно», то есть в пределах каждого блока, ограниченного со всех сторон транспортными дорогами или дорогами и каким-то природным препятствием, скорее всего, берегом моря. Имена граждан повторяются вместе с величинами участков столько раз, в скольких блоках находились их владения. Затем подводятся итог в виде парциальных сумм площадей, возможно, по рядам блоков, ограниченных поперечными дорогами, являвшимися, как мы показали

ранее, главными осями межевания на всей территории, кроме Маячного п-ва (Смекалова, Терёхин, Пасуманский. 2018. С. 314) и морских берегов. На Маячном п-ве главными дорогами были продольные, проложенные вдоль естественной оси полуострова (Щеглов. 1993. С. 27), и описания участков велось, очевидно, вдоль этих дорог.

В конце всех перечислений на обеих сторонах стелы приводится общая сумма площадей каких-то крупных территорий. Приведение в надписи этих сумм было необходимо, очевидно, для того, чтобы представлять итоговую величину поземельного налога, который должен быть собран со всей хоры Херсонеса.

В то время как суммарный итог на Стороне «В» сохранился полностью и может быть точно определен как 113 гектарюгов 8 земельных локтей (495,51 га), числовое выражение суммы площадей на Стороне «А» имеет лауну в конце числа в том месте, где перечисляются аруры и/или земельные локти. Эта лакуна, впрочем, лишь незначительно влияет на величину общей суммы. Так, наименьшим допустимым восстанавливаемым числом является 331 гектарюг 5 аруп 4 плантажных полосы, или 1452,73 га, а наибольшим – 331 гектарюг 7 аруп 3 плантажных полосы, или 1453,30 га, то есть разница лежит в пределах 0,57 га и ею можно пренебречь при дальнейших рассуждениях. Обе суммы имеют первостепенное значение для локализации территорий, представленных в документе.

На наш взгляд, в надписи описываются участки в северной прибрежной зоне, которые, по мнению многих ученых (Печёнкин. 2011. С. 122–126; Стржелецкий. 1961. С. 29–43; Щеглов. 1993; 1994. С. 54–55; Сапрыкин 1986. С. 60–63; Николаенко. 2017), были размежеваны первыми, и из-за этого стояли на хоре особняком, а также, возможно, всегда имели некий особый статус. Поэтому они перечисляются в кадастре отдельно от всей остальной размежеванной территории.

Разберем сначала последнюю сумму, приведенную на стороне «В» исследуемой надписи: 113 гектарюгов 8 земельных локтей (495,51 га). Обратим, прежде всего, внимание на то, что она близка к площади ста *гектарюгов* плюс примерно десятая доля от общей суммы. Логичнее всего сравнить эту величину с площадью Маячного п-ва, где, по мнению исследователей, были размежеваны участки для одной сотни граждан, то есть как раз находилось сто *гектарюгов* (Сапрыкин. 1994. С. 138; Щеглов. 1993. С. 33). Приплюсованную же ко всей сумме примерно десятую долю от общей площади можно, вероятно, считать общинными или храмовыми землями. Видимо, поэтому сразу же за указанной суммой в надписи (В стрк. 13 (11)) идет какое-то разъяснение, касающееся площади не менее 8 гектарюгов, принадлежащих общине (или государству) (В стрк. 14 (12)).

Проверим, прежде всего, насколько точно соответствует реальная площадь Маячного п-ва той суммарной величине, которая указана на стороне «В» в надписи. В настоящее время площадь Маячного п-ва составляет 402 га (до стен укрепления на перешейке), а с учетом площади между стенами – 422,7 га (Рис. 1). А. Н. Щеглов полагал, что за прошедшие 2–2,5 тысячи лет море поглотило около 40–50 га территории Маячного п-ва, то есть не менее 12,5% от нынешней территории (Щеглов. 1993. С. 21–23). С учетом разрушения береговой линии и подтопления низменного участка в районе соленого озера и залива между участками 57 и 50 мы получим величину площади полуострова почти точно равной сумме, приведенной на стороне «В» в исследуемой надписи.

Проверим, соответствует ли это число реальному количеству стогриевых участков, находящихся на Маячном п-ве. Для этого обратимся к схеме его межевания (Рис. 1). На ней хорошо видно, что в 8 блоках (58, 59, 63–65, 67–69) находится по 4 целых гектарюга, всего 32. В блоках 72, 73, 57 и 50 есть еще не менее 8 целых гектарюгов. То есть на Маячном п-ве было не менее 40 целых *гектарюгов*, что не противоречит надписи и также не противоречит подсчету А. Н. Щеглова, который считал, что на Маячном п-ве сохранилось более сорока участков по 4,41 га (Щеглов. 1993. С. 32), то есть не менее сорока целых *гектарюгов*.

Остальные блоки на Маячном п-ве содержат иррегулярные участки, форма и размер которых отличается от квадрата-гектарюга. Они перечисляются на стороне «В» надписи, куда переходит опись землевладений. Если подсчитать общую площадь упомянутых здесь участков, получается не менее 277,65 га, но реальная цифра площадей перечисленных участков была больше. Сложив величины площадей, состоящих из целых *гектарюгов*, и нерегулярные участки, получаем общее значение 426,73 га, которое, как и ожидалась, из-за утраченных чисел оказалась меньше итоговой суммы (495,51 га), приведенной в стрк. 13 (11) на стороне «В» надписи. Однако эти суммы не противоречат друг другу и довольно близки (разница составляет около 70 га или 16 гектарюгов).

Дальнейший анализ архивных аэрофотоснимков показывает, что в начале надписи, до итоговой суммы в 331 *гектарюг*, на стороне «А» перечислены участки на Срединном п-ве, однако приведенная итоговая сумма в 331 *гектарюг* относится к какому-то гораздо большему участку суши, в котором краевым является Срединный п-в. Учитывая, что последовательно описание владений граждан в земельном кадастре, очевидно, начиналось от Херсонеса, такой территорией может быть только северная прибрежная часть Гераклеи, ограниченная на востоке городскими стенами, на севере береговыми обрывами, а на юге Большой Херсонесской дорогой (Рис. 2). Современная величина этой прибрежной

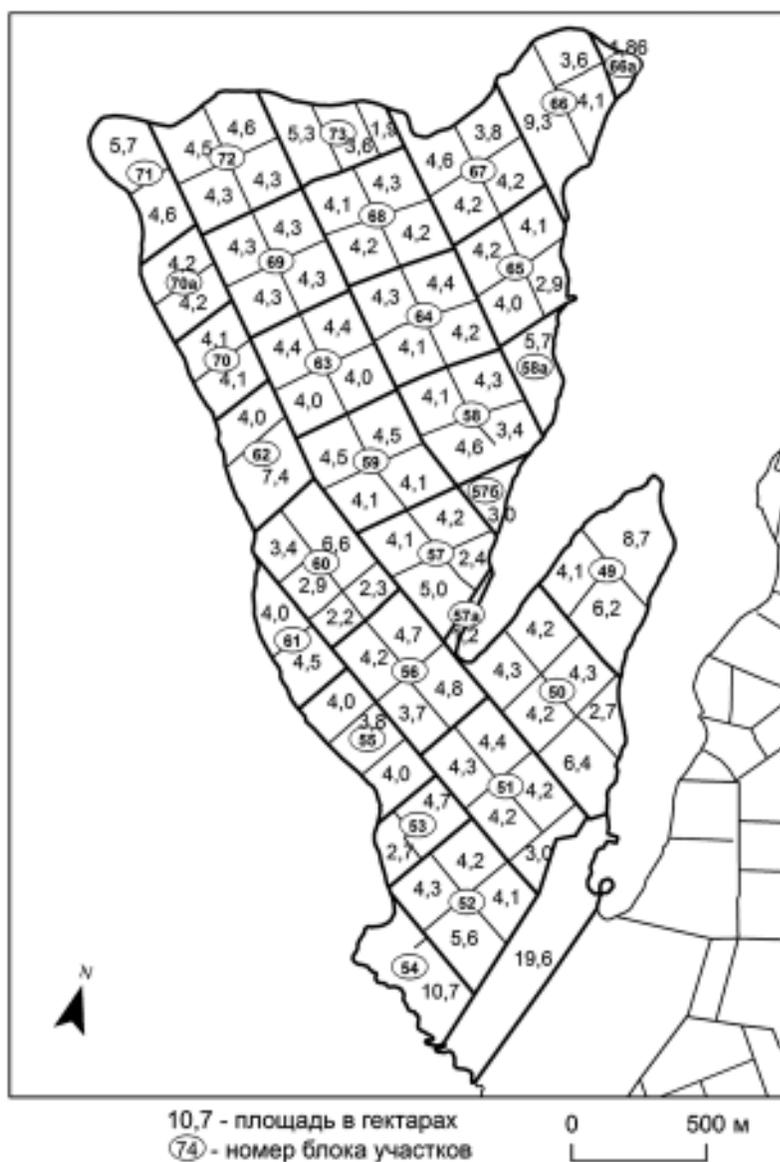

Рис. 1. Маячный п-в. Схема деления на блоки участков, построенная по данным аэрофотосъемки 1940-х гг. Числами в кружках указаны номера блоков, числа курсивом указывают площадь каждого участка в га

территории, от Херсонеса к западу, включая Срединный п-в, составляет 1370,8 га. Если предположить, что море размыло примерно 12,5% береговых участков, которые, в свою очередь составляют около половины от всего их числа, то площадь составляет в древности 1452,2 га, что почти точно совпадает с суммой на Стране «А» надписи.

Таким образом, мы показали, что прибрежная территория от стен Херсонеса до Маячного п-ва включительно могла быть описана в надписи. Важно обратить внимание также на то, что никакая другая территория на хоре не подходит под это описание (Рис. 2).

Нельзя не заметить, что первая из перечисленных в надписи итоговых сумм площадей (на стороне «А») почти точно в 3 раза больше второй (на стороне «В»), а в сумме они составляют 444 гектарюга. Эта величина представляет собой не что иное, как площадь наделов для 400 граждан плюс примерно 10% общинных или храмовых земель.

Данный вывод является важным для понимания социально-экономической структуры Херсонеса времени раннего размежевания, коснувшегося прибрежных территорий, ограниченных с юга Большой Херсонесской дорогой (Рис. 2). Эта территория, очевидно, имела особое положение и в более позднее время, в начале III в. до н. э., во время создания исследуемой надписи. Обособленный характер перечисления в надписи участков, входящих в приморский район, красноречиво свидетельствует об этом.

По мнению Ю. Г. Виноградова и А. Н. Щеглова (Виноградов, Щеглов. 1990. С. 369–370), военизированный склад дорийского общества наложил отпечаток и на способ освоения гераклеотами новых земель, в том числе при выведении колонии Херсонес Таврический. Тавры, вероятно, были вытеснены с Гераклейского п-ва силой. Строго дисциплинированный уклад херсонесской общины, а также демократические принципы нашли отражение и в организации межевания Херсонесской ближней хоры, которая первоначально вся была поделена на равные участки-гектарюги, сблокированные по четыре. С. Ю. Сапрыкин высказал точку зрения, что при размежевании на Маячном п-ове и в прибрежной зоне Гераклейского п-ва блоки, состоящие из 4 единичных наделов, отражали деление граждан в Херсонесе на 4 сотни-гекатостии, как это было в Гераклее. (Сапрыкин. 1994. С. 138).

Две приведенные в надписи итоговые суммы площадей дают новое подтверждение гипотезе об организации граждан Херсонеса в середине IV в. до н. э. в четыре военно-хозяйственные подразделения-гекатостии. Действительно, количество единичных гражданских наделов-гектарюгов на территории от стен Херсонеса до Маячного п-ва включительно равно 400, не считая общинных и храмовых земель, и организованы они были в блоки по четыре. Это деление отражает политико-админи-

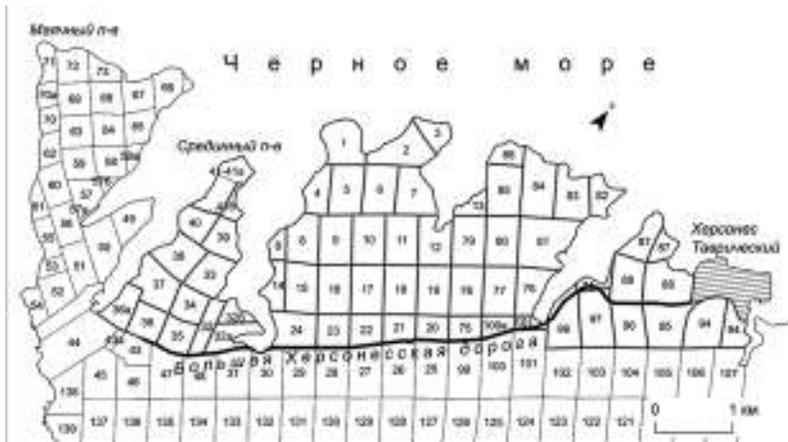

Рис. 2. Схема межевания северной приморской части Гераклейского п-ва по данным архивной аэрофотосъемки 1940-х годов. Указаны номера блоков участков

страгивную ситуацию в поле и говорит о том, что в начальный период население Херсонеса составляло порядка 400 граждан.

В результате проведенного сравнительного анализа надписи IOSPE. P. 403 и схемы межевания, построенной по архивным аэрофотографиям, удастся интерпретировать ее как часть земельного кадастра Херсонеса Таврического начала III в. до н. э. В надписи приводятся имена владельцев и величины площадей участков, расположенных в северной приморской части Гераклейского п-ва от стен Херсонеса до Маячного п-ва включительно, с юга ограниченной Большой Херсонесской дорогой (рис. 2). В не дошедших до нас частях кадастра, вероятно, описывались участки на всей остальной территории Гераклейского п-ва. Следовательно, мы теперь можем называть указанную надпись не актом о продаже или аренде земли, а кадастром Херсонеса Таврического.

Подобная перепись участков потребовалась тогда, когда прежнее деление на равные наделы-гектарюги полностью устарело, и дифференциация участков, с одной стороны, и нужда в дополнительных средствах, с другой, потребовала от государства введения поземельного налога согласно величине участка. Причем налогообложению подлежали прежде всего приносящие немалый доход виноградники, которые, в основном, располагались в северной приморской части хоры Херсонеса. Вероятно, кадастровая запись понадобилась для того, чтобы, прежде всего, упорядочить налоговое обложение, связанное с доходной отраслью товарного виноделия, а также для документального закрепления, на определенном этапе, размеров земельных владений граждан Херсонеса Таврического.

Литература

- Г. М. Николаенко.* Херсонесское укрепленное поселение на Маячном полуострове. // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: Материалы международной научной конференции, Д. А. Костромичев (ред.), Севастополь, 10–12 октября 2017 г. Саки, ИП Бровко, 2017.
- Н. М. Печёнкин.* Археологические разведки в местности Страбонова Старого Херсонеса // ИАК. 1911. Т. 42.
- С. Ю. Сапрыкин.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., Наука, 1986.
- С. Ю. Сапрыкин.* О внутренней колонизации Херсонеса Таврического // ВДИ 1994. № 3.
- Т. Н. Сmealова.* О величинах площади и единицах её измерения на хоре Херсонеса Таврического // ВДИ. 2018а (в печати)
- Т. Н. Сmealова.* И ещё раз о гекаторюге // Традиции и инновации. Боспор Киммерийский и варварский мир. Традиции и инновации. Тезисы международной конференции Боспорские Чтения XIX, Керчь, Симферополь, БФ Деметра, 2018б.
- Т. Н. Сmealова, Э. А. Терёхин, А. Е. Пасуманский* Реконструкция античной системы межевания хоры Херсонеса Таврического с использованием методов дистанционного зондирования // ВДИ. 2018. № 2.
- Э. И. Соломоник, Г. М. Николаенко.* О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE I², 403) // ВДИ. 1990. № 2.
- С. Ф. Стржелецкий.* Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. Вып. VI.
- А. Н. Щеглов.* Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым). // История и археология Юго-Западного Крыма. Ред.-сост. Ю. М. Могаричев. Симферополь, Таврия, 1993.
- А. Н. Щеглов.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация. // Проблемы истории и археологии Крыма. Ред.-сост. Ю. М. Могаричёв. Симферополь, Таврия, 1994.

Н. Ю. Новосёлова, А. С. Намойлик

Халцедоновый (?) штамп астинома из Херсонеса Таврического: новейшая находка экспедиции Государственного Эрмитажа

В ходе исследований XX квартала городища Херсонес Таврический, проводимых Херсонесской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, был обнаружен штамп¹, изготовленный из поделочного камня. Изделие оказалось в засыпи подвала эллинистического дома, располагавшегося на углу II продольной и XI поперечной

¹ Находка сдана на хранение в фонды Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (№ ВХ ЭФЗК-2747).

улиц (Рис. 1). От первоначальной конструкции здания сохранились лишь небольшие остатки стен, сооружённых на скальной материковой поверхности в конце IV в. до н. э. К первому периоду строительства можно отнести четыре кладки (21, 22, 24, 26) и два вырубленных в скале подвала – подвал 2, размерами 6,62×2,10 м, и подвал 3, размерами 4,52×4,50 м, которые соединялись проходом. Вероятно, через 20–30 лет после постройки в доме была проведена перепланировка, и подвал 2 был частично засыпан, превратившись из длинного и узкого в более квадратный. Для ограждения засыпанной южной части подвала от продолжавшей функционировать северной части была сооружена кладка 25, стоящая на материковой скале. Сохранилось десять рядов этой кладки на высоту 1,10 м. При её зачистке под выпавшим из пятого ряда камнем и был обнаружен штамп.

Для датировки находки важен анализ керамического материала из засыпи южной части подвала 2, ограниченной кладкой 25. Отсюда происходят фрагменты амфор конца IV – начала III в. до н. э.: гераклейских типа II-A и синопских типа II пифоидный (Монахов. 2003. С. 144, 159), а также фрагмент книдской амфоры начала III в. до н. э. (Монахов. 2003. С. 110). В засыпь попали многочисленные фрагменты аттических чернолаковых сосудов, среди которых – миски с отогнутым венчиком, датируемые временем ок. 300 г. до н. э. (Rotroff. 1997. № 871. Fig. 59), рыбные блюда, относящиеся к 310–290 гг. до н. э. (Rotroff. 1997. № 715. Fig. 50), канфары, суммарно датируемые десятилетием между 285 и 275 гг. до н. э. (Rotroff. 1997. № 22–31. Fig. 5). Приведённые данные позволяют утверждать, что время засыпи южной части подвала 2 и сооружения кладки 25 не выходит за рамки первой четверти III в. до н. э.

Штамп представляет собой прямоугольную пластину размерами 3,4×2,4 см (Рис. 2). На его тыльной стороне имеется основание с пазом для крепления накладной ручки. Вся поверхность изделия отшлифована. Материал штампа – полупрозрачный минерал бело-серого цвета, с большой долей вероятности относящийся к халцедоновой группе. Точная атрибуция камня возможна только по результатам геммологической экспертизы. На лицевой поверхности штампа ретроградно вырезана трёхстрочная надпись и две эмблемы в технике углублённого рельефа:

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

ΝΤΟΣΗΡΑΚ

ΛΕΙΟΥ

виноградная гроздь

кадуцей влево

Чтение и перевод: ἀστυνομοῦντος Ἴρακλείου – «при астиноме Гераклии».

Рис. 1. Общий вид строительных конструкций эллинистического дома в XX квартале

Резьба выполнена очень качественно с использованием станка и ручной доработкой элементов². Особой детальностью отличается трактовка грозди, где хорошо видны отдельные ягоды, вырезанные круглым резцом на станке.

Высота букв варьируется от 0,25 см (*омикрон*) до 0,5 см (*сигма*). Характерными особенностями шрифта являются широкая *альфа* с прямой перекладиной, *сигма* и *мю* с широко расставленными гастами, *ню* с сильно приподнятой правой частью, *каппа* с укороченными вытянутыми вперёд наклонными линиями, *эпсилон* с непараллельными горизонталями, *омикрон*, уступающая по размерам другим буквам. Среди орнаментальных деталей следует отметить утолщения на кончиках гаст и лёгкие, едва намеченные изгибы очертаний некоторых литер. Палеографические характеристики позволяют отнести надпись к концу IV – началу III в. до н. э. (ср. Кац. 1994. Табл. V, 1–9; табл. VI–VII, 1–12;

² За информацию о технике камнерезного дела в эпоху античности благодарим научного сотрудника отдела античного мира ГЭ, хранителя коллекции резных камней Е. И. Арсентьеву и художника-реставратора лаборатории научной реставрации скульптуры и цветного камня ГЭ И. А. Цветкову.

Туровский, Горбатов. 2013. Табл. 8, №№ 100, 101, 107, 107a; IosPE I² № 401 = IosPE³ III № 100; Garlan. 2004. №№ 139, 158, 168, 175.). Таким образом, датировка штампа по шрифту согласуется с датировкой археологического комплекса, из которого он происходит.

Оттиски данного штампа не найдены ни в самом Херсонесе, ни за его пределами. Из амфорных клейм известно четыре херсонесских астинома по имени Ἡράκλειος: два из них занимали эту должность в конце IV в. до н. э., а два других – столетие спустя, в конце III в. до н. э. (Кац. 1994. С. 51, 68, 76–77. №№ 47–50). Согласно уточнённой хронологии В. И. Каца, деятельность Гераклия I имела место между 316 и 305 гг. до н. э., а Гераклия II – между 304 и 295 гг. до н. э. (Кац. 2007. С. 326, 442. Табл. 20. Прил. XX). Существует также точка зрения, что достаточных оснований для выделения омонимов нет, и в клеймах рубежа IV и III вв. до н. э. фигурирует одно лицо (Колесников. 1985. С. 76; Фатеев. 2014. С. 233, 236).

По данным LGPN, антропоним Ἡράκλειος пользовался наибольшей популярностью именно в Херсонесе Таврическом: эпиграфические и нумизматические источники упоминают более десяти разных Гераклиев, проживавших в городе в эпоху эллинизма (LGPN. IV. P. 155). Поскольку астиномы с таким именем засвидетельствованы только в Херсонесе, мы отождествляем владельца найденного штампа с одним из магистратов, работавших здесь в конце IV или начале III в. до н. э.³ Штемпели этих астиномов (астинوما?) – по оттискам их известно более 20 – имели два варианта легенды: Ἡρακλείου ἀστυνόμου и Ἡρακλείου ἀστυνομοῦντος.

Наш штамп отличается от известных астиномных оттисков Херсонеса по иконографии и структуре легенды. Название магистратуры стоит в нём на первом месте, в то время как синхронные амфорные клейма начинались с имени магистрата; обратный порядок стал обычным с конца III в. до н. э. (Кац. 1985. С. 98). На штампе вырезано два изображения – виноградная гроздь и кадуцей. Для магистратских клейм Херсонеса эмблемы являются редкостью. В каталоге В. И. Каца приводится информация лишь о шести штемпелях с эмблемами, четыре из которых представляют собой изображения грозди (Кац. 1994. № 33, 36, 53, 66). Относящиеся к более позднему времени, эти изображения ни по форме, ни по манере исполнения не могут служить аналогиями

³ Отметим хронологически близкую надпись Ἡράκλειος Ἀπολλωνίου, вырезанную на стеле из эллинистического некрополя Херсонеса (IosPE I². № 474 = IosPE³ III № 252). Издатели обоих корпусов датировали надпись в широком диапазоне III в. до н. э. Однако, палеографические особенности (подобные характеристикам надписи на штампе) позволяют отнести её к началу этого периода и даже к более раннему времени. Следует полагать, аналогичными соображениями руководствовались издатели LGPN IV, определив время создания памятника как рубеж IV и III вв. до н. э. (LGPN. IV. P. 155).

Рис. 2. Штамп астинома Гераклия

грозди на штампе Гераклия. Кадуцей среди эмблем на клеймах Херсонеса не засвидетельствован.

Таким образом, штамп Гераклия не находит аналогий среди оттисков херсонесских астиномов предшествующего или синхронного ему периода. Возможно, он имел своим прототипом штемпели других центров, например, Синопы, оказавшей определённое влияние на развитие типологии амфорных клейм Херсонеса (Кац. 1985. С. 98–99; Колесников. 1985. С. 76). Известен по крайней мере один синопский штемпель (астинома Геронима и фабриканта Нумения, 350–340 гг. до н. э.), где присутствуют эмблемы в виде виноградной грозди и кадуцея (Fedoseev. 1999. P. 32; Garlan. 2004. № 69). Структура легенды, расположение и фор-

ма кадуцея отличаются от представленных на штампе из Херсонеса, в то время как гроздь имеет общее сходство с изображением на штампе Гераклия. Сочетание кадуцея и грозди встречается также на клеймах одной из родосских керамических мастерских, функционировавшей во второй половине II в. до н. э. (Finkielsztejн. 2001. P. 131, 195).

Отсутствие идентичных или аналогичных оттисков на амфорах, черепице, мерных сосудах Херсонеса, по-видимому, объясняется иным назначением данного штампа. Относительно небольшая глубина букв свидетельствует в пользу того, что он использовался для оттисков на более пластичном и тонком материале, нежели глиняное тесто керамических изделий, – на таком, как воск или хорошо отмученная глина⁴. Обязанности астиномов не ограничивались сферой керамического производства, и применение штампа могло быть связано с другим направлением деятельности этих чиновников.

Литературные и эпиграфические источники сообщают о том, что в функции астиномов в разных частях греческого мира входил надзор за канализацией и водоснабжением, состоянием построек и улиц, общая инспекция выполнения законов, регистрация частных документов, контроль над соблюдением стандартов в керамическом производстве. Возможно, практика клеймения имела своей целью хронологическую маркировку товара, а астиномы выступали в качестве эпонимов (Федосеев. 2017. С. 394). В административной иерархии древнегреческого полиса астиномная магистратура занимала одну из низших ступеней. Этим объясняют отсутствие упоминаний астиномов в официальных лапидарных надписях Херсонеса (Чурекова. 2017. С. 307). Вместе с тем, существует точка зрения, согласно которой в Причерноморье астиномы имели более высокий статус, выступая в роли «городских голов, бургомистров» (Придик. 1941. С. 173–174). Известно, что в Херсонесе эту должность на протяжении нескольких поколений занимали представители состоятельных семей (Кац. 1985. С. 99); некоторые из них отличились на дипломатическом поприще, направленные в качестве послов в Каллатис, Ольвию, Дельфы (Avram. 2010. P. 53–61).

Находка уникального штампа-печати, изготовленного профессионалом камнерезного дела, может свидетельствовать в пользу особого ста-

⁴ Из углублений букв были взяты пробы сохранившегося там вещества. По наблюдениям художника-реставратора лаборатории научной реставрации скульптуры и цветного камня ГЭ А. М. Богдановой, для получения качественных оттисков поверхность штампа могли покрывать маслом, что исключало попадание воздуха между штампом и поверхностью, на которую наносился оттиск; в результате рельеф отпечатывался максимально выразительно, даже если буквы и эмблемы были вырезаны неглубоко. А. М. Богданова выполнила отливку штампа (в гипсе).

туса астиномии в эллинистическом Херсонесе. Возникает вопрос о том, на какой срок был избран Гераклий, если изготовление подобного изделия требовало немалых временных затрат. Не был ли увеличен срок магистратуры в чрезвычайных обстоятельствах после попытки гражданского переворота, произошедшей на рубеже IV и III вв. до н. э. (Херсонес Таврический. 2005. С. 154–161)? Быть может, не случайно появление большого количества (20) близких по времени амфорных штампелей с именем астинома Гераклия, послужившее главной причиной для выделения двух Гераклиев (Кац. 1994. С. 51). Выше уже приводилось мнение о том, что в конце IV – начале III в. до н. э. работал только один астином с этим именем. Вопрос о конкретном назначении штампа (опечатывание переписки, заверение или датирование документов?) также пока остаётся открытым.

Литература

- В. И. Кац.* Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, Изд-во Саратовского университета, 1994.
- В. И. Кац.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь, Керчь, 2007. – (БИ. Вып. XVIII).
- В. И. Кац.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1.
- А. Б. Колесников.* Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ. 1985. № 2.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва, Саратов, Изд-во «Киммериды», Изд-во Саратовского университета, 2003.
- Е. М. Придик.* Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмексия в 1932–1934 гг. // МИА. 1941. № 4.
- Е. Я. Туровский, В. М. Горбатов.* Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь, ДИАИПИ, 2013.
- О. В. Фатеев.* Хронология амфорных клейм Херсонеса конца IV – начала III вв. до н. э. (исследование комплексов и комплексные исследования) // Stratum plus. 2014. № 3.
- Н. Ф. Федосеев.* О характере клеймения керамики // ДБ. 2017. Т. 21.
- Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры. Киев, Академперіодика, 2005.
- Н. Б. Чурекова.* Астиномы Херсонеса: амфорное клеймение и полисные прерогативы // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории (АРХОТ). Материалы международной научной конференции. Саки, ИП Бровко А. А., 2017.
- A. Avram.* Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire: astynomes et proxènes // The Thracians and Their Neighbours in Antiquity. Studia in honorem Valerii Sîrbu. Brăila, 2010.
- N. F. Fedoseev.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, Université de Provence, 1999.

- G. Finkielsztein*. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270 à 108 av. J.-C. environ. Premier bilan. Oxford, Archaeopress, 2001. – (BAR International Series 990).
- Y. Garlan*. Les timbres céramiques sinopéens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. Paris, de Boccard, 2004. – (Varia Anatolica. Vol. XVI).
- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I / Iterum ed. B. Latyshev. Petropoli, 1916.
- Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. III / Tertium ed. I. Makarov. URL: <http://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html> (дата обращения: 21.08.2018).
- Lexicon of Greek Personal Names. Vol. IV: Macedonia, Thrace, Northern Regions of the Black Sea / Ed. P. M. Fraser, E. Matthews, R. W. V. Catling. Oxford, Clarendon Press, 2005.
- Lexicon of Greek Personal Names. URL: http://clas-igpn².classics.ox.ac.uk/cgi-bin/igpn_search.cgi (Accessed August 21, 2018).
- S. I. Rotroff*. Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, American School of Classical Studies at Athens, 1997. – (AA. Vol. XXIX).

Е. М. Краснодарец

Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры

До сих пор в научной литературе преобладало мнение о неравномерном распределении находок перстней «птолемеевского» типа в районе Северного Причерноморья (Ладынин. 2007; Литвиненко. 1991; Неверов. 1986; Трейстер. 1982; Трейстер. 1985), основываясь на котором, утвердилась гипотеза о более тесных контактах Птолемеевского Египта с Боспором, нежели с Херсонесом и Ольвией в III в. до н. э. При этом учитывалось не более пяти печатей из Херсонеса Таврического (Ладынин. 2007. С. 236). В действительности же их количество несколько больше. Кроме того, нам кажется логичным рассматривать металлические перстни в комплексе с резными камнями и оттисками на керамических изделиях с теми же типами изображений¹. Такой подход заметно расширяет базу иконографических образов на эллинистических перстнях-печатах из Египта и Северного Причерноморья.

¹ Выражаю признательность исследователям, Л. В. Седиковой, Г. М. Николаенко, С. Г. Рыжову, С. В. Ушакову, А. И. Романчук, чьи материалы были использованы при подготовке данной работы, а также музейному фотографу, К. В. Зыковой.

Рис. 1: 1–12 – перстни «птоломеевского» типа из Херсонеса Таврического

Понятие «птолемеевских перстней» впервые было введено О. Я. Неверовым (Неверов. 1974): это группа массивных перстней с резными либо рельефными изображениями обожествленных правителей династии Лагидов, стилистически близких к портретам на монетах (Неверов. 1974. С. 107), богов-покровителей династии и – реже – животных (Трейстер. 1982. С. 70). Характерной отличительной особенностью этой группы перстней III – начала II в. до н. э. являются крупные овальные щитки, под прямым углом переходящие в широкую шинку (Неверов. 1986. С. 22). М. И. Трейстер дополняет эту группу редким типом перстней с широкой, плоской внутри и выпуклой снаружи, расширяющейся шинкой с изображением (Трейстер. 1982. С. 70–71, 76; Трейстер. 1985. С. 131).

Исследователи неоднократно обращались к вопросу о путях распространения перстней, служащих одним из элементов птолемеевской пропаганды (Трейстер. 1985. С. 137; Spier. 1992. P. 22, 48), связывая их с распространением египетских культов в среде узкого круга торговцев-мореплавателей, из расчёта на получение проксений (Неверов. 1974. С. 112–114); политическими контактами (Трейстер. 1985. С. 130) и наемниками из Северного Причерноморья на службе у Лагидов (Литвиненко. 1991. С. 12–26). В свете находок оттисков египетских перстней на керамических изделиях из Херсонеса, прежде всего – ручки кувшина-ольпы, а также аметистовой инталии, наиболее убедительным представляется предположение И. А. Ладынина о частно-представительском характере подобных подарков людям, причастным к экспортной политике (Ладынин. 2007. С. 240, 247).

Среди изображений на эллинистических египетских перстнях из Херсонеса встречаются портреты Птолемеев, крылатой Ники-покровительницы династии, бодающего быка. Но безусловно преобладают портреты обожествленных цариц династии Лагидов, ассимилированных с образами Афродиты (греческого эквивалента Исиды-Хатхор) или Деметры (Неверов. 1974. С. 109; Llewellyn-Jones, Winder. 2010. P. 254–255; Plantoz. 2011. P. 39).

1. Бронзовый перстень (колл. № 36590/116) с портретным изображением Птолемея II Филадельфа (Неверов. 2001. С. 132) в профиль влево (Рис. 1, 1). Щиток 3,45×2,75 см, шинка 2,8×2,7 см. Происходит из погребения № 31 некрополя у Песочной бухты, открытого при охранных раскопках под руководством Л. Г. Колесниковой и А. Н. Щеглова в 1963 г. Середина III в. до н. э.²

² В. С. Щербакова. Каталог античных печатей Херсонеса // НА ГМЗ ХТ. 1986. Д. 2746/ II. Л. 66, № 196.

2. Фрагмент щитка перстня (колл. № 35272/2) (2,45×1,7 см). Сохранилась нижняя часть погрудного портрета Арсиной II³ или Береники II, иконография которых очень близка⁴ (Неверов. 1974. С. 109–110; рис. 9а – 15б; Финогенова. 2001. С. 166). Голова обращена влево; волосы уложены в прическу «melon coiffure» и собраны в узел, перевязанный лентой (Рис. 1, 2). Из дореволюционных раскопок.

3. Аметистовая гемма-инталия (колл. № 37006/5) (1,15×1,0 см). В камне вырезано идеализированное изображение, повторяющее образ Арсиной II на монетах: округлые черты скул и подбородка, низкий лоб в сочетании с крупным прямым носом; голова увенчана стефаной, поверх волос наброшено покрывало (Рис. 2, 1). Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича.

4. Грузило пирамидальной формы (№ ХМ КП – 17264) с фрагментированным оттиском инталии (диам. 1,2 см) на верхней грани, с портретом Арсиной II Филадельфии или Береники II вправо (Рис. 2, 3). Из раскопок Н. И. Репникова в 1908 г. между «[монастырским] скотным двором и башней» в слое керамической насыпи.

5. Фрагментированное грузило (№ ХМ КП – 20044) с оттиском (0,9×0,6 см). Изображение женского бюста вправо суммарно передает образ Арсиной II: характерная прическа собранных в узел волос увенчана стефаной (Рис. 2, 2). Происходит из раскопок Р. Х. Лепера в 1909 г. III в. до н. э.

6. Щиток бронзового перстня (колл. № 36844/26) (2,2×1,8 см) с рельефным изображением женской головы влево: нос с легкой горбинкой, широко раскрытые глаза, округлые черты лица и шеи; плечи покрывают складки хитона; прическа «melon frisur» собрана на затылке в объемный пучок, перевязанный лентой (Рис. 1, 3). Данный образ соответствует иконографии Береники II (Трейстер. 1982. С. 69; Финогенова. 2001. С. 167; Spier. 1992. P. 49, № 90). Конец III в. до н. э. Происходит из слоя у эллинистического водостока на XV улице, раскопки А. И. Романчук 1970 г.

7. Перстень (№ ХМ КП – 5400/2) без щитка, с углубленным портретным изображением (1,0 x 0,6 см) на расширяющейся шинке (диам.

³ В Государственном Эрмитаже хранится другой перстень с портретом Арсиной II (инв. №. Х. 1900.40), происходящий из Херсонеса (Неверов. 2001. С. 132).

⁴ Арсиной II была первой королевой, удостоенной звания базилисса, при жизни обо-жествленная в паре со своим братом и супругом в культе «Адельфов», а воздаваемые ей посмертные почести в 270–246 гг. до н. э., при жизни Птолемея II (Ладынин, Попова. 2010. С. 76–77), способствовали популяризации, легитимизации и сакрализации лагидского правления в Египте (van Oppen de Ruyter B. F. 2007. P. 5). В рамках династической пропаганды, прижизненный образ Береники II сознательно приблизили к обо-жествленной Арсиной II, фактически проявившийся в почти полном копировании прически и черт лица (Финогенова. 2001. С. 166; Llewellyn-Jones, Winder. 2010. P. 255).

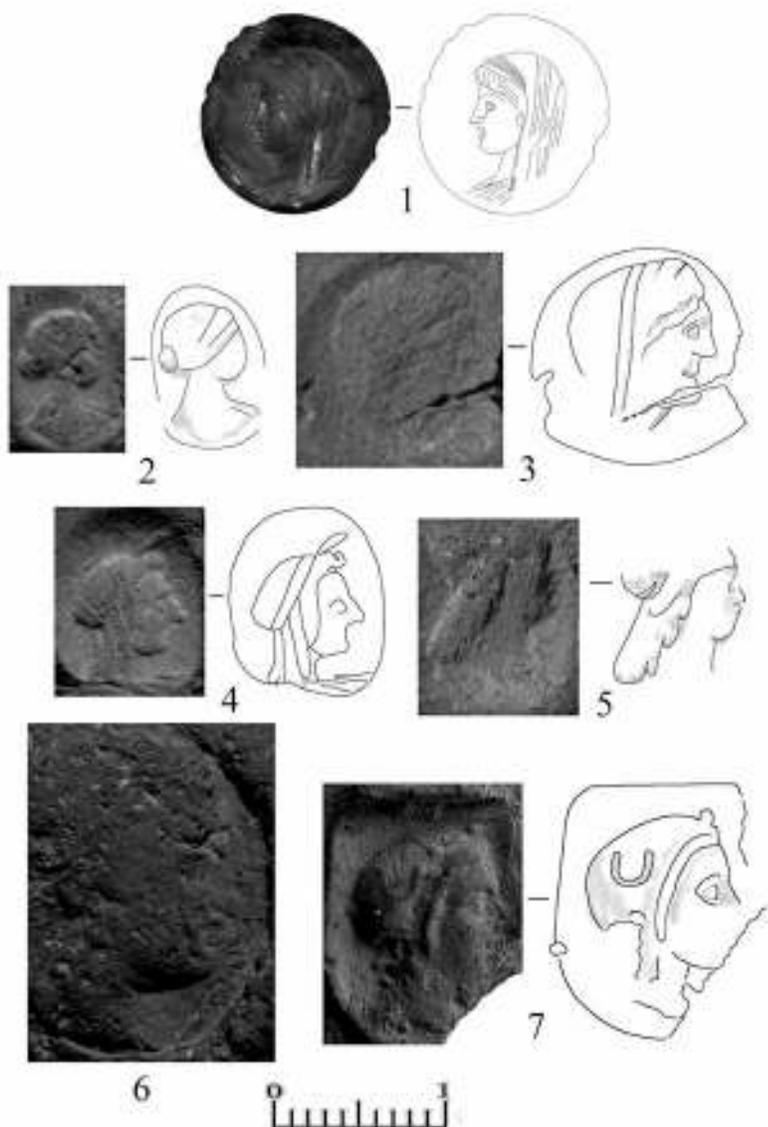

Рис. 2: 1 – гемма-инталия с портретным изображением Арсинои II (?); 2–6 – оттиски эллинистических египетских перстней-печатей на глиняных пирамидальных грузилах; 7 – оттиск на ручке кувшина

2,1 см). Характерная прическа в виде валика закрученных волос, обрамляющего лицо и собранного сзади в небольшой пучок, позволяет определить в изображении образ Арсиной III (Рис. 1, 4) (Финогенова. 2001. С. 167; Marshall. 1907. P. 176, № 1103). Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича.

8. Щиток бронзового перстня (№ ХМ КП – 6145/2) овальной формы (2,35×1,8 см), расколотый на две части. Изображение мужской головы (Птолемей III?) в профиль влево (Рис. 1, 6). III – начало II вв. до н. э.⁵. (Неверов. 1974). Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича.

9. Щиток бронзового перстня (колл. № 37380/23) овальной формы (2×1,7 см) с рельефным изображением женского бюста на все пространство щитка в профиль влево. Волосы женщины уложены на затылке в узел. Происходит из раскопок С. Г. Рыжова в 2002 г. в квартале № 9 (Северный район Херсонеса).

10. Грузило пирамидальной формы (колл. № 35272/30) с фрагментированным оттиском металлического перстня «птолемеевского» типа (2,1×1,8 см). Оттиск сильно стерт, определяются лишь общие контуры мужского профиля вправо (Рис. 2, 6). Из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича.

11. Щиток перстня (колл. № 37336/6) (2,1×1,6 см) со стертым рельефным изображением головки Исиды, с закрученными «ливийскими» локонами⁶, на все пространство щитка влево (Рис. 1, 5). Происходит из слоя под полом помещения II-Б терм в Южном районе, раскопки Л. В. Седиковой в 1999 г.

12. Фрагмент щитка перстня (колл. № 35272/3) (1,62×1,15 см). Сохранилась верхняя часть рельефного женского портрета влево (Рис. 1, 7). Из дореволюционных раскопок.

13. Фрагмент грузила пирамидальной формы (колл. № 37529/17) с двумя оттисками инталии (1,2×0,9 см) и шинки перстня (диам. 1,9 см) с обобщенным изображением египетской царицы в образе Исиды (Spier. 1989. P. 22, fig. 2; p. 31, 32). Голову женщины покрывают парик с «ливийскими локонами» и диадема, увенчанная фигурой Урея и пером (Рис. 2, 4). Происходит из комплекса III – начала II вв. до н. э. на участке базилики Крузе, раскопки С. В. Ушакова 2008 г.

14. Грузило пирамидальной формы (колл. № 35757/117) с неполным оттиском инталии (1,3×1,1 см) с изображением женщины со сложной

⁵ В. С. Щербакowa. Каталог античных печатей Херсонеса // НА ГМЗ ХТ. 1986. Д. 2746/ II. Л. 66, № 197.

⁶ Характерной особенностью эллинистической иконографии Исиды является прическа «ливийские» локоны – закрученные пряди, каскадом спускающиеся от висков к плечам (Gkikaki. 2016. P. 102), – обычно увенчанная диадемой (Spier. 1989. p. 31).

прической из ливийских локонов и прядей, собранных в высокий пучок, характерной для образов отождествления с Исидой (Рис. 2, 5). Происходит из засыпи середины III в. до н. э. подвального помещения «Д» дома I на Северном берегу Херсонеса, раскопки Г. Д. Белова 1936 г. (Белов. 1938. С. 217), участок А. К. Тахтая.

15. Фрагмент ручки кувшина (колл. № 37366/21) с оттиском перстня с изображением царицы династии Птолемеев в образе Исиды (Plantoz. 2011. Р. 408, fig. I) (Рис. 2, 7). Глина красно-коричневая, плотная, с включениями извести и авгита. Происходит из слоя III в. до н. э. поселения на западном берегу Казачьей бухты, раскопки Г. М. Николаенко в 2001 г. на Маячном полуострове.

16. Щиток бронзового перстня (№ ХМ КП – 6403) (2,95×2,45 см). Расколот на две части. Изображение крылатой Ники в три четверти влево, с длинной пальмовой ветвью в правой руке (Рис. 1, 8). Происходит из могилы № 1334 некрополя в Карантинной балке (?), раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Вторая половина III – начало II вв. до н. э.⁷ (Неверов. 1974. с. 106–115; Щербакова. 1981. С. 63).

17. Щиток бронзового перстня (колл. № 35272/1) (2,5×1,85 см). Изображение то же, что и № 16, 18 (Рис. 1, 9). Поверхность сильно стерта. Из дореволуционных раскопок.

18. Бронзовый перстень (№ ХМ КП – 6426) с овальным щитком (2,15×1,45 см; d шинки 2,0 см). Изображение то же, что и № 16, 17 (Рис. 1, 10), но отличается небрежной схематичностью исполнения (Щербакова. 1981. С. 63).

19. Щиток бронзового перстня (№ ХМ КП – 18515), 2,7×2,2 см. С изображением бодающего быка влево (Рис. 1, 11). Среди других перстней отличается наихудшей сохранностью металла: коррозированный щиток образует неровный овал, сохранившаяся шинка несимметричная (1,5 и 1,1 см). Из раскопок Р. Х. Лепера в 1909 г.

Конечно, мы не можем с уверенностью отнести все рассматриваемые образцы к продукции александрийских мастерских. Как отмечает М. И. Трейстер, импорт птолемеевского Египта повлек за собой появление местных имитаций (Трейстер. 1985. С. 130), долю которых относительно херсонесского материала еще только предстоит определить. Однако комплекс выявленных перстней и оттисков дает основание в дальнейшем пересмотреть некоторые выводы о контактах Египта и Херсонеса во второй половине III в. до н. э.

⁷ В. С. Щербакова. Каталог античных печатей Херсонеса // НА ГМЗ ХТ. 1986. Д. 2746/ П. Л. 63, № 187.

Литература

- Г. Д. Белов.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935–1936 гг. Симферополь, Гос. изд-во Крым. АССР, 1938.
- И. А. Ладынин.* Еще раз о перстнях «Птолемеевского» типа из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. 2007. Т. 11.
- И. А. Ладынин, Е. А. Попова.* Египетская подвеска, найденная на городище Чайка (Северо-Западный Крым), и посмертное обожествление Арсиной II Филадельфы // ВДИ. 2010. № 2.
- Ю. Н. Литвиненко.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. 1991. № 1.
- О. Я. Неверов.* Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1.
- О. Я. Неверов.* Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная тореветика. Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986.
- О. Я. Неверов.* Памятники глиптики из Херсонеса // ХСб. 2001. Вып. XI.
- М. Ю. Трейстер.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3.
- М. Ю. Трейстер.* Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1.
- С. И. Финогенова.* Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2.
- В. С. Щербакова.* Изображение Ники на античных перстнях из Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168.
- M. Gkikaki.* Ptolemaic finger ring in the Kanellopoulos museum, Athens // Numismatica e Antichita Classiche. Lugano, Arti Grafiche Gaggini-Bizzozero, 2016. Vol. 45.
- L. Llewellyn-Jones, S. Winder.* A key to Berenice's lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt // Creating a Hellenistic world. Llandysul, The Classical Press of Wales, 2010.
- P. H. Marshall.* Catalogue of the finger rings Greek, Etruscann and Roman in the departments of antiquities, British Museum. L., 1907.
- B. F. van Oppen de Ruiter.* The religious identification of Ptolemaic queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. Diss... Ph. D. NY, 2007. Vol. I–II.
- D. Plantoz.* The iconography of assimilation: Isis and royal imagery on Ptolemaic seal impressions // Studia Hellenistica. Leuven – Paris – Walpole MA, Peeters, 2011. № 51.
- J. Spier.* A group of Ptolemaic engraved garnets // The journal of The Walters art gallery. Baltimore, 1989. Vol. 47.
- J. Spier.* Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum. Malibu, 1992.

М. И. Тюрин

Боспорские рельефные чаши из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи

Производству «мегарских» чаш на Боспоре посвящена обширная историография (Подробно см.: Журавлёв. 2005. С. 238, 239). К настоящему моменту выявлены центры их производства, охарактеризованы основные мастерские и присущие им наборы мотивов (Kovalenko. 1995), активно публикуются как сами сосуды (Гжегжулка. 2010. Р. 55), так и формы для их изготовления (Журавлёв. 2011. С. 225. Рис. 7). К числу вопросов, требующих дополнительного исследования, относится топография находок местной рельефной керамики. Общеизвестно, что производство боспорских чаш, как и боспорской сигиллаты в целом, имело региональное значение и предназначалось для удовлетворения спроса жителей собственно Боспора (Журавлёв. 2005. С. 246). Тем не менее, нечастые находки продукции боспорских мастерских известны и за пределами Боспорского царства.

Так, пять фрагментов боспорских рельефных чаш обнаружены в Тире (Коваленко. 2002. С. 83). Единичные образцы встречены на памятниках кочевников Нижнего Подонья. Это, прежде всего, чаша из могильника Мариновка (Шинкарь. 2011. С. 192. Рис. 1, 2; Шинкарь, Мамонтов. 2013), которую, очевидно, следует отнести к производству мастерской Деметрия. Некоторое количество боспорских чаш обнаружено на памятниках Крымской Скифии. Так, единственный фрагмент происходит с городища Неаполя Скифского (Шкрибляк. 2012. С. 204. Рис. 2, 12). Два фрагмента выявлено на городище Ак-Кая (Shkribliak. 2016. Р. 530. Fig. 2, 6, 7). Целая группа красноглиняных боспорских чаш производства мастерской Деметрия обнаружена на поселении Кринички в Восточном Крыму (Shkribliak. 2016. Р. 531. Fig. 4, 1–3), сероглиняных – на поселении Бурлюк на р. Альма (Shkribliak. 2016. Р. 531. Fig. 4, 6).

Зафиксирована боспорская продукция и на территории бывшей херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму. Речь идет, в первую очередь, о городище Чайка, где известно не менее пяти фрагментов (Коваленко. 1987. С. 7, 8), в том числе и с клеймом эргастериарха (Коваленко. 1987. Рис. 1, 7). Один фрагмент верхней части чаши происходит из позднескифских слоев городища Керкинитиды (Внуков, Коваленко. 1998. С. 71; Кутайсов. 2013. С. 106. Рис. 52, 13). На городище Кара-Тобе фрагментированная чаша мастерской Деметрия встречена в контексте конца II – первой половины I вв. до н. э. (Внуков, Коваленко. 1998. С. 71. Рис. 4, 8, 9).

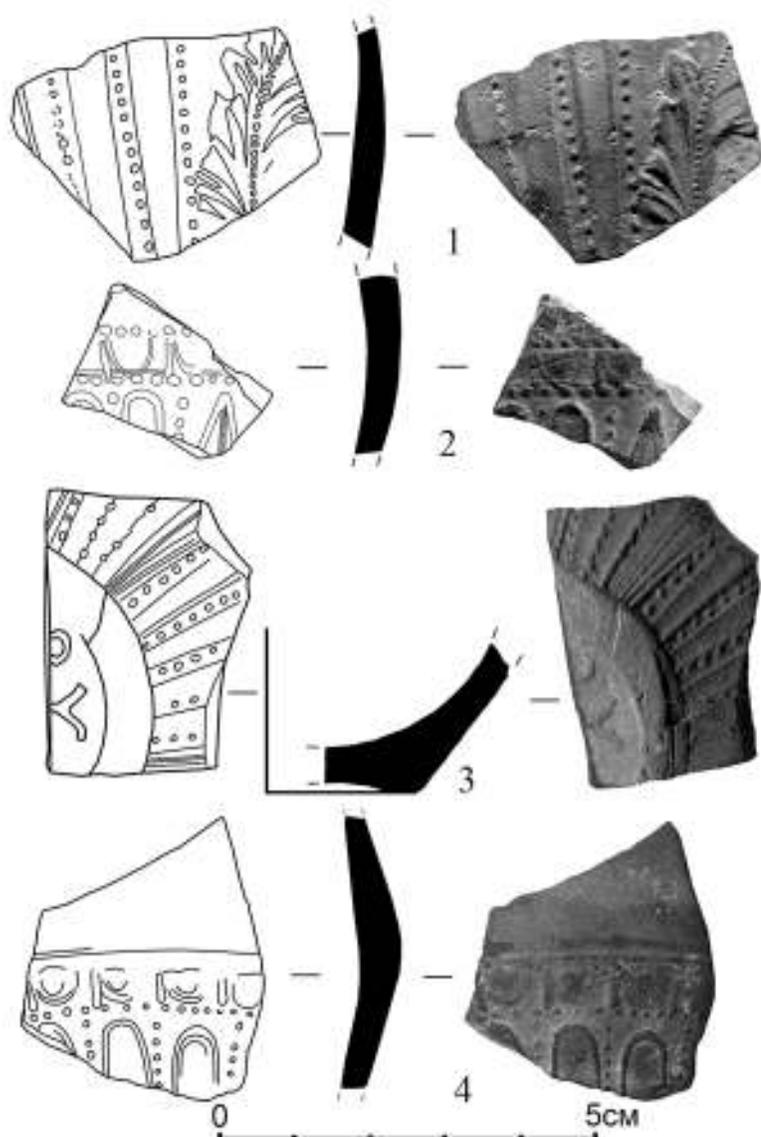

Рис. 1: 1–3 – фрагменты боспорских чаш из раскопок Херсонесского городища; 4- фрагмент из раскопок укрепленного поселения в балке Бермана

Боспорская продукция в Херсонесе ранее не выделялась из довольно объемного массива «мегарских» чаш, найденных на городище. Тем не менее, ее наличие на позднескифских памятниках Западного Крыма, снабжавшихся ею, вероятно, через Херсонес, справедливо заставило назвать С. А. Коваленко такое положение дел «в какой-то степени случайным» (Коваленко. 2002. С. 93).

Между тем, первый образец рельефной чаши боспорского производства в Херсонесе был опубликован еще в начале XX в. Он обнаружен К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1899 г. при раскопках перибола в районе городских ворот и пристенных склепов (Косцюшко-Валюжинич. 1901. С. 31. Рис. 24). Это нижняя часть чаши, на дне которой находится клеймо [Δη]μήτριου с восьмилучевой розеткой. Стенки декорированы вертикальными листьями. Автор находки сравнивал ее с обнаруженной ранее «мегарской» чашей работы эфесской мастерской Менемаха (очевидно, речь может идти лишь об отдаленном сходстве и принадлежности к одной группе материала). Сам фрагмент был отправлен в Императорскую Археологическую комиссию в Санкт-Петербург в январе 1900 г.¹

Анализ материалов фондов Херсонесского музея-заповедника и недавние полевые работы позволяют выделить еще несколько неизданных ранее чаш боспорской группы. Все они сероглиняные, в тесте содержатся белые известняковые включения. Лаковое покрытие на изделиях отсутствует.

1. Фрагмент стенки чаши (Рис. 1, 1) (МЗХТ, фонды, колл. № 35272). Орнаментация тулова: три вертикальных листа, разделенные вертикальными рядами точек. Справа лист аканфа со срединной прожилкой из множества рельефных точек. Вертикальные листья выполнены в неглубоком рельефе, края не выделены валиками. Композиционно близка орнаментация чаши из Пантикапея (Ср.: Гжегжулка. 2011. № 58). Происходит из коллекции депаспортизированных находок из дореволюционных раскопок на Херсонесском городище.

2. Фрагмент верхней части чаши (МЗХТ, фонды, колл. НВФ № 55/1205), венец отбит (Рис. 1, 2). Сверху фриз ионийского киматия из мелких ов, ограниченный сверху и снизу горизонтальными полосами из рельефных точек. Тулово декорировано вертикальными листьями, имеющими овальное (сохранилось два) и острое окончание (один, со срединной вертикальной прожилкой). Листья разделены рядами вертикальных точек. Идентичная орнаментация известна на ряде чаш

¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Описание предметов, найденных в Херсонесе 1899 г. и отправленных в Императорскую Археологическую комиссию 6 января 1900 г. // НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 48. Л. 103. № 7.

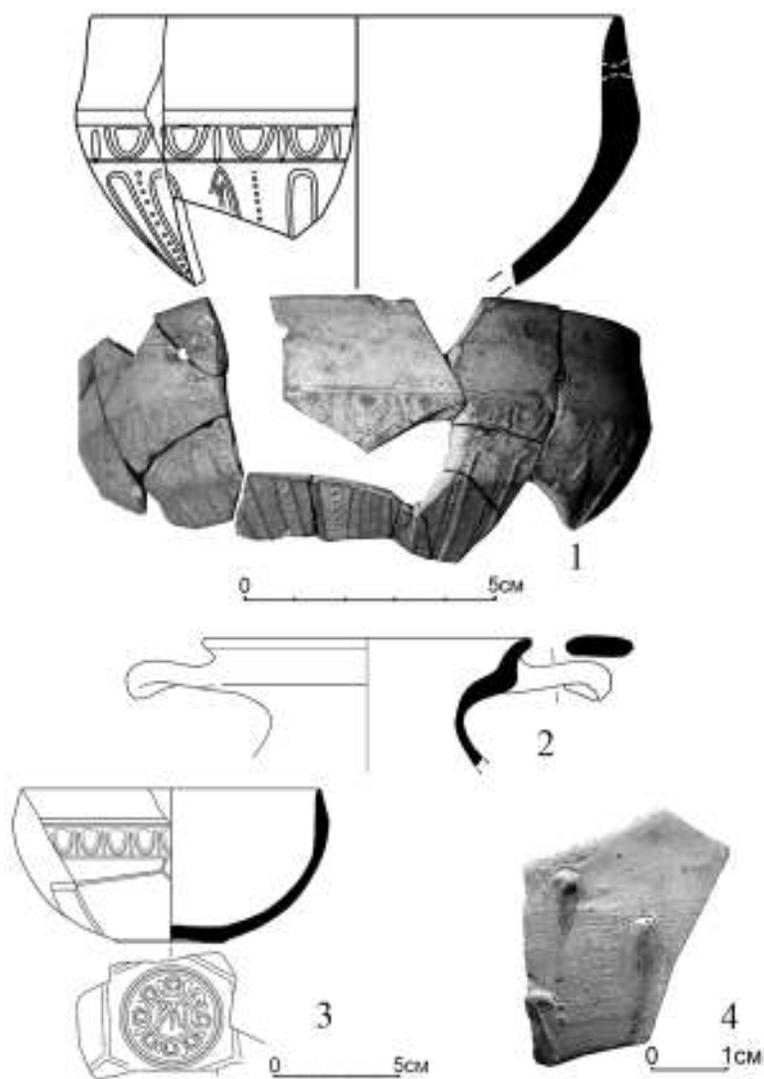

Рис. 2. Находки из свалки у северной башни усадьбы участка 320 на Гераклеюском полуострове: 1 – фрагменты боспорской рельефной чаши; 2 – фрагмент краснолаковой пелики; 3 – эфесская чаша; 4 – фрагмент сосуда с орнаментацией в виде чешуек шишки

из собрания Керченского заповедника (Гжегжулка. 2011. № 258, 359, 361, 362), характерна для сосудов мастерской Деметрия (Kovalenko. 1995. P. 52. Fig. 1, 4, 10, 18). Фрагмент происходит из заполнения рыбозасолочной цистерны римского времени на месте позднейшей базилики Крузе в Северо-Восточном районе Херсонесского городища, раскопки полевого сезона 2011 г.² Время заполнения цистерны не выходит за пределы V в. н. э. (Ушаков. 2014. С. 202).

3. Фрагмент нижней части чаши (Рис. 1, 3). Край дна сформирован в виде невысокого слабо выраженного поддона. От поддона отходят вертикальные лепестки – каннелюры; между ними – вертикальные ряды точек (Гжегжулка. 2011. С. 52, 53, № 22, 23). На дне остатки клейма [Δη] μητρίου. Черепок серый, без видимых примесей. Происходит из засыпи той же цистерны, что и предыдущий образец, раскопки полевого сезона 2012 г.³

Причины столь малого количества находок боспорских чаш в Херсонесе можно объяснить разными факторами, в том числе субъективными. Мелкие, лишённые лакового покрытия фрагменты иногда могли игнорироваться исследователями. Какие-то экземпляры, возможно, избежали нашего внимания. В целом же приведенные данные отражают как объем боспорского импорта в Херсонес, так и весьма скромное количество археологических предметов митридатовского времени на Херсонесском городище.

Значительное количество «мегарских чаш», в том числе целых форм, происходит из закрытых комплексов предмитридатовского времени. Это два подвала на участке базилики Крузе (раскопки С. В. Ушакова), помещения 8 и 9 в I квартале (раскопки М. И. Золотарёва), цистерна 1950 г. в XIX квартале (раскопки Г. Д. Белова и С. Ф. Стржелецкого), подвал в X-б квартале (раскопки С. Г. Рыжова), подвал № 3 в XX квартале (раскопки Н. Ю. Новоселовой). Все эти комплексы, так или иначе, следует отнести к третьей – возможно, началу последней четверти II в. до н. э. При значительном количестве рельефной керамики боспорская продукция в их составе отсутствует. Данный факт еще раз подтверждает позднюю датировку производства рельефных чаш на Боспоре: конец II – первая четверть I вв. до н. э. (Kovalenko. 1995. P. 57).

Ещё две находки происходят из ближайшей городской округи Херсонеса.

4. Фрагмент верхней части чаши (МЗХТ, фонды, колл. № 68/35392), край венца отбит (Рис. 1, 4). Сверху фриз ионийского киматия, огра-

² С. В. Ушаков. Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2011 г. // НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 4207. Л. 349. Рис. 153а. Выражаю благодарность С. В. Ушакову за разрешение использовать этот материал.

³ С. В. Ушаков. Отчёт о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса в 2012 г. // НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 4276. Л. 27.

нический снизу горизонтальными полосами из рельефных точек. Тулово декорировано вертикальными листьями с овальным окончанием (сохранились три, возможно, их группы разбивались ланцетовидными листьями, как на образце 2). Листья разделены рядами вертикальных точек. находка обнаружена в 1929 г. К. Э. Гриневичем при исследовании укрепленного поселения в Балке Бермана, происходит из смешанного контекста, содержавшего материалы как античного, так и средневекового времени (квадрат 1, раскопки снаружи северо-восточной стены Центральной башни Основного комплекса укрепления⁴).

5. Части еще одного сосуда обнаружены автором во время раскопок полевого сезона 2017 г. на усадьбе участка 320 хоры Херсонеса на Гераклеийском полуострове. Из ряда фрагментов собрана верхняя часть чаши со слегка загнутым бортиком (Рис. 2, 1). В верхней части расположен пояс ионийского киматия из крупных ов, ограниченный снизу горизонтальной линией. Тулово декорировано группами длинных лепестков с овальным окончанием по три. Между ними – единичные ланцетовидные листья с вертикальными прожилками. Все элементы орнаментации средней зоны разделены рядами вертикальных рельефных точек. Чаша должна быть отнесена к производству мастерской Деметрия (Ср.: Гжегжулка. 2011. С. 52, № 21).

Диаметр венца составляет 10,5–10,8 см. В нем проделаны два отверстия. Нельзя уверенно утверждать, использовались ли они для ремонта сосуда либо предназначались для его подвешивания (Bilde. 2010. P. 274). Морфологически сосуд относится к первому типу по классификации С. А. Коваленко (Kovalenko. 1995. P. 53).

В отличие от описанные выше образцов, в данном случае имеет смысл рассмотреть контекст находки. Фрагменты обнаружены в слое свалки возле северной башни усадьбы, снаружи от ее стен, на площади примерно трех квадратных метров. Свалка содержала многочисленные материалы позднеллинистического времени, в том числе значительное количество фрагментов рельефных сосудов. Это, в первую очередь, фрагментированные полусферические чаши производства Афин, Книда, Ким Эолийских и Эфеса. Первые принадлежат к числу ранних находок в комплексе (последняя четверть III – начало II вв. до н. э.), но, учитывая следы ремонта, могли использоваться достаточно продолжительное время (Тюрин. 2016. С. 406). Среди более поздних находок следует отметить полный профиль чаши производства эфесской мастерской Монограммиста ПАР (Рис. 2, 3). Чаша имеет не-

⁴ К. Э. Гриневич. Дневник Гераклеийской экспедиции 1929 года // НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 285. Л. 2, 3.

сколько приплюснутые пропорции, морфологически относится к типу 3 по классификации К. Рогл, характерному для позднего этапа эфесской продукции (Rogl. 2015. P. 122. Fig. 11). Очевидно, перед нами образец финального периода функционирования мастерской, работавшей до конца II в. до н. э. (Rogl. 2015. P. 133). Из этого же слоя происходит фрагмент верхней части краснолаковой пелики (Рис. 2, 2) с отогнутым венцом и сложно изогнутыми ручками с перегибом. Морфологически близкому сосуду из раскопок городища Кара-Тобе посвящена работа С. Ю. Внукова и О. И. Штепы; начало изготовления данных изделий относится к концу II в. до н. э. (Внуков, Штепа. 2010. С. 357. Рис. 4, 2). Наиболее поздней находкой из слоя следует признать фрагменты закрытого сосуда типа *pareti sottili* (Рис. 2, 4) с орнаментацией в виде рельефных чешуек шишки. Подобная продукция известна начиная с I в. до н. э., причем обычно ее появление связывается со второй четвертью столетия (Piegnard-Giros. 2013. P. 153, 158). Таким образом, свалка у северной башни усадьбы содержит находки значительного хронологического диапазона, однако окончание формирования слоя приходится на митридатовское время. К числу датирующих находок принадлежит и рассматриваемая чаша.

Все представленные выше фрагменты без труда находят аналогии в материалах раскопок Боспорских городов и едва ли дают новую информацию о морфологии и орнаментации боспорских рельефных чаш. Вероятно, все рассмотренные экземпляры принадлежали сосудам одной, самой продуктивной, мастерской Деметрия. В данном случае интерес вызывает сама немногочисленность (речь идет всего о шести фрагментах) этой продукции в Херсонесе, учитывая сто тридцатилетнюю историю регулярных раскопок городища и его округи. Возможно, дальнейшее исследование археологических комплексов митридатовского времени несколько изменит эту картину. Очевидно, однако, что боспорские чаши не получили широкого распространения в Херсонесе. Принимая во внимание, что в рассматриваемое время Херсонес и Боспор в известной степени представляли из себя единую политическую и экономическую реальность (Сапрыкин. 1996. С. 176), данное обстоятельство вызывает особый интерес. Несомненно, его следует учитывать, говоря о степени экономической интеграции таких регионов Понтийской державы Митридата VI, как Херсонес и Боспор.

Литература

- С. Ю. Внуков, С. А. Коваленко. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998. – (ТГИМ. Вып. 102).

- С. Ю. Внуков, О. И. Штепа.* Краснолаковая пелика с городища Кара-Тобе (опыт комплексного исследования) // ПИФК. 2010. № 1.
- С. Гжегжулка.* «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Варшава, DIG, 2010. Ч. I.
- Д. В. Журавлёв.* О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // *Antiquitas aeterna*. 2005. Вып. 1.
- Д. В. Журавлёв.* Новые находки позднеэллинистических керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 2011. № 4 (34).
- С. А. Коваленко.* Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., Издательство МГУ, 1987.
- С. А. Коваленко.* О структуре и динамике импорта позднеэллинистической рельефной керамики в Северное Причерноморье // *Археология*. 2002. № 3.
- К. К. Косцюшко-Валюжинич.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИИАК. 1901. Вып. 1.
- В. А. Кутайсов.* Античный полис Керкинитида // МАКК. 2013. Вып. XII.
- С. Ю. Сапрыкин.* Понтийское царство. М., Наука, 1996.
- М. И. Тюрин.* Новые находки аттической рельефной эллинистической керамики из Херсонеса и его хоры // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., Палаццо, 2016.
- С. В. Ушаков.* Время собирать камни. Основные итоги работ по исследованию участка базилики «Крузе» // ХСб. 2013–2014. Вып. XVIII.
- О. А. Шинкарь.* Северопричерноморские импортные изделия в погребениях III–II вв. до н. э. Волго-Донского междуречья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012.
- О. А. Шинкарь, В. И. Мамонтов.* Особенности производства и происхождение «мегарской» чаши из кургана I Мариновского могильника // Нижневолжский археологический вестник. 2013. Вып. 13.
- И. И. Шкрибляк.* Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2012.
- P. G. Bilde.* Mouldmade bowls // *The Lower City of Olbia*. BSS. 2010. № 13.
- S. A. Kovalenko.* Some Notes on the Production of Hellenistic Mould-Made Relief ware in the Bosporan Kingdom // *New Studies on the Black Sea Littoral. Colloquia Pontica I*. Oxford, Oxbow Books, 1995.
- Ch. Rogl.* Mouldmade Relief Bowls from Ephesos – The Current State of Research // BSS. 2015. № 16.
- A. Pignard-Giros.* Importations et imitations de ceramiques occidentales a Delos a la fin de l'époque hellenistique tardive // *Networks in the Hellenistic world: according to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond*. Oxford, Archaeopress, 2013.
- I. Shkribliak.* Hellenistic Mold-made Relief Bowls from Late Scythian Sites of Crimea // *Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Wien, Offprint, 2016.

С. В. Ушаков

**О хронологии позднеантичного Причерноморья:
Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект)**

В эпоху Великой греческой колонизации на краю Ойкумены, на северном побережье Понта Эвксинского, возникают три основные центра эллинской цивилизации – Боспор Киммерийский, Херсонес Таврический и Ольвия Понтийская, образующие не только типичную, но каждый и своеобразную эллинскую кайму, пришитую к обширной ткани «варварских полей» (Сисего, II. 4). Чего в каждом из них было больше: общего или своеобразного? Здесь нужно учесть как минимум несколько факторов. (1) Природно-географические (экологические), особенно важные в момент основания и становления полисов и во многом определяющие условия их дальнейшего развития. (2) Демографическая (так сложилось в историографии), а точнее, этнополитическая ситуация в конкретных районах колонизации. (3) Характер политической и социальной организации каждого из этих центров (организация власти, политический режим, социальная структура). (4) Их исторические судьбы в античную эпоху, в том числе и на завершающем её этапе. (5) Наконец, их «посмертная судьба», т. е. судьба как памятника, а точнее, степень и характер его исследованности, определяющие их историографические особенности. Таким образом, можно будет получить ответ на вопрос – как и когда завершилась их античная история (с опорой на археологические источники).

В этом отношении ситуация с Ольвией кажется проще других. Здесь возможны три варианта ответа. Н. Н. Болгов считал ее, наряду с Танаисом, постантичным центром (Болгов. 2001). Далее дискуссия по поводу характера Ольвии в конце III–IV вв. между В. М. Зубарем, настаивавшем на (вслед за Б. В. Магомедовым) её «черняховском» характере (Зубарь. 2001. С. 135–138) и В. В. Крапивиной, приводившей аргументы в пользу её «античности», кажется почти полностью завершённой в пользу последней точки зрения. Ведь, в отличие от В. В. Крапивиной, В. М. Зубарь лишь ссылается на выводы исследователей, не проводя самостоятельного анализа реального археологического материала. Действительно, особенности планировки, характер домостроительства, ремесленная специализация и, конечно, представленные комплексы (Крапивина. 1993. С. 88, 156; 2013. С. 87 и сл. Рис. 2–13) не оставляют сомнения в позднеантичном характере Ольвии на завершающем этапе её истории. Погребения и находки черняховского типа (Крапивина. 2013. С. 79. Рис. 2) остаются единичными и не меняют ситуации в целом.

Хронология завершающего этапа ольвийской истории определяется двум значимыми категориями находок. Первая из них представлена амфорами нескольких типов, производившихся в Гераклее, Синопе, возможно на Боспоре (Крапивина. 2009. Р. 71–73. Pl. 37–39, там же приведена литература; Крапивина. 2013. С. 91). Показательными являются тара Гераклеи (типы E и F по Д. Б. Шелову) и сосуды типа Зеест 100/С Snр I/III и С Snр I/III–I, производившиеся в Демирджи (Синопа). Интересно отметить, что если амфоры типа F хронологически укладываются в рамки второй – третьей четверти IV в. (см.: Ушаков. 2015), то амфоры типа E (Сазанов. 2012. С. 129–133) и особенно синопские сосуды продолжают производиться и явно после этой даты.

Вторая категория находок – краснолаковая керамика трех типов: понтийская позднеримская (Pontic Red Slip Ware – PSR), фокейская сигиллята (Late Roman C/Phocean Red Slip Ware – PhRS) и так называемая африканская сигиллята (African Red Slip Ware – ARS), которые представлены единичными обломками (Крапивина, Домжальский. 2008. Р. 78–81; Крапивина. 2013. С. 91). В целом с начала второй половины IV в. этих материалов («поздних» амфор и краснолаковой керамики) (Рис. 1) становится исчезающее мало. Похоже, что все действительно закончилось к концу третьей четверти этого столетия. Ольвия Понтийская становится достоянием вечности...

Историческая ситуация в Херсонесе развивалась несколько иначе. Жизнь там не только не прерывалась, но набирала новые обороты, что хорошо фиксируется археологически¹. В пределах второй половины V – VI вв. был закончен ремонт (реконструкция) оборонительной линии. Городская архитектурно-планировочная сеть сохранилась как гипподамова система без коренных изменений, меняясь в деталях. От жилой застройки и общественных зданий до сего дня сохранились фундаменты отдельных стен. Театр был закрыт. Функционировали другие общественные сооружения (зернохранилище, общественный туалет, баня, бассейн) и ремесленные комплексы – рыбозасолочные, винодельни, стеклоделательные мастерские, гончарные печи.

Сложная этноконфессиональная ситуация отразилась в разнообразности культовых памятников, как то: синагога, перестроенная в христианскую базилику; сакральный комплекс («подземный храм») митраистов. В западной части города в конце IV в. формируется культовый комплекс, связанный с погребением епископа Василия, а во вто-

¹ Вся литература и аргументация приведена мной в докладе на V (XXI) Всероссийском археологическом съезде и отдельной публикации (Ушаков. 2017), здесь я привожу всего лишь краткое резюме.

рой-третьей четвертях VI в. возводится храм (ранняя базилика Б) и, возможно, мемориальный храм с четырьмя апсидами. Около середины VI в. строится базилика «Крузе». Процесс строительства новых храмов завершается в конце VI – начале VII в. Об утверждении христианства свидетельствуют также находки раннехристианской скульптуры и погребения некрополя.

Бытовая материальная культура остается в целом стабильной. Что же касается амфор и краснолаковой керамики, то эти категории находок – основные хронологические реперы (Рис. 1). Наполненная амфорная тара без перерыва поступала из разнообразных южно-причерноморских и восточно-средиземноморских центров (Гераклея, Синопа, Колхида, Эгеида, Сирия, Палестина и др.). Краснолаковая керамика херсонесского производства сменилась посудой понтийской позднееримской группы (PRS, form 1–7) (Arsen'eva, Domzalski. 2002) и фокейской сигиллятой (PRS/LRC) (Hayes. 1972. P. 329–338). Североафриканский (ARS) (Карфаген) импорт (относительно немногочисленный) не прекращает поступать и в конце VI – начале VII в. В общем, изученные материалы IV – начала VII в. позволяют видеть в Херсонесе типичный позднеантичный город с локальными особенностями вплоть до начала VII в.

Позднеантичная история Боспора развивалась ещё своеобразнее: как Ольвия (и Тира), он выжил во времена варварских морских походов середины – третьей четверти III в., которые чаще всего и считаются там началом позднеантичного периода (Зубарь, Русяева. 2003. С. 2008). И, как Херсонес, он уцелел в эпоху Великого переселения народов. При этом нужно заметить, что традиционная точка зрения на конец античного периода Боспора относит этот период к 70-м годам или к последней четверти IV в. (Гайдукевич. 1949. С. 479 и сл.; Кругликова. 1966. С. 6; Античные государства... 1984. С. 11, 59). К настоящему времени почти все исследователи относят конец античной эпохи здесь уже к началу последней четверти VI в. (напр.: Масленников. 1997. С. 61, 66–67).

При этом часто выделяется эпоха гуннского влияния примерно до конца V в., хотя Европейский Боспор и не пострадал при их вторжении с середины этого столетия (историография: Болгов. 1996. С. 6–12). Некоторые поселения захирели, но многие сохранились. Вещи (керамика, стекло, бижутерия) V – первой половины VI в. найдены в Тиритаке, Мирмекии, Илурате, Китее, Зеноновом Херсонесе и некрополях (Античные государства... 2003. С. 15; Сазанов. 1989. Табл. 5) Керченского п-ва.

Материалы боспорского некрополя (сер. IV – нач. VII в.) это подтверждают, распределяясь на три хронологические группы: 1) посл.

четв. IV – середина V в.; 2) вторая половина V – первая половина VI в.; 3) вторая половина VI – начало VII в. (Крым... 2003. С. 33).

Выйдем за пределы полуострова. На азиатском Боспоре (Тамани) с середины III до конца IV в. рушится вся система расселения вследствие вторжения варваров, число поселений уменьшается в четыре раза. В V–VII вв. там сохранилось 28 поселений, включая Гермонассу, Фанагорию и Кепы. Выделяется четыре группы поселений (Крым... 2003. С. 151–152).

Крепость у д. Ильич исследована лучше других, что позволяет считать ее эталонным памятником с типичными категориями находок, среди которых: 1) украшения и металлическая бижутерия – фибулы-цикады, двупластинчатые, подвязные прогнутые, пряжки и прочее; 2) стеклянные сосуды с налпами синего стекла конца IV–V вв.; 3) краснолаковая керамика: «понтийская», фокейская (с клеймами второй половины V – первых десятилетий/третьей четверти VI в.), «африканская» сигилляты (Крым... 2003. С. 153. Табл. 61, 14, 15, 25, 35). Находки из слоя разрушения относятся ко времени позднее третьей четверти VI в., что и позволило связывать разрушение с походом тюркютов. Подобная ситуация характерна и для ближней округи (Крым... 2003. С. 155–157. Табл. 64; Сазанов, 1989. С. 45–51).

Столица Азиатского Боспора, Фанагория, в это время отнюдь не процветает. Строительные остатки невыразительны. Хронология материалов раскопок города укладывается в пределы конца IV – второй четверти VI в. (Сазанов. 1989. С. 56–57), некрополя – V – первых десятилетий VI в. (Медведев. 2013; Шавырина, Ворошилова. 2013). Краснолаковая керамика этого времени абсолютно типична, как и в других центрах Причерноморья (Атавин. 1993). Аналогична ситуация в Кехах и Гермонассе (Крым... 2003. С. 158–160).

Краткий обзор археологических материалов позволяет утверждать, что позднеантичная эпоха продолжалась на Боспоре, как минимум, до третьей четверти VI в. (Рис. 1). Эпиграфические (Виноградов. 1998) и нумизматические (Фролова. 1998) данные скорее это подтверждают. В тоже время, анализ позднейших материалов, которые можно отнести к 570–580-м гг., имеется крайне мало, что ставит под сомнение и гипотезу о виновности во всех разрушениях тюркютов (Сазанов. 2000. С. 236).

Таким образом, можно заключить, что у позднеантичных центров Северного Причерноморья (как и для всего Понтийско-Восточно-Средиземноморского региона) сложилась единая материальная (и духовная) культура в широких хронологических рамках от второй четверти/середины IV до конца VI/начала VII в. Последний период

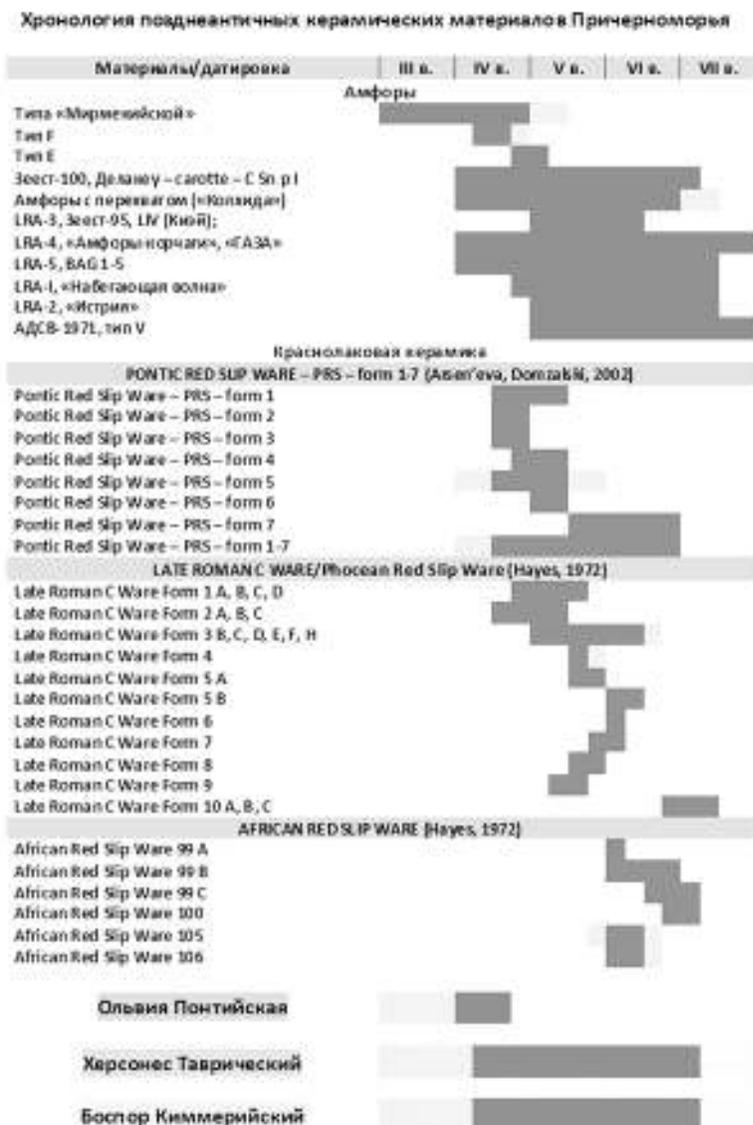

Рис. 1. Хронология некоторых позднеантичных керамических материалов Причерноморья (амфоры и краснолаковая керамика)

можно именовать и ранневизантийским, но это ничего не меняет по сути: сами «ранние византийцы» называли (и считали) себя ромеями и жили в Восточной Римской империи, не зная, что мы будем считать ее «Византией».

И хотя для всех северопонтийских центров в это время была характерна общая историческая судьба, конкретная историческая ситуация в каждом регионе развивалась по-своему: позднеантичная Ольвия прекратила свое существование в третьей четверти IV в., Херсонес и Боспор, сильно изменившись, функционировали в новой реальности, как минимум, еще два столетия. Верхняя же хронологическая граница позднеантичной эпохи (по археологическим данным) определяется в пределах последней четверти VI – начала VII в.

Литература

- Античные государства Северного Причерноморья // Археология. М., Наука, 1984.
- А. Г. Атавин.* Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // Боспорский сборник. М., 1993. № 2.
- Н. Н. Болгов.* Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, Изд-во БГПУ, 1996.
- Н. Н. Болгов.* К проблеме типологии постантичного города в Северном Причерноморье (Ольвия, Танаис) // Ольвия та античний світ. Киев, ИА НАНУ, 2001.
- Ю. Г. Виноградов.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (в свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. 1998. № 1.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М. – Л., Наука, 1949.
- В. М. Зубарь.* О заключительном этапе истории Ольвии (третья четверть III – первая половина IV в.) // ВДИ. 2001. № 1.
- В. М. Зубарь, А. С. Русяева.* На берегах Боспора Киммерийского. Киев, ИД «Стилос», 2004.
- В. В. Крапивина.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, Наукова думка, 1993.
- В. В. Крапивина.* Позднеантичный период истории Ольвии Понтийской // ВДИ. 2013. № 1.
- В. В. Крапивина, К. Домжалский.* Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. СПб., Нестор-История, 2008.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века // Археология. М., Наука, 2003.
- И. Т. Кругликова.* Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М., Наука, 1966.
- А. А. Масленников.* Исследование сельской территории Европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3.
- А. П. Медведев.* Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2013. Том 1.

- A. B. Сазанов.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.
- A. B. Сазанов.* Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. // ДБ. 2000. № 3.
- A. B. Сазанов.* ISEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира. М., 2012.
- C. B. Ушаков.* Об амфоре с «виллы Базилида» на хоре Херсонеса // Stratum plus. 2015. № 4.
- C. B. Ушаков.* Херсонес Таврический в позднеантичный период (IV–VI вв.) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе [Текст]: сборник научных статей: в 3 т. Барнаул, Изд-во Алт. унта, 2017. Т. II.
- Т. Г. Шавырина, О. М. Ворошилова.* Исследование Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2013. Том 1.
- Н. А. Фролова.* Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1998. № 1.
- T. M. Arsen 'eva, K. Domzalski.* Late Roman red slip pottery from Tanais. Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. 8.
- J. W. Hayes.* Late Roman Pottery. London: W. Heffer and Sons Ltd Cambridge. 1972.
- V. V. Krapivina.* Amphorae of the 3rd-4th centuries a. d. in Olbia Pontica. PATABS I. Production and Trade of Amphorae in The Black Sea Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006. (édités par Dominique Kassab Tezğör et Nino Inaishvili) // VARIA ANATOLICA XXI. Institut Français d'études Anatoliennes-Georges Dumezil. Paris. 2009.

Т. В. Егорова

Некоторые аспекты аттического чернолакового импорта на Боспор в VI–II вв. до н. э.

С момента основания греческих полисов в Северном Причерноморье в них прочно укоренились античные культурные традиции, в том числе традиции греческого застолья, что повлекло за собой использование ставшей к концу VI в. до н. э. привычной для греков чернолаковой посуды. Такая посуда бесперебойно поступала из разных мест греческого мира: Аттики, Беотии, Малой Азии, Македонии, Фессалии, островных центров бассейна Эгейского моря и т. д. Из греческих городов она распространялась по обширной территории и теперь встречается при раскопках памятников разных типов, как входивших в состав Боспорского царства, так и расположенных далеко за его пределами. Необходимо отметить, что если общее число находок этих сосудов в греческих городах, таких как Пантикапей, существенно выше, чем

на небольших поселениях, то их процент от общего количества находок керамики (исключая фрагменты амфорной тары) является одинаковым и составляет в большинстве случаев около 4–6%.

Работы, проводившиеся мною в последние годы в фондах ряда музеев¹, а также более или менее подробные публикации находок чернолаковых сосудов из раскопок различных памятников, расположенных на территории Боспора (Алексеева. 1997; Масленников. 1997, 2008, 2010, 2012, 2016; Абрамов, Масленников. 1997; Рогов, Кашаев. 2002; Молев, Молева. 2016; Егорова. 2013, 2014, 2016, 2016а; Egorova. 2016; Егорова, Ильяшенко. 2017 и др.), позволяют высказать предположения относительно некоторых аспектов импорта чернолаковой продукции в изучаемый регион.

Прежде всего, необходимо отметить, что бесспорным лидером среди импортеров являлась Аттика. Этот факт прослеживается на материалах как боспорских городов, так и небольших сельских поселений. Даже в эллинистическое время, в частности, во второй половине III–II в. до н. э., когда доля неаттической чернолаковой посуды в Херсонесе и Ольвии существенно возрастает, приближаясь к 25%, на Боспоре ее процент остается стабильно невысоким (около 12%) (Егорова. 2009. С. 74; Egorova. 2016. Р. 521; Handberg, etc. 2010. Р. 189–191; Bouzek. 1990. Р. 51, 59). Это связано, с одной стороны, с объемами производства чернолаковой керамики в Аттике на протяжении VI–II вв. до н. э., с другой – с приоритетным направлением торговых связей Боспора (Анохин. 1999. С. 74–79; Виноградов. 2010. С. 311–313).

Несомненно, может возникнуть закономерный вопрос о способах определения центров производства чернолаковых изделий, поскольку в свете последних археометрических исследований (RFA, NAA) не вся керамика, которую традиционно считали бесспорно аттической, является таковой (Lungu. 2013. Р. 45–55, 285–293; Kallini. 2013. Р. 59–65; Kotitsa. 2013. Р. 67–76). Однако в этой связи хотелось бы отметить, во-первых, что процент изделий, аттическое происхождение которых поставлено под сомнение, пока невелик. Во-вторых, если при выявлении именно аттических сосудов акцентировать внимание не только на морфологических признаках и характеристиках глины, но привлекать косвенные

¹ Выражаю глубокую признательность руководству и сотрудникам ГМИИ им. А. С. Пушкина, в частности В. П. Толстикову, за предоставленную возможность работы с коллекциями из раскопок Боспорской археологической экспедиции ГМИИ, а также О. В. Тугушевой, Т. А. Ильиной и Н. С. Асташовой за помощь в работе; Восточно-Крымского историко-культурного заповедника, в частности директору заповедника Т. В. Умрихиной и заместителю директора Н. В. Быковской; Музея-заповедника Танаис, в частности заместителю директора С. М. Ильяшенко и С. А. Науменко.

данные, такие как стили накладного орнамента или не просто сходные, а порой идентичные штампы, использовавшиеся для нанесения штампованного орнамента и т. п., процент сомнительной идентификации можно свести к минимуму, не влияющему в целом на общие выводы.

Как показывает анализ находок, импорт чернолаковой керамики из Аттики на Боспор стартовал уже с середины VI в. до н. э., т. е. с того момента, когда в аттических мастерских было налажено стабильное производство такой посуды (Егорова. 2013. С. 168; Егорова. 2014. С. 174–175, 183; Масленников. 2012. С. 166, 170; Sparkes, Talcott. 1970. P. 12; Bouzek. 1990. P. 42). Однако мы можем уверенно говорить о запаздывании регулярных поставок определенных типов сосудов по сравнению с началом их производства и началом использования в других регионах античного мира в среднем на 20–30 лет.

Во-первых, это касается некоторых типов сосудов, ранние варианты которых так и не получили широкого распространения в Аттике, например, так называемые блюда *Rolled rim*. Хотя надо отметить, что в других подобных случаях (например, в случае с мисками *Deep wall* или канфарами *tuna B*) такая закономерность не прослеживается. Возможно, это связано с тем, что, в отличие от мисок и канфаров, другие варианты блюд синхронного времени встречаются в большом количестве и разнообразии (Егорова. 2014. С. 176, 180; Egorova. 2016. P. 519; Масленников. 1997. С. 394; Масленников. 2012. С. 185–186, 193).

Во-вторых, сосудов, функциональное назначение которых дублируется другими формами, широко представленными в регионе. В частности, ранние образцы миниатюрных мисок появляются только в третьей четверти V в. до н. э. предположительно в качестве замены солонкам, производство и поставки которых в этот момент на время снижается.

В-третьих, сосудов определенных форм, такие как скифосы разных типов, ставшие популярными в краснофигурном варианте или привозившиеся из других центров, например, Коринфа (Буйских. 2014. С. 138–141; Sidorova. 2001. С. 43–47. Рис. 38–41). О регулярных поставках аттических чернолаковых скифосов на Боспор можно говорить только с начала V в. до н. э. Причем в период пика их использования в Аттике процент таких сосудов на боспорских памятниках был совсем небольшим (около 8–9%) (Рогов, Кашаев. 2002. С. 129; Егорова. 2014. С. 184; Масленников. 2012. С. 170, 184, 198 и др.).

Некоторые факты позволяют сделать предположение о том, что в Аттике существовала одна или несколько мастерских, в определенный хронологический период ориентированных на изготовление продукции для причерноморского региона. На это указывают находки в Северном Причерноморье, и в частности на Боспоре, аттических сосудов определен-

ных форм, которые редко встречаются как в самой Аттике, так и за ее пределами. Это касается таких форм, как *Stemmed Dish* или *Bolster-cup*, которые выпускались аттическими мастерскими в течение ограниченного промежутка времени (с конца VI по вторую четверть V в. до н. э. и в начале III в. до н. э. соответственно), причем в каждом случае речь идет, видимо, об одной мастерской (Sparkes, Talcott. 1970. P. 138–142; Govi. 1999. P. 139; Rotroff. 1997. P. 96). Так, блюда первого типа относят к редким формам. Однако в Пантикапее найдено значительное их количество, преимущественно фрагментированных. Эпизодически они встречаются в Ольвии, еще реже в Херсонесе (Леви. 1940. С. 120. Рис. XX, 4; Брашинский. 1980. С. 246. Табл. XXXVIII; Ланцов. 1994. С. 82–83. Рис. 7; Hannestad, Stolba, Hastrup. 2002. P. 139, B101; Егорова. 2009. С. 31–32). Таким образом, здесь можно говорить об одной или нескольких партиях, которые были доставлены в Северное Причерноморье, возможно, первоначально в Пантикапей, поскольку именно здесь сконцентрировано их наибольшее количество. На основании анализа формы и орнамента к продукции одной мастерской можно относить и найденные на боспорских памятниках *ранние канфары типа B*, также выпускавшиеся в Аттике недолго, в третьей четверти V в. до н. э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 115–116; Kuze-Götte, Tancke, Vierneisel. 1999. P. 137), а также миски *Deep wall V* в. до н. э. (Sparkes, Talcott. 1970. P. 130).

Подтверждением данного предположения может служить и анализ находок керамики с росписью в стиле *West Slope*. Из выделенных С. Ротофф восьми основных групп изображений здесь выявлено только три: *Bracket Leaf Group*, *Edwards Group* и *Dikeras Group*. Причем последние две численно значительно превосходят первую. По мнению С. Ротрофф, они могли производиться в одной и той же мастерской (Rotroff. 1997. P. 74–77). Это подтверждает ойнохоя из Танаиса, украшенная тремя гирляндами, две из которых относятся к разным группам (*Edwards* и *Dikeras Group* соответственно). Некоторые исследователи отмечают также, что большинство сосудов, относящихся к *Edwards Group*, происходят из Северного Причерноморья (Журавлев, Ломтадзе. 2007. С. 83). Кроме того, из более чем 27 вариантов изображений и их сочетаний, известных в Аттике, на Боспоре представлено менее половины. Та же закономерность выявлена и для номенклатуры типов сосудов, украшенных в этой технике (Егорова. 2016б. С. 272–274).

В целом анализ комплексов чернолаковой керамики с боспорских памятников, в сравнении с опубликованными материалами с других Северо-причерноморских территорий, свидетельствует о том, что в отношении чернолакового импорта Боспор не являлся уникальным регионом, хотя и обладал рядом особенностей. Здесь очевидно просле-

живаются общие традиции и общие тенденции, в частности, в наборе форм, процентном соотношении различных групп и типов чернолаковой посуды, увеличении доли неаттической керамики и т. п.

Литература

- А. П. Абрамов, А. А. Масленников.* Керамический комплекс V в. до н. э. из района поселения Генеральское-западное // ДБ. 1997. Вып. 12.
- В. А. Анохин.* История Боспора Киммерийского. Киев, Одигитрия, 1999.
- Е. М. Алексеева.* Античный город Горгиппия. М., Эдиториал УРСС, 1997.
- И. Б. Брашинский.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Л., Наука, 1980.
- А. В. Буйских.* Приложение 1. Амфоры и столовая керамика // *В. Н. Зинько.* Тиритака. Раскоп XXVI. 2014. Симферополь, Керчь; К., ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014. Т. II. – (БИ. Supplementum 11).
- Ю. А. Виноградов.* Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства в IV в. до н. э. // АМА. 2010. Вып. 14.
- Т. В. Егорова.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., МГУ, 2009.
- Т. В. Егорова.* О чернолаковом импорте в Пантикапее в VI–II вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., Нестор-История, 2013.
- Т. В. Егорова.* Предварительный анализ комплекса чернолаковой керамики VI–II вв. до н. э. из раскопок Пантикапея 1945–1992 гг. // ДБ. 2014. Вып. 18.
- Т. В. Егорова.* Чернолаковая керамика из раскопок поселения Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., Изд-во ГИМ, 2016.
- Т. В. Егорова.* Комплекс чернолаковой керамики из раскопа 1 поселения Голубицкая 2 // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. М., Изд-во ГИМ, 2016а.
- Т. В. Егорова.* Чернолаковая керамика с росписью в стиле West Slope из раскопок Пантикапея // *Stratum plus.* 2016. № 3.
- Т. В. Егорова, С. М. Ильяшенко.* Чернолаковая ойнохоя из Танаиса // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы международной научной конференции. Симферополь – Керчь, изд-во ООО «Соло-Рич», 2017. Т. 18.
- Д. В. Журавлев, Г. А. Ломтадзе.* Керамические комплексы эллинистического времени из некрополя Ольвии // *Археология.* 2007. № 1.
- С. Б. Ланцов.* Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, Киевская академия Евробизнеса, 1994.
- Е. И. Леви.* Импортная греческая керамика из раскопок Ольвии (1935–1936 гг.) // Ольвия. Киев, Изд-во АН УССР, 1940. Т. 1.
- А. А. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-западное // ПИФК. 1997. История. Вып. IV. Ч. 1.

- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда из раскопок поселения Бакланья скала // ДБ. 2008. Вып. 12.
- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселения Генеральское (западное), юго-западный склон // ДБ. 2010. Вып. 14.
- A. A. Масленников.* Чернолаковая посуда с поселений «царской» хоры европейского Боспора // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Индивидуальные находки и массовый археологический материал. М., ИА РАН, 2012. – (ДБ. Supplementum III. Т. 2).
- A. A. Масленников.* Керамика с лаковым покрытием из раскопок городища Сююрташ // ДБ. 2016. Вып. 20.
- E. A. Молев, Н. В. Молева.* Боспорский город Китей. // БИ. Supplementum 5. Симферополь – Керчь, изд-во ООО «Соло-Рич», 2016. Ч. II.
- E. Я. Рогов, С. В. Кауаев.* Чернолаковая керамика из раскопок поселения Вышестеблиевская 11 // АВ. 2002. № 9.
- J. Bouzek.* Studies of Greek pottery in the Black Sea area. Prague, Charles University, 1990.
- T. Egorova.* Hellenistic black glazed pottery from panticapaeum // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Wien, EU, 2016. Vol. 1.
- N. A. Sidorova.* Attic Red-Figured Vases, CVA Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, vol. 4 (Russia, vol. 4), Roma, «L'ERMA» di BRETSCHNEIDER, 2001.
- E. Govi.* Le ceramiche attiche a vernice nera di Bologna. Bologna, University Press, 1999.
- S. Handberg, J. H. Petersen, P. G. Bilde, J. M. Højberg Bjerg, T. L. Samojlova.* Gilded pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Aarhus, University Press, 2010. Vol. 1
- L. Hannestad, H. Blinkenberg Hastrup, V. F. Stolba.* Black-Glazed Pottery. Panskoye I // The Monumental Building U6. Aarhus, University Press, 2002. Vol. 1.
- Ch. Kallini.* Hellenistic kantharoi, their production centres and their distribution in the Eastern Mediterranean // BAR. Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford, Information Press, 2013.
- Z. Kotitsa.* Frühhellenistische Keramik aus Pidna. Hinweise auf regionale und überregionale Kontakte // BAR. Networks in the Hellenistic World. According to the pottery in the Eastern Mediterranean and beyond. Oxford, Information Press, 2013.
- E. Kuze-Götte, K. Tancke, K. Vierneisel.* Die Nekropole von der Mitte des 6. bis zum Ende des 5. Jahrhunderts // Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen. München, Hirmer, 1999. Bd. 7.
- V. Lungu.* La céramique de style west slope // Histria. Les résultats des fouilles. Vol. XIV. Bucarest, Paris. 2013.
- S. I. Rotroff.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, The American school of classical studies at Athens, 1997. Vol. XXIX.
- B. A. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B. C. // The Athenian Agora. Princeton, New Jersey, The American school of classical studies at Athens, 1970. Vol. XII.

G. G. Kovachev, N. T. Sirakov

Silver Rhyton with a Protome of Centaur

In 2007 during archaeological excavations of «Dalakova mogila» burial mound near the village of Topolchane, the district of Sliven, a burial of a Thracian king was discovered (Китов. 2008. С. 49–56.). The king was laid in a chamber, constructed of wooden planks. The skull was situated over the pelvis area. On the same place was discovered one phalanx with a golden ring on it. The ring inscription suggests that the buried ruler was Teres II (351–342 BCE), or Seutus III (331–300 BCE). Another publication suggested that here was buried a relative of Teres I, the Scythian king Scyles (465–445 BCE), who lost his life near the mouth of the Danube river (Петкова. 2009. С. 7–16). There were a golden mask, two golden phialae, two silver rhytons, bronze and ceramic vessels, weapons, horse trapping, and the remains of two horses. The disarticulated body of the deceased marked him as a follower of the Orphic doctrine (Dimitrova. 2012. PP. 79–81). Further down we will pay attention to centaur's protome of one of the rhytons and its possible significance among the grave goods.

The rhyton is formed under the shape of a silver horn, ending on the bottom with a protome of a centaur. The human head is incredibly vivid, intensive, with high concentration of the eyes. The centaur has goat ears. There is a golden band on the forehead. His left hand is stretched ahead. He is holding a small rock with the right hand, ready to throw it towards the adversary. There is a well expressed golden mane on the mythical beast back, falling down over the spine. The upper part of the rhyton is wide, forming a wedged outward mouth, covered with a decoration in «lesbian» order. Outside, below the mouth, there is a frieze, made of palmetto leaves and lotus flowers. Below, there is a second frieze, made out of consequent ivy leaves. Below the second frieze follows a third one, made of U-shaped ornaments. All three friezes are gilded. All along the horn are embossed flutes, ending in the bottom part with the centaur's protome¹.

According to the legend for the origin of the centaurs they were born after the relationship of the lapitian king Ixion and the Hera's image. Their son Centaur mated with the mares of Magnesium and their offspring were born «like the father on the top, and like the mother on bottom» (Pindar. 2. 33). The same was repeated in the 2nd century by Pseudo-Apolodorus

¹ Length of the rhyton: 28,5 cm.; outside diameter of the mouth: 9,5 cm.; length of the horn: 23 cm.; height of the centaur's torso: 7 cm. Weight: 480 grams. From the collection of Regional History Museum of Sliven, Bulgaria. Inventory No.: A 3370. For more images visit: Институт за изследване на изкуствата. Ритон с протоме на центавър. URL: <http://thracian-art.artstudies.bg/?p=item&id=291> (Accessed March 28, 2018).

(Pseudo-Apolodorus, E1, 20). Diodorus added that the centaurs, born after the relationship between Ixion and Nephele, did have human bodies. Those centaurs went to live in Mount Pelion, where they mated with mares, which gave birth to the «hippocentaurs». But according to others hippocentaurs received their name because they were the first to tame the horses and to invent the bridle (Diodorus, 4. 69. 4).

Diodorus' note that these half-humans/half-horses were named hippocentaurs indicates the existence of more teriatropical monsters, like the Lamian Pheres, described by Nonnus in the 6th century. The third type of centaurs, described by Nonnus, were «strangelooking horned generation» from Cyprus (Nonnus, 14. 193). Besides the male centaurs there were lady centaurs as well. This was shown on some ceramic vessels and mosaics. In any case the historic sources are silent for them and the only references are the art works (Strong. 1965. P. 36–40).

According to Georges Dumézil (Dumezil. 1929) the name «centaur» was a derivative from the Indo-European “gandarhva”. Some other opinions are suggesting the meaning of «bull-slaughter», but the latest was not accepted by the philologists.

There are different opinions how the centaurs were introduced like mythical beasts. The first hypothesis supports the idea that this legendary character was provoked by some wild mountain tribe. Its supporters usually cite Homer who characterizes the centaurs as shaggy creatures rather than a hybrid, and the attached horse body appeared in the art after the 6th BCE. (Harrison. 1908. PP. 381–386). Some other half-human – half-beast mythical creatures, like the satyrs for instance, who have hoofs instead of feet, in the early art, have to be accepted in the same way. The idea that the coins of Thasos, bearing images of centaurs and satyrs, carrying off nymphs, were initially minted by some Thracian mountain tribes, having representation of the idea of Dionysos' thiasos and the hybrid mythological beasts (Hind. 2001. PP. 279–282). Other authors accepted the idea that these wild men have a supernatural ability to transform themselves as wild animals.

The second, and more accepted hypothesis, proposed the idea that the local inhabitants accepted the first seen by them skilled horse riders like a singular creature, a combination of human and horse. This idea possibly originated in Thessaly, during the first contacts between the Greeks and the first horsemen migrants from the North. This was the image of the first mounted Spanish conquistadores in the New World (Scobie. 1978. P. 142–147). The same idea is supported by the modern electronic testing experiments (Nash. 1984. PP. 283–291). The idea of the centaur could appear as a result of the horseman mounting endurance (Jetmar. 1967. P. 23) and as an act of dominance of the mounted warriors over the world (Bronowski. 1978. P. 80).

In the generally held view the earliest dated art images of centaurs appeared in the Old World art during the first half of the 10th century BCE (Baur. 1912. P. 2–3). Such is the Lefkandi centaur's ceramic statuette, referred to 950–925 BCE (Desborough, Nichols, Popham. 1970. P. 21–30). Two fragmented statuettes, produced in Mycenaean tradition, and discovered at Ugarit, could be older, since their provenience was related to the Late Helladic period, horizon III – A and III – B, referred to 1350–1190 BCE (Shear. 2002. P. 147–153).

There are two parallel opinions concerning the initial manner in which the centaurs were featured. According to Paul Baur the first centaurs were depicted with four horse legs (Baur. 1912. P. 135). Brigitt Shiffler's opinion states that in the beginning they were depicted with human forelegs and horse hoofs on the back legs, and the horse forelegs appeared during the second half of the 6th century BCE (Schiffler. 1976. S. 162–163). In the same time also appeared the first mythological scenes with centaurs. Even known until then in the art during the Geometrical period, the centaurs' figures had not acquired yet mythological meaning, and they were used for decorative purposes. Hence, it was suggested that the centaurs did take place in the legends after the 7th century BCE, although they were mentioned in the «Iliad» and the «Odyssey», and known before the 8th century BCE. According to some authors the earliest centaurs appeared even during the Bronze Age. Still, the birthplace of the centaurs is the Mt. Pelion, and therefore the centaurs' concept should be Greek, not introduced from the outside of Greece world (Desborough. 1980. P. 344–345). There are several scenes, seen before the 7th century BCE, making exception out of this rule. There the centaurs were presented in a funeral procession and as guides of the souls of the death to the underworld. The first case was illustrated over a golden band from Corinth, dated towards the 9th century BCE, and the latest was illustrated in Etruscan art, on a funerary column and on an amphorae. Based on this some researchers thought for the centaurs as for keepers of the gates of Hades (Baur. 1912. P. 5–6). The relation between the centaurs and the deaths is suggested also by the scenes over one amphorae, kept in the collection of the Art and Handcraft Museum of Hamburg, dated towards the 6th century BCE. The upper scene represents the demise of the Nioba's children, killed by Apollo and Artemis, and bottom one represents the killing of the centaur Nessus by Hercules, and a group of centaurs, rushing to help Nessus (Hoffmann. 1960. P. 182–185). The relationship of the centaurs and the satyrs with the afterlife is presented on a 6th century CE mosaic from Jerusalem. Here the Good Sheppard is Orpheus, carrying the ideas of Jesus' resurrection (Friedman. 1960. P. 1–13).

In his book «Centaur and Ancient Art» Paul Baur establishes three types of centaurs' images, as follow: Type A, with human forelegs; Type

Fig. 1. Silver Rhyton with a Protome of Centaur from «Dalakova mogila»

B, with horse forelegs, and Type C, where the centaur has human forelegs ending with huffs (Baur. 1912. P. V). According to this typology the centaur of the rhyton from «Dalakova mogila» pertains to type B, centaurs with horse forelegs. There is no specific chronology established in concern to the different types.

In the same time the scenes, depicting centaurs, illustrate the myths and the legends we know about. Baur summarizes these illustrations to fifteen general scenes, known from the ancient sources. There are two more scenes, very likely part of the myths, but unknown to us from the ancient texts. The only scene, where the centaurs are depicted as throwing small rocks with right hand, is the picture, where the centaurs are rushing to help Nessus while he was stabbed by Hercules (Baur. 1912. P. 15–16, 19. № 36). The relation between throwing a small rock centaur and Hercules is vivid from a coin, minted in the ancient city of Amphipolis in the 2nd – 1st century BCE², where on the first side is depicted a head of Hercules with a lion helmet and on the other side one centaur throwing a small rock with the right hand.

The rhyton from «Dalakova mogila» belonged to a ruler. This is to be seen not only by the archaeological situation, but by the golden band on the centaur's forehead, a symbol of the king's authority. According to Kitov the rhyton could be dated to the second half of the 4th century BCE. Later, based on the specifics of the work and style Marazov suggested an earlier date of production towards the middle of the 5th century BCE (Marazov. 2008). Actually during the middle of the 5th century BCE the centaurs were depicted in one and the same age, with big and bushy beards as seen on the described protome (Griffith. 2015. P. 39). The same chronology of making the rhyton is suggested by the upper two friezes on the horn – consequent palmetto leafs and lotus plants on the first, and ivy leafs, on the second frieze. The legs of the centaur, stretched forward, revealed a Persian influence of production for the protome (Boardman. 2001. PP. 303–357), while the friezes are carrying Attica elements (Folsom. 1967. P. 93).

The first to mention the centaurs in the historic sources was Homer in the «Iliad» and the «Odyssey». In the «Iliad» Homer describes them as shaggy mountain monsters (φηρσιν ὄρεσκόοισι) (Homer. I. 268; II. 743). Here Homer describes the centaurs using the specific word «φήρ» («pher», with an alternative form «θήρ», «ther», from the proto Indo-European «ghwer», proto Hellenistic «khwer», and ancient Slavic «dzver»), which applies to wild beasts, predators, or mythical «hybrid» monsters. Then, is it possible to relate the etymology of the name Teres and the name of the centaur Tereus to «φήρ»? Perhaps by their meaning the names Teres and Tereus are reflecting some qualities, praised by the ancient Thracians and related to bravery and predatory. The difference in writing the personal names with T instead of Θ may be result of mispronunciation or similarity of the sounds in Thracian language, or as a necessity for a quick identification of

² Coin Archives www.coinarchives.com/a/results.php?search=centaur (Accessed February 10, 2018).

Fig. 2. Protome of Centaur

the personalities. Then, it is very possible to look under the archaic word «φήρ»/«θήρ» for a relation between the name of Teres, his descendents, and the centaurs (reflected in the rhyton), who need to be viewed like etymologically related to the forbearers of the Odrysian kingdom dynasty and the name of Teres. In such a case the appearance of the rhyton with a protome of a centaur in the grave should not be an accident, but a demonstration of the relationship between the death ruler and the centaurs; an appeal to the centaurs to take care of the ruler's soul, and the rhyton itself to be loaded in addition with apotropaic functions. This working hypothesis is coming close to the opinion of E. Sturtevant, touching the relation between the ancient Macedonian kings and the centaurs. According to Sturtevant the amalgam between the horse and the man originated among the Thracians, and words like «kentas» and «kentia» are often to be found in the personal Thracian names, including in the name of satro-kentai tribe. Sturtevant even proposed, that the name Philip, typical for the Macedonian kings, have to be translated as «Centaur», or related to that word (Sturtevant. 1926. P. 246–249). The latest only enforced the opinion that the buried ruler was a Thracian king from the Teres dynasty, but there is no actual way to guess his actual name.

As we observed earlier the centaur from the rhyton has goat ears, which is referring his nature to the satyrs and the retinue of Dionysus, where the death ruler-orphic actually belonged. And again here comes the question about the role of the centaur, aggressively attacking his adversary, between the artifacts accompanying the king in his last journey. Our opinion is that this centaur does not have only apotropaic functions, repulsing the evil from the sacral vine vessel. It has another purpose, related to the soul of the death ruler.

We saw that this particular centaur's image appears in scenes, related to Hercules. In the partially preserved legend Hercules attacked and killed the centaur Nessus. Nessus was the one who was carrying the travelers through the water between the riverbanks of the Evenus in the manner as Charon is carrying the souls between the banks of Styx, the river dividing the world of living and the world of death. The relationship between the centaurs and the satyrs, and the journey between the underworld and the world of living, was demonstrated by the figures on the mosaic from Jerusalem. And if we consider Nessus to be an alternative of Charon, then the killing of the ferryman sharply would destroy the balance between the two worlds, depriving the souls of the death to enter the underworld of Hades. From other hand it would eliminate the possibility for the perished orphic ruler to come back to the world of living, eliminating his right of rebirth, which is the core of the orphic doctrine and beliefs. In this purport defending Nessus or Charon against Hercules or other antagonists and their repealing is the first priority of the furious centaur, whose first task is to keep the waterway open and accessible for the deceased Thracian ruler.

The rhyton with a protome of centaur from «Dalakova mogila» burial mound has apotropaic function. The centaur allows a possibility the Odrussian dynasty forebearer Teres and his offspring to accept the centaurs as their ancestors and patrons. The major task of the rhyton's centaur in the grave is to assure an unobstructed passage towards the underworld, and to keep a save route for the Thracian ruler-orphic back to the world of living.

Литература

- Г. Китов.* Долината на тракийските царе продължава на изток // Наука. 2008. Т. XVIII. № 1.
- И. Маразов.* Ритоните в Тракия. София, изд. Болгарский художник, 2008.
- Д. Петкова.* Кой е погребан под Далакова могила при с. Тополчане, Сливенско // Анали. 2009. № 2.
- P. V. C. Baur.* Centaurs in ancient Art. The Archaic Period. Berlin, K. Curtius, 1912.
- J. Boardman.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. London, Thames & Hudson, 2001.
- J. Bronowski.* The Ascent of Man. Boston, Macdonald Futura Publishers, 1978.
- V. R. Desborough.* The Dark Age pottery (SM-SPG III) from settlement and cemeteries // Lefkandi 1. The Iron age, the Settlement, the Cemeteries. 1980.

- V. R. Desborough, R. V. Nichols, M. Popham.* A Euboean Centaur // The Annals of British School at Athens. 1970. Vol. 65.
- D. Dimitrova.* 5th – 4th C. BC Thracian Orphic Tumular Burials in Sliven Region (Southeastern Bulgaria) // Tumuli Graves – Status Symbol of the Death in the Bronze and Iron Ages in Europe. BAR International Series 2396. Oxford, 2012.
- G. Dumézil.* Le Problème des Centaures. Paris, 1929.
- R. Folsom.* Handbook of Greek Pottery. Greenwich – New York, New York Graphic Society, 1967.
- J. Friedman.* Syncretism and Allegory in the Jerusalem Orpheus Mosaic // Traditio. 1967. Vol. 23.
- M. Griffith.* Greek Satyr Play. University of California Press, 2015.
- J. Harrison.* Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, at the University Press, 1908.
- J. Hind.* Centaurs, Satyrs and Nymphs on the Early Silver Coins of Thasos and the Tribes of Mount Pangaion // Numismatic Chronicle. 2001. Vol. 161.
- H. Hoffmann.* The Oldest Portrayal of the Niobids // Archaeology. 1960. Vol. 13. No. 3.
- K. Jettmar.* Art of the Steppes. New York, Crown Publishers, 1967.
- H. Nash.* The Centaur's Origin: A psychological Perspective // The Classical World. 1984. Vol. 77. No. 5.
- B. Schiffler.* Die Typologie des Kentauren in der antiken Kunst. Von 10 bis zum Ende des 4 Jhs. v. Chr. // Archäologische Schtudien. 4. Frankfurt am Mein und Bern, 1976.
- A. Scobie.* The Origins of "Centaurs" // Folklore. 1978. Vol. 89. No. 2.
- D. Strong.* A Lady Centaur // The British Museum Quarterly. 1965. Vol. 30. No. 1–2.
- I. M. Shear.* Mycenaean Centaurs at Ugarit // The Journal of Hellenic Studies. 2002. Vol. 122.
- E. Sturtevant.* Centaurs and Macedonian Kings // Classical Philology. 1926. Vol. 21. No. 3. *A. J. Toynbee.* Some Problems of Greek History. London, New York, Oxford University Press, 1969.

Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер

**Фрагменты римских бронзовых сосудов
из раскопок ранней цитадели городища
Артезиан в Крымском Приазовье¹**

Городище Артезиан в Крымском Приазовье погибло в сильном пожаре в начале боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н. э. (см., например, Abramzon, Treister, Vinokurov. 2012. P. 207–278; Винокуров. 2014. С. 98–105; Винокуров, Крыкин. 2016. С. 64–73; 2017. С. 170–194). Благодаря

¹ Контекст находки подготовлен Н. И. Винокуровым, анализ находок и выводы – М. Ю. Трейстером. Рассматриваемые предметы, найденные экспедицией под руководством Н. И. Винокурова, хранятся в ВКИКМЗ (Керчь). Материалы обработаны М. Ю. Трейстером в Керченском музее в 2013 и 2014 гг., когда находки из бронзы не были отгравированы.

нумизматическим материалам слой пожара точно датирован 46/47 г. (Абрамзон, Винокуров. 2016. С. 712–743). Среди редких импортных находок последних лет привлекают внимание фрагменты бронзовых сосудов. Они найдены как в переотложенных слоях, так и в гомогенном слое гибели городища. В последнем случае наиболее показательны артефакты в ямах помещения 4, забитых продуктами горения и перегоревшей утварью с верхних этажей крепости (Винокуров. 2015. С. 271–274).

Плоские подставки пельтовидной формы, которые были ещё в конце XIX в. обозначены Т. Шрайбером (Schreiber. 1894. S. 291. Abb. 2; Radnóti. 1938. Taf. XV, 2b) как *pelta lunata*, типа найденной при раскопках городища Артезиан² (Рис. 1, 2), служили ножками ковшей (lat. *patera*; в совр. литературе: *casseroles / Kasserollen*). Судя по сохранившимся на ковшах ножках, они использовались с ковшами разных типов: 1) Eggers 131 / Petrovszky II – с ручками, украшенными лебедиными головками (Breščak. 1982. S. 40. № 3. Tab. 1); 2) Eggers 137 / Petrovszky IV, 1 – с ручками с дисковидным завершением и полукруглым вырезом на нем (den Boesterd. 1956. P. 4–5. No. 12. Pl. XVIII; Baratte et al. 1984. P. 70. No 90. Pl. XXXII); 3) Eggers 140 / Petrovszky V, 1 – с ручками с дисковидным завершением и круглым вырезом на нем (Tassinari. 1993. P. 116. тип G3100. No 7042), в том числе и на двух ковшах из Северного Причерноморья: склепа № 720/1999 Усть-Альминского некрополя второй – третьей четверти I в. н. э. (Puzdrovskij, Zaicev. 2004. S. 235. No 16. S. 236. Abb. 4, 4; Пуздровский. 2007. С. 168. Рис. 153, 3; цв. вкл. 4) и погребения № 1 в кургане 20/1988 могильника Займо-Обрыв-I в районе Азова (Трейстер. 2018. Рис. 1, 1–1а). Полный (на середину 1990-х гг.) список находок таких ножек на территории западных провинций Римской империи был опубликован Э. Дешлер-Эрбом (Deschler-Erb. 1996. S. 22–23) и дополнен находками из Дакии – С. Мустата (Mustață. 2017. P. 162–164. № 87–90. Pl. XLVI). Хотя во многих случаях находки происходят из комплексов и слоев, датирующихся временем Августа, например, находки таких ножек в лагерях легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (Hübener. 1973. S. 65. Taf. 23, 10–11, 18–20) и в Хальтерне (Müller. 1997. S. 16, 18. Abb. 11; S. 36. No 30–32), или шире – первой половиной I в. н. э., встречаются они и в контекстах, которые датируются в целом I в. н. э. или даже началом II в. н. э. (Deschler-Erb. 1996. S. 23. Anm. 68).

Фигурные подставки с двумя пельтовидными вырезами, подобные находке в Артезиане³ (Рис. 1, 3) (такие подставки из-за изящной про-

² 2013 г. Раскоп III. Помещение 4. Слой пожара. Яма 496. Полевая опись № 1935. НВФ-13297. Коллекционная опись № 126. Дл. 2,22 см, шир. макс. 0,87 см, толщ. 0,29 см.

³ 2008 г. Раскоп III. Траншея выборки стены 175. Полевая опись № 2229. НВФ-6735. Коллекционная опись № 124. Дл. 4,03 см, шир. 1,11 см, толщ. 0,43 см.

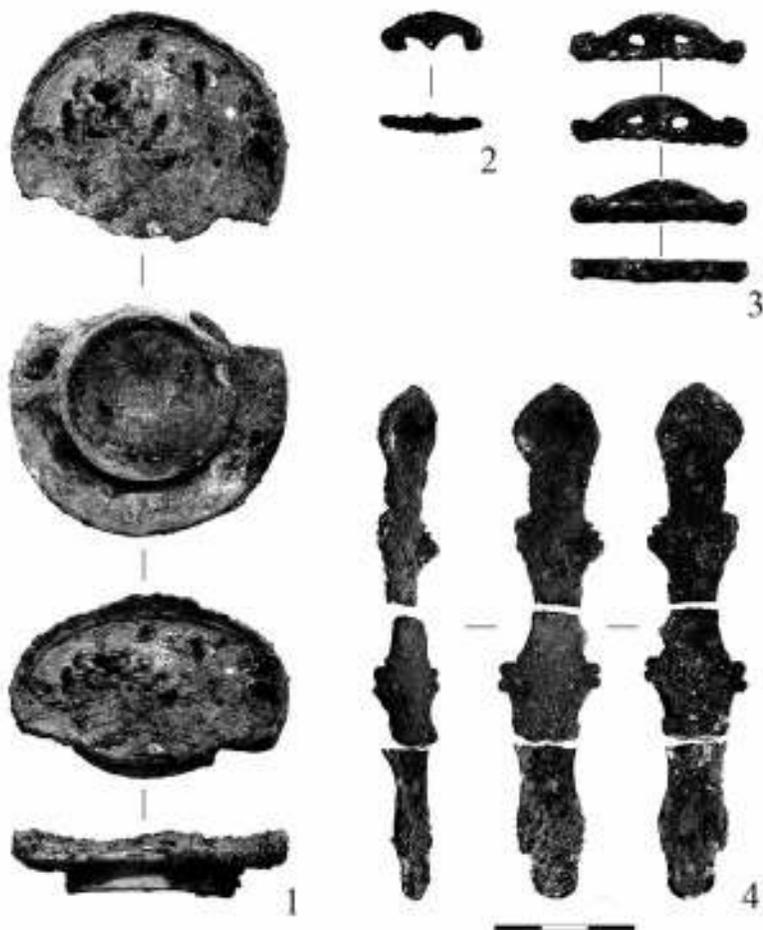

Рис. 1. Фрагменты бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан. 1, 4 – части симпулума, 2 – ножка ковши, 3 – ножка ковши. Керчь, ВКИКМЗ. Фото М. Ю. Трейстера, 2013, 2014

филировки иногда называют «барочными»), так же, как и подставки типа *pelta lunata*, использовались для ковшей разных типов. 1) Eggers 136 – из погребения № 1 кургана № 43/1982 у хут. Новый (Шуков. 1986. Р. 79, pl. 71, 2; Трейстер. 2018. Рис. 1, 2–2а); 2) Eggers 137 – из погребения № 1 кургана № 2/1986 у с. Глинище (Демиденко. 1994. С. 139–140. Рис. 2, 9–10; Трейстер. 2018. Рис. 1, 3); 3) Eggers 140 – ковши из погребения № 1 кургана № 11/1991 могильника Авиловский-II (Сергацков.

2000. С. 85, 123. Рис. 104, 3) и кургана № 21/2010 могильника Магнитный (Трейстер. 2016. С. 280, 282. Рис. 2, 4). Отсутствие подобных ножек среди помпейских материалов дает основание предполагать, что ковши с такими ножками изготавливались в Северной Италии, хотя их относили и к изделиям мастерских Капуи (Holliger, Holliger. 1984. S. 61).

Так же, как и ножки пельговидной формы, рассматриваемые ножки получили широкое распространение – их отдельные находки известны практически во всех западных провинциях Римской империи (см. некоторые примеры: Трейстер. 2016. С. 280). В пользу появления таких ножек в августовское время свидетельствует находка в лагере легионеров в Аугсбурге-Оберхаузене (Hübener. 1973. S. 65. Taf. 23, 13). Многочисленные находки из Виндониссы, а также единственная находка из Магдаленсберга происходят из комплексов, датирующихся временем Тиберия и Клавдия (Sedlmayer. 1999. S. 117).

Отдельные находки таких ножек известны и в Северном Причерноморье: из погребения № 26 склепа № 520 Усть-Альминского могильника (Труфанов. 2009. С. 280. Рис. 94, 26), отнесенного к последней трети I в. н. э. (Труфанов. 2009. С. 292), а также из сарматских погребений Нижнего Поднепровья (Simonenko. 2008. S. 60. № 34.1. Taf. 25, 1c; S. 64–65. № 65.1. Taf. 51, 1b) и Нижнего Подонья (Беспалый, Лукьяшко. 2008. С. 19, 124, табл. X, 4; Безуглов, Захаров. 1992. С. 151. Рис. 2, 5; С. 152–153).

Ножки рассмотренных выше типов очень редко использовались в качестве подставок других типов сосудов, примеры тому – единичны и относятся, как правило, к сосудам, более позднего времени, второй половины I – первой половины II в. н. э. (см. пельговидные ножки на ойнохоях: Yadin 1963, 68, 71, fig. 21, 8–9, 15–16; 73, fig. 22; 74, fig. 23; 77, fig. 26, pls. 19–20 (тип C); Koçel Erdem 2009, 222, 224–225, drawing 4, fig. 15).

Не исключено, что фрагмент донца сосуда с тремя концентрическими валиками и глубокими канавками и выпуклостью в центре⁴ (Рис. 2) является дном ковша.

Фрагментированная ручка сосуда с верхней частью округлой формы, выпуклой, с округлым отверстием в центре и узкой пластиной, украшенной двумя горизонтальными расширениями с валиками⁵ (Рис. 1, 4), является ручкой черпака для вина (*simpulum*) типа 43 (или

⁴ 1992 г. Раскоп II. Выброс из перекопов помещений I в. н. э. КП-126726. КМ-6207. Коллекционная опись № 266. 5,87 x 5,07 см, толщ. макс. 1,15 см. – Дм. внешнего валика: 4,62–4,71 см. – Шир. валиков 0,38–0,45 см. – Толщ. стенки 0,23 см.

⁵ 2013 г. Раскоп III. Помещение 4. Слой пожара, ямы 495, 497–498. Полевая опись № 3214. НВФ-13362. Коллекционная опись № 267. Дл. 10,64 см. – Пластина ручки:

Рис. 2. Донце сосуда из раскопок ранней цитадели городища Артезиан. Фото М. Ю. Трейстера. 2013

Айслинген) по классификации Радноти (Radnóti. 1938. S. 82–83. Taf. VIII, 43; Petrovszky. 1993. S. 42–46 (тип XI, 2); Sedlmayer. 1999. S. 77. Taf. 30, 6). Находки таких бронзовых черпаков происходят, главным образом, из контекстов времени правления Тиберия и Клавдия в Северной Италии, Норике и Паннонии (Sedlmayer. 1999. S. 79), хотя они встречаются и на Нижнем Рейне (den Boesterd. 1956. P. 37. № 108–109; Koster. 1997. P. 45. № 37), и в долине Мозеля (Bienert. 2007. S. 223–234, 229–230. № 264), и в провинциях Римской империи⁶. Предполагается, что такие черпаки изготавливались с первой четверти I в. н. э. в Северной Италии, возможно, в мастерских Аквилеи, Поэтовии и Эмоны и использовались вплоть до рубежа I–II вв. н. э. (Castoldi, Feugère. 1991. P. 88; Petrovszky. 1993. S. 45; Sedlmayer. 1999. S. 79; Bienert. 2007. S. 223–224).

В Северном Причерноморье находки черпаков рассматриваемого типа редки. Укажем на фрагментированную ручку из датирующегося I в. н. э. погребения № 10/1979 некрополя Горгииппии (Алексеева. 1982. С. 17. Рис. 11, 2). В святилище на Гурзуфском седле были найдены черпаки другого варианта (Radnóti 40) – из серебра и бронзы (Dal Mille al Mille. 1995. P. 131–132. № 29; Н. Новиченкова, 2015. С. 80. Рис. 148;

шир. 1,16 см, толщ. 0,29 см; расширения: шир. до 2,19 см, толщ. 0,46 см; наверху: дм. 1,79 см, в. 0,58 см.

⁶ См. карту распространения: http://artefacts.mom.fr/en/pdf_fiches.php?search=SPL-4003

С. 94; М. Новиченкова, 2017. С. 142–143. Рис. 129, 1)⁷, датирующего августовским временем (Radnóti. 1938. S. 99–100, Taf. VIII, 40; Castoldi, Feugère. 1991. P. 85–86. Fig. 21; Božič. 2002. P. 422, 424–425. Fig. 7; Bienert. 2007. S. 220, Typ F).

Нижняя часть сосуда на низком кольцевом поддоне, с плоской донной частью, переходящей в почти вертикально вверх отогнутую стенку, украшенную горизонтальными валиками⁸ (Рис. 1, 1), вероятно, была вместилищем черпака, подобно серебряной чашечке из святилища на Гурзуфском седле (Н. Новиченкова. 2015. С. 90. Рис. 176, 7).

Фрагменты римских бронзовых сосудов, найденные в слое разрушения ранней цитадели городища Артезиан, относятся к бронзовым сосудам типа ковшей Eggers 131, 136, 137 или 140, а также к черпаку типа Radnóti 43, – сосудам, распространенным в первой половине I в. н. э. Как известно, римская армия была крупнейшим потребителем бронзовой посуды (Gorecki. 2016. S. 179). Появившиеся в это время ковши вместе с ситутами являлись неотъемлемой частью походного снаряжения римских войск в I – начале II в. н. э. (Bishop, Coulston. 2006. P. 119; Gorecki. 2016. S. 194; Lund Hansen. 2016. S. 230). Немаловажная деталь: анализ находок бронзовой посуды из римских лагерей Рейнской области эпохи Юлиев-Клавдиев показал, что 29% сосудов – ковши (наиболее часто встречающаяся находка), а черпаки стоят на 4 месте (более 10%) (Gorecki. 2016. S. 203 Abb. 14). Учитывая неоднократно публиковавшиеся данные о том, что разрушение крепости Артезиан связано с событиями боспорско-римской войны 45–49 гг. н. э., представленные здесь, казалось бы, непримечательные материалы⁹ (наряду с другими, еще не опубликованными находками) подтверждают возможность либо временного присутствия римских войск в этой крепости, либо утраты сосудов римлянами во время ее штурма. Не исключено также, что они могли принадлежать римским перебежчикам, которые оказались

⁷ М. В. Новиченкова, на наш взгляд, ошибочно относит этот черпак к типу Айслинген. У него отсутствуют горизонтальные валики и канавки на ручке, характерные для таких черпаков, а завитки по краю вместилища также говорят об относительно ранней дате и находят параллели на черпаках типа Radnóti 39. Я не могу не присоединиться к атрибуции этой находки на Гурзуфском седле, сделанной Д. Божичем (Božič. 2002. P. 422).

⁸ 2013 г. Раскоп III. Помещение 4. Слой пожара, ямы 495, 497–498. Полевая опись № 3211–3212. НВФ-13357. Коллекционная опись № 261–262. В. сохр. макс. 1,29 см, дм. 5,62 см, дм. кольцевого поддона 3,29–3,37 см. Толщина поддона – 0,24 см, дна – 0,28 см, стенок – 0,21 см. Стенки сохр. макс. на 0,72 см.

⁹ А. В. Симоненко (2011. С. 127) высказался по поводу подобных ножек-подставок ковшей следующим образом: «А в Западной и Центральной Европе находки таких ножек столь многочисленны, что их трудно, да и ни к чему перечислять». Как было показано, подробный анализ этих «никчемных» материалов позволяет сделать достаточно важные выводы и об их принадлежности к сосудам определенных типов и об их датировке.

в стане мятежного Митридата VIII, или являться трофеями, захваченными боспорскими войсками.

Литература

- М. Г. Абрамзон, Н. И. Винокуров.* Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 2016. № 3.
- Е. М. Алексеева.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Краснодар, Краснодарское книжное изд-во, 1982. Т. II.
- С. И. Безуглов, А. Б. Захаров.* Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов, Изд-во СГУ, 1992.
- Е. И. Беспалый, С. И. Лукьяшко.* Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. – (Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. I).
- Н. И. Винокуров.* Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь, РВУЗ «Крымский университет культуры искусств и туризма», 2014. № 6.
- Н. И. Винокуров.* Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // OLBIO. In Memoriam V. V. Kharivina. Київ, 2015. – (Археологія і давня історія України. Вып. 1 [14]).
- Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин.* Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. 2016. № 2 (22).
- Н. И. Винокуров, С. М. Крыкин.* Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // ПИФК. 2017. № 4 (58).
- Ю. В. Демиденко.* Сарматские погребения из могильника хутора Глинище // Древности Волго-Донских степей. 1994. Вып. 4.
- М. В. Новиченкова.* Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н. е. – I ст. н. е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло). Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2017.
- Н. Г. Новиченкова.* Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь, Орианда, 2015.
- А. Е. Пузровский.* Крымская Скифия. II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, «Бизнес-Информ», 2007.
- И. В. Серафков.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2000.
- А. В. Симоненко.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011.
- М. Ю. Трейстер.* Кочевники на перекрестке транс-евразийских караванных путей (западные импорты в сарматском погребении кургана № 21 могильника Магнитный) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2016.
- М. Ю. Трейстер.* Боспорско-римская война 45–49 гг. н. э. как катализатор одной из волн появления римской бронзовой посуды в Сарматии (взгляд с Боспора) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном

- пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2018.
- A. A. Труфанов.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // *Stratum plus*. 2009. № 4 (2005–2009).
- M. G. Abramzon, M. Treister, N. I. Vinokurov.* Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site // *ACSS*. 2012. Vol. 18.2.
- F. Baratte, L. Bonamour, J.-P. Guillaumet, S. Tassinari.* Vases antiques de métal au Musée de Chalon-sur-Saône. Dijon, Société archéologique de l'Est de la France.
- B. Bienert.* Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier. *Trier, Rheinisches Landesmuseum*. 2007. – (Trierer Zeitschrift. Beiheft 31).
- M. C. Bishop, J. C. N. Coulston.* Roman Military Equipment, from the Punic Wars to the Fall of Rome. 2nd ed. Oxford, Oxbow Books, 2006.
- D. Božič.* Il vasellame bronzeo romano: grandi bacili e piccoli mestoli-colini // *I Bronzi antichi: Produzioni e tecnologia. Atti del XV Congresso Internazionale sui Bronzi Antichi*. Montagnac, Editions Monique Mergoïl, 2002. – (Instrumentum Monographies. Vol. 21).
- D. Breščak.* Roman Bronze Vessels in Slovenia. Ljubljana, Narodni muzej v Ljubljani, 1982: – (Situla. No. 22/1).
- M. Castoldi, M. Feugère.* Les simpulums // *La vaisselle tardo-républicaine en bronze. Actes de la table-ronde C. N. R. S., Lattes, avril 1990*. Dijon, Université de Bourgogne, Centre de recherches sur les techniques gréco-romaines, 1991.
- Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero.* Rimini, 5 marzo – 25 giugno 1995. Milano, Electa, 1995.
- M. P. H. den Boesterd.* The Bronze Vessels. Nijmegen, Departement van Onderwijs en Wetenschappen, 1956. – (Description of the Collection in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. Vol. V).
- E. Deschler-Erb.* Die Kleinfunde aus Edelmetall, Bronze und Blei // *Beiträge zum römischen Oberwinterthur-Vitudurum. 7. Ausgrabungen im Unteren Bühl*. Zürich, Egg, Baudirektion Kanton Zürich, 1996. – (Monographien der Kantonsarchäologie Zürich. Bd. 27).
- H. J. Eggers.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, Museum für Volkerkunde und Vorgeschichte, 1951. – (Atlas der Urgeschichte. Bd. 1).
- J. Gorecki.* Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts // *Archäologie zwischen Römern und Barbaren*. 2016.
- Ch. Holliger, C. Holliger.* Bronzegefäße aus Vindonissa. Teil 1 // *Jahresbericht. Gesellschaft Pro Vindonissa*. 1984.
- W. Hübener.* Die römischen Metallfunde von Augsburg-Oberhausen. Kallmünz, Verl. Michael Hassleben, 1973. – (Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte. Bd. 28).
- L. S. Ilyukov.* Grave 43 in the Barrow Cemetery „Novyj” // *B. A. Raev.* Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278). Oxford.
- Z. Koçel Erdem.* Finds from a Plundered Tumulus at Karaevli, Tekirdağ, in Turkish Thrace // *Anatolia Antiqua*. 2009. T. 17.
- A. Koster.* The Bronze Vessels. 2. Acquisitions, 1954–1996 (including vessels of pewter and iron). Nijmegen: Provincie Gelderland, 1997. – (Description of the Collections in the Provinciaal Museum G. M. Kam at Nijmegen. Vol. 13).

- U. Lund Hansen.* Kasserollen und Kelle- / Sieb-Garnituren als Indikatoren für Einsicht in den Übergang von der Älteren zur Jüngeren Römischen Kaiserzeit im Barbaricum // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. 2016.
- M. Müller.* *Die römischen Bronzegefäße von Haltern* // Ausgrabungen und Funde in Westfalen-Lippe. 1997. Bd. 9/A.
- S. Mustajä.* The Roman Metal Vessels from Dacia Porolissensis. Cluj-Napoca, Mega Publ. House, 2017. – (Patrimonium Archaeologicum Transylvanicum. Vol. 12).
- R. Petrovsky.* Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln. Buch am Erlbach, Verl. Marie Leidorf, 1993. – (Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. Bd. 1).
- A. E. Puzrovskij, Ju. P. Zajcev.* Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust' – Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999 // Eurasia Antiqua. 2004. Bd. 10.
- A. Radnóti.* Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. Budapest, Institut für Münzkunde und Archäologie der P. Pázmány-Universität, 1938. – (Dissertationes Pannonicae. Bd. II/6).
- Th. Schreiber.* Die alexandrinische Toreutik. Untersuchungen über die griechische Goldschmiedekunst im Ptolemäerreiche. Leipzig, S. Hirscl, 1894.
- H. Sedlmayer.* Die römischen Bronzegefäße in Noricum. Montagnac, Editions Monique Mergoil, 1999. – (Monographies Instrumentum. V. 10).
- A. V. Simonenko.* Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, Philipp von Zabern, 2008. – (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).
- S. Tassinari.* Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma, L'Erma di Bretschneider, 1993. – (Soprintendenza Archeologica di Pompei. Cataloghi. Vol. 5).
- Y. Yadin.* The Finds from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Metal Utensils. Jerusalem, The Israel Exploration Society, 1963. – (Judean Desert Studies 1).

М. Ю. Трейстер

**Боспорско-римская война 45–49 гг. н. э.
как катализатор одной из волн появления римской
бронзовой посуды в Сарматии (взгляд с Боспора)**

Боспорско-римская война 45–49 гг. н. э. как возможная причина появления римских импортных изделий как на Боспоре, так и в сарматских погребениях Северного Причерноморья до сих пор специально не рассматривалась, хотя в отдельных работах предполагалась или утверждалась связь находок деталей римского оружия, шлемов, и военного костюма в святилищах Южного Крыма (Зубар. 1993. С. 68–69; Н. Новиченкова. 2015. С. 113, 119; М. Новиченкова. 2017. С. 124–125, 137, прим. 3; 165–166), весовой гири и монет – в святилище Эклизи

Рис. 1. Бронзовые ковши из погребений кочевников Азиатской Сарматии. 1, 1а – Займо-Обрыв-I. Курган № 20/1988. Погребение № 1. Азов, Историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, инв. № 25093/344; 2, 2а – Новый. Курган № 43/1982. Погребение № 1. Аксай, Военно-исторический музей, инв. № 17910/900; 3 – Глинище. Курган 2/1986. Погребение 1. Волгоград, Областной краеведческий музей, инв. № 6867/4. Фото М. Ю. Трейстера, 2015

Бурун (Лысенко, Масыкин. 2016. С. 169–170), в Пантикапее (Трейстер. 1993. С. 58–60, 69–70; Treister. 1994. Р. 92–93) и в одном из могильников Прикубанья (Беглова, Эрлих. 1998. С. 176) с указанными событиями. С ними же связывают и приобретение Юлием Каллисифеном, погребенным в склепе некрополя Пантикапея, золотого перстня с портретом императора Клавдия работы резчика Скилакса (Мацулевич. 1941. С. 72; Горончаровский. 2003. С. 168).

Значительно реже такая точка зрения высказалась в связи с находками римских бронзовых сосудов. Лишь М. Б. Шукин предполагал, что погребение в кургане № 26 у хут. Алитуб принадлежало участнику этого конфликта, в результате которого он стал обладателем бронзовых монет боспорской чеканки и черпака типа Eggers 136 (Shchukin. 1989. Р. 331). Признавая, что с событиями боспорско-римской войны связан первый прямой контакт кочевников Нижнего Подонья с Римом, в котором были задействованы аорсы, Б. А. Раев, связывающий нижнедонские комплексы, содержащие импортную металлическую посуду, с аланами, приходит к выводу, что, в таком случае, поступление импортов с этими событиями связывать нельзя, и относит их появление к более позднему времени, считая, что эти вещи попали на Дон с аланами, вернувшимися из походов в Закавказье (Raev, 1986. Р. 66–68; ср. Раев. 1976. С. 133). Анализируя римские импорты Прикубанья, И. И. Марченко и Н. Ю. Лимберис связывают находки стеклянных скифосов и канфаров¹, фибул Авцисса, ойнохой типов Eggers 123, 124, ковшей Eggers 140, патер Eggers 154 с событиями 35 г. н. э., когда сарматы принимали участие в борьбе Иберии с Парфией. При этом следующая волна импортов связывается с походами кочевников в Закавказье в 72 и 114 гг. н. э. (Marčenko, Limberis. 2008. S. 325–326, 329). Особенно странно выглядит это заключение в связи с фибулами типа Авцисса², связанными с римским военным костюмом, известными по находкам в лагерях на территории римских провинций, а также на Боспоре, в том числе в слое пожара ранней цитадели городища Артезиан, надежно датированного 46–47 гг. н. э. Находки фибул типа Авцисса в Малой Азии, Сирии и Закавказье единичны (мне известно не более двух десятков)³ по сравнению

¹ Аналогичные соображения относительно стеклянных канфаров и скифосов высказывались и ранее (Засецкая, Марченко. 1995. С. 101); здесь боспорско-римская война определяется как событие, повлекшее прекращение поступления стеклянных канфаров на Северный Кавказ.

² См. карты распространения таких фибул с надписями: Bulgan, Feugère. 2007. P. 217. Fig. 3; Haralambieva. 2013, S. 103; Rasbach. 2014. S. 152, 154. Abb. 10–11.

³ Малая Азия: Waldbaum. 1983, nos. 681–682; Feugère. 1985. P. 318. Fig. 44; Bulgan, Feugère. 2007. P. 216, 222–223. Nos. 2–4. Figs. 2; 5, 2–4; Laffi, Buora. 2012. P. 428. No. 21.

с тысячами экземпляров таких брошей, найденных в Италии, Галлии, Британии, Рейнской области, Далмации и Подунавье, так что никаких оснований для того, чтобы считать их трофеями из Закавказья, просто нет. Хотя, рассматривая раннеримские шарнирные фибулы, найденные в погребениях кочевников Приднепровья, А. В. Симоненко и связывает их появление с событиями боспорско-римской войны, но считает, что сюда они попали с сарматами «восточной волны» из Поволжья и Подонья во второй половине I в. н. э. «Боспорско-римской» он определяет волну импортов второй половины I – первой половины II в. н. э. (в которые, впрочем, включает и сосуды типов, которые производились не позднее первой половины I в. н. э., как ковши Eggers 140), часть из которых попала к сарматам «из Танаиса и Азиатского Боспора», часть из причерноморских античных центров. При этом, по его мнению, «бронзовые сосуды и сервизы, итальянские зеркала и другие вещи провинциального происхождения стали результатом активизации римско-сарматских контактов на дунайской границе при Флавиях и первых Антонинах» (Simonenko. 2008. S. 49–50; Симоненко. 2011. С. 159).

Из этого короткого обзора складывается парадоксальная картина. С одной стороны, нам известно по письменным источникам (Cass. Dio, LX, 28, 7; Tac. Ann., XII, 15–21) довольно подробно о ходе боспорско-римского конфликта, а также об участии в нем отряда Авла Дидия Галла, боспорского царя Митридата VIII, римского ставленника Котиса, а также дандариев, сираков и, на римской стороне, – аорсов царя Эвнона (Shchukin. 1989. P. 326–333). С другой – судя по работам, специально посвященной импортам у кочевников Северного Причерноморья, эти события никак не проявились в археологических материалах.

Как известно, римская армия была крупнейшим потребителем бронзовой посуды (Gorecki. 2016. S. 179). Появившиеся в последние десятилетия ковши (*patera*), которые, начиная с позднеавгустовского времени, производились в итальянских мастерских в разнообразных формах, вместе с ситулами являлись неотъемлемой частью походного снаряжения римских войск в I – начале II в. н. э. (о роли ковшей см.: Винокуров, Трейстер. 2018).

Для того, чтобы корректно представлять себе, какие формы римских бронзовых сосудов в середине 40-х гг. н. э. могли принести с собой на Боспор римские войска, необходимо рассмотреть наборы бронзовой посуды из хорошо датируемых римских лагерей Рейнской области эпохи Юлиев-Клавдиев. Их анализ показал, что 29% сосудов – ковши (наи-

Fig. 21; Khamis. 2013. P. 119. Br44. Fig. 47. – Сирия: Frisch, Toll 1949, pl. 10:6–19; Ployer. 2013. S. 212, 223, 228, Nr. 47, Abb. 164, 191.

более часто встречающаяся находка) (Gorecki. 2016. S. 203. Abb. 14). В то же время в Магдаленсберге, поселении, основанном в Норике италийскими торговцами в середине I в. до н. э. и прекратившем свое существование в 40-х гг. н. э., т. е. примерно во время боспорско-римской войны, ковши (вместе с ситулами), являясь также наиболее часто встречающейся категорией бронзовой посуды, составляли лишь чуть более 16% сосудов (Gorecki. 2016. S. 205–206. Abb. 16). Таким образом, вероятность того, что ковши попадали в барбарикум не в результате торговли, а с римскими военными подразделениями, существенно выше. Интересно, что в Свободной Германии среди бронзовых римских сосудов преобладали не ковши и ситулы (по 22,5 и 23%, соответственно), а черпаки и цедилки (более 26%) (Gorecki. 2016. S. 203–204. Abb. 15).

Если мы обратимся к находкам ковшей типов Eggers 131, 136, 137 и 140⁴ в погребениях кочевников Сарматии (Рис. 1), то обнаружим, что это наиболее распространенная категория импортной бронзовой посуды конца I в. до н. э. – I в. н. э. К находкам целых сосудов следует добавить и ножки от сосудов, которые происходят из двух ограбленных погребений в Приднепровье и двух – на Нижнем Дону (см.: Винокуров, Трейстер. 2018 со ссылками). В целом можно говорить не менее, чем о 32 экземплярах находок ковшей рассматриваемого типа в Северном Причерноморье (Рис. 2). При этом мы исключили из рассмотрения ковши Eggers 142, ситечки Eggers 160 (14 экз., в том числе 10 – в погребениях кочевников Азиатской Сарматии и Прикубанья) и палеры Eggers 155, ранние экземпляры которых также вполне могли быть у римских войск в ходе войны 45–49 гг. н. э.

На этом фоне находки других римских бронзовых сосудов, датирующихся первой половиной I в. н. э. в Северном Причерноморье, единичны. Объяснить, почему на общем фоне в Северном Причерноморье и в курганах Сарматии оказалась столь необычная концентрация находок ковшей, если считать их предметами торговли, не получается. В этой связи обращают на себя внимание находки в слое разрушения ранней цитадели городища Артезиан, датируемом 46–47 гг. н. э. и без сомнения произошедшем в ходе боспорско-римской войны,

⁴ А. В. Симоненко отнес к этой группе и ковши из Цветны и Щучинки с отверстиями луновидной формы на ручках (Simonenko. 2008. S. 17; № 87.2. Taf. 78, 1; 89, 4; № 80.1. Taf. 72, 1; Симоненко. 2011. С. 50, 52–53. Рис. 28–29), что не может не вызывать глубокого удивления таким «гибким» подходом автора к типологическим схемам. О том, что эти ковши относятся к группе Eggers 137–138 см., например, Bârcă. 2009. P. 101. Figs. 6, 4. 6. Интересно, что в совместной книге В. Барча и А. В. Симоненко данные ковши определяются так же, т. е. как изделия типов Eggers 137–138 (Bârcă, Simonenko. 2009. P. 188). Таким образом, А. В. Симоненко в разных публикациях, вышедших в одно и то же время, придерживается различных точек зрения.

Рис. 2. Карта. Распространение бронзовых ковшей типов Eggers 131, 136, 137, 140 в Северном Причерноморье и Сарматии. Е 131 – треугольник, Е 136 – квадрат, Е 137 – ромб, Е 140 – круг, ножка барочная – верхняя половинка круга, ножка пельтовидная – нижняя половинка круга. 1 – Трояны, 2 – Краснополка, 3 – Щучинка, 4 – Цветна, 5 – Усть-Каменка, 6 – Усть-Альма, 7 – Бельбек, 8 – Подгородное, 9 – Артезиан, 10 – Шенджий, 11 – Старокорсунское, 12 – Воронежское, 13 – Коноково, 14 – Займо-Обрыв, 15 – Высочино, 16 – Алитуб, 17 – Багаевский, 18 – Новый, 19 – Скосырская, 20 – Сладковский, 21 – Третьяки, 22 – Глинище, 23 – Авиловский, 24 – Большая Дмитриевка, 25 – Охлебинино, 26 – Магнитный. М. Ю. Трейстер. 2018

ножек-подставок двух типов, которые, как мы показали, с наибольшей вероятностью могли относиться к ковшам типов Eggers 131, 136, 137 или 140 (Винокуров, Трейстер. 2018. Рис. 1, 2–3). Важно отметить, что найденные в том же слое разрушения цитадели городища Артезиан серебряные канфары типа Высочино, как уже было показано нами, вероятно, являющимися работами боспорских торевтов, найдены также на Нижнем Дону (в том числе в виде набора из четырех сосудов – в Высочино), в Прикубанье и в святилище на Гурзуфском седле (Белоусов и др. 2017. С. 31–38). Весьма вероятно, что

распространение этих сосудов было также связано с событиями боспорско-римской войны.

Особое внимание привлекает компактная группа находок ковшей различных типов в могильниках Юго-Западного Крыма, а также многочисленные находки римских импортных изделий, золотых и серебряных монет в святилищах в Горном Крыму. Анализируя находки из святилища на перевале Гурзуфское седло, Н. Г. Новиченкова пришла к выводу о возможной связи части комплексов святилища и находок в зольнике с боспорско-римской войной 45–49 гг. н. э. (Н. Новиченкова. 2015. С. 113, 119). Отметим, что среди фрагментов импортных бронзовых сосудов абсолютно преобладают изделия позднеереспубликанского времени (ковш типа Песчате, ручки кружек типа Идрия и др.) (Н. Новиченкова. 2015. С. 89–94), т. е. среди них нет сосудов, которые могли быть в употреблении у римских войск в 40-е гг. н. э. Таким образом, если действительно часть находок в святилищах Горного Крыма является добычей тавров, захваченной с выброшенных на берег кораблей римлян, участвовавших в боспорско-римской войне, то следует признать, что либо 1) к тому времени они раздали (подарили, потеряли) свою бронзовую посуду, либо 2) эта посуда (та, что осталась) затонула во время шторма, либо 3) оставшаяся у римлян бронзовая посуда, в том числе и ковши, попала не в святилища, а к населению, оставившему могильники Юго-Западного Крыма (Усть-Альма, Бельбек IV).

Литература

- Е. А. Беглова, В. Р. Эрлих.* Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской // РА. 1998. № 2.
- А. В. Белоусов, Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер.* Серебряные канфары из слоя пожара 46/47 г. времени боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Саки, ИП Бровко А. А., 2017.
- Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер.* Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2018.
- В. А. Горончаровский.* Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3.
- И. П. Засецкая, И. И. Марченко.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32.
- В. М. Зубар.* Нові знахідки фрагментів римських шоломів у Тавриці // Археологія. 1993. № 1.

- A. В. Лысенко, В. В. Масыкин.* Римская фигурная гирия из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) // История и археология Крыма. III. Симферополь, Наследие тысячелетий, 2016.
- Л. А. Мацулевич.* Кем был Каллисфен, названный в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // СА. 1941. Вып. VII.
- М. В. Новиченкова.* Римське військове спорядження в Тавриці I ст. до н. е. – I ст. н. е. (за матеріалами розкопок святилища Гурзуфське Сідло). Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Київ, 2017.
- Н. Г. Новиченкова.* Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. Симферополь, Оріанда, 2015.
- Б. А. Раев.* К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // СА. 1976. № 1.
- А. В. Симоненко.* Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.
- М. Ю. Трейтстер.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. 1993. № 2.
- V. Bârcă.* Câteva considerații privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord – pontic // Near and Beyond the Roman Frontier. Proceedings of a Colloquium held in Târgoviște, 16–17 October 2008. București, Conphys, 2009. – (Supplementum Cercetări Arheologice, XVI).
- V. Bârcă, O. Symonenko.* Călăreții stepelor. Sarmatații în spațiul nord-pontic / (Horsemen of the steppes. The Sarmatians in the Pontic Region). Cluj-Napoca, Mega, 2009.
- F. Bulgan, M. Feugère.* Les fibules romaines du musée de Gaziantep // Anatolia Antiqua. 2007. 15.
- M. Feugère.* Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J. C. Paris: Éd. du Centre nationale de la recherche scientifique, 1985. – (Revue Archéologique de Narbonnaise, 12e supplément).
- T. G. Frisch, N. P. Toll.* The Excavations at Dura-Europos Final Report IV. The Bronze Objects. Fasc. I. Pierced Bronzes, Enameled Bronzes, and Fibulae. New Haven, Yale Univ. Press, 1949.
- J. Gorecki.* Römische Metallgefäßspektren aus ausgewählten militärischen Fundkomplexen diesseits und jenseits von Rhein von der Zeit der späten Republik bis zum Beginn des 2. Jahrhunderts // Archäologie zwischen Römern und Barbaren. 2016.
- A. Haralambieva.* Aucissafibeln mit Inschriften aus den Provinzen Moesia inferior und Thracia // Relations Abroad. Brooches and other Elements of Dress as Sources for Reconstructing Interregional Movement and Group Boundaries from the Punic Wars to the Decline of the Western Roman Empire. Innsbruck: Innsbruck Univ. Press, 2013.
- E. Khamis.* Copper Alloy Objects // Excavations at Zeugma. Conducted by Oxford Archaeology. Vol. III. New Haven, The Packard Humanities Institute, 2013.
- E. Laflı, M. Buora.* Fibulae in the Museum of Ödemiş (Western Turkey) // Oriental Archive. 2012. 80.
- I. I. Marčenko, N. J. Limberis.* Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, Philipp von Zabern, 2008. – (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).

- R. Ployer. Kleinfunde aus Metall und anderen Materialien // Palmyras Reichtum durch weltweiten Handel. Archäologische Untersuchungen im Bereich der hellenistischen Stadt. Bd. 2. Kleinfunde. Wien, Verlag Holzhausen, 2013.
- B. A. Raev. Roman Imports in the Lower Don Basin. Oxford, 1986. – (BAR Intern. ser. 278).
- G. Rasbach. Aucissafibeln und Reliefknöpfe zwischen Gallien und Dalmatien – Funde aus einer Mainzer Privatsammlung // Honesta Missione: Festschrift für Barbara Pferdehirt (Monographien, Römisch-Germanisches Zentralmuseum Mainz 100). Mainz, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014.
- M. B. Shchukin. Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe. 1st century B. C. – 1st century A. D. The end of the La Tene period. Oxford, 1989. – (BAR Intern. Ser. 542).
- A. V. Simonenko. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // A. Simonenko, I. I. Marčenko, N. J. Limberis, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern. Mainz, Philipp von Zabern, 2008. – (Archäologie in Eurasien. Bd. 25).
- M. Treister. Roman Military Equipment in the Kingdom of Bosphorus // Beiträge zu römischer und barbarische Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten, Marburger Kolloquium 1994. Lublin, Marburg, Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität Marburg, 1994.
- J. C. Waldbaum. Metalwork from Sardis. Cambridge, Mass., London, Harvard Univ. Press, 1983. – (Archaeological Exploration of Sardis 8).

III. БОСПОР И ВАРВАРЫ

В. Т. Мусбахова

Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта

Анонимный перипл Эвксинского Понта (Р. Eux.), как было показано в труде Диллера, представляет собой компиляцию разных источников, среди которых отчетливо выявляются перипл Мениппа, дошедший в издании Маркиана, перипл Арриана и анонимная стихотворная перизегза, адресованная царю Никомеду, больше известная как перипл Псевдо-Скимна¹.

Нас будут интересовать два пассажа этого сочинения, в которых упоминается племя кораксов. Интерес этот связан с предпринятой нами недавно попыткой проанализировать дошедшие свидетельства о народе кораксов, которые составляют достаточно компактную группу². Свидетельства о кораксах не вошли в этот обзор, поскольку мы по ряду причин посчитали более логичным рассмотреть их отдельно.

Eux. 10r 7–9: ἀπὸ οὖν Παλαιᾶς Ἀχαιας ἕως τῆς Παλαιᾶς Λαζικῆς καὶ ἐπέκεινα ἕως Ἀχαιοῦντος ποταμοῦ πρώην ὠικουν ἔθνη οἱ λεγόμενοι Ἦνίοχοι Κораξοὶ καὶ Κόρικοι Μεγάγχαينوὶ Μαχέλωνες Κόλχοι καὶ Λαζοί, νῦν δὲ οἰκοῦσι Ζίχοι.

От Старой Ахеи до Старой Лазики и далее до реки Ахеунта раньше жили народы, называемые гениохи, кораксы и корики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, теперь же живут зихи.

Это пояснение, как было показано Феликсом Атенштедтом, было взято автором Р. Eux. из перипла Псевдо-Скилака (ок. 330 г. до н. э.)³,

¹ См.: Diller. 1952. P. 102–109. Перипл Мениппа и о нем см.: Diller. 1952. P. 147–164. О перипле Пс.-Скимна см. издание: Marcotte. 2002. Понтийскую часть перипла с реконструкцией недошедшего текста на основании Р. Eux. см. в: Diller. 1952. P. 165–176.

² Мусбахова. 2018. С. 887–918. Это исследование, в котором была предпринята первая попытка обзора античных свидетельств о кораксах, начиналось с интерпретации древнейшего свидетельства Гиппонакта, где упоминается «кораксийская накидка» (Fr. 2 West: Κοραξικὸν λῶλος), и связанного с ним фрагмента, сохранившего метафору «Синдская расщелина» (Fr. 2 a West: Σινδικὸν διάσφραγμα).

³ Atenstädt. 1933. S. 119; Diller. 1952. P. 109. Заимствования из Пс.-Скилака особенно интенсивны и регулярны при перечислении варварских народов от Истра до Термодон-

где даётся следующая цепочка народов на юго-восток от Синдики, Ps.-Scyl. §§ 72–81: Σινδοί. <...> Κερκέται ἤτοι Τορέται. <...> Ἀχαιοί. <...> Ἠνίοχοι. <...> Κοραζοί <...> Κορικὴ ἔθνος. Μελαγχλαῖνοι. <...> Γέλων. Κόλχοι. <...> Κόλχοι ἔθνος καὶ Διοσκουρίας πόλις <...>. (синды, керкеты или тореты, ахеи, гениохи, кораксы, Корика, меланхлены, Гелон, колхи и Диоскуриада и т. д.)⁴. Сообщение Р. Еух., совпадающее в целом с Пс.-Скилаком, интересно, пожалуй, лишь указанием конкретных пунктов на северокавказском побережье, куда автор в числе прежде обитавших там народов помещает кораксов. Кораксы локализируются где-то между пунктом Никопсис (Ст. Лазика, см. Р. Еух. 10г 6: εἰς τὴν Παλαιὰν Λαζικὴν, ἐν ᾧ ἱδρύται ἡ νῦν λεγομένη Νίκοψις), соотносимым с р. Нечепсухо к северо-западу от Туапсе (Тохтасьев. 2017. С. 208), и р. Ахеунтом, отождествляемой с одной из рек в районе Сочи (Silberman. 1995. P. 50 № 190). Это в целом подтверждает вывод, который можно сделать из менее конкретного сообщения Пс.-Скилака о локализации кораксов вне пределов Закавказья, на северокавказском побережье, что согласуется и с остальными данными греческой традиции от Гиппонакта до Пс.-Скилака (Мусбахова. 2018. С. 891–897).

Второе упоминание кораксов в перипле Эвксинского понта на этом фоне выглядит совершенно неожиданным, Р. Еух. 9ν 7–11:

εἰσιόντων δ' εἰς ποταμὸν ἀριστερά τοῦ Φάσιδος παράκειται Μιλησίῳ πόλις Ἑλληνίς Φάσις λεγομένη, εἰς ἣν λέγεται καταβαίνειν ἔθνη ἐξήκοντα διαφοροῖς χρώμενα φωναῖς, ἐν οἷς τινὰς λέγουσιν ἀπὸ τῆς Ἰνδικῆς καὶ Βακτριανῆς συναφικνεῖσθαι βαρβάρους. Μεταξὺ δὲ τούτων βάρβαρός ἐστι ἡ Κοραζικὴ, ἥς τὰ ἐχόμενα ἡ Κολικὴ καλουμένη, τὸ τῶν Μελαγχλαίων καὶ Κόλχων⁵ ἔθνος.

При вхождении же в реку (Фасис – В. М.) слева от Фасиса лежит эллинский город милетцев, именуемый Фасис, в который, как говорят, сходятся шестьдесят народов, пользующихся разными языками, и среди них, говорят, приходят какие-то варвары из Индийской и Бактрийской (земли). Между

та, сохраняют левонаправленную последовательность описания Пс.-Скилака и потому выглядят как обратнонаправленные вставки в Р. Еух., который сохраняет правостороннюю направленность перипла Мениппа и Арриана, что позволяет их легко вычленять. Вставки к тому же вводятся наречием *πρόην*, указывая на то, что автор не заполнял лакуны, а сознательно использовал старые данные, обогащая свое сочинение, пусть таким неловким способом, сведениями о прошлом описываемых местностей.

⁴ Текст цит. по: Counillon. 2004. Р. Еух. передаёт то же ошибочное написание Κορικὴ вместо Κολικὴ (emend. Müller. GGM), см. Counillon. 2004. P. 87; Diller. 1952. P. 109.

⁵ Ср. Müller, В: *λόγχων*. Диллер в публикуемом им тексте Еух. сохраняет рукописное чтение *λόγχων*, тогда как, восстанавливая из этого текста соответствующий пассаж Пс.-Скимна, вводит в него исправление Мюллера *Κόλχων* (Diller. 1952. P. 127, 173).

ними есть варварская Кораксика, с которой граничит [так] именуемая Колика, народ меланхленов и лонхов.

А. Диллер отнёс этот текст к числу пассажей перипла, которые автор, по его мнению, заимствовал из поэмы Псевдо-Скимна, введя их в свой текст в адаптированной к прозаическому изложению форме. Исходя из этого, в своей публикации фрагментов перипла Пс.-Скимна он приводит его в реконструированной поэтической форме (Diller. 1952. P. 173)⁶. Если А. Диллер прав, то у нас появляется возможность говорить о значительно более древней дате этого свидетельства по сравнению с Р. Еух.⁷, поскольку произведение Пс.-Скимна было создано не позднее 100 г. до н. э., а вполне возможно, около 130 г. до н. э. (Marcotte. 2002. P. 7–16). Д. Маркотт, однако, не согласен с А. Диллером, относя пассаж к собственному творчеству автора Р. Еух. Его аргументы мы рассмотрим ниже.

В интересующем нас тексте необычно прежде всего обозначение *Κοραζική* вместо этнонима *Κοραζοί*, который требуется по смыслу (*μεταξὺ δὲ τούτων* – среди них). *Κοραζική*, несомненно, нужно понимать территориально, как обозначение страны кораксов, которое мы находим уже у Гекатея Милетского (FGrHist. 1 F 210: *Κόραζοι ἔθνος Κόλχων πλησίον Κώλων. Ἐκαταῖος Ἀσία. Κοραζικὸν τεῖχος καὶ Κοραζική χώρα*)⁸. Поэтому неудивительно, что Д. Маркотт именно так и поступает в своем переводе интересующего нас фрагмента, однако тем самым он полностью элиминирует неестественность употребления хоронима в сочетании с указанием на нахождение Кораксика среди варваров, прибывающих в Фасис⁹.

⁶ Ps.-Scymn. 927–938:

<...>. εἰσιόντι δὲ
ἀριστερά τοῦ Φάσιδος παρακειμένη
Μίλησιον πόλις <ἐστὶ> Φᾶσις λεγομένη
Ἑλληνίς εἰς ταύτην δὲ καταβαίνειν λόγος
Φωναῖς διάφορος χρόμεν' ἐξήκοντ' ἔθνη,
ἐν οἷς τινὰς λέγουσιν ἀπὸ τῆς Ἰνδικῆς
καὶ Βακτριανῆς <γῆς> συναφικνεῖσθαι βαρβάρους.
Μεταξὺ τούτων βάρβαρος Κοραζική,
ἧς ἐχόμενη <'εἰς> Κωλικὴ καλουμένη,
τὰ τῶν Μελαγχλαίνων <τε> καὶ Κόλχων ἔθνη.

⁷ О датировке Р. Еух. См. Diller. 1952. P. 109–113. С уверенностью можно говорить лишь о том, что перипл был создан не ранее V в. н. э.

⁸ Аналогичное по типу обозначение граничащей с Кораксикой Колики также восходит к Гекатею Милетскому (FGrHist. 1 F 209: *Κῶλοι ἔθνος πρὸς τοῖς Καυκάσοις. Ἐκαταῖος Ἀσία. αἱ δὲ ὑπέροια τοῦ Καυκάσου καλοῦνται Κωλικὰ ὄρη. ἡ χώρα Κωλική / Колы: народ у Кавказа. Гекатей в Азии. Ибо предгорья Кавказа зовутся Колийскими горами. Страна Колика*).

⁹ Marcotte. 2002. P. 143 (Fr. 20): <...>. Dans cette zone on a la terre barbare de Koraxikè <...>.

Список названий, начиная от Кораксики, отсылает нас к уже знакомому перечислению Пс.-Скилака: кораксы, Колика, меланхлены, ... колхи. Отмечая этот факт, Маркотт считает его аргументом в пользу того, чтобы считать автором фрагмента не Пс.-Скимна, а самого автора Р. Еух., у которого он сохранился (Marcotte. 2002. P. 144, № 20). Однако ввиду того, что последний уже воспользовался информацией Пс.-Скилака, причём, как мы видели, довольно точно, локализовав перечисленные народы, как и Пс.-Скилак, в Северо-Западном Предкавказье, было бы странно допускать, что он прибегнул к тому же источнику ещё раз в совершенно другом контексте. Это обстоятельство, на наш взгляд, наоборот, свидетельствует в пользу того, что автор Р. Еух. в данном случае адаптировал в свой текст пассаж из Пс.-Скимна. При этом он, судя по всему, не придавал значения тому, что часть содержащихся в нем сведений дублирует сказанное в другом месте. Вероятно, наиболее ценным для него в пассаже Пс.-Скимна было сообщение о многочисленных народах, сходящихся в Фасисе.

Сообщение о шестидесяти народах, говорящих на разных языках, которые приходят в Фасис, конечно, сразу заставляет вспомнить известный пассаж Страбона о семидесяти разноязычных племенах, сходящихся в Диоскуриаду, Str. 11. 2. 16:

ἡ δ' αὐτῆ Διοσκουριάς ἐστὶ καὶ ἀρχὴ τοῦ ἰσθμοῦ τοῦ μεταξύ τῆς Κασπίας καὶ τοῦ Πόντου καὶ ἐμπόριον τῶν ὑπερκεκμένων καὶ σύνεγγυς ἔθνῶν κοινόν συνέρχεσθαι ἑοῦν εἰς αὐτὴν ἑβδομήκοντα, οἱ δὲ καὶ τριακόσια ἔθνη φασίν, <...>, πάντα δὲ ἑτερόγλωττα διὰ τὸ σποράδιον καὶ ἀμίκτως οἰκεῖν ὑπὸ αὐθαδεΐας καὶ ἀγριότητος. Σαρμάται δ' εἰσὶν οἱ πλείους, πάντες δὲ Καυκάσιοι.

Сама же Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим эмпорием находящихся выше ближних народов; ибо в нее сходятся семьдесят, а некоторые говорят, триста народов, <...>, и все они разноязычные, поскольку живут розно и не смешиваясь из-за надменности и дикости. Большинство из них сарматы, все же – кавказцы.

Близкую традицию в отношении Диоскуриады передает и Плиний, NH VI. 15:

Reliqua litora ferae nationes tenant Me<l>anc<h>laeni, Coraxi, urbe Colchorum Dioscuriade iuxta fluvium Anthemunta nunc deserta, quondam adeo clara, ut Timosthenes in eam CCC nationes dissimilibus linguis descendere prodiderit <...>.

Остальные берега занимают дикие народы меланхлены, кораксы, у города колов Диоскуриады близ реки Антемунта, ныне разоренного, а некогда настолько славного, что, как передавал Тимосфен, в него спускались триста народов, говорящих на разных языках.

Как видим, Плиний даже прямо помещает кораксов непосредственно у Диоскуриады, и точно так же обстоит дело в описании этой части восточного побережья Понта у Мелы (Mela I. 110–111), которое, вероятнее всего, было его источником¹⁰. Это как будто бы подтверждает напрашивающееся предположение, что автор мог перепутать Фасис с Диоскуриадой. Однако не будет спешить с окончательным выводом.

В том, что в интересующем нас тексте речь идёт не о Диоскуриаде, как у Страбона и Плиния, а о Фасисе, Д. Маркотт находит дополнительный аргумент в пользу того, что пассаж был сочинён самим автором Р. Еух. и, стало быть, не был заимствован им у Пс.-Скимна (Marcotte. 2002. P. 256). Это кажется маловероятным не только потому, что автор Р. Еух. уже использовал свидетельство Пс.-Скилака о кораксах (см. выше). Возникает вопрос, почему после Страбона и Плиния ему понадобилось перенести на Фасис сведения о Диоскуриаде, которую он упоминает несколько раз, используя сведения из перипла Арриана, а стало быть, мог правильно использовать источники.

На самом деле ничто не препятствует тому, чтобы думать, что сообщение о Фасисе, куда сходятся шестьдесят разноязычных народов, происходит из поэмы Пс.-Скимна. Из текста Плиния явствует, что такие сведения о Диоскуриаде были известны уже Тимосфену, одному из источников Пс.-Скимна (упоминается в Ps.-Scymn. 118), который сообщал о трехстах народах. Возможно, были и другие свидетельства, в которых приводилась другая цифра, что объясняло бы данные Страбона (семьдесят, а некоторые говорят – триста). Кроме того, Пс.-Скимн мог использовать приблизительную цифру (близкую к семидесяти) из соображений метрического удобства, в чем не было необходимости у автора Р. Еух. Мы, таким образом, склоняемся к тому, чтобы согласиться с А. Диллером и принять атрибуцию пассажа Пс.-Скимну.

Но возникает вопрос, обязаны ли мы этим свидетельством смешению Диоскуриады и Фасиса, или речь может идти о другой традиции. В пользу первого, казалось бы, свидетельствует контекст страбоновского сообщения о Диоскуриаде (см. выше). Страбон начинает с того, что Диоскуриада является самым восточным пунктом плавания в Понте, но неожиданно иллюстрирует это утверждение, цитируя стих о Фасисе: εἰς Φᾶσιν ἔνθα ναυσὶν ἔσχατος ὄριμος (на Фасис, где для кораблей предел пути). В связи с этим ему приходится пускаться в объяснения, что автор стиха не имел в виду Фасис (ни реку, ни одноименный го-

¹⁰О соотношении свидетельств Плиния и Мелы см.: Мусбахова. 2018. P. 899–902.

род), но подразумевал Колхиду. Однако это не устраняет ощущения, что процитированный стих передает другую, очевидно, более раннюю традицию о Фасисе, легендарной реке архаических Аргонавтик¹¹, положение которой на крайнем востоке было важнейшей её характеристикой. На это указывает, в частности, сама стихотворная форма предложения (ямбический триметр), свидетельствующая о его происхождении из какой-то драмы на сюжет о плавании аргонавтов либо о связанных с ним событиях¹². Исследование связи Диоскуриады с Фасисом аргонавтического мифа должно стать темой отдельного исследования. Пока же можно допустить, что наличие такой связи в источниках Страбона могло способствовать смешению Диоскуриады и города Фасиса, о котором упоминает Пс.-Скимн.

Значительно большую трудность в интересующем нас пассаже Пс.-Скимна создает не имеющее аналогий свидетельство о варварах из Индийской и Бактрийской земель в числе прочих прибывающих в Фасис, и упоминание в тесной связи с ними Кораксики, вся неловкость которого показывает, что автор каким-то образом ассоциировал кораксов с этими народами (у Страбона, как мы видели, в Диоскуриаду сходятся соседние, местные племена (кавказцы), хоть он и называет их сарматами). Эта ассоциация может быть отсылкой к Фениксу Колофонскому, поэту IV–III в. до н. э., подражавшему в сочинении холиямбов известному ямбографу второй половины VI в. до н. э. Гиппонакту. От Феникса в числе немногих отрывков дошел процитированный Афинеем фрагмент об ассирийском царе Нине, где его дух, вешая из могилы, обращается к живущим, упоминая две пары народов: мидийев и ассирийцев, а также кораксов и синдов, Fr. 1. 13–15 Powell: ἄκουσον, εἴτ' Ἀσσύριος εἶτε καὶ Μῆδος / εἶς ἢ Κοραξὸς ἢ 'πὸ τῶν ἄνω λιμνῶν / <Σ>ινδὸς κομήτης (Послушай, будь ты ассириец или мидиец, или же коракс или длинноволосый синд с верхних озёр). Правильность восстановления Σινδός (Schweighaeuser. 1804. S. 425–426) в этом тек-

¹¹ Фасис как река возвратного плавания аргонавтов засвидетельствован для Пс.-Гесиода и Гекатея Милетского (FGHHist. 1 F 18), в последний раз в этой роли он известен у Пиндара (Puth. 4). Позднее Фасис не используется в этой роли, что мы связываем с изменением представления о границе между Европой и Азией (Мусбахова. 2014).

¹² Стих помещён А. Науком в его издании фрагментов трагиков среди безымянных фрагментов, Fr. 559 Nauck. Стоит отметить предложенное Ф. Г. Шмидтом исправление ὄρισ εἶστος (последний причал) в последнем стихе. Оно показывает, что привычное его понимание, заданное Страбоном, предполагает некоторое насилие над текстом, поскольку εἶστος ὄρισος означает 'последний путь', а не 'предел пути'. Вполне возможно, что в утраченном тексте, откуда происходит этот стих, речь шла именно о последнем, крайнем пути для кораблей – пути спасения к Океану, по которому аргонавты выжились из царства Ээта. Но этот вопрос, конечно, не может быть решен без контекста.

сте подтверждается как уточнением ἀλὸ τῶν ἄνω λιμνῶν (с верхних, т. е. северных, озёр)¹³, так и тем, что у Гиппонакта, на которого ориентировался Феникс, кораксийская и синдская метафоры выступают в тесной связке¹⁴. Последнее свидетельствует, что поэт VI в. до н. э. знал кораксов и синдов как соседствующие этносы, как это понимал, в частности, Иоанн Цец, частично процитировавший интересующий нас текст Гиппонакта¹⁵.

С учётом этого сопоставления можно допустить, что за индийской землёй в тексте Пс.-Скимна скрывается Синдика, а Бактрия заменяет уже неактуальную в его время Ассирию и Мидию из исторической реконструкции Феникса Колофонского. При этом надо полагать, что текст Феникса дошел до Пс.-Скимна со словом Ἴνδός и он мог даже не подозревать, что за ним скрывается <Σ>ινδός¹⁶. Именно это могло открыть дорогу в его собственную поэму соседствующим с индийцами бактрийцам.

Если принять это предположение, свидетельство Пс.-Скимна оканчивается отзвуком некоей традиции, в которой с Фасисом были связаны синды и кораксы. Но тогда, учитывая известную локализацию синдов, а также тесную ассоциацию с ними кораксов у Гиппонакта, которой не противоречат и другие свидетельства о кораксах вплоть до Пс.-Скилака, необходимо заново поставить вопрос о прообразе Фасиса разбираемого свидетельства. Речь, вероятно, должна идти о реке, вблизи которой обитали как синды, так и кораксы, т. е. о Кубани. Мы располагаем немалым количеством весьма древних свидетельств о том, что эта река и была тем Фасисом, который считался в архаической традиции рекой возвратного плавания аргонавтов и в силу этого у ионийских географов был избран границей материков Европы и Азии¹⁷. Нами

¹³ В рукописной традиции Σινδική и Σινδός очень часто заменяются на Ἴνδική и Ἴνδός. Новейшее обсуждение этого явления в рамках критики теории Кречмера – Трубочёва об индах в Северном Причерноморье см. в: Тохтасьев. 2017. С. 172–187.

¹⁴ Hipponax Fr. 4 a, b Degani (2, 2a West). См. также Degani. 1984. P. 241. Подробное обсуждение и интерпретацию обеих метафор см. в: Мусбахова. 2018. С. 888–890.

¹⁵ Подробно стих Гиппонакта, в котором упоминается «кораксийская накидка» и пессаж Иоанна Цеца, из которого он происходит, разбираются в: Мусбахова. 2018. С. 887–890.

¹⁶ С. Р. Тохтасьев резонно соглашается с теми исследователями, которые считают, что те случаи, в которых написания не обязаны глагографии (т. е. элиминированию одной сигмы из двух соседних в случаях типа ἐκ τῆς (Σ) Ἴνδικῆς), как в данном стихе Феникса, объясняются плохой осведомленностью византийских писцов о Синдике (Тохтасьев. 2017. С. 177–178). Вероятно, уже в эллинистическое время, после походов Александра Македонского, Ἴνδική и Ἴνδός были гораздо более привычны переписчикам, чем Σινδική и Σινδός и могли легко заменять последние, особенно в неясном географическом контексте.

¹⁷ Здесь достаточно упомянуть Фасис – границу материков у Эхсила (Fr. 191 Radt), куда к Прометею приходят освобожденные титаны (а Прометей в этой драме прико-

была высказана гипотеза о том, что представление о царстве Ээта стало ассоциироваться у греков с Закавказьем после того, как, благодаря освоению Предкавказья, им стало ясно, что Фасис не связан с Океаном на востоке, т. е. не является подобием пролива у Геракловых Столпов на западе (Мусбахова. 2014). Именно тогда представление о границе материков было перенесено на Танаис, а страна Ээта была локализована в Колхиде, где нашелся и новый Фасис, но уже без роли канала, связующего внутреннее море с внешним Океаном. По ряду признаков этот процесс был стадийным и имел промежуточным пунктом Диоскуриаду, о которой Стефан Византийский сообщает, что она раньше называлась Ээй (St. Byz. s. v. Διοσκουριάς <...> πρότερον δὲ Αἴα ἐκκλήσκειτο, ὡς Νικάωρ).

Таким образом, переходя к основному выводу данного сообщения, надо сказать, что пассаж перипла Р. Еух. о шестидесяти народах, сходящихся в Фасис, не может считаться историческим свидетельством о кораксах в Закавказье. Он мог возникнуть под влиянием похожих сведений о Диоскуриаде, но весьма вероятно, что его автор передает, скорее всего неосознанно, гораздо более древнюю традицию о соседстве кораксов и синдов в Северном Предкавказье, которая ассоциировала оба народа с рекой Фасис. Но более подробное рассмотрение этой связи в контексте всех имеющихся свидетельств о первичном Фасисе и первичной локализации царства Ээта в северо-восточном Причерноморье является на данный момент делом будущего.

Уже выходя за пределы данного сообщения, хотелось бы коротко остановиться на других «появлениях» кораксов в Закавказье. У Гелланика Лесбосского и Пс.-Скилака кораксы находятся рядом с гениохи, которые соседствуют у первого с керкетами, примыкающими к Синдике (FGrHist. 4 F 70), а у второго между ними появляются еще тореты и ахеи (см. выше). Гениохи и ахеи локализовались на северо-кавказском побережье и были широко известны разбойничьими и людоедскими обычаями, упомянутыми у Аристотеля (Arist. Pol. 1338b), и пиратским образом жизни, подробно описанным Страбоном (Str. 11. 2. 12). Но самое любопытное, что этим племенам греками были даны эллинизированные имена, которые они возводили к участникам похода аргонавтов. По Страбону, в частности, ахеи

ван к «высочайшей из гор» – Кавказу (Р. V. 719–720), т. е. высочайшей вершине Кавказа Эльбрусу, откуда течёт Кубань), ассоциацию амазонок с Фасисом у того же Эсхила (Fr. 155 Radt; при этом ему известна легенда о приазовских амазонках), представление о полноводности Фасиса, сравнимой с Истром, у Эсхила и Софокла и др. Разбор этих свидетельств см. в: Мусбахова. 2013. С. 145–164. О Фасисе – границе материков см. Мусбахова. 2014.

происходили от ахейцев фтиотов, а гениохи от лаконцев, которыми предводительствовали возникшие Диоскуров Крекас и Амфистрат, откуда и их имя (Str. 11. 2. 12). У римских географов с возникшими Диоскуров (Плиний) и даже с самими Кастором и Поллуксом (Мела) связано название Диоскуриады, видимо, поэтому и город локализуется в земле гениохов (Mela 1. 111: in Heniochorum finibus Dioscorias a Castore et Polluce Pontum cum Iasone ingressis; Plin. 6. 17: sunt qui conditam eam ab Amphito et Telchio, Castoris ac Pollucis aurigis, putent, a quibus ortam Heniochorum gentem fere constat). При этом у Мелы гениохи локализованы так же, как у Пс.-Скилака (отделены от синдов лишь керкетами и ахеями). Если гениохи были перенесены в Закавказье произвольно, в угоду этиологическим конструкциям, то сходная участь могла постигнуть и известных соседством с ними кораксов. В дополнение к предпринятому выше анализу свидетельства Пс.-Скимна о кораксах на Фасисе эти факты лишней раз напоминают о необходимости с большой осторожностью относиться к локализации кораксов (и их соседей колов) в Закавказье, которая часто принимается на основании римских источников без их достаточного критического обсуждения¹⁸.

Литература

- В. Т. Мусбахова.* Прометей Прикованный. Проблема авторства и датировки трагедии. СПб., 2013.
- В. Т. Мусбахова.* В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д. А. Мачинского. СПб., 2014.
- В. Т. Мусбахова.* Кораксийская накидка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // Индоевропейское языкознание и Классическая филология СПб., 2018. – (XXII. Материалы чтений, посвящённых памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского).
- А. В. Подосинов, М. В. Скржинская.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Москва, 2011.
- С. Р. Тохтасьев.* Варварские племена, соседи городов Боспора // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М., 2017. Т. 6.
- F. Atenstädt.* [Apollodoros] περί γῆς // RhM 82. 1933.
- P. Counillon.* Pseudo-Scylax: le Periple du Pont-Euxin. Texte, traduction, commentaire philologique et historique. Bordeaux, 2004.
- E. Degani* (ed.). Hipponactis testimonia et fragmenta. Leipzig, 1983.
- E. Degani.* Studi su Ipponatte. Bari, 1984.

¹⁸ Яркий пример – комментарии Ю. Н. Воронова с дополнениями А. В. Подосинова к шестой книге Плиния, см. в: Подосинов, Скржинская. 2011. № 476, 477, 482, 608.

- A. Diller.* The Tradition of Minor Greek Geographers / Philological Monographs
Published by the American Philological Association. Lanfster, Oxford, 1952.
Vol. XIV.
- D. Marcotte* (ed.). Les Géographes Grecs. Vol. 1. Introduction générale. Pseudo-
Scymnos. Paris, 2002.
- I. U. Powell* (ed.). Collectanea Alexandrina: Reliquiae minores Poetarum Graecorum
Aetatis Ptolemaicae 323–146 A. C.: Epicorum, Elegiacorum, Lyricorum,
Ethicorum. Oxford, 1925.
- I. Schweighauser.* Animadversions in Athenaei Deipnosophistas. VI. Argentorati,
1804.
- A. Silberman* (ed.). Arrien. Periple du Pont Euxin. Paris, 1995.

А. В. Подосинов

Варварское окружение Боспора как фактор эволюции его государственной системы

1) Уникальность Боспорского феномена заключается в большой мере в длительности существования Боспорского царства – оно функционировало около тысячи лет. Причина такой живучести, на мой взгляд, заключается в соединении в государственном устройстве Боспора элементов греческой государственной модели с варварской, обеспечившем прочность царства.

2) Боспорское государство претерпело существенную эволюцию в своем развитии – от чисто греческого полисного устройства всех сфер жизни до монархического, «варварского» для греков, государства (царства).

3) Такая метаморфоза в немалой степени была обусловлена расположением Боспора на самой дальней северо-западной периферии античного мира в непосредственной близости к варварскому миру.

4) Варварское окружение Боспора уже тем способствовало образованию надполисной государственной организации и давало импульс к объединению отдельных полисов при Археанактидах и затем при Спартокидах, что составляло постоянную угрозу самому существованию их, которую можно было отразить, объединив силы нескольких полисов.

5) Низовья Дона и территория к востоку от Азовского моря представляли собой крайний рубеж волн кочевников, почти непрерывно двигавшихся по евразийскому «сквозняку» от северных границ Китая в Европу; отношения с ними, то военные, то мирные, составляли важную часть политической жизни Боспора.

6) Включение многих варварских (сначала оседлых, а позднее и кочевых) племён в территорию Боспорского царства способствовало взаимообмену во всех сферах жизни – в государственном строительстве, военном деле, искусстве, погребальном обряде, предметах быта, в смешанных браках, в иранизации имён населения царства и даже царских имён, наконец, в сарматизации Боспора.

7) Встреча греков с варварами произошла на Боспоре раньше, чем на Востоке при Александре Македонском, и уже тогда должна была возникнуть необходимость создания адекватных ситуации форм государственности. И там, и здесь налицо типологически сходные предпосылки и стимулы. Возникающий при этом греко-варварский симбиоз не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа.

8) Справедливо отмечает Ф. В. Шелов-Коведяев: «Варварская аристократия получает доступ в высшие слои боспорского общества и, возможно, к управлению государством, вмешивается в его политику. Все это было бы невозможно без симбиоза с греками и их полисами» (Шелов-Коведяев. 1985. С. 169):).

9) В этом отношении стоит также вспомнить о, вероятно, состоявшем при дворе боспорского царя Перисада V скифе Савмаке, который в 108/7 г. до н. э. возглавил восстание скифов против царя и убил его. Придворный скиф, убивающий боспорского царя, – это ли не яркое свидетельство греко-варварского симбиоза?

10) Сама идея единоличной (царской) власти, чуждая эллинам вплоть до эллинизма, но укоренённая в «варварских» сообществах, должна была способствовать принятию (сначала именно по отношению к варварам, а затем и к грекам) титула «царь», зафиксированного в аутентичных эпиграфических памятниках Боспора, и, тем самым, становлению монархии. Отсутствие монархической формы правления было бы непонятно для инкорпорированных в Боспорское царство варваров; установления её требовала историческая ситуация.

11) Боспорские греки имели дело с двумя видами варваров – оседлыми, ставшими подданными царства, и кочевыми, с которыми нужно было воевать или договариваться. Оба фактора – каждый по-своему – способствовали, на мой взгляд, возникновению надполисного государства – монархии.

12) Иногда можно слышать о том, что варвары-скифы не знали собственной государственности и не могли внести что-то существенное в политогенез Боспора (Завойкин. 2013; 2014; Суриков. 2014). Но ведь у скифов уже с первой половины VII в. до н. э. существовало государство с сильной царской властью, имевшей черты деспотической. Из-

вестно о царских династиях у скифов, начиная с Колакская, а это VII век до н. э., о скифских царях Прототии и Мадии на Ближнем Востоке ещё до прихода скифов в Северное Причерноморье. Нам известны имена многих скифских царей VII–V вв. до н. э., о которых рассказывает Геродот (Спаргапиф, Лик, Гнур, Иданфирс, Савлий, Анахарсис, Скил и другие). Боспор включил в свою территорию население местных варваров, которые, конечно, знали о царской власти не понаслышке.

13) Представляется, что греко-варварский симбиоз, который усматривают на Боспоре многие исследователи, не мог не приводить к трансформации полисного государства в монархию эллинистического типа, как это и случилось на Востоке после Александра, где одной из главных особенностей государственного устройства был синтез экономических, социальных и культурных достижений Европы и Азии.

14) Страбон писал об Эратосфене (I. 4. 9): «В конце своей книги Эратосфен критикует тех, кто делит всё человечество на две группы – на греков и варваров, а также и тех, кто советовал Александру считать греков друзьями, варваров – врагами». Боспорские архонты, похоже, также не слушались возможных советов соратников, призывавших противостоять варварам, они предпочли стать сначала только для них, а затем и для всех подданных царями и этим создали условия для многовековой истории своего царства.

Литература

- А. А. Завойкин.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // БИ. Симферополь, Керчь, 2013. – (Supplementum 10).
- А. А. Завойкин.* Образование Боспорского государства: от полиса к царству (некоторые итоги и перспективы дискуссии) // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- И. Е. Суриков.* Некоторые проблемы Боспорского политогенеза V–IV вв. до н. э. (взгляд из Эллады) // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. – (ДГВЕ. 2012).
- Ф. В. Шелов-Коведяев.* История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., Наука, 1985.

М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашиба

**«Античный вектор» в контактах жителей
Правобережной лесостепи в архаическое время
(по материалам Немировского городища)¹**

Немировское городище (левый берег Южного Буга, 10 км к востоку от реки; современное административное деление – Винницкая область Украины, 4 км от г. Немиров, возле с. Сажки) отличается грандиозными размерами и мощностью оборонительных сооружений. На его территории зафиксированы остатки поселений нескольких исторических эпох – от энеолита и до нового и новейшего времени.

На основе имеющихся материалов прослеживается расцвет жизни на памятнике в раннем железном веке – в конце VIII, в VII и в первой половине VI в. до н. э. В лесостепной зоне к северу от Чёрного моря известно несколько десятков больших городищ синхронного времени. По всей вероятности, они являлись политическими, экономическими и религиозными центрами крупных племён или союзов племён. К таким сооружениям относится и Немировское городище.

Среди раннескифских городищ-гигантов Северного Причерноморья оно занимает особое место. Этот памятник имеет самое западное местоположение и, тем не менее, маркирует центр (?) Древней, или Архаической, Скифии, если территория последней действительно охватывала и бассейн Днестра. Такое расположение позволяет рассматривать Немировское городище как связующее звено между двумя большими массивами населения, которое в раннескифское время проживало в лесостепи, на Правобережье Днестра, с одной стороны, и западнее, в Западной Подолии – с другой.

Это в полной мере отразилось в материальной культуре населения, которая складывалась из нескольких компонентов. Особенно выразительна посуда. Она представлена как местными лесостепными категориями и типами, так и керамикой с чернолощёной поверхностью, пластическим и каннелированным декором из концентрических полукругов, выступов и шишек. Начиная с А. А. Спицына (1911), её не случайно возводят к Гальштатту. Особо отметим находки на городище ранних образцов греческой архаической керамики.

Отдельные вещи и категории находок из раскопок городища постоянно привлекали внимание исследователей. Особый интерес представляют находки греческой архаической керамики, позволяющие рассма-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по темам государственной работы.

тривать широкий спектр проблем, связанных с вовлечением населения лесостепи Северного Причерноморья в сферу контактов с античными центрами на самом раннем этапе греческой колонизации региона. В начале 90-х гг. прошлого столетия Г. И. Смирнова начала изучение коллекций, хранящихся в фондах ОАВЕС Государственного Эрмитажа. Она проанализировала полевую документацию, сооружения и основные категории находок из Немирова. Её наблюдения и выводы, периодизация и датировки были достаточно оперативно представлены на суд научной общественности (Смирнова. 1996. С. 183–198; 1998. С. 77–121; 2000. С. 80–93; 2001. С. 33–44; 2002. С. 217–233). Тогда же были переизданы и наиболее яркие находки античной архаической керамики, а также введены в научный оборот и ранее не публиковавшиеся образцы, в том числе фрагменты тарных амфор (Вахтина. 1996. С. 85–93; 1998. С. 122–139; 2000. С. 209–217).

Проделанная в те годы большая работа, нашедшая отражение в серии научных статей, не завершилась выходом монографии. Это побудило нас вновь обратиться к материалам из горизонта раннего железного века Немировского городища (Kaschuba, Vakhtina. 2012. С. 405–415; Вахтина, Кашуба. 2013. С. 371–378). За полтора десятилетия, прошедшие с момента появления предварительных публикаций, произошли значительные изменения как в существующих концепциях, освещающих основные проблемы раннего железного века на территории Северного Причерноморья, так и в подходе к изучению отдельных категорий находок. Эти кардинальные перемены затронули, прежде всего, хронологические схемы, к которым «привязываются» важнейшие хроноиндикаторы, в числе которых – образцы найденной на городище греческой керамики.

За время исследования городища была собрана замечательная коллекция фрагментов греческой керамики. К сожалению, контекст находок многих образцов не установлен. Однако можно с уверенностью утверждать, что основная их масса найдена во время раскопок «золника» в центральной части памятника. Фрагменты принадлежали тарным амфорам и столовым сосудам, изготовленным в различных центрах Восточной Греции (публикации см. Фармаковский. 1914. Табл. II, 3; Онайко. 1966. Табл. III, 1–8; Вахтина. 1996, 1998; Vachtina. 2007. P. 23–37; Vakhtina. 2007. S. 511–517).

Лишь несколько фрагментов относятся к сосудам открытых форм, остальные принадлежали закрытым сосудам – столовым амфорам и ойнохоям, украшенным росписью во фризах в «стиле дикого козла» («Wild Goat Style»). Большая их часть датируется в рамках периода SiA Ib, 650–630 гг. до н. э. (Kerschner, Schlotzhauer. 2005. P. 8). Основ-

ной массив расписной посуды происходит из южной Ионии. Важным фактом является полное отсутствие керамики аттического производства, широкое распространение которой в варварских памятниках региона начинается позже и охватывает вторую половину VI в. до н. э.

Некоторые образцы расписной керамики принадлежат к сосудам, редко встречающимся на территории Северного Причерноморья, а отдельные экземпляры известны только для Немировского городища и, следовательно, уникальны для всей территории в целом. К числу таких уникальных экземпляров относятся фрагменты венчика и верхней части большой столовой амфоры (Рис. 1)². Сосуд, скорее всего, был изготовлен в Милете. Наиболее вероятное время его производства – 40-е – 30-е гг. VII в. до н. э. Форма его – столовая амфора с цилиндрическим горлом, отогнутым наружу краем венчика и двумя боковыми горизонтальными двух- или трёхствольными ручками – достаточно хорошо известна среди продукции северо-ионийских (эолийских) центров (Iren. 2003. P. 58–59. Fig. 8, 21, 22; Abb. 25, 31, 35, 38, 42. Taf. 18–21, 37). Однако она нехарактерна для керамического производства Южной Ионии в эпоху архаики. Среди известной в настоящее время продукции южно-ионийских мастерских пока не удаётся обнаружить аналогий форме сосуда из Немирова. Для региона Северного Причерноморья это также пока единственная находка. Кроме формы, необычно большими являются и размеры сосуда. Внешний диаметр венчика амфоры был приблизительно равен 30 см. Конечно, трудно судить на основании дошедших до нас фрагментов о его высоте, однако, можно предположить, что она была не менее 50–60 см.

Обломки этой амфоры были найдены в процессе раскопок городища в разные годы; несколько фрагментов венчика обнаружены в заполнении землянки № 2 вместе с фрагментами простой/грубой и качественной посудой (Вахтина, Кашуба. 2014. Рис. 2). Среди последней отметим обломки горшков местных (лесостепных) типов, в том числе с архаическими признаками, и чернолощёных корчаг, мисок и черпаков (Рис. 2). Опубликованный нами ранее неизвестный стратиграфический разрез землянки № 1 Немировского городища (Вахтина, Кашуба. 2016. Рис. 3) показывает, что на территории Северного Понта первые греческие сосуды попадали в дома, в быту жителей которых уже име-

² Инв. № Дн 1909–3/1; 251/20; 251/25; 278/284. Возможно, к этому сосуду относился и фрагмент Дн 1933–1/209. Фрагменты амфоры воспроизводились ранее: Онайко. 1966. Табл. III, 5; Вахтина. 1998. Рис. 3, 8; 2000; Kerschner, Schlotzhauer. 2005. Fig. 15; Kerschner. 2006. Abb. 13. Более подробно о фрагментах уникальной амфоры из Немирова см. Вахтина. 2017. С. 250–255.

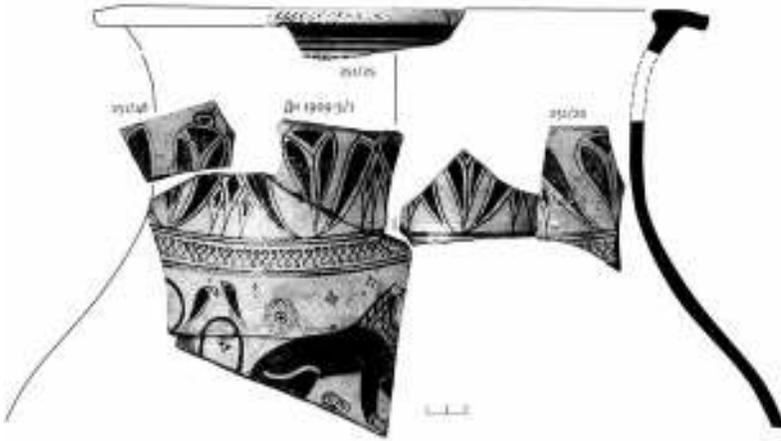

Рис. 1. Немировское городище. Фрагменты большой столовой амфоры

лась высококачественная лощёная посуда. Здесь речь идёт о люксовых товарах и их разновидностях.

Несомненно, огромная амфора, украшенная яркой росписью, была достаточно ценной как в глазах греков, так и варваров. Эта вещь прекрасно «вписывается» в русло концепции о дипломатических дарах эллинов, предназначавшихся элите местного общества.

В течение долгого периода времени Немировское городище оставалось «лидером» среди скифских городищ по количеству греческого импорта. Однако в последние десятилетия были введены в научный оборот находки греческой керамики из раскопок слоёв и комплексов Бельского городища, среди которых можно выделить образцы, очень близкие хронологически и стилистически фрагментам расписной керамики из Немирова (Задников. 2004, 2007, 2009; Задников, Шрамко. 2009, 2011).

На Правобережье Днепра находки ранней греческой керамики известны на Трахтемировском городище, где в комплексе культовой постройки был обнаружен фрагментированный килик с изображением птиц (bird-bowl) (Онайко. 1966. Табл. III, 12 а-г; XXV, 3 Дараган. 2011. С. 518. Рис. IV, 59). Сосуд датируют второй четвертью – началом третьей четверти VII в. до н. э. (Kerschner. 2006. S. 237–238. Abb. 14; Буйских. 2015. С. 246. Рис. 2). Из другого комплекса городища происходит фрагмент закрытого сосуда (вероятнее, ойнохои) с сохранившейся частью росписи – головой грифона (Ковпаненко. 1968. С. 109.

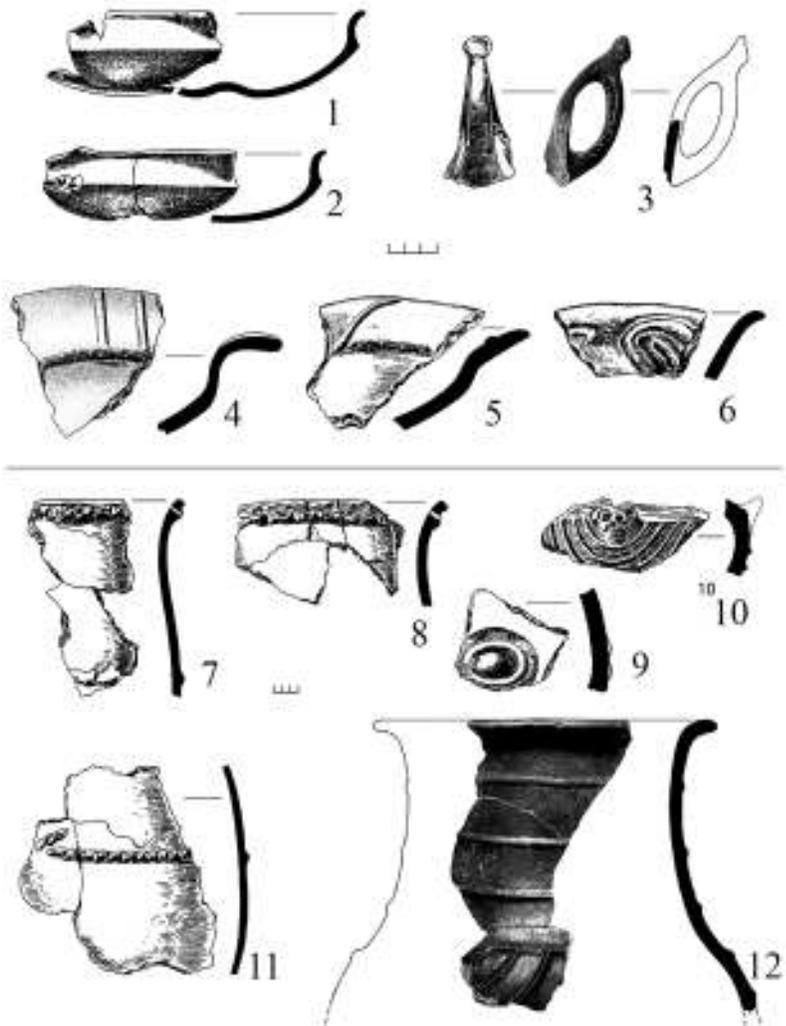

Рис. 2. Немировское городище. Лощёная (1–6, 9, 10, 12) и простая/грубая (7, 8, 11) керамика из заполнения землянки № 2, выборочно

Рис. 9), который можно предположительно отнести к периоду SiA Ib или началу периода SiA Ic и датировать в интервале 650–620 гг. до н. э.

К третьей четверти VII – началу VI в. до н. э. может относиться фрагмент закрытого сосуда из поселения у с. Жаботин (Онайко. 1966. Табл. III, 9; Покровская. 1973. С. 183. Рис. 8, 7).

По-видимому, население больших лесостепных городищ было вовлечено в сферу греко-варварских связей в рамках одного хронологического периода: в середине – третьей четверти VII в. до н. э., хотя, на наш взгляд, возможно, что контакты между греками и варварами на территории лесостепного Правобережья начались на полтора-два десятилетия раньше.

В раннем железном веке обитатели Немировского городища, наряду с Трахтемировским и Бельским, несомненно, в числе первых налаживали связи с греческими центрами. Найденная на Немировском городище античная керамика свидетельствуют о достаточно ранних контактах его жителей с греческими центрами, установившимися не позднее середины – начала третьей четверти VII в. до н. э., которые наибольшей своей интенсивности достигли во второй половине столетия. С начала VI в. до н. э. можно говорить об угасании греко-варварских контактов или о переходе их на какой-то другой уровень, не нашедший отражения в археологических материалах. Вероятно, после середины VI в. до н. э. поставки античной керамики на городище по каким-то причинам прекратились. Примечательно, что на раскопанной части памятника пока также не известны и варварские комплексы этого времени. Эти обстоятельства позволяют нам высказать предположение, что около середины VI в. до н. э. жизнь на городище затухла или прервалась. Имеющиеся данные пока не позволяют уверенно говорить о том, что оно одновременно было покинуто жителями. Однако мы не исключаем такой вариант развития событий.

Литература

- А. В. Буйских.* Субгеометрический скифос из Борисфена (к вопросу о доколониционных связях в Северном Причерноморье) // АМА. 2015. Вып. 17.
- М. Ю. Вахтина.* Греческая керамика из раскопок Немировского городища // Археология. 1996. №. 4.
- М. Ю. Вахтина.* Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ. 1998. Т. VI.
- М. Ю. Вахтина.* Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // ΣΙΣΥΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., Алетей, 2000.
- М. Ю. Вахтина.* О находке первого образца архаической греческой керамики на Немировском городище // Північне Причорномор'я за античної доби (на поштану С. Д. Крижицкого). Київ, Стародавній Світ, 2017.
- М. Ю. Вахтина, М. Т. Каиуба.* Об особенностях греко-варварских контактов начальной поры колонизации Северного Причерноморья в свете изучения материалов Немировского городища // БФ. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., Нестор-История, 2013.

- М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашиба.* Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. БЧ. Керчь, 2014. Вып. XV.
- М. Ю. Вахтина, М. Т. Кашиба.* Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа. Материалы Междунар. научн. конф., посвящ. памяти Марии Николаевны Погребовой. Москва, 25–27 апреля 2016 г. М., ИВ РАН, 2016.
- М. Н. Дарасан.* Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи. Киев, КНТ, 2011.
- С. А. Задников.* Античный тарный импорт раннескифского времени с Бельского городища // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 2004. Вип. 7.
- С. А. Задников.* Столовая античная керамика Бельского городища второй половины VII – первой половины VI вв. до н. э. // БФ. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы Международной научной конференции. СПб., Издательство Государственного Эрмитажа, 2007. Ч. 2.
- С. А. Задников.* Античная керамика третьей четверти VII в. до н. э. из раскопок на Бельском городище // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону, Научно-методический центр археологии Ростовского педагогического института ЮФУ, 2009.
- С. А. Задников, И. Б. Шрамко.* К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // БФ. Искусство на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., Нестор-История, 2009.
- С. А. Задников, И. Б. Шрамко.* Античный импорт третьей четверти VII – первой четверти VI в. до н. э. на Бельском городище (по материалам 2008 и 2009 гг.) // Древности Восточной Европы. Сб. науч. трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2011.
- Г. Т. Ковпаненко.* Раскопки Трахтемировского городища // АИУ. Киев, 1968. Вып. 2.
- Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. М., Наука, 1966. – (САИ. Вып. Д 1–27).
- Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.
- Г. И. Смирнова.* Предварительные данные о Немировском городище (По первым результатам обработки полевой документации и коллекции находок) // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, Археологія, 1996.
- Г. И. Смирнова.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Г. И. Смирнова.* Групповые постройки округлой формы в лесостепном междуречье Южного Буга и Днестра в раннескифское время: местные строительные традиции или новации // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагоди його

70-річчя. Кам'янець-Подільський, Інф.-вид. центр Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету, 2000.

- Г. И. Смирнова.* Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.
- Г. И. Смирнова.* Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. 2002.
- А. А. Спицын.* Скифы и Гальштатт // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому. СПб., 1911.
- Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. М., 1914. – (МАР. Т. 34).
- К. Iren.* Aiolische orientalisierende Keramik. Istanbul, Ege Yayinlari, 2003.
- М. Kaschuba, M. Vakhtina.* Moderner Stand der Untersuchungen des Früheisenzeitlichen Fundmaterials aus der Befestigten Anlage von Nemirov am Südlichen Bug // Peregrinationes Archaeologiae in Asia et Europa Joanni Chochorowski Dedicatae. Kraków, Wydawnictwo Profil-Archeo. 2012.
- М. Kerschner.* Zum Beginn und zu den griechischen Kolonization am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12.
- М. Kerschner, U. Schlotzhauer.* A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005. Vol. 4. No. 1.
- М. Vakhtina.* Greek Archaic Orientalizing Pottery from the Barbarian Sites of the Forest-Steppe Zone of the Northern Black Sea Coastal Region // The Black Sea in Antiquity. Regional and Interregional Economic Exchanges. BSS. 2007. Vol. 6.
- М. Vakhtina.* Archaic East Greek Pottery from Nemirovo // Frühes Ionien eine Bestandsaufnahme. Mainz am Rhein, Philipp von Zabern, 2007.

Н. Ф. Федосеев

Скифы на Боспоре

Тема «Скифы на Боспоре» не нова, если не сказать больше – стара. Так же как и название, она использована исследователями уже не раз. С момента первых открытий встал вопрос о взаимоотношениях прибывших эллинов и местных варваров. Исследователи опирались на немногословную базу письменных источников, среди которых на первом месте был, конечно, Геродот: «Далее – от Таврики выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского и Меотийского озера до реки Танаис» (Herod. IV, 100). То есть вне области Боспорского царства.

Территория, занимающая «царскими скифами» – это земли, расположенные севернее Таврического полуострова: «По ту сторону Герра находится земля, которая называется царской, и там обитают скифы

самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны. Часть их владений доходит до реки Танаис» (Herod. IV, 20). Снова указание на область, находящуюся вне Таврики.

Еще ряд (в основном поздних) авторов упоминают скифов в связи с событиями, происходящими на Боспоре: это Стефан Византийский (Sc. 1. С. 264), Демосфен (Demosthenes. XXIV. 8), Лукиан Самосатский (Luc. Tox., 44), Диодор Сицилийский (Diod. XX, 22, 24) и Страбон (Strabo, XI, 1, 6). Все эти упоминания в той или иной степени интересны, но столь кратки, что оставляют простор для фантазий поколениям исследователей. Из письменных источников ясно, что в Крыму могли обитать скифы-земледельцы, а царских скифов надо искать в Приднестровье. Археологические реалии соответствуют этому утверждению.

По сведениям Стефана Византийского, некий скифский царь Агаэт уступил землю для колонии милитянам. Со временем колония развилась в Боспорское царство, окружённое множеством племен, которые оставили после себя огромное количество памятников – поселений и некрополей. Ни один из этих памятников не претендует на название «царского», кроме одного – захоронение в кургане Куль-Оба. Весьма характерна в этом отношении карта, представленная в статье Л. С. Клейна, где основные скифские памятники сконцентрированы к северу от Тавриды, и лишь один (Куль-Оба) находится на Керченском п-ве (Клейн. 1961. Рис. 2).

Исследователи, начиная с М. И. Ростовцева, стали искать следы присутствия скифов на Боспоре (Ростовцев. 1925; Rostowzew. 1931). В его фундаментальном труде «Скифия и Боспор» он дал весьма подробный анализ всех имевшихся на тот момент источников по этой теме. Среди многочисленных погребений в некрополях боспорских городов он первым выделил несколько специфических комплексов, где элементы скифского обряда тесно переплетались с традициями античного ритуала (Ростовцев. 1925. С. 376). Но критерия «скифских» памятников Михаилом Ивановичем выделено не было.

«Скифские» аспекты на всех этапах боспорской истории рассмотрел В. Ф. Гайдукевич в своей монографии (Гайдукевич. 1949; Gajdukevič. 1971). Для Виктора Францевича критерием служило погребение в склепе Куль-Оба (Гайдукевич. 1959. С. 276–277). В противовес В. Ф. Гайдукевичу В. Д. Блаватский отмечал «совершенную единичность» скифских памятников Восточного Крыма и высказался о том, что скифы играли весьма незначительную роль на Боспоре (Блаватский. 1959). М. И. Ар-

тамонов связывал с царскими скифами катакомбный тип захоронения (Артамонов. 1949. С. 134). Л. С. Клейн объединил в одну этно-культурную группу скифские памятники Северного Приазовья и Керченского полуострова, разместил здесь скифов-царских и пришел к выводу, что основной формой погребальных сооружений в этом районе Скифии были катакомбы (Клейн. 1961). Т. Н. Троицкая, ориентируясь на материалы боспорских некрополей, предположила, что ведущей формой погребальных сооружений у скифов Восточного Крыма могут оказаться каменные гробницы с уступчатым сводом (Троицкая. 1957).

Как видим, при выделении скифского этноса отсутствуют четкие критерии определения погребальных памятников Керченского полуострова, так же как и отсутствует погребальный набор, позволяющий выявить скифские черты в археологических комплексах. Попытку выделить эти критерии предприняла Э. В. Яковенко в своей докторской диссертации «Скифы на Боспоре» (Яковенко. 1985). Она считает все варварское население Керченского полуострова скифским (Яковенко. 1970. С. 133). Дальнейшее развитие этой темы нашло в книге «Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху» (Марченко, 2005).

Результатом всех этих исследований стала констатация факта, что территория, окружающая Боспор, состоит из скифских памятников, маркером отнесения к скифскому этносу явились некрополи. Помимо окружающей территории, исследователи нашли скифские памятники и внутри Боспора. Не вызывает сомнения, что окружающие Боспор племена несли варварские черты, но как скифы они не позиционировались нигде. Еще Страбон писал, что «племена ... же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя» (Strabo, VIII, 2). Это подтверждается и лапидарными надписями: боспорские цари именуются как цари «синдов, меотов, торетов, дандариев, пессов», но только не скифов. Очевидно, что скифы – это собирательное название вышеперечисленных народов.

Эти племена вошли в титулатуру Левкона I после получения им титула «архонт Боспора и Феодосии». Соответственно, в округе Феодосии мы должны фиксировать «скифские» черты в погребальном обряде. А. В. Гавриловым картографировано около Феодосии более 600 курганов. Среди скифских черт он отмечает использование амфор в качестве своеобразного кромлеха кургана и использование амфор в закладке подбойных могил (Гаврилов. 2010. С. 271, 273). Далее А. В. Гаврилов пишет, что «расположение ... курганных могильников поблизости от известных античных населенных пунктов, несомненно, указывает на заселенность этой территории варварским населением» (Гаврилов.

2010. С. 277). Утверждение, конечно, более чем спорное, но рациональное зерно в нем есть. Вместе с тем, как быть с эллинскими погребениями в курганах?

Найденные за 200 лет изучения греческие надписи также дали почти нулевой результат: все надписи с упоминанием скифов датируются поздним временем – не ранее правления Аспурга, а в своде граффити нет даже имени Скиф¹ (Толстой. 1953). Впрочем, «скифская земля» упоминается в одном надгробии то ли III, то ли IV вв. до н. э. «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышавшего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело – могила» (КБН. № 117). Но в данном случае «скифская земля» понятие столь широкое, что однозначно превышает территорию Боспорского царства. Зато есть среди надгробий упоминание тавра (КБН. № 114).

Казалось бы, соседство с варварами должно насытить боспорскую материальную культуру варварскими артефактами. Но этого не произошло – таких находок единицы.

Для выделения черт местных племен Ю. А. Виноградов привлекает лепную керамику, но что характерно: встреченная обильно на поселениях, она полностью отсутствует в погребальных комплексах, приписываемых к скифским памятникам. Возможно, феномен присутствия лепной керамики следует рассматривать не как этническую черту, а как хозяйственное свойство, характерное для всего боспорского этноса. Другими словами, лепную керамику лепили не только варвары, но и боспоряне, освоившие столь нехитрую технологию.

Следующий признак – «украшения», изделия, изготовленные из драгоценных металлов, выполненные в зверином стиле. Но как следует из анализа этих изделий, они изготовлялись в греческих центрах, если не в самой Аттике. К примеру, знаменитый кубок с изображением скифов имеет аналоги в орнаментации чернолаковой аттической посуде.

Но тем не менее, огромное количество скифов, по сообщению Диодора, приняло участие в битве Сатира против Евмела (10 тыс. всадников и 20 тыс. пехоты) (Diod. XX, 22,24). Цифры у Диодора явно завышены, но сам факт присутствия скифов зафиксирован. Не думаю, что призванные в войско Сатира скифы жили на территории Боспорского царства. Скорее всего, они были присланы из Скифии.

Остаются еще богатые скифские курганы, расположенные на европейском Боспоре. По мнению Э. В. Яковенко, число богатых курганных комплексов с «варварскими» чертами невелико – их известно только

¹ Имя Скиф на боспорской черепице имеет корни в Гераклее Понтийской. Гераклеот по имени Скиф клеймил черепицу на Боспоре (Федосеев. 2011).

28 (Яковенко. 1974. С. 146. Табл. X). По её мнению, погребения эллинизированных скифских аристократов встречены только в ближайшем окружении двух боспорских городов – Пантикапея и Нимфея.

Особенно явственно скифские черты проявились на некрополе Нимфея. Н. Л. Грач так прокомментировала это влияние: «Исследования грунтового могильника Нимфея архаического времени пока не дают исчерпывающих сведений для определения его этнической среды. ... Уже с VI в. до н. э. в городской среде Нимфея присутствовал контингент местных жителей, пользующихся определёнными правами. В частности, они имели общее кладбище с греками. ... Это подтверждают богатые воинские захоронения в курганах с местными чертами обряда» (Грач. 1999. С. 30–31). Под «местными» чертами обряда Н. Л. Грач имеет в виду, по-видимому, скифские черты.

Этническая принадлежность варварских погребений некрополя Нимфея не ясна. Автор раскопок Н. Л. Грач не считает возможным отнести данные комплексы ни к грекам, ни к скифам (Грач. 1999. С. 30). Находки, сделанные в 1976 году, сопровождаются скифскими акинаками. Основная масса «скифских» захоронений была сделана в XIX веке, однако в погребальном инвентаре этих погребений отсутствуют предметы безоговорочно скифской принадлежности.

Скифские памятники на пантикапейском некрополе представлены курганами Куль-Оба, Патиниотти, Ак-Бурун, Темир-Гора, курганом у с. Баксы, Трехбратний, Острый, Змеиный и курган Кекуватского.

Впускное погребение № 83 богатой скифянки на Темир-Горе было совершено по обряду трупосожжения. Э. В. Яковенко считает, что это захоронение сравнимо со скифским погребальным ритуалом. Логика Э. В. Яковенко такова: «среди греков-боспорян кремация не нашла широкого распространения... следовательно, анализ отдельных деталей погребального ритуала в захоронении № 83 на Темир-Горе позволяет с достаточной долей вероятности отнести исследуемый комплекс к числу скифских памятников» (! – Н. Ф.) (Яковенко, 1985. Л. 211). Присутствие типично греческих вещей в составе комплекса «не противоречит принадлежности данного комплекса кругу скифских памятников» (Яковенко, 1985. Л. 214). Доказательства Э. В. Яковенко столь зыбки, что я ограничусь здесь лишь цитированием ее аргументов. *Enim ipsa loquitur.*

Комплекс кургана Патиниотти нельзя анализировать, поскольку мы имеем дело с грабительскими раскопками и недоказанной достоверностью присутствия тех или иных вещей в комплексе. Нет никаких оснований считать курган Патиниотти скифским.

Среди курганов на Юз-Обинском некрополе наиболее известно захоронение воина в склепе Мирзы Кекуватского и трупосожжение

знатного воина в Ак-Бурунском кургане 1875 г. Менее известен в литературе Змеиный курган. Э. В. Яковенко отмечала в Змеином кургане в каменном склепе найденное погребение воина в сопровождении боевого коня (Яковенко, 1985. Л. 328). Замечу, что кости животных находились в грабительском лазе, а вывод о варварских чертах погребения сделан лишь на основании находки черепа коня. В описании находок из этого кургана, упоминания коня отсутствует (Виноградов, Зинько, Смекалова. 2012. С. 93–97). Следовательно, и этот курган относить к скифским нет никаких оснований.

Верхушка этого кургана огромного кургана была усеяна множеством стоящих на горлах амфорах. У меня сложилось впечатление, что в этой тризне приняло участие население всего боспорского царства. Керамические клейма позволили датировать тризну первой половиной 380-х годов до н. э. (Федосеев. 2007). Аналогичное скопление амфор практически со схожим набором клейм было обнаружено на вершине горы Митридат, при исследовании руин Пантикапея. Амфоры также были поставлены на горла. Автор раскопок В. П. Толстиков затрудняется интерпретировать находку. «В качестве одной из рабочих гипотез можно предложить следующее объяснение: конструкция из амфор была сооружена на северном склоне холма “Первого кресла” в качестве своеобразной крепиды, с целью предотвратить оползневые процессы на данном участке» (Толстиков, Ломтадзе. 2016. С. 471). Со своей стороны, предлагаю рассматривать этот комплекс как остатки огромной тризны по поминанию царей Селевка и Спартока.

К сожалению, провести исследование тризны Змеином кургане мне не удалось и все амфоры стали добычей грабителей, но информация, полученная от коллекционеров и сохранившиеся в музеях, дала основания предположить, что это было царское захоронение. Это подтверждается и находкой в каменном склепе роскошного саркофага, привезенного из Аттики. Я полагаю, что это погребение могло бы принадлежать Сатиру I, умершему в 389/8 г. до н. э. В то время как в Баксинском кургане, клейма на амфорах из которого практически идентичны клеймам из тризны Змеино кургана, был захоронен его брат Селевк, умерший в 393/2 г. до н. э.² Об этом писал ещё Б. Шефтон, проанализировавший расписной кратер из Баксинского кургана (Shefton. 1992). Варварские черты Баксинского кургана в районе с. Баксы (совр. Глазовка) в настоящее время Ю. А. Виноградов относит к фракийскому миру, который допускает захоронение Селевка, но склоняется к тому, что в кур-

² Это предположение я высказал во время своего доклада на конференции «Боспорский феномен» в 2007 году в Санкт-Петербурге.

гане был захоронен Сатир I (Виноградов. 2014. С. 521). Характерно, что в комплексе были найдены золотые бляшки ахеменидского стиля³ и украшение деревянного саркофага в виде крылатого солнечного диска, который под названием Фаравахар выступает в качестве главного символа зороастризма.

Раскопанный в середине Юз-Обинской гряды Острый курган оказался ограбленным. Куча обломков деревянных саркофагов найдена была в катакомбе, которую исследователи связывали со скифским влиянием (напр.: Ольховский. 1977. С. 26). Разделял эту точку зрения и Ю. А. Виноградов (Виноградов. 2005. С. 273; 2010. С. 530). Не отказываясь от этой точки зрения, он между тем указал, что катакомба Острого кургана копирует двускатную кровлю, и это не характерно для Скифии и находит аналогии в Персии (Виноградов. 2014. С. 541). По предположению Ю. А. Виноградова, в Остром кургане был погребен создатель боспорского государства Левкон I (389/88–349/48 гг. до н. э.) (Виноградов, Зинько, Смекалова. 2012. С. 83; Виноградов. 2014. С. 543), а использование сооружения «скифского типа» можно рассматривать как «демонстрацию политического союза между Боспором и Скифии» (Виноградов. 2014. С. 543).

Характерно, что в насыпи этого кургана были найдены обломки каменных плит с двустрочной надписью (---) ΔΩΝ | (---) ΤΟΣ, которую в контексте погребения Левкона можно восстановить так: [Λεύκωνος βασιλεύοντος Σίῃ] δὸν | [ἄρχων] τος [Βασίλορ καὶ Θεοδοσίης]. В этом случае нужно вести речь не о скифских памятниках, а о погребениях боспорских царей, несущих черты, не свойственные эллинским захоронениям.

Относительно Юз-Обинских курганов Ю. А. Виноградов пишет, что об «этноте погребенных здесь судить почти невозможно, хотя все же можно предполагать, что названные комплексы являются скифскими» (Виноградов. 2005. С. 269).

Основным критерием определения захоронений такого типа для большинства исследователей послужило присутствие среди погребального инвентаря этих комплексов оружия скифского типа – акинаков, копий, наконечников стрел (Сокольский. 1954; Кастанаян. 1959; Цветаева. 1951; 1957). Но, по мнению Э. В. Яковенко, оружие наравне с уздечными наборами не может служить надежным критерием при этно-культурном определении комплекса. Сам факт присутствия предметов вооружения скифского типа в боспорских некрополях сам по себе очень показателен.

³ Нет уверенности, что эти бляшки относятся именно к Баксинскому кургану (см.: Бейлин, 2016).

По наблюдениям Н. И. Сокольского, в некрополе Пантикапея есть 15 погребений с оружием скифского типа (Сокольский. 1954. С. 170–174); частично этот список пополнен Е. Г. Кастанаян (Кастанаян. 1959. С. 280–282). В некрополе Мирмекия среди 66 исследованных погребений отмечено семь комплексов с оружием скифского типа (Кастанаян. 1959. С. 287). Но что характерно, все упомянутые выше погребения совершены по греческому обряду в сопровождении обычного набора вещей – греческие сосуды, украшения, монеты и т. д.

Как отмечает Н. И. Сударев, набор вооружения при таком обобщенном рассмотрении несколько отличается от набора скифских воинов. Так, наиболее частой находкой в скифских воинских погребениях являются стрелы (Ольховский. 1991. С. 58–59, 68–69, 82, 88, 107–109, 141–142), причем в довольно значительных наборах (Черненко. 1981. С. 145–150). В нашем же случае стрелы являются второй по количеству категорией вооружения. Таким образом, мы видим, что набор наступательного вооружения в погребениях Боспора несколько отличается от одновременного набора скифов. Н. И. Сударев сделал вывод, что оружие не было редкостью в погребениях Греции и всей греческой Ойкумены. Причем оружие встречается в боспорских некрополях как типично греческого образца, так и негреческого (Иванов, Сударев. 2017. С. 181; с литературой).

По мнению Э. В. Яковенко, скифским обычаем является захоронения лошадей вместе с умершими воинами. На Боспоре эти сопровождающие погребения встречаются только в курганах скифской знати (Нимфей, Ак-Бурун и др.) (Яковенко. 1985. Л. 364). Но погребения лошадей вместе с хозяевами у древних эллинов уже древними авторами рассматривались в контексте Гомеровской эпохи и «героического» погребального обряда, описанного в Илиаде. Этот обряд, начиная с эллинистического времени, переживает новый расцвет (Иванов, Сударев. 2017. С. 182). Впрочем, в Куль-Обском склепе погребенной лошади нет.

Признаком скифского погребального обряда Э. В. Яковенко считает обязательное присутствие саркофагов античного образца. А в каких саркофагах должны были хоронить своих покойников греки? Э. В. Яковенко опирается на погребальный набор, совершенно не учитывает архитектуру склепа, а она нигде ни скифская, а в большинстве случаев фракийская. Сегодня аргументация о фракийском происхождении уступчатых склепов уже ни у кого не вызывает возражений.

К скифским чертам обычно относят наличие мясной жертвенной пищи, в большинстве случаев – костей барана. По мнению некоторых исследователей, это один из определяющих скифский этнос признаков, широко известный по исследованиям скифских комплексов Северного

Причерноморья. Присутствие напутственной мясной пищи в погребении исследователи относят к «варварской» группе (Масленников. 1978. С. 25; Даншин. 1992. С. 41). Е. Г. Кастанаян, полагая, что наличие напутственной мясной пищи в некрополе у м. Панагия связано с местным, варварским влиянием, всё же отмечает наличие этого обычая в Греции VII–VI в. до н. э. (Кастанаян. 1959. С. 291). А. К. Коровина также связывает наличие в погребениях пищи с инородными традициями, однако объясняет это запретами закона Солона (Коровина. 1962. С. 306). Впрочем, и она отмечает, что изредка напутственная мясная пища всё же встречается в Греции и в более позднее время, а также нередко кости птиц. Для греческих некрополей напутственная пища не является чем-то особенным (Kurts, Boardman. 1971. С. 72, 75, 100, 110, 215; Garland. 1985. Р. 36, 145), не противоречила воззрениям, по крайней мере, части греков (Федосеев, Столяренко. 2014. С. 148).

Таким образом, Боспорское государство было окружено греко-варварским (больше варварским) населением. Особенно явственно варварские черты проявились в некрополе Нимфея. Это при том, что археолог, раскопавший некрополь Нимфея, считает, что этническая принадлежность варварских погребений все еще не ясна (Грач. 1999. С. 30). Освоение территории Керченского полуострова вплоть до округа Феодосии связано с обработкой земель и выращиванием хлеба. Именно для сбора хлеба со степи были организованы эмпории с огромными зерновыми ямами, подобно тем, что раскопал А. А. Масленников в Восточном Крыму (Генеральское Западное). Процесс освоения округа городов европейского Боспора, начавшийся со второй четверти IV века до н. э., закончился в первой трети III века до н. э. По всей видимости, основная роль в выращивании хлеба принадлежит скифам-пахарям. Локализация царских скифов на территории (на внутренней территории) Боспорского царства представляется ошибочной.

Локализация царских скифов здесь произошла под влиянием находок, сделанных в склепе Куль-Оба. Погребенного в Куль-Обе ряд исследователей считали представителем высшей скифской аристократии (Grach. 2001; Хазанов. 1975; Яковенко. 1985). Но еще в прошлом веке возникла гипотеза о принадлежности Куль-Обского погребения одному из боспорских Спартокидов; эта точка зрения поддерживалась некоторыми современными исследователями (Передольская. 1945. С. 70; С. 225). Я предположил, что погребенный в Куль-Обе – это боспорский царь Спарток II, умерший в 344 году до н. э. (Федосеев. 2011; Федосеев. 2016).

В первом случае вызывают вопросы греческая обрядность захоронения, архитектура склепа, месторасположение самого кургана, видимого отовсюду, в том числе и с акрополя Пантикапея. Сам курган рас-

положен среди курганных захоронений Пантикапея. По своему статусу, набору золотых вещей он превосходит все известные погребения. Мог ли столь богатый скиф (самый богатый из всех живших в то время) быть захороненным среди знатных боспорян? А где подобные захоронения вне некрополя Пантикапея? На варварской территории. Их нет!

С другой стороны, погребенный облачен был в негреческую одежду, со множеством погребальных золотых бляшек. Но бляшки были изготовлены греческими мастерами. Греками был выполнен и знаменитый сосуд с изображением «скифов».

Среди находок зафиксированы бронзовые скифские котлы. Не является ли погребальная одежда и посуда царским подарком скифским царем боспорскому? В этом случае находит объяснение и присутствие в комплексе бронзовых котлов.

Мысль о том, что П. Дюбрюкс раскопал на поверхности горы Куль-Оба ещё два скифских грунтовых погребения (Алексеев. 2016. С. 207), ошибочна. «В каждой были кости нескольких покойников и довольно большое количество обломков горшков из грубой глины и обычной формы» (Дюбрюкс. 2010. С. 179). Это описание можно интерпретировать как угодно: горшки из грубой глины не обязательно должны относиться к скифскому периоду. Не исключено, что эти захоронения соотносятся по времени с крепостью римского времени, остатки которой зафиксированы мной в 2017 году.

В Куль-Обе нет ранней могилы, датированной V в. до н. э. Это показала зачистка котлована Куль-Обинского склепа. Второе захоронение находилось рядом. Этот склеп сооружался для захоронения боспорского царя Спартока II, умершего в 344 г. до н. э. Последнее погребение маркируется фасосской амфорой магистрата Аретона, который по хронологии Ч. Цочева датируется 364–338 гг. до н. э. (Tzochев. 2016. Tabl. 2), причем Ч. Цочев указывает, что этот магистрат тяготеет к 348 г. до н. э. (Tzochев. 2016. P. 80). Это дата как нельзя лучше синхронизируется с датой смерти Спартока II.

Судя по найденным мной фрагментам, они принадлежали 4 различным амфорам, таким образом они не могли принадлежать упомянутым мной целым амфорам (Федосеев. 2011. С. 379)⁴. Так же как и приписанная к Куль-Обе И. Б. Брашинским амфора с клеймом магистрата Аретона (Брашинский. 1975). Если все сосуды были раздавлены, то целая амфора, опубликованная И. Б. Брашинским, не из Куль-Обы. Среди беспаспортных фасосских клейм коллекции Керченского музея есть

⁴ Я благодарю А. Ю. Алексеева за возможность ознакомиться с целыми сосудами, приписываемые к комплексу Куль-Оба. Эти амфоры значительно старше.

одно магистрата Аретона с эмблемой «рыба» (ккк3744). Возможно, именно оно было найдено в склепе кургана Куль-Оба.

Таким образом, локализация «царских скифов» на Керченском п-ве ошибочна. Скифские черты, увиденные некоторыми исследователями в курганных погребениях, следует отнести на счет варваризации боспорян. Окружающие Боспор племена относились к «скифам-пахарям». Таковы, на мой взгляд, основные положения темы «Скифы на Боспоре».

Литература

- А. Ю. Алексеев.* Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., 2016.
- М. И. Артамонов.* Этногеография Скифии // Ученые записки ЛГУ. Серия «История». 1949. № 85. Вып. 13.
- Д. В. Бейлин.* Некрополь на горе Хрони // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). Боспорский феномен. СПб., 2016.
- В. Д. Блаватский.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
- И. Б. Брашинский.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. XL.
- Ю. А. Виноградов.* Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Польш Дюбрюкс. Том I. СПб., 2010.
- Ю. А. Виноградов, В. Н. Зинько, Т. Н. Смекалова.* Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том I // БИ. Supplementum 9. Киев, 2012.
- Ю. А. Виноградов.* Боспор и варвары в последней четверти V–IV в. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Ю. А. Виноградов.* Острый или десятый курган некрополя Юз-Оба // Боспорские исследования. XXX. 2014.
- А. В. Гаврилов.* Курганы Юго-Восточного Крыма // Stratum plus. 2010. № 3.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспорское царство. М., 1949.
- В. Ф. Гайдукевич.* Боспор и скифы // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. ТД конф. М., 1959. С. 276–278.
- Н. Л. Грач.* Некрополь Нимфея. СПб., 1999.
- Д. И. Даньшин.* Население Фанагории в I в. до н. э. – IV в. н. э. // Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1992.
- Польш Дюбрюкс.* Избранные труды. Сост. и отв. ред. Тункина И. В. СПб., 2010.
- А. В. Иванов, Н. И. Сударев.* Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. 21. 2017.
- Е. Г. Кастанаян.* Грунтовые некрополи боспорских родов VI–IV вв. до н. э. и местные их особенности // МИА. 69. М., 1959.
- Л. С. Клейн.* Территория и способ погребения кочевых скифских племён по Геродоту и археологическим данным // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 2. 1961.

- А. К. Коровина.* Некрополь около мыса Панагии (б. хутор Кротенко, раскопки В. В. Шкорпила в 1911 г. и В. Д. Блаватского в 1953 г.) // Археология и история Боспора, 2. Симферополь, 1962. Корпус Боспорских надписей. М. – Л., 1965.
- А. П. Манцевич.* Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. Т. XIII. М., Л., 1950. С. 217–238.
- К. К. Марченко.* Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- А. А. Масленников.* Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н. э. // СА. 1978. № 1.
- В. С. Ольховский.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье // СА 1977. № 4.
- В. С. Ольховский.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
- А. А. Передольская.* Слоновая кость из кургана Куль-Оба // ТОАМГЭ, I. Л., 1945.
- М. И. Ростовцев.* Скифия и Боспор. РАИМК, 1925.
- Н. И. Сокольский.* Боспорские мечи // МИА. 33. М. – Л., 1954.
- В. П. Толстиков, Г. А. Ломтадзе.* Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопки центральной части Пантикапея (предварительная публикация) // Древности Боспора. 2016. Т. 20.
- И. И. Толстой.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М. – Л., 1953.
- Т. Н. Троицкая.* К вопросу о локальных событиях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. Вып. 4. Симферополь, 1957.
- Н. Ф. Федосеев, П. Г. Столяренко.* О заупокойной мясной пище в некрополях Боспора // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). СПб., 2014.
- Н. Ф. Федосеев.* Тризна Змеиного кургана некрополя Юз-Оба // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. 2.
- Н. Ф. Федосеев.* Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011.
- Н. Ф. Федосеев.* Производство клейменной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 4 (34).
- Н. Ф. Федосеев.* Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние? // Элита Боспора и элитарная культура. Боспорский феномен. СПб., 2016.
- А. М. Хазанов.* Социальная история скифов. М., 1975.
- Г. А. Цветаева.* Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. 19. М., 1951.
- Г. А. Цветаева.* Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей. МИА. 56. М., 1957.
- Е. В. Черненко.* Скифские лучники. Киев, 1981.
- Э. В. Яковенко.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Е. В. Яковенко.* Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ, 1974.

- Э. В. Яковенко. Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII–III вв. до н. э.) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Чернигов, 1985 (Рукопись) // Архив ВКИКЗМ. № 93.
- V. F. Gajdukevič. Das Bosporanische Reich. Berlin – Amsterdam, 1971.
- R. Garland. The Greek Way of Death. New York, 1985.
- N. L. Grach. Kul-Oba Studies. Part II. The Kul-Oba „King” // ACSS. 7. 2001.
- D. C. Kurts, J. Boardman. Greek Burial Customs. London, 1971.
- M. Rostowzew. Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.
- B. Shefton. The Baksy Krater. Once More and Some Observations on the East Pediment of Parthenon // Kotinos. Festschrift to Erika Simon. Mainz am Rhein, 1992.
- Ch. Tzochev. Amphora Stamps from Thasos. Athenian Agora. 2016.. XXXVII.

Т. М. Кузнецова

Курган Куль-Оба – к вопросу о его «этнической» атрибуции

Захоронения в кургане Куль-Оба, расположенном на территории некрополя Пантикапея, имеют со времени их раскопок два варианта этнической атрибуции – скифские или эллинские. Согласно последнему предположению, представленному Н. Ф. Федосеевым, в этом кургане были захоронены боспорские правители и их родственники: Спарток II, его жена и брат Аполлоний, а также Перисад I и его супруга (Федосеев. 2011. С. 383; Федосеев. 2016. С. 216).

А. Ю. Алексеев полагает, что курган Куль-Оба безусловно является скифским памятником, синхронизируя его со временем одного из «безымянных» скифских царей («Аноним 1»), военный конфликт с которым произошёл у боспорского царя Перисада I (Dem. 34. 8) незадолго до 328 г. до н. э. Исследователь также считает, что Куль-Оба содержал и более раннее захоронение, близкое по времени концу правления скифского царя Октамасада и сооружению боковой гробницы кургана Солоха. (Алексеев. 2003. С. 230; Алексеев. 2016. С. 206–215).

Исследователи внимательно и скрупулезно рассмотрели все pro et contra для предлагаемой ими атрибуции памятника и представили достаточный историографический материал, касающийся его исследования (Федосеев. 2011. С. 377–385; Федосеев. 2016. С. 215–223; Алексеев. 2016. С. 206–215).

Поэтому хотелось бы остановиться на «мелких деталях» и ещё раз вернуться к изображениям, показывающим «двух варваров с сосудом в виде рога».

Одно из них представлено золотой скульптурной группой на пластине-пронизи из склепа кургана Куль-Оба (Рис. 1, 1), где изображены два бородатых человека, держащих «сосуд в форме рога». Левая фигура сидит, правая стоит возле неё на коленях; головы повернуты в профиль и расположены близко друг к другу, практически сливаясь (Манцевич. 1987. С. 64).

Близкие по сюжету изображения известны на золотых бляшках четырёхугольной формы из боковой могилы кургана Солоха (Рис. 1, 2) и центрального погребения (Рис. 1, 3, 4) Бердянского кургана. Часть бляшек в Солохе идентична бляшкам из Бердянского кургана, т. к. они изготовлены по одной матрице или выполнены одним штампом (Фіалко. 2001. С. 299).

На бляшках представлены два стоящих на коленях безбородых человека, держащих «сосуд в форме рога». Левая фигура стоит на коленях, правая – на левом колене; головы повернуты в профиль друг к другу (Рис. 1, 3).

Сюжет всех изображений интерпретируется (по описанию скифской церемонии «братания» у Лукиана) как воспроизведение сцены «побратимства» (Толстой, Кондаков. 1889. С. 49; Фіалко. 2001. С. 298 и др.), которую соотносят и с обрядом заключения клятвенного договора, приведённого Геродотом (Herod. IV, 70).

Согласно Лукиану, скифы выбирают себе друзей следующим образом: «/.../ когда мы [скифы – Т. К.] видим какого-нибудь человека, доблестного и способного совершать великие подвиги, мы все спешим к нему, и то, что вы считаете необходимым делать при сватовстве, то мы делаем, ища друзей. Мы усердно сватаемся, делаем все, чтобы добиться дружбы и не показаться недостойными её. И вот когда кто-нибудь избран в друзья, происходит заключение союза и величайшая клятва: жить друг с другом и умереть, если понадобится, друг за друга.

При этом мы поступаем так: надрезав себе пальцы, собираем кровь в чашу и, обнажив острия мечей, оба, держась друг за друга, пьём из нее; после этого нет ничего, что могло бы нас разъединить» (Lucian. Tox. 37).

Следует напомнить, что рассматриваемые изображения, объединяющиеся присутствием в руках мужских персонажей «сосуда в виде рога», обнаружены пока только в трех курганах, которые по целому ряду признаков определяются как «царские»: Бердянский, Солоха и Куль-Оба, как бы ни трактовалась этническая принадлежность памятников.

Однако данные Лукиана противоречат «царской» атрибуции этих курганов. «Договор о дружбе», судя по источнику, заключался среди равных, поэтому для царя не было необходимости искать «друзей» в среде подданных, которыми были и его родственники.

Рис. 1. Золотые бляшки из курганов: 1 – «Куль-Оба»; 2 – «Солоха»; 3, 4 – «Бердянский»

Особая роль «сосуда в форме рога» отмечается у разных народов с глубокой древности (Власова. 2000. С. 46–67). Трактовка исследователями изображений подобных сосудов на каменных изваяниях скифского времени позволила видеть в них символ власти царя (Кузнецова. 2001. С. 148).

Исходя из этого, ранее было сделано предположение о том, что сюжет на бляшках из курганов Солоха и Бердянский передаёт не сцену «братания», поскольку в этом случае она бы чаще повторялась, а является символом «двоецарствия» и отражает наличие двух правителей в Скифии, разделивших власть. Отличия в позах скифов (Рис. 1, 2, 3), изображённых на бляшках, возможно, свидетельствует о незначительных различиях в их возрасте или статусе: «младший» и «старший» братья-басилевсы (Кузнецова. 2015. С. 72–84).

Исторические данные, связанные со скифами, позволили предположить для V–IV вв. до н. э. только одну возможность «двоецарствия»: совместное правление сыновей скифского царя Ариапифа – Октамасада и Орика, известных по «Истории» Геродота (Herod. IV, 78). В боковой могиле кургана Солоха предполагалось захоронение Октамасада, а в центральной гробнице Бердянского кургана – Орика (Кузнецова. 2001. С. 141–150).

В результате возникла дискуссия, поскольку ранее А. Ю. Алексеев предположил, что боковая «царская» могила Солохи, где обнаружены рассматриваемые бляшки, была сооружена для Октамасада, а центральная гробница – для Орика, брата Октамасада по отцу. Основанием для этого послужило суждение об относительно менее высоком ранге погребённого в центральной гробнице и отсутствии сведений о царствовании Орика (Алексеев. 1996. С. 99–113; Алексеев. 2003. С. 229–232). Идентификация, предложенная А. Ю. Алексеевым, была поддержана

не всеми исследователями (Болтрик. 2001. С. 29–31; Ромашко, Скорый. 2009. С. 100–109). Однако принадлежность поздней (боковой) гробницы Солохи Октамасаду подтвердилась дополнительным анализом состава сопроводительного инвентаря в могиле (Кузнецова. 2001. С. 141–150; Кузнецов. 2001. С. 132–137; Кузнецова. 2015. С. 72–84).

Абсолютное тождество бляшек с изображением двух скифов, держащих «сосуд в форме рога», из Солохи и Бердянского кургана позволило предположить родство между погребёнными в этих курганах людьми. О возможном родстве свидетельствует и сходство в составе сопроводительного инвентаря обоих курганов, которое уже отмечалось исследователями (Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994. С. 140–155; Алексеев, 2003. С. 261–262). Исходя из этого, Бердянский курган и был соотнесён с вероятным местом захоронения Орика (Кузнецова. 2001. С. 149).

Подобное отождествление вызвало несогласие со стороны А. Ю. Алексеева, С. А. Скорого, В. А. Ромашко и Ю. В. Болтрика (Алексеев. 2003. С. 227–230; Ромашко, Скорый. 2009. С. 100–109; Болтрик. 2016. С. 193–202). Ромашко В. А. и Скорый С. А. не аргументировали свои возражения, а предложили считать «усыпальницей Орика, младшего сына царя Ариапифа», исследованный ими курган Близнаец-2. Местоположение этого погребального памятника в Днепровском правобережном Надпорожье авторы объяснили тем, что Орик не был верховным царём скифов и мог быть одним из базилиевсов, управлявших определённой частью Скифии, на землях которой его и похоронили (Ромашко, Скорый. 2009. С. 109).

Возражение Ю. В. Болтрика базируется на том, что Бердянский курган находится далеко от основного Приднепровского массива курганов высшей скифской элиты (Болтрик. 2016. С. 29). Тем не менее, Орик был сыном Ариапифа и Опойи – «местной уроженки» (Herod. IV, 78), поэтому вполне допустимо сооружение для него усыпальницы в Приазовье, на землях, которые могли принадлежать его роду по материнской линии (Кузнецова. 2001). Связь Приднепровья и Приазовья, несмотря на удалённость, позже проявляется в наличии редких антропологических особенностей у погребённых в Бердянском кургане и кургане Чертомлык (Круц. 1991. С. 346). Из этого следует, что удалённость памятников не исключает родство погребённых в боковой могиле Солохи и центральной гробнице Бердянского кургана, учитывая сходство сопроводительного инвентаря и тождество отмеченных бляшек.

Правда, скульптурная пластина-пронизь из кургана Куль-Оба с изображением двух мужчин, держащих в руках «сосуд в форме рога», имеющая иную иконографию и стиль, несколько диссонировала с догадкой о возможном отождествлении данного сюжета с символом «двоецар-

ствия» у скифов. Ещё Н. А. Онайко отмечала, что куль-обский экземпляр представляет собой более совершенную работу, чем солохские бляшки, отличающиеся «крайне примитивным исполнением» (Онайко. 1970. С. 46). Помимо этого, в источниках отсутствуют данные для предположения о совместном правлении скифских царей в период, связанный с возведением кургана Куль-Оба.

Однако вероятность, что изображения, на которых два мужских персонажа держат в руках «сосуд в виде рога», являются символом «двоецарствия», в некоторой степени подтверждается предположением Н. Ф. Федосеева о том, что в Куль-Обу было совершено захоронение Спартока II (Федосеев. 2011. С. 383; Федосеев. 2016. С. 216), соправителем которого мог быть его брат Перисад I, согласно афинскому декрету 346 г. до н. э. в честь сыновей боспорского царя Левкона I (IG. II². 212).

Близость рассматриваемых сюжетов объединяет курганы Бердянский, Солоха и Куль-Оба общей идеей. Идея эта восходит к скифам, поскольку и Бердянский курган, и Солоха имеют скифскую атрибуцию и более раннюю дату (первая четверть IV в. до н. э.).

Однако точка зрения о фракийских корнях династии Спартокидов, хотя она разделяется не всеми исследователями, усиливает акценты в вопросе о негреческой атрибуции Куль-Обы, учитывая предположение А. Ю. Алексеева о возможной принадлежности боковой могилы Солохи, в которой присутствуют близкие по сюжету бляшки, Октама-саду. По данным Геродота, Октамасад был фракийцем по материнской линии (дочь одрисского царя Тера) и скифом – по отцу (Herod. IV, 80).

В источниках отмечены данные о существовании института парадинастов – соправителей царя – как об одной из характерных черт политической организации Одрисского царства (Златковская. 1971. С. 220–243). Поэтому нельзя исключить, что появление парадинастической символики в Скифии было связано с необходимостью узаконить захват власти полуфракийцем Октамасадом, объединившим свое правление со скифом Ориком – прямым наследником двух царей: Ариапифа и Скила (Herod. IV, 78–80). Такой вывод, с одной стороны, ещё раз подтверждает предположение А. Ю. Алексеева о захоронении Октамасада в боковой могиле Солохи, а с другой – усиливает сомнение в скифской атрибуции Куль-Обы¹, высказанное Н. Ф. Федосеевым, тем более, что

¹ Находки скифских бронзовых котлов в Куль-Обе при такой трактовке не могут быть объяснены «подарками» боспорскому царю (Федосеев. 2011. С. 379), поскольку они были сакральными предметами у скифов (Herod. IV, 61–62). Однако вполне допустимо, что их присутствие в гробнице боспорского правителя связано со скифо-боспорским конфликтом, разрешившимся не в пользу скифов.

изображения ритона, как символа власти, известны и по находкам IV–III вв. до н. э. во Фракии (Златковская. 1971. С. 229).

Литература

- А. Ю. Алексеев.* Скифские цари и «царские» курганы V–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1996. № 3.
- А. Ю. Алексеев.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003.
- А. Ю. Алексеев.* Раннее погребение Куль-Обы и скифские гробницы // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., «Палаццо», 2016.
- Ю. В. Болтрик.* Поиск усыпальниц Ариапифа и его сыновей // Ольвия та античний світ: матеріали наукових читань присвячених 75-річчя утворення історико-культурного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001.
- Ю. В. Болтрик.* Місце Бердянського кургану в системі поховальних пам'яток Скіфії // Археологія і древня історія України. Старожитності раннього залізного віку. Київ, ІА НАНУ, 2016. Вип. 2 (19).
- Ю. В. Болтрик, Е. Е. Фиалко, Н. Н. Чередниченко.* Бердянський курган // РА. 1994. № 4.
- Е. В. Власова.* Скифский рог // Античное Причерноморье. СПб., Изд-во ГЭ, 2000.
- Т. Д. Златковская.* Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н. э. М., Наука, 1971.
- С. И. Круц.* Антропологические материалы из кургана Чертомлык // Алексеев А. Ю., В. Ю. Мурзин, Р. Ролле. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, Наукова думка, 1991.
- С. В. Кузнецов.* Античные шлемы в курганах скифской военной элиты // Боспорский феномен: колонизация региона. Становление полисов возникновение государства. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. 2.
- Т. М. Кузнецова.* Исторические персонажи и скифские курганы // Боспорский феномен: колонизация региона. Становление полисов возникновение государства. Материалы Междунар. науч. конф. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. 2.
- Т. М. Кузнецова.* Скифские курганы и исторические персонажи V–IV вв. до н. э. // РА. 2015. № 2.
- А. П. Манцевич.* Курган Солоха. Л., «Искусство», 1987.
- Н. А. Онайко.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. М., Наука, 1970. – (САИ. Вып. Д1-27).
- В. А. Ромашко, С. А. Скорый.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правбережном Надпорожье. Днепропетровск, Пороги, 2009.
- И. И. Толстой, Н. П. Кондаков.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. СПб., Типография Министерства Путей Сообщения (А. Бенке), 1889.
- Н. Ф. Федосеев.* Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-Оба // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения. Керчь, Институт востоковедения НАН Украины Крымское отделение, 2011. Вып. XII.

- Н. Ф. Федосеев.* Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние? // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., «Палаццо», 2016.
- О. Є. Фіалко.* Золоті аплікації з Бердянського кургану // Вісник Київського інституту «Слов'янський Університет». Київ, 2001. № 11.

В. И. Мордвинцева

**Политические элиты «варваров» Крыма
и их сетевые связи в III – II вв. до н. э.
по материалам погребальных памятников элиты**

Одним из признаков политической ориентации элит являются предметы, знаки и символы, институализированные в обществе как маркеры социального престижа. Их используют при различных обстоятельствах, в том числе во время похорон, которые являются массовым мероприятием, имеющим одной из своих целей легитимацию полномочий преемника усопшего. Демонстрируемые при этом маркеры социального престижа могут являться отражением, с одной стороны, принадлежности к определенному социальному кругу, в который входил погребенный и его преемник (внутриполитические, как правило, горизонтальные связи), а с другой – направления их реально существующих или желаемых внешнеполитических контактов (как горизонтальных, так и вертикальных). Наблюдения за изменением в ассортименте таких предметов, знаков и символов могут служить источником информации о развитии культурно-исторических процессов, в том числе внутри- и внешнеполитических взаимоотношений социальных элит.

Исходя из таких предпосылок, можно рассмотреть динамику изменений в составе предметов престижа, обнаруженных в погребальных комплексах «варварской» элиты, т. е. обнаруженных между греческим полисом Херсонес Таврический на западе (территория Гераклейского полуострова) и городами Боспорского царства на востоке (территория Керченского полуострова), и на этой основе составить представление о сетевых связях политических элит «варварского» населения Крыма в III – II вв. до н. э.

По специфике географических условий в Крыму выделяются пять основных зон локализации археологических памятников: (1) предгорная (разделяемая на восточную, центральную и западную части), (2) приморская западная, (3) приморская южная, (4) горная и (5) степ-

ная. Наиболее детально изучены памятники предгорной и приморской западной зон (Храпунов. 1989; 1991; Колтухов. 1999; Зайцев. 2003; Смекалова, Колтухов, Зайцев. 2015; Смекалова, Кутайсов. 2017). Сведения об археологических находках крымского Южнобережья, находящегося в зоне активного действия естественных экзогенных процессов, невелики. Многие из выявленных памятников залегают под мощным слоем обвалов, и картина, построенная на основании обобщения известных на сегодняшний день данных, может существенно измениться при расширении исследовательской базы (см. Лысенко. 2015). То же самое в значительной степени относится к горной части Крыма. Поселенческие и погребальные памятники здесь пока не открыты. В то же время хорошо известны и относительно полно изучены горные святилища (Новиченкова 2002; 2015; Лысенко 2005–2009), являющиеся самостоятельным и весьма информативным источником по сетевым связям варварского населения Крыма. В степи, несмотря на ее планомерное изучение Северо-Крымской археологической экспедицией, археологические памятники изучаемого периода почти неизвестны, что составляет разительный контраст с предшествующим скифским временем и эпохой бронзы. Традиционно это связывают с изменением хозяйственно-культурного типа «варварского» населения Крыма (Артамонов. 1948. С. 65), в частности, с переходом кочевого населения к третьей стадии кочевания, характеризующейся оседанием сначала беднейшей части кочевого населения, а затем и остальных кочевников в местах расположения зимников (Плетнева. 2003. С. 9, 16–18). Таким образом, основу сравнительной базы составили преимущественно материалы погребальных комплексов из предгорной и приморской западной зон.

Период III в. до н. э. характеризуется малым количеством надёжно датированных погребальных комплексов не только в Крыму, но и во всем Северном Причерноморье (Полин. 1992; 2018; Зуев. 1999; 2004; Мордвинцева. 2015). Среди поселенческих структур на «варварской» территории в это время активно функционирует городище Ак-Кая/Вишенное (Зайцев. 2017), площадь занимаемой территории и виды фортификационных сооружений которого позволяют предполагать в нем «столичную» крепость. Погребальные комплексы элиты, связанной с населением этого городища, пока не локализованы. Вероятно, они располагались отдельно от стандартных кладбищ рядового населения. В этой связи стоит упомянуть, что в прямой видимости от городища Ак-Кая, на вершинах и обращенных к северу пологих склонах куэст Ак-Кая и Беш-Оба, находится курганный некрополь с насыпями до 10 м высотой – единственными столь крупными погребальными комплексами в Крыму за пределами Керченского полуострова. Материалы, полученные

при раскопках кургана IV, дали основание исследователям датировать его серединой – третьей четвертью IV в. до н. э. (Колтухов, Мьщ, 2001. С. 36). К этому же времени относилось, видимо, и ограбленное в 2002 г. основное погребение кургана IX. По конструкции подкурганых катакомб и оставшемуся после ограблений немногочисленному инвентарю эти погребальные комплексы аналогичны гробницам боспорской знати соответствующего хронологического горизонта. Возможно, именно этот элитный некрополь соотносится с ранним культурным слоем городища Ак-Кая (до пожара 1, датируемого 70-е гг. III в. до н. э. – см. Зайцев, 2017), однако данных для более конкретных выводов пока недостаточно.

К III в. до н. э. – первой половине II в. до н. э., видимо, относятся многократные погребения в каменных склепах, исследованные в предгорном Крыму (Колтухов, 2001; Пуздровский, 2007. С. 19–29; Зайцев, Мордвинцева, 2010). Анализ социальной структуры по материалам таких погребальных сооружений затруднен, поскольку в склепах обнаружены смещенные костные останки и немногочисленный, как правило, погребальный инвентарь, который невозможно связать с конкретным индивидуумом.

К этому же времени, видимо, относится погребение в кургане у с. Чистенькое, которое можно определить как «погребение элиты», принимая в расчёт состав погребальных приношений и одиночное расположение этого комплекса (т. е. вне могильника соответствующего периода). Он датируется от III в. до н. э. (Храпунов, 2004. С. 102) до третьей четверти II в. до н. э. (Зайцев, Колтухов, 2005. С. 248) и даже конца II – начала I вв. до н. э. (Симоненко, 2001. С. 94). При этом все авторы, кроме, пожалуй, А. В. Симоненко, основывают хронологические позиции комплекса на дате унгентария, которая определяется И. Н. Храпуновым в рамках III – начала II вв. до н. э. (ссылки на: Anderson-Stojanović, 1987. С. 106–111; Парович-Пешикан, 1974. С. 110; Марченко, 1996. С. 41), а Ю. П. Зайцевым и С. Г. Колтуховым – 150–130 гг. до н. э. (ссылки на: Drougou, 1991. С. 249–250; Зайцев, 1999. № 31). Представляется, что по своим размерам и пропорциям сосуд из Чистенького все же более близок группе раннеэллинистических унгентариев, подробно описанных Г. Тулуком и датированных началом III в. до н. э. (Tuluk, 1999. S. 131). Фрагмент аналогичного унгентария обнаружен недавно в раннем слое городища на верхнем плато горы Опук, предшествующем слою пожара, предположительно датированного 270-ми годами до н. э. (Мордвинцева, Деваев, 2018). Таким образом, учитывая другие находки (трапециевидная поясная пластина с изображениями, бронзовые нащечники типа Бубучи, небольшие крестовидные псалии), можно скорее согласиться с датировкой, предложенной И. Н. Храпуновым.

Во II в. до н. э. начинают функционировать грунтовые некрополи в западной приморской и предгорной зонах, погребальные конструкции которых содержат, как правило, многократные захоронения. В отличие от каменных склепов более раннего периода и синхронных, в грунтовых склепах-катакомбах в ряде случаев удается вычленивать погребальный инвентарь отдельных захоронений, что делает возможным изучение социальной структуры и выявления «предметов престижа» (см., например, Мордвинцева. 2017).

В последней четверти II в. до н. э. возводится мавзолей Неаполя скифского – каменное сооружение, предназначенное для захоронения представителей элиты, в том числе, видимо, известного по письменным источникам скифского царя Скилура, которое продолжало функционировать на протяжении I в. до н. э. (Зайцев. 2001; 2003).

Для выяснения количества уровней политической интеграции (Мордвинцева. 2016. С. 255) необходимо рассмотреть варианты размещения погребальных комплексов «варварской» элиты Крыма. В большинстве некрополей с многократными захоронениями в грунтовых и каменных склепах вероятные представители «элиты» (вместе с останками которых обнаружены «предметы престижа») помещены среди «стандартных» погребений, что является свидетельством локального статуса этих «элит» («низший» или «локальный» уровень иерархии/внутриполитической интеграции). В случаях с курганом у с. Чистенькое (одиночный погребальный комплекс элиты, вне некрополя) и мавзолеем Неаполя скифского (обособленный некрополь элиты) можно сделать вывод, что властные полномочия захороненных здесь представителей элиты распространялись на несколько социумов, хоронивших своих членов в отдельных некрополях («высший» или «надлокальный» уровень иерархии/внутриполитической интеграции). Сравнение погребений мавзолея позволяет предполагать наличие нескольких уровней иерархии внутри надлокального слоя элиты. Показательно, что оба памятника локализируются в одном и том же районе крымских предгорий, но отличаются по типу погребального сооружения и хронологически. Причем, если мавзолей – экстрамуральная структура, пристроенная к оборонительной стене – размещался на территории городища «столичного» статуса (Неаполь скифский), то курган у с. Чистенькое – экстрамуральный комплекс, не связанный непосредственно с каким-либо городищем, предшествующий появлению Неаполя и синхронный периоду расцвета городища Ак-Кая/Вишенное, которому также приписывается «столичный» статус. Не исключено, что перенесение «столицы» из Восточной в Центральную часть Предгорий в третьей четверти II в. до н. э. было связано с дислокацией здесь сильной группировки

«варваров», вокруг которой впоследствии, видимо, произошла централизация «варварских» элит («скифское царство Скилура»). Таким образом, для «варваров» Крыма периода III – II вв. до н. э. можно констатировать наличие иерархии элит с не менее чем двумя уровнями внутрисполитической интеграции.

Для выяснения направлений внешнеполитических связей «варварской» элиты Крыма рассмотрим «предметы престижа», которые сопровождали погребения элиты в III – II вв. до н. э.

В склепах с многократными захоронениями («локальный» уровень иерархии) «предметы престижа» мужских наборов погребального инвентаря представлены элементами конской упряжи (удила, псалии), наступательного (копья, меч) и защитного (щит) вооружения, а в костюме – портупейной гарнитурой (поясные пластины с крючком, поясные крюки, металлические наконечники ножен ножа) (Рис. 1, 1–9). «Предметы престижа» женских наборов ограничены персональными украшениями, в частности, золотыми серьгами с окончаниями в виде головок львов или грифонов, палицы Геракла (Рис. 1, 10). В погребальном костюме элиты, как мужчин, так и женщин, использовались фибулы из драгоценных металлов (серебро, электр), фибулы-броши, а среди погребальных приношений – сосуды для хранения ароматических масел (унгвентарии) (Рис. 1, 11, 13–14). В грунтовом могильнике Беляуса отмечены также находки «наглазников» (Рис. 1, 12), изготовленных из бронзы и серебра, использование которых в обряде было нейтрально по отношению к полу погребенного. Погребения элиты сопровождались захоронениями лошадей во входной яме или над камерой склепа.

Погребения элиты надлокальных уровней иерархии, помимо захоронений лошадей и находок «предметов престижа», обычных для «стандартных» мужских, женских и нейтральных по отношению к полу погребенного наборов, включали предметы, стандартные по форме, но украшенные изображениями (пряжка из Чистенького (Рис. 2, 1), пряжка с фигуркой животного из мавзолея) или изготовленные из драгоценных материалов (лицевые пластины из мавзолея (Рис. 2, 3)), редкие предметы упряжи (детали конской упряжи из Чистенького (Рис. 2, 2)) и вооружения (шлем из мавзолея (Рис. 2, 5)), особые ритуальные предметы (керамический алтарь (Рис. 2, 7), этрусское зеркало из мавзолея), особые предметы костюма (золотая фибула-брошь (Рис. 2, 4), золотые нашивные бляшки из мавзолея), особый «дублирующий объём» (погребальное ложе из мавзолея (Рис. 2, 6)). Употребление элитой Беляусского городища и Неаполя скифского одинаковых статусных символов, вероятно, является свидетельством вхождения этих социумов в одну политику. Изготовление беляусских лицевых пластин из серебра

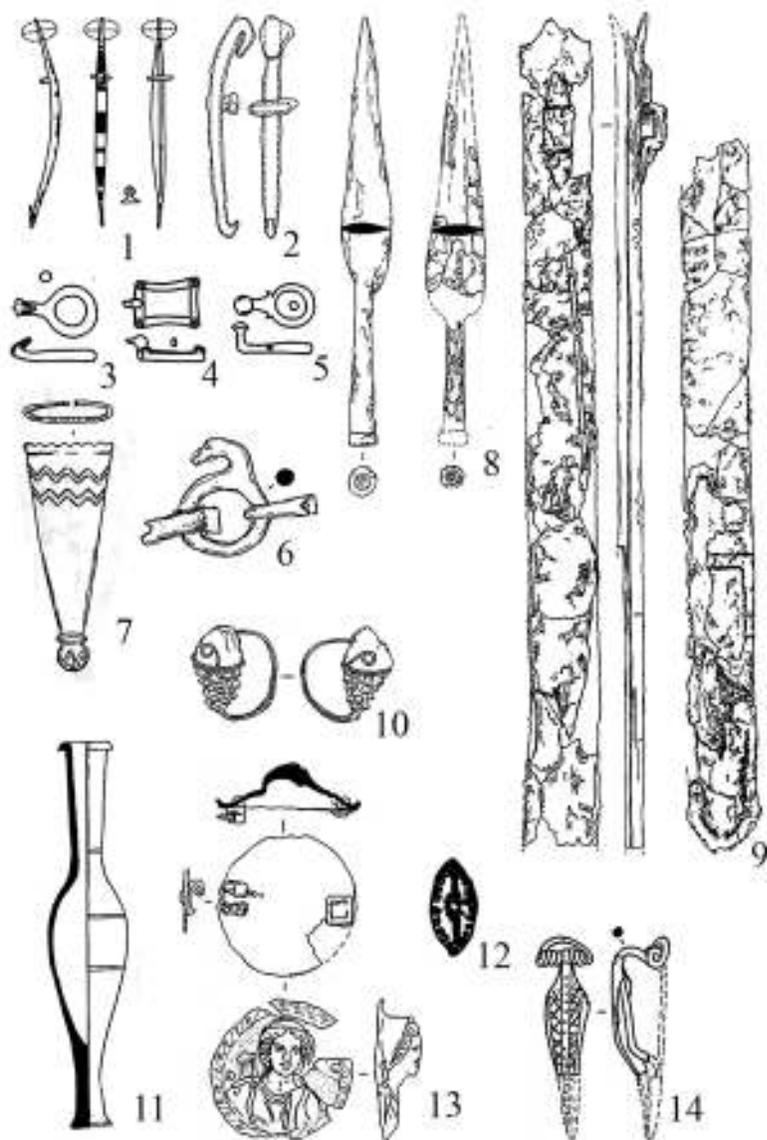

Рис. 1. «Предметы престижа» в погребениях «варварской» элиты Крыма III–II вв. до н. э. «Локальный» уровень внутриполитической интеграции. 1–9 – предметы «мужского» набора. 10 – предметы «женского» набора. 11–14 – предметы, нейтральные по отношению к полу погребенного

и бронзы, в отличие от золотых неапольских, подтверждает существование их в рамках одной политики с внутривластической иерархией.

Перечисленные «предметы престижа» можно рассматривать как индикаторы сетевых связей представителей элиты. «Предметы престижа», аналогичные обнаруженным в мужских погребениях низшего уровня в иерархии варварских элит Крыма, были распространены в синхронных культурах латенского круга, где также найдены в погребальном контексте (поясная гарнитура: Müller. 1985. Taf. 3, 1; 26, 20; 27, 14; 28, 18; 31, 13; 35, 34; 54, 5, 6; 56, 16; 62, 2; 66, 4; Bemmman. 1999. Taf. 46; 112; 135; 136; 137; 142; 143; 149; 201; 222; 223; 254; втульчатые навершия (Tüllenaufsätze): Lerner de Wilde. S. 217–219, Taf. 6, 2–7). Показательно, что для воинских погребений с оружием отмечен обычай сгибать перед захоронением предметы вооружения – мечи и наконечники копий (см., например, Duval. 1971. P. 63 Pl. 1–3), как это зафиксировано и в мавзолее Неаполя. «Предметы престижа», характеризующие женские погребения того же уровня, подражают украшениям, распространенным в греко-римской культуре. Керамические унгентарии, найденные вместе с погребенными обою пола, типичны для греческой культуры, а в рассматриваемый период широко использовались также в погребальном ритуале варварских культур Европы. Ритуальные предметы в виде наглазников, аналогичные крымским, происходят из галло-римских святилищ в Северо-Восточной Франции (Reinach. 1889. Nos. 482–525; Chew. 2001; Caumont. 2011). Ю. П. Зайцев справедливо отмечает их сходство с изображениями кельтских щитов (Зайцев. 2018).

«Предметы престижа» из погребальных комплексов, связанных с элитами более высоких уровней иерархии, демонстрируют, в целом, те же направления связей, в первую очередь с культурами европейского Латена (особенно конские нащечники из Чистенького, мечи и портупейные наборы из Мавзолея) и Восточного Средиземноморья. В то же время некоторые из них указывают на более узкие круги взаимодействия. Так, пряжка из Чистенького относится по типу к поясным пластинам трапециевидной формы, как правило, украшенным изображениями и покрытыми золотой (в случае с Чистеньким – бронзовой) пластиной. Это пряжки из Нижних Серогоз Херсонской области (Ростовцев. 1914. Табл. LXXXV, 3), ритуальногоклада у с. Веселая Долина Тарутинского района Одесской области (Редина, Симоненко. 2002; Mordvinceva, Redina. 2013), погребения в кургане у х. Водного III в. до н. э. в Прикубанье (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко. 2010. Кат. 72), могил 29, 38, 39, 45, 91 Восточного некрополя Неаполя скифского (Сымонович. 1983. Табл. XIV, 5; Табл. XVI, 3, 4, 12, 19, 30), грунтового склепа с многократными захоронениями № 25 некрополя Левадки Симферопо-

польского района (раскопки С. А. Мульда) и каменного склепа некрополя Сары-Кая неподалеку от городища Ак-Кая/Вишенное Белогорского района Крыма (Зайцев, Мордвинцева. 2010). Ограниченная территория находок (предместья Ольвии, степи Таврии, Центральный Крым, степи кубанского Правобережья) свидетельствует о довольно тесных контактах элиты этих районов. Нельзя исключать их союзнические отношения или даже вхождение в одно политическое объединение.

Знаковыми находками, обнаруженными в мавзолее Неаполя скифского (погребальном комплексе элиты высшего уровня иерархии), являются золотая ромбовидная фибула-брошь и керамический алтарь.

Золотая фибула-брошь – единственный экземпляр подобного рода украшений в Крыму. Большинство фибул-брошей происходит из Прикубанья и Северного Кавказа эллинистического и, реже, римского времени (Мордвинцева. 2010. С. 302), где они являлись своеобразными знаками высокого социального статуса в варварских погребениях элиты, как правило, воинского характера. Такие украшения изготавливались, вероятнее всего, в боспорских мастерских. Находка такой броши в составе погребального комплекса представителя высшей варварской аристократии в Крыму – свидетельство сетевых контактов с элитой Прикубанья, варварской периферии Боспорского царства.

Керамические алтари, аналогичные обнаруженному в мавзолее, найдены в культурных слоях второй половины II в. до н. э. городищ Ак-Кая/Вишенное, Неаполь скифский и Булганак (Зайцев. 2017. Рис. 14, 1; Зайцев. 2003. Рис. 62, Рис. 92; Храпунов. 1991. Рис. 23, 28; 27, 8) в контекстах, как правило, ритуального характера. В греческой культуре небольшие алтари цилиндрической формы с чашами-углублениями предназначались для воскурения фимиама. Часто они украшались гирляндами, букраниями и другими рельефными изображениями, а также снабжались посвятельными надписями (Yavis. 1949. P. 170–171). При этом их употребление в погребальном контексте в греческой культуре не зафиксировано. В случае с керамическим алтариком из мавзолея Неаполя скифского можно констатировать частичную трансформацию сферы использования культового объекта, возникшую при адаптации его в новой культурной среде. Такого рода трансформации характерны для зон интенсивного культурного контакта при политическом доминировании одной из контактирующих сторон (Ulf. 2009. P. 87), в данном случае, греческой культуры.

Проведенный анализ локализации погребений «варварской» элиты Крыма III – II вв. до н. э. и обнаруженных в них «предметов престижа» дает основания предположить, что все это является отражением следующих культурно-исторических процессов. На рубеже IV – III вв.

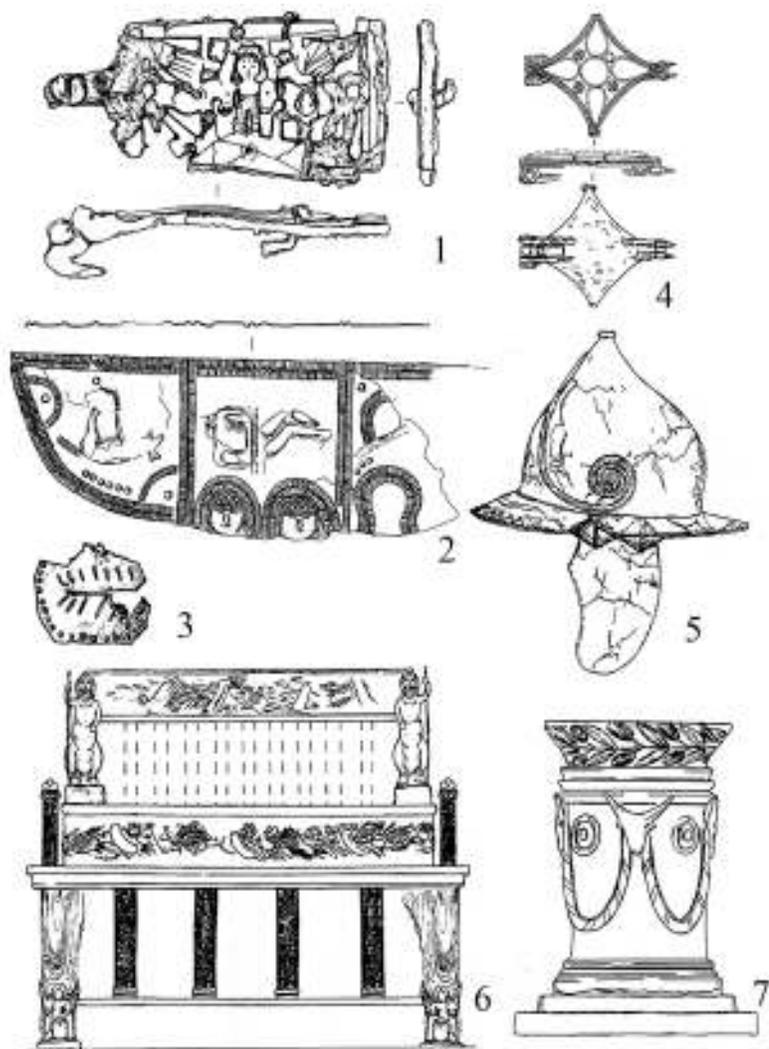

Рис. 2. «Предметы престижа» в погребениях «варварской» элиты Крыма III–II вв. до н. э. «Надлокальные» уровни внутривосточной интеграции. 1–2 – предметы из кургана у с. Чистенькое. 3–7 – предметы из Мавзолея Неаполя скифского

до н. э. в восточной части Предгорного Крыма формируется столичная крепость «варваров», ориентированных, по-видимому, на Боспорское царство (курганы элиты со склепами, аналогичными боспорским).

В 70-е годы III в. до н. э. здесь и в других стратегически важных местах полуострова (Северо-Западный Крым, юг Керченского полуострова – городище на верхнем плато горы Опук) происходят события (военная акция?), результатом которых стали пожары и последовавшие за ними укрепления оборонительных систем. Одновременно и вскоре после этого в погребальных комплексах «варварского» населения Крыма, которые можно интерпретировать как относящиеся к воинской элите, появляются элементы костюма и погребальные приношения (вооружение, конское снаряжение, предметы культа), происхождение которых связано с европейскими культурами латенского круга. Под контролем этой элиты, которая могла состоять из нескольких группировок, вероятно, находилась территория крымского барбарикума, а возможно, также и примыкающие к Крыму с севера степи Таврии, включая предместья Ольвии. К середине II в. до н. э. в этой «варварской» среде, видимо, происходит консолидация и централизация элит, формируется несколько уровней внутривосточной иерархии, что можно расценить как признак раннего государства (Крадин. 2012. С. 166), сформированного в условиях интенсивного культурного контакта с греческой цивилизацией. В это время столичная крепость переносится в Центральную часть Предгорного Крыма (Неаполь скифский), где строится царская резиденция и где в культуре «варваров» отмечается высокая степень эллинизации, которая проявилась в заимствовании некоторых архитектурных форм, культовых практик, элементов материальной культуры. Процесс консолидации крымского барбарикума был прерван в конце II в. до н. э. событиями, связанными с присоединением Крыма к Понтийской державе Митридата Евпатора.

Литература

- М. И. Артамонов.* Скифское царство в Крыму // Вестник Ленинградского Университета. 1948. № 8.
- Ю. П. Зайцев.* Скилур и его царство (новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.
- Ю. П. Зайцев.* Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- Ю. П. Зайцев.* Неаполь Скифский. II в. до н. э. – III в. н. э. Симферополь, Универсум, 2003.
- Ю. П. Зайцев.* Крепость Ак-Кая/Вишенное в контексте позднескифской культуры Крыма // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). М., ИП Зуева Т. В., 2017.
- Ю. П. Зайцев.* Комплекс со щитом кельтского типа из некрополя Ак-Кая/Вишенное в Крыму // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 700-летия Н. П. Тельнова. Кишинев, Тирасполь: Библиотека Stratum, 2018.

- Ю. П. Зайцев, С. Г. Колтухов. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь, 2005.
- Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 22. Донецк, 2010.
- В. Ю. Зуев. О путях решения «проблемы III в. до н. э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // *Stratum plus*. 1999. № 3.
- В. Ю. Зуев. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, Фирма НСС, 2004.
- С. Г. Колтухов. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, Сонат, 1999.
- С. Г. Колтухов. О крымских курганах с «коллективными погребениями» // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
- С. Г. Колтухов, В. Л. Мыц. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму. Некоторые результаты исследований // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001.
- Н. Н. Крадин. Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ // Ранние формы политических систем. СПб., Кунсткамера, 2012.
- А. В. Лысенко. Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации). // *Stratum plus*. 2005–2009. № 4.
- А. В. Лысенко. История исследования южной части Горного Крыма римского времени // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 33. Киев, 2015.
- И. И. Марченко. Сираки Кубани. Краснодар, Изд-во КГУ, 1996.
- В. И. Мордвинцева. Прикубанские броши (по материалам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника) // Боспорские исследования. Вып. 23. Керчь, 2010.
- В. И. Мордвинцева. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье // ВДИ. 2015. № 1.
- В. И. Мордвинцева. Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политических идентичностей на археологическом материале // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного Круглого стола 22–25 ноября 2016 г. СПб., 2016.
- В. И. Мордвинцева. Погребальный обряд Беляусского некрополя // Археология Северо-Западного Крыма: материалы III Международной научно-практической конференции. Симферополь, ГрафМастер, 2017.
- В. И. Мордвинцева, А. С. Деваев. Ранний культурный слой на верхнем плато горы Опук (по материалам разведки 2017 г.) // Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб., 2018.
- В. И. Мордвинцева, Е. А. Хачатурова, Т. В. Юрченко. Сокровища древней Кубани. Симферополь, Краснодар, Универсум, 2010.
- Н. Г. Новиченкова. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, РИО КГИИ, 2002.
- Н. Г. Новиченкова. Горный Крым: II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, Н. Орианда, 2015:

- М. Парович-Пешикан.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, Наукова думка, 1974.
- С. А. Плетнева.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, Изд-во Воронежского университета, 2003.
- С. В. Полин.* От Скифии к Сарматии. Киев, НПК «Археолог», 1992.
- С. А. Полин.* Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы) // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 700-летия Н. П. Тельнова. Кишинев, Тирасполь: Библиотека Stratum, 2018.
- А. Е. Пузровский.* Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь, Бизнес-Информ, 2007.
- Е. Ф. Редина, А. В. Симоненко.* «Клад» конца II–I в. до н. э. из Веселой долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Краснодар, 2002.
- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., Издание ИАК, 1914.
- А. В. Симоненко.* Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001.
- Т. Н. Смекалова, С. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев.* Атлас позднескифских городищ Предгорного Крыма. СПб., Алетейя, 2015.
- Т. Н. Смекалова, В. А. Кутайсов.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. СПб., Алетейя, 2017.
- Э. А. Сьмонович.* Население столицы позднескифского царства. Киев, Наукова думка, 1983.
- А. А. Труфанов.* Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2005–2009. № 4.
- И. Н. Храпунов.* Раскопки Булганакского городища (1981–1984 гг.) // КСИА. 1989. № 91.
- И. Н. Храпунов.* Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. Вып. II. Симферополь, 1991.
- И. Н. Храпунов.* Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования. Вып. 6. Симферополь, Керчь, 2004.
- V. Anderson-Stojanović.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // American Journal of Archaeology. 1987. № 1.
- G. Bemmman.* Badow. Ein Gräberfeld der jüngeren vorrömischen Kaiserzeit im Landkreis Nordwestmeckleburg. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns. Band 34. Lübstorf, Druckerei Buck GmbH, Ludwigslust, 1999.
- O. Caumont.* Dépôts votifs d'armes et d'équipements militaires dans le sanctuaire gaulois et gallo-romain des Flaviers à Mouzon (Ardennes). Monogr. Instrumentum. Band 39. Montagnac, Éditions Monique Mergoïl, 2011.
- H. Chew.* Une statuette de déesse de l'abondance en pierre du Mont Berny, Saint-Étienne-Roilaie (Oise) // Antiquités Nationales. 2001. № 33.
- S. Drougou.* Hellenistic pottery from Macedonia. Thessaloniki, Aristoteleian University of Thessaloniki 1991.
- A. Duval.* Le cimetière Tène Ic – Tène II de la Hourgnotte, commune de Liry (Ardennes) // Antiquités Nationales. 1971. № 3.

- M. Lenerz der Wilde.* Wagen im Gebiet der Mesetakulturen? // *Archéologie des Celtes. Mélanges à la mémoire de René Joffroy.* Montagnac, Éditions Monique Mergoïl, 1999.
- V. Mordvinceva, E. Redina,* Der Depotfund von Veselaja Dolina // *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten.* Frankfurt a. M., 2013.
- R. Müller.* Die Grabfunde der Jastorf- und Latènezeit an unterer Saale und Mittelbe. Veröffentlichungen des Landesmuseums für Vorgeschichte in Halle 38. Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1985.
- S. Reinach.* Antiquités nationales. Description raisonnée du Musée de Saint-Germain-en-Laye. Bronzes figurés de la Gaule romaine. Paris, Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1889.
- G. G. Tuluk.* Die Unguentarien im Museum von İzmir // *Anatolia Aniqua.* 1999. № VII.
- Ch. Ulf,* Rethinking Cultural Contacts // *Ancient West & East.* 2009. № 8.
- C. G. Yavis.* Greek Altars, Origins and Typology. Saint Louis, Missouri, Saint Louis University Press, 1949.

Ю. П. Зайцев

У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований

Еще сравнительно недавно – немногим более десяти лет назад – территория «варварского» Крыма между современными городами Белогорск и Феодосия выглядела довольно скромно, особенно на фоне разнообразных и хорошо изученных позднескифских древностей Центрального и Западного Крыма. Так, число известных здесь поселенческих структур, в минимальной степени затронутых раскопками, едва превысило десяток (городища Алексеевское, Ак-Кая/Вишенное, Бурундук-Кая, Аюлу-Кая, Бор-Кая, Яман-Таш, Сары-Кая, Куру-Баш, Карасан Оба, Алан-Тепе 1, Монастырская Балка, Сурб Хач 1, Мачук (усадыба), Отлу Кая, Кара Даг 1), (Колтухов. 1999. С. 110–113; Гаврилов. 2004. С. 27–28, 175–179; Смекалова, Колтухов, Зайцев. 2015. С. 201–209, 212–235) (Рис. 1).

Перечень исследованных «варварских» погребальных памятников античной эпохи на упомянутой территории также не отличался особым разнообразием (несколько курганов некрополя Беш-Оба/Ак-Кая, подкурганские склепы и захоронения у сел. Кринички и Льговское, курган у Старого Крыма, курганный некрополь у городища Сары-Кая) (Гаврилов. 2010. С. 272–274). Единственный грунтовый некрополь – у с. Курское – относился к III–IV вв., был открыт по факту грабительских раскопок и незначительно исследован в 2000–2001 гг. (Труфанов, Колтухов. 2001; 2003).

Подобная ситуация в значительной степени сформировала представление о том, что вектор «позднескифской» активности был смещен на более западные территории и направлен на Херсонесские владения. При этом уникальность и особый «царский» статус курганного некрополя IV в. до н. э. Ак-Кая/Беш-Оба были очевидны начиная с первых его обследований (Мозолевский. 1990. С. 131–133) и в полной мере подтверждены дальнейшими раскопками (Колтухов. 2006. С. 240) (Рис. 1, 3).

Устоявшаяся картина начала меняться в первое десятилетие нынешнего века – с началом систематических исследований крепости (городища) Ак-Кая/Вишенное (Зайцев. 2017. С. 121–122). Примерно в это же время А. В. Гавриловым были проведены первые осмотры и обследования подвергающихся систематическим ограблениям памятников античного времени, расположенных в восточной части горно – лесного массива Кубалач (Зайцев, Шкрибляк. 2017. С. 142) и к юго-востоку от него (Гаврилов, Труфанов. 2014. С. 73–152). В 2011 г. были проведены охранно-спасательные раскопки грунтового позднескифского некрополя Куру-Баш, недалеко от Феодосии (Гаврилов, Труфанов. 2012. С. 43–70). Вслед за публикацией артефактов из грабительских раскопок и осмотра нового городища и территории двух некрополей у с. Сенное (Гаврилов, Труфанов. 2014) последовало систематическое изучение этих и других объектов в последующие годы (Зайцев, Шкрибляк. 2017. С. 142).

Так, в 2014–2015 гг. были открыты городище и поселение Мелек (Рис. 1, 7) и курганный некрополь Некрасово, а в 2016–2017 гг. было проведено обследование комплекса археологических памятников на г. Кара-Тау (Рис. 1, 8), проведены разведочные раскопки объектов на городище, исследовано разграбленное святилище римского времени, на некрополях раскопано несколько погребальных сооружений различной конструкции.

В 2017 г. по строящейся трассе «Таврида» у северного подножья массива Кубалач было исследовано более двадцати курганов, значительная часть которых содержала захоронения V–IV вв. до н. э.

Кроме того, систематические обследования и охранно-спасательные раскопки на курганных некрополях в северо-восточной части Белогорского района (Ак-Кая/Беш-Оба, Туак-Оба, Сары-Кая, г. Плоская) (Рис. 1, 2, 4) выявили целую серию монументальных склепов из обработанного камня прекрасной сохранности (Шкрибляк. 2017. С. 136–137).

В результате всех этих работ археологическая карта восточной части Центрального Крыма (или западной части Восточного Крыма) стала выглядеть совершенно иначе. Тезисно представить её современную характеристику будет логично по нескольким тематическим блокам.

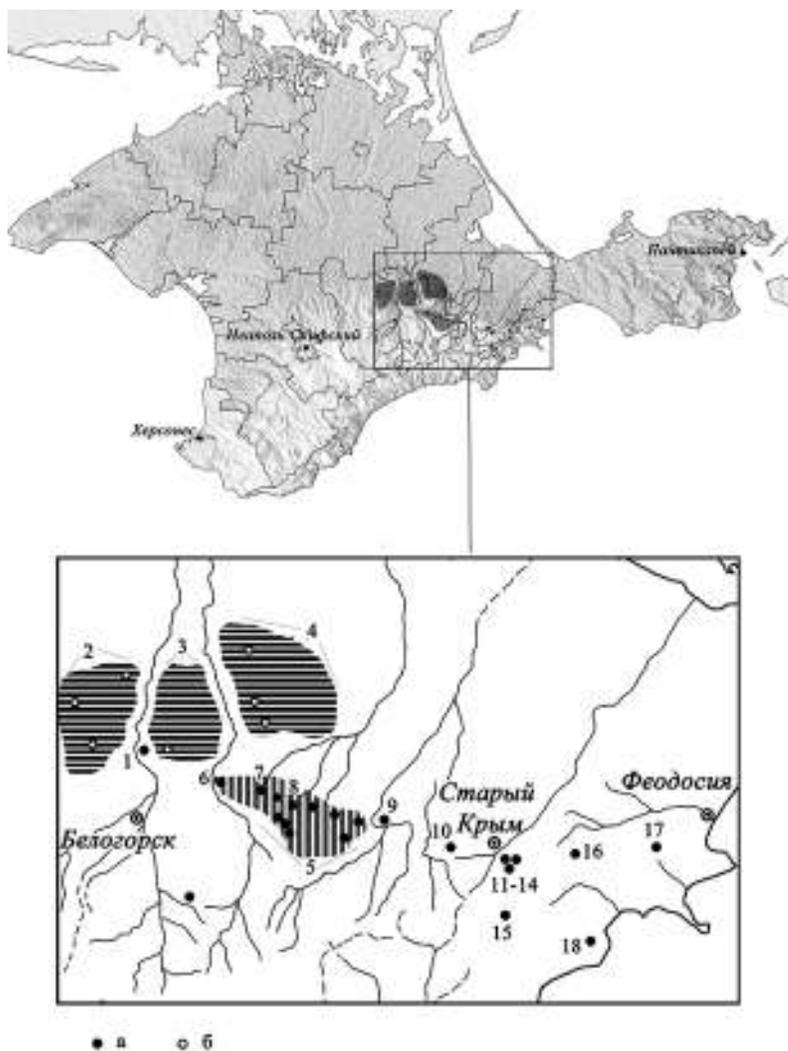

Рис. 1. Карта Крыма с обозначением основных памятников античной эпохи между городами Белогорск и Феодосия. А – городища, поселения и святилище. Б – подкурганные склепы из обработанного камня. 1 – крепость Ак-Кая/Вишенное; 2 – курганный некрополь Туак-Оба/Сары-Кая; 3 – курганный некрополь Беш-Оба/Ак-Кая; 4 – курганный некрополь на г. Плоская; 5 – горный массив Кубалач; 6 – городище Бурундук-Кая; 7 – городище Мелек; 8 – городище Кара-Тау; 9 – городище Бор-Кая; 10 – городище Яман-Таш; 11–14 – городище Карасан Оба, поселения Мачук, Сурб Хач, Алан Тепе; 15 – святилище Туар-Алан; 16 – городище Сары-Кая; 17 – городище Куру-Баш; 18 – поселение Кара-Дар

1. Комплекс из нескольких курганных некрополей, насчитывающих не менее 1200 курганных насыпей. Территория в целом ограничена селами Русаковка, Мельники, Пруды, Хлебное, Муромское, Пролом и г. Белогорск (Рис. 1, 2–4). Центром является аристократический некрополь Ак-Кая/Беш-Оба, состоящий из десяти крупных и нескольких десятков более мелких насыпей (Колтухов. 2006. С. 229). По предварительным результатам, наиболее ранние погребения здесь появляются в конце V – начале IV вв. до н. э., основное их количество относится к середине – третьей четверти IV в. до н. э. при наличии погребальных конструкций и захоронений III–I вв. до н. э. Яркой чертой этих курганов является серия монументальных склепов «античного» или «боспорского» типа, но с особенностями, неизвестными на территории Боспора (колонна, ложные купола, имитация «ложного» свода) (Шкрибляк. 2017. С. 135–137).

2. Крепость Ак-Кая/Вишенное. Расположена у с. Вишенное, непосредственно к западу от курганного некрополя Беш-Оба/Ак-Кая (Рис. 1, 1). Развитая фортификация и археологические находки позволяют судить о высоком статусе городища в древности. Вероятно, в III – начале II вв. до н. э. городище Ак-Кая являлось столичной варварской крепостью как в масштабах Крыма, так, возможно, и всего Северного Причерноморья. Более того, эта крепость, построенная по хорошо продуманному плану и эллинским стандартам фортификации, пока является единственной поселенческой структурой на обширной варварской территории Крыма на протяжении всего III в. до н. э. При этом жилые комплексы крепости – глиняно-камышовые постройки – инородны для крымской строительной традиции. Все это допускает его интерпретацию и в качестве «варварского» форпоста Боспора у западных его границ (Зайцев. 2017. С. 130).

3. Комплекс объектов обособленного горного массива Кубалач, расположенного между селами Пролом, Сенное, Курское, Тополевка, Мичуринское Белогорского района (Рис. 1, 5). В настоящее время здесь насчитывается более двадцати погребальных и поселенческих памятников хронологического диапазона от VII–VI вв. до н. э. до V–VI вв. Среди них особое место занимают необычно большие комплексы Кара-Тау (Рис. 1, 8) и Мелек (Рис. 1, 7). Так, первый из них состоит из цитадели, расположенной на вершине горы, городища и поселений на ее северном и северо-восточном склонах. На территории городища хорошо читаются следы нескольких десятков каменных террас и развалы многочисленных каменных построек. Топографические особенности горы позволяют условно разделить расположенный на ней поселенческий комплекс на «верхний» и «нижний» город, ниже которых по склону располага-

лись открытые части поселения, некрополи и террасы. На территории городища и поселения также зафиксировано не менее 10-ти зольников, высота некоторых из них достигает 4 м. Кроме того, в микрорельефе памятника хорошо читаются древние дороги. Общая площадь территории с явно выраженным древним антропогенным микрорельефом достигает, таким образом, не менее 60 га. Площадь расположенных ниже террасированных склонов также составляет не менее 30 га. Хронологические рамки активного существования комплекса – II в. до н. э. – IV–V вв. н. э. при наличии многочисленных отдельных находок более раннего времени.

Топографическая обособленность, компактность, мощные водные источники, влажный микроклимат, наличие подходящих склонов и господствующих высот предопределили повышенную и постоянную востребованность Кубалачского массива в древности и раннем средневековье. Об этом свидетельствуют количество, размеры и плотность известных поселенческих и погребальных памятников. Очевидно, что в горном и предгорном Крыму больше нет такой территории, где населенные пункты площадью в десятки гектаров и некрополи с сотнями погребальных сооружений расположены с интервалом 1,5–2,5 км один от другого. Картину дополняют также десятки гектаров искусственных террас, по сути объединяющих все памятники в единую систему.

Количество и состав артефактов раннескифского времени, размеры и количество «таврских» могильников из каменных ящиков, плотность, насыщенность и разнообразие инвентаря некрополей эпохи эллинизма вокруг Кара-Тау, размеры и структура поселений римского времени – все это пока трудно согласовать с традиционными устоявшимися представлениями об археологических культурах варварского Крыма в раннем железном веке и эпоху античности. Картину выразительно дополняют и такие частные детали, как большое количество боспорских монет практически на всех памятниках и яркие свидетельства развитого виноградарства и виноделия в римское время (Зайцев, Шкрибляк. 2017. С. 152–153).

Таким образом, представленные материалы, существенно изменяющие археологическую карту западной части Восточного Крыма и наполняющие ее качественно новым содержанием, дают хороший повод для обновления концепции боспоро-варварских взаимодействий в античную эпоху.

Литература

- А. В. Гаврилов.* Округа античной Феодосии. Симферополь, Азбука, 2004.
А. В. Гаврилов. Курганы Юго-Восточного Крыма // *Stratum plus.* 2010. № 3.

- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Симферополь, Бизнес-информ, 2014. Вып. 1.
- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Могильник II–I вв. до н. э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященных 1800-летию г. Судака. Донецк, Донбасс, 2012. – (Археологический альманах. № 28)
- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов Внешней гряды Крымских гор // ДБ. 2014. Вып. 18.
- Ю. П. Зайцев.* Крепость Ак-Кая в эпоху эллинизма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, Тарпан, 2017.
- Ю. П. Зайцев, И. И Шкрибляк.* Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, Тарпан, 2017.
- С. Г. Колтухов.* Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: Сонат, 1999.
- С. Г. Колтухов.* Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // ДБ. 2006. Т. 9.
- Б. М. Мозолевський.* Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. № 1.
- Т. Н. Смекалова, С. Г. Колтухов, Ю. П. Зайцев.* Археологические атласы Северного Причерноморья: Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб., Алтайя, 2015.
- А. А. Труфанов, С. Г. Колтухов.* Могильник III–IV вв. н. э. у с. Курское на западной периферии Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2001. Ч. 1.
- А. А. Труфанов, С. Г. Колтухов.* Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- И. И Шкрибляк.* Склеп с уступчатым перекрытием в кургане № 293 на г. Плоская в Центральном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, Тарпан, 2017.

Е. А. Попова

Склеп № 9 некрополя Неаполя скифского – дериват боспорских традиций расписных склепов

Склеп № 9 был открыт в 1946 г. в скале на восточном участке некрополя Неаполя скифского. Он представлял собой помещение размером 5,5×3,75 м, высотой около 1,20 м. О датировке определенно сказать трудно, поскольку склеп был ограблен. В. П. Бабенчиковым была предложена дата I в. н. э. (Бабенчиков. 1957. С. 99). Д. С. Раевский спра-

ведливо заметил, что в настоящее время нельзя датировать вырубные склепы Неапольского некрополя, так как все они ограблены (Раевский. 1971. С. 146). Несмотря на отсутствие вещественных материалов, представляется возможным предложить дату возникновения склепа, опираясь на декоративное оформление этого погребального сооружения.

Интерьер склепа состоит из пластических и живописных элементов (Рис. 1). На западной и восточной стенах вырублены пилястры, расположенные друг против друга. Они заканчиваются сверху стилизованными квадратными капителями (видна на восточной стене). На западной стене, под потолком между пилястрами, рельефно даны треугольники вершинами вниз. За пилястрами под потолком с обеих сторон идет фриз из чередующихся зигзагообразных рельефных и углубленных

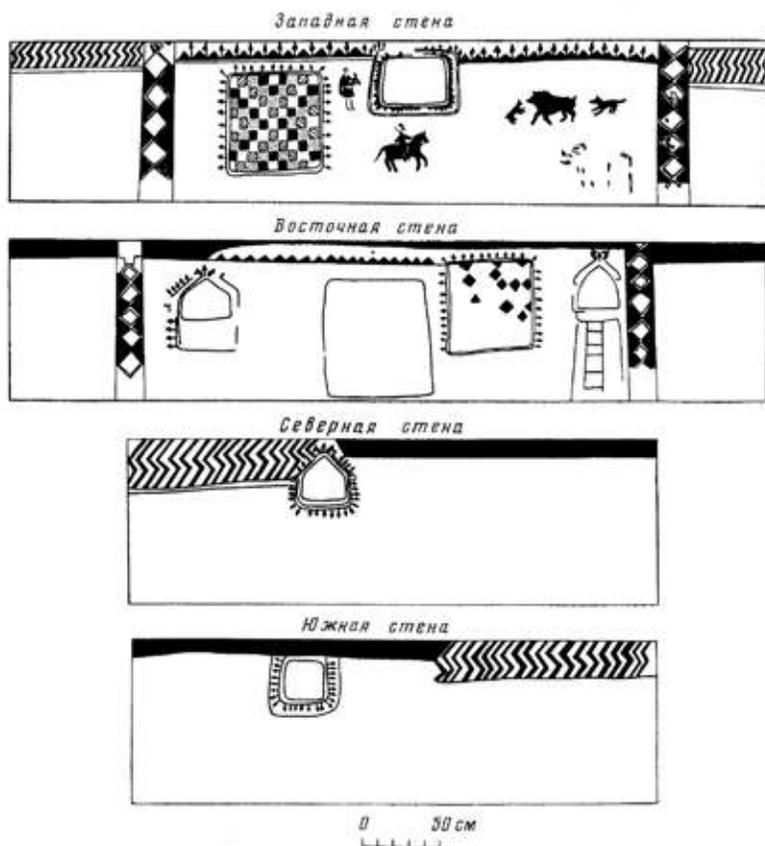

Рис. 1. Схема оформления склепа № 9

линий. Этот фриз заходит на северную и южную стены. На восточной стене под потолком идет такой же фриз из рельефных треугольников вершинами вниз. К конструктивным элементам относятся вырубленные на всех четырех стенах ниши. На западной и южной стенах они прямоугольной формы, на восточной и северной форма ниш имитирует строения с двускатными крышами, на восточной стене вторая ниша формой напоминает строение с крышей сводчатой формы.

Роспись склепа выполнена черной, красной и желтой красками непосредственно на поверхности камня, без дополнительной ее подготовки. Некоторые элементы оставлены в цвете камня, они белого цвета. Содержание росписи состоит из орнаментальных мотивов и сюжетных тем. Орнаментальные мотивы связаны в основном с архитектурными элементами интерьера склепа. Стволы пилястр выкрашены в чёрный цвет, на черном фоне выделяются белые ромбы, обведенные красными линиями. В двух ромбах на западной стене сохранились изображения петушка и оленя, нарисованные красной краской. Под потолком камеры расположены раскрашенные фризы. В пространствах между пилястрами это выпуклые треугольники, поверх которых на западной стене нарисованы красные стрелки, углубленные треугольники на обеих стенах закрашены также красным цветом. Вне пилястр фриз из зигзагообразных линий раскрашен всеми тремя цветами – чёрным, красным и жёлтым. Он заходит на северную и южную стены, продолжаясь до половины каждой стены. На восточной стене, под потолком, вне пилястр, фриз представляет широкую красную полосу, обрамленную тонкими черными линиями, на северной и южной стенах смыкающуюся с зигзагообразным фризом. Орнаментальными мотивами оформлены ниши. На западной и южной стенах ниши прямоугольной формы: на западной стене ниша обведена мелкими красными треугольниками, на южной – красными стрелками. Контуры ниш с двускатными крышами окружены красными стрелками. Наверху крыш изображены стилизованные конские головы, развернутые в разные стороны, между ними – вертикально расположенная стрелка. Вторая ниша на восточной стене представляет также торец постройки, но сводчатой формы. Вверху, как и весь контур ниши, нарисованная красной краской, показана крыша с геральдически сопоставленными стилизованными лошадиными головами. Потолок в этой нише разрисован красными клетками. К входу в постройку ведет приставная лестница. К орнаментальным мотивам относятся два квадрата, на западной и восточной стенах. На западной стене квадрат занимает почти всю площадь между нишей и пилястрой. Внутри он расписан квадратиками черной, красной и желтой красками и с трех сторон окружен красными стрелками. Второй квадрат, у входа

на восточной стене, расписан также шахматным орнаментом, но ромбами, в той же цветовой гамме, и также обведен красными стрелками.

Сюжетные росписи расположены на западной стене. Визуально они не связаны общим сюжетом, а существуют отдельно, тремя объектами. Между нишей и ковром находится фигура музыканта, одежда которого напоминает «варварскую»: это красный кафтан с накинутой поверх одеждой со свисающими длинными рукавами. Голова почти не сохранилась, о головном уборе говорить трудно. Ноги изображены простыми линиями, причем профилно, тогда как вся фигура дана в фас. В руках персонаж держит греческую лиру. Под нишей нарисован всадник на спокойно идущей лошади. Всадник раскрашен красной краской, лошадь – черной. На голове всадника остроконечный головной убор, на плече он держит длинное копьё. В правой части стены воспроизведена сцена нападения собак на кабана. Кабан нарисован черной краской, собаки – одна черной, другая красной. Ниже этой сцены прослеживаются остатки каких-то рисунков, возможно, это был пейзажный фон.

Об оформлении склепа № 9 написано довольно много, в основном это были попытки интерпретации сюжетов. Причем исследователи зачастую высказывали прямо противоположные мнения о характере росписи. П. Н. Шульц и В. А. Головкина заявляли, что «ничего похожего на роспись склепа № 9 мы до сих пор не видели /.../ в росписях Крита и Микен, Этрурии, Греции и Рима» (Шульц, Головкина. 1951. С. 164). Т. Н. Высотская, напротив, считала, что он оформлен «в греческой манере» (Высотская. 1979. С. 183). В соответствии с принятой теорией П. Н. Шульца о непосредственной преемственности позднескифской культуры от ранней, оформление склепа рассматривалось как воспроизведение внутреннего убранства кочевой юрты (Шульц. 1971. С. 127; Шульц, Головкина. 1951. С. 164). В 1984 г. автором данной статьи был опубликован подробный анализ и интерпретация семантики росписи склепа № 9 (Попова. 1984. С. 129–145). Автор исходила также из теории о генетической связи так называемой позднескифской культуры с культурой ранней Скифии. Но со временем, по мере накопления материалов, в литературе появилось альтернативное мнение по поводу этой теории. Стало очевидным, что материалы позднескифских памятников свидетельствуют об отсутствии скифских черт в культуре их населения. Возникло предположение о связи его с Боспором (Попова. 1998. С. 194). О том, что расписные склепы некрополя Неаполя скифского возникли под влиянием боспорской традиции, писала еще И. В. Яценко (Яценко. 1960. С. 99). С этим нельзя не согласиться. Однако приведенные выше интерпретации лишь декларировали связь росписи склепа № 9 с боспорской традицией, ничем не подтвержда

это положение. Поэтому представляется необходимым проанализировать этот памятник в очередной раз с целью показать его непосредственное сходство с росписями склепов Боспора. Прямых аналогий росписи склепа № 9 с боспорскими нет. Помимо традиции, сходство наблюдается в конструктивном и орнаментальном оформлении, а также на уровне сюжетных мотивов.

Традиция расписывать склепы возникла на Боспоре в середине IV в. до н. э., и греческие стенные росписи были подчинены архитектуре. Со временем в этой области искусства появляются особенности, отражающие сочетание греческого и местного художественного творчества. Греческая составляющая интерьера склепа № 9 – членение поля росписи колоннами и фризы под потолком. Членение росписи колоннами характерно для боспорских склепов с I в. н. э. (например, склеп Ашика, Стасовский склеп, саркофаги, склеп III 1988 г.). Эти архитектурные элементы в склепе № 9 выполнены пластически и расписаны, что сближает роспись с первым помпейским стилем, называемым инкрустационным. Его распространение датируется второй половиной II – 80-ми гг. I в. до н. э. С этим стилем перекликается и цветовая гамма росписи, включающая в основном черный, красный, желтый и белый цвета. Появление подражания ранним образцам в более позднее время на периферии античного мира – явление вполне возможное и встречающееся. Принцип оформления склепа № 9, таким образом, аналогичен росписям позднеэллинистического и римского времени. Как известно, расписывались стены и домов, и погребальных сооружений. На Неаполе скифском было открыто здание со стенной росписью, выполненной, вероятно, боспорским мастером и датирующейся концом I – первой половиной II в. (Яценко. 1960. С. 99, 100). Склеп № 9 оформлялся явно не профессионалом, но человеком, знакомым с традиционными греко-римскими приемами стенных росписей. И хотя орнаментальные элементы выполнены небрежно, видимо, без инструментов, в целом они выдержаны в стиле декораций античных домов и погребальных сооружений Боспора. Это, например, оформление пилястр ромбами. Мотив ромба постоянно встречается в росписях склепов Боспора (склеп нот. Фельдштейна, склеп 1901 г., Стасовский). Причем в склепе № 9 сохраняется прием окантовки геометрической фигуры другим цветом, что также обычно для упомянутых объектов. Характерным мотивом геометрического орнамента являются также треугольники, представленные на фризах западной и восточной стен. Этот мотив встречается часто в обрамлении ниш (склепы 1901, 1905 гг.). Наличием ниш разных очертаний, которые обрамлены орнаментами, склеп № 9 аналогичен боспорским в конструктивном отношении и по принципу оформ-

ления. Однако не все детали поддаются определенному толкованию. Так, неясными остаются орнаменты в виде стрелок. Ранее они интерпретировались буквально, т. е. как стрелы или наконечники копий. Но такая трактовка не объясняет окаймления этими элементами ниш и ковров, а также этого же мотива на фризе западной стены. Учитывая, что схема росписи в целом является подражанием боспорским образцам, где обязательным был пейзажный фон, можно предположить изображение растительности таким приемом стилизации. О том, что растительность была нарисована, свидетельствует фрагмент росписи в правом нижнем углу. Это могут быть деревья и виноградные грозди. В склепе Сабазиастов, например, почти так же стилизованные грозди нарисованы на лежанке и рядом на стене. В связи с этим встает вопрос о лошадиных головах, расположенных с двух сторон от центральной стрелки. М. И. Ростовцев писал о «гербообразной» расстановке животных и птиц в некоторых склепах (Ростовцев. 1914. С. 302). Например, в склепе Сабазиастов две птицы помещены по обеим сторонам от дерева. Рядом в такой позе изображены два козла. Подобная «расстановка» в склепе № 9 имеет место на верху сводчатой ниши, функция которой не может быть интерпретирована, т. к. аналогий нет. Так же затруднительно объяснить и изображения лошадиных голов на нишах с двускатной крышей. Одно предположение, в очень осторожной форме, можно высказать. Возможно, это стилизация скульптуры в виде колесницы, устанавливавшейся наверху фронтонов храмов. Некоторые орнаментальные мотивы интерьера склепа № 9, не имевшие интерпретации в прежних реконструкциях семантики росписи, могут быть объяснены традициями орнаментики греческих памятников, связанных с погребальным культом. Прежде всего, это квадраты с шахматным орнаментом на западной и восточной стенах. Л. И. Акимовой были собраны свидетельства расположения пологов с шахматным орнаментом над покойником во время протесиса (Акимова. 1985. С. 60–75). Таким образом, становится понятно помещение в склепе ковров с таким орнаментом. По-видимому, под коврами стояли саркофаги или гробы, и поэтому бахрома расположена только по трем сторонам. В шахматном орнаменте квадратики могут быть заменены ромбами и могут добавиться цвета, кроме черного и белого, что мы и имеем в склепе № 9. Л. И. Акимова замечает, что поле над умершим бывает украшенным и параллельными зигзагообразными линиями, и просто горизонтальной полосой (Акимова. 1985. С. 61). Все эти элементы присутствуют в виде фризов в неапольском склепе. Но если орнаментальные мотивы не все возможно объяснить, то сюжетные линии находят аналогии в боспорских материалах. Это, прежде всего, всадник с длинным ко-

пьем, самый распространенный сюжет в склепах и на надгробиях Боспора (Стасовский, Анфестерия). М. И. Ростовцев отметил, что «сцена выезда всадника десятки раз встречается на стелах» (Ростовцев. 1914. С. 350). Погребальные обряды сопровождалась музыкой, о чем свидетельствует персонаж с лирой. Традиция сопутствия музыкой погребальных ритуалов известна по росписям раннего времени (например, «Гробница нырлящика» V в. до н. э.). В боспорских склепах музыканты представлены в склепе Ашика и в росписи саркофага 1900 г. (Ростовцев. 1914. С. 350, 351, 380). В связи с изображениями людей возникал вопрос об их этнической принадлежности, определяемой по одежде, явно не греческой. Плохая сохранность росписи не позволяет детально рассмотреть костюмы персонажей, однако представляется правомерным считать их костюмами боспорцев, которые появились в результате «варваризации» культуры в первые века н. э. Это кафтан, штаны и сапоги (Десятчиков. 1972. С. 69).

Также весьма часто на надгробиях воспроизводилась сцена нападения собак на дикого зверя, в данном случае это кабан. В склепе № 9, так же, как и в росписях склепов Боспора, животные нарисованы лучше, нежели фигуры людей. Эта характеристика росписей склепов Боспора отмечена М. И. Ростовцевым, который писал, что «человеческие фигуры выполнены довольно схематично, тогда как животные изображены вполне реалистично» (Ростовцев. 1914. С. 309). Суммируя сказанное, можно датировать склеп № 9 второй половиной I–II в., как датируются в основном склепы Боспора, приведенные в качестве аналогий.

Литература

- Л. И. Акимова.* К проблеме «геометрического» мифа: шахматный орнамент // Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции «Випперовские чтения – 1985». Вып. XVIII. Часть I.
- В. П. Бабенчиков.* Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, Издательство Академии наук Украинской ССР, 1957.
- Ю. М. Десятчиков.* Катафрактарий на надгробии Афения // СА. 1972. № 4.
- Е. В. Ернштедт.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (Общий обзор памятников живописи) // Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М. – Л., 1955.
- Е. А. Попова.* О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // ВДИ. 1984. № 1.
- Е. А. Попова.* О северо-причерноморском домостроительстве I в. до н. э. – I в. н. э. (по материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология: Традиции и перспективы. Москва, Изд-во МГУ, 1998.
- Д. С. Раевский.* Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. М., Наука, 1971.

- М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1914.
- Г. И. Соколов.* Искусство древнего Рима. М., Искусство, 1971.
- О. Д. Чевелев.* Новые расписные склепы некрополя Пантикапея // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 г.). Новочеркасск, 1989.
- П. Н. Шульц.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М., Наука, 1971.
- П. Н. Шульц, В. А. Головкина.* Неаполь скифский // По следам древних культур. М., Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1951.
- И. В. Яценко.* Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском // СА. 1960. № 4.

А. В. Лысенко

**Культурно-исторические процессы
в южной части Горного Крыма римского времени
(I в. до н. э. – IV в. н. э.)¹**

Южная часть Горного Крыма ограничена Чёрным морем и Главной грядой Крымских гор. Свообразие естественно-географических условий позволяет рассматривать эту территорию как особую «хозяйственно-культурную зону», характеризующуюся малыми размерами и незначительным аграрным потенциалом (Лысенко. 2015. С. 55–56). Во второй половине I в. до н. э. к северо-западу от нее располагалась «Крымская Скифия», к северо-востоку – Боспорское царство, к юго-западу – полис Херсонес. Между упомянутыми государствами, видимо, находилась историческая область «Таврика» (SEG. 55, 862; КБН. № 1237; Лысенко. 2014. С. 102–108) (Рис. 1).

Во второй половине I в. до н. э. – IV в. н. э. основным внешним фактором, воздействовавшим на культурно-исторические процессы в Крыму, было пребывание полуострова в сфере политических интересов Римской империи. Её влияние здесь осуществлялось по трем стратегическим схемам: 1) опосредованный контроль над сильным государством, способным обеспечивать военно-политическую стабильность достаточно обширного региона (над Боспором через союзных/вассаль-

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы № 0832-2015-0002 «Скифская и позднескифская культуры Крыма в системе кросс-культурных взаимодействий с античной цивилизацией и варварским миром Северного Причерноморья и Средиземноморья» отдела Археологии раннего железного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии Крыма РАН».

Рис. 1. Южная часть Горного Крыма в римское время. Предполагаемые границы государств: А, В – полисы Херсонес на рубеже эр и во второй трети II – первой трети IV вв. н. э.; Б, Г – Боспорского царства в I–III и во второй половине IV вв. н. э. Археологические объекты: 1 – Гурзуфское Седло; 2 – Туар-Алан; 3 – Эклизи-Бурун; 4 – Таракташ; 5 – Аутка; 6 – Алигор; 7 – Пахкал-Кая; 8 – Узеньчик; 9 – Варнутская долина; 10 – Совхоз-10; 11 – Черноречье; 12 – Лучистое-2; 13 – Чатыр-Даг; 14 – Ай-Тодор; 15 – Бай-Су; 16 – Ай-Никола; 17 – Парагильмен; 18 – Чугунун-Кая; 19 – Кизилташ

ных правителей), с перманентным непосредственным вмешательством (Ростовцев. 1900. С. 141–142, 145, 149–151; Блаватский. 1959. С. 32; Зубарь. 2003); 2) оккупация более или менее обширных территорий для создания военной базы, в том числе путем занятия существующих или возведения новых укреплений (полис Херсонес) (Ростовцев. 1900. С. 144, 146–149, 151, 154, 156; Блаватский. 1959. С. 30–31); 3) охрана трасс каботаж (вдоль Южного Крыма) посредством сооружения береговых сторожевых крепостей (Харакс) (Репников. 1941. С. 123–125).

Население Таврики в греко-римской нарративной традиции и местных эпиграфических документах I в. до н. э. – середины III в. обозначено нарицательными экзотными названиями «тавры», «скифо-тавры», «тавро-скифы»? (Ps.-Scymn., С. 831–832; Strabo, VII. 4. С. 3; Plin., NH. IV. С. 85, 86). В источниках они упоминаются как агрессоры против римлян (Тас., Ann. XII. 17) и херсонеситов (IOSPE. I², 562), а также как объект завоевания (КБН. № 39, 40, 1237) и дипломатического давления (SEG. 55, 862) для Боспора. По контексту сообщений можно заключить, что в них речь идёт о безгосударственных социумах (племенах), обладающих политической субъектностью. Археологические объекты, которые могли сформироваться в результате деятельности коллективов, соответствующих этим данным, обнаружены в центре

южной части Горного Крыма. Это святилища Гурзуфское Седло (II–I вв. до н. э. – IV в. н. э.) (Новиченкова. 2015) и Эклизи-Бурун (рубеж эр – вторая треть IV вв. н. э.) (Lysenko. 2013) (Рис. 1, 1, 3)², некрополи Лучистое-2 (рубеж I–II – вторая треть III вв. н. э.) (Мордвинцева, Лысенко. 2016) и Чатыр-Даг (вторая треть III – первая треть IV вв. н. э.) (Мыц и др. 2006) (Рис. 1, 12, 13)³, а также, возможно, некоторые «поселения» (Лысенко. 2010. С. 261–267, 275–276). По ряду признаков (синхронность и/или расположение в непосредственной близости друг от друга (часто в визуальной связи), сопоставимость форм обрядовой практики (сожжение на святилищах как способ передачи жертвы божеству; кремация умерших и проч.)) можно предполагать культурную гомогенность этих комплексов⁴. Исходя из результатов их исследова-

² Морфологически сходный объект – святилище Туар-Алан (II в. до н. э. – первая четверть I в. н. э.) – известен на крайнем северо-востоке Южного Крыма (Гаврилов, Труфанов. 2014а) (Рис. 1, 2).

³ Некрополи с захоронениями остатков кремаций Чатыр-Даг и близкий ему по времени возникновения, погребальному обряду и особенностям локализации Ай-Тодор (середина III – начало V вв. н. э.) (Рис. 1, 13, 14) большинство специалистов рассматривает как специфическое явление – отдельную группу «памятники типа “Ай-Тодор”» (Kazanski. 1991. P. 84–87) либо часть особой археологической культуры (Айбабин, Хайрединова. 2017. С. 33–34 и сл.). О происхождении этих и подобных им объектов существует два основных мнения: 1) традиция кремирования умерших распространилась среди варварского населения Таврики либо в результате влияния на регион Херсонеса, либо в процессе романизации (Блаватский. 1951. С. 204; Орлов. 1987. С. 131; Юрочкин. 1999. С. 280); 2) обряд кремиации привнесен в середине III в. н. э. «варварами» – дальними мигрантами с северо-запада. Авторы второй версии определяли пришельцев как носителей Черняховской культуры – славян (Веймарн, Стржелецкий. 1952). Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения принадлежат германцам – участникам «готских» походов (Пиоро. 1990. С. 89–108; Сидоренко. 1994. С. 13–14; Храпунов. 2016. С. 125–127; Айбабин, Хайрединова. 2017. С. 22–25, 33 и др.). Однако после открытия могильников с кремациями Лучистое-2, а также в Байдарской и Варнутской долинах (нижняя дата – рубеж II–I вв. до н. э. или рубеж эр) (Нессель. 2017) (Рис. 1, 8, 9), возникших за пределами хоры Херсонеса (Рис. 1, А), до оккупации её Римом, а также до «Скифских» войн, перечисленные версии и основанные на них схемы развития культурно-исторической ситуации в Таврике (обзор см. Лысенко. 2015. С. 74–76) нуждаются в пересмотре.

⁴ Если предположение верно, то не исключено, что использовавшее эти святилища и некрополи население переместилось в Крым из области распространения латенизированных археологических культур Средней – Северной – Юго-Восточной Европы еще на рубеже II–I вв. до н. э., чему не противоречат находки на относительно ранних памятниках (Туар-Алан, Гурзуфское Седло – см. Гаврилов, Труфанов. 2014а. С. 110–114; Новиченкова. 2015. С. 111–112) и наблюдаемая исследователями «латенизированность» раннего этапа «позднескифской» археологической культуры (Зайцев. 2011). Отдельные группы потомков этих людей сохраняли культурное своеобразие до начала V в. н. э. (Ай-Тодор). Возможно, подобный объект (могильник с кремациями или святилище с сожжениями) был выявлен в конце XIX в. у Кизилташского монастыря (ИТУАК. 1897. С. 168) (Рис. 1, 19).

ния очевидно, что они оставлены оседлыми, относительно немногочисленными (?), но довольно воинственными⁵ социумами.

Активность цивилизованных политий на рассматриваемой территории в римское время реконструируется на основании исторических и археологических источников. В начале I в. фиксируется экспансия Боспора на запад (КБН. №№ 39, 40). Возможно, с этими или подобными событиями связаны существование Кутлакской крепости второй половины I в. до н. э. (Аффинеон?) (Ланцов. 2015), резкое сокращение интенсивности использования святилища Туар-Алан (Гаврилов, Труфанов. 2014а. С. 112) (Рис. 1, 2), а также возникновение Таракташского культового комплекса (I в. до н. э. (?) – I в. н. э. – середина – вторая половина IV в. н. э.) (Рис. 1, 4). При его исследовании прослежена специфическая ритуальная культура (древнеземледельческая, с элементами древневосточной), характерная для части населения Европейского Боспора (Лысенко. 2005–2009. С. 384–388, 391–393) и восточного края «Крымской Скифии» (см. Гаврилов, Труфанов, 2014б). «Новые» объекты маркируют территорию Таврики, вошедшую в состав Боспорского государства, что подтверждается более поздними нумизматическими и эпиграфическими находками (Джанов. 2004. С. 49–52) (Рис. 1, Б).

Во второй трети II в. в регионе появляется римское укрепление Харакс (Ptol. III. 6. С. 2; Лысенко. 2014. С. 114–115). После этого, видимо, произошел «раздел» Таврики. Юго-западная часть её, вероятно, оказалась в составе полиса Херсонес и под прямым протекторатом Римской империи, а северо-восточная перешла под контроль Боспора (КБН. №№ 1008, 1237). Судя по распространению артефактов-индикаторов политической принадлежности (КБН. № 955, медные монеты, предметы с тамгами боспорских царей), «граница» между «зонами влияния» прошла западнее Ялтинской долины (Бертгье-Делагард. 1907. С. 24–26; Лысенко. 2012. С. 86–91) (Рис. 1, В). В результате (?) в «боспорской» части региона на горных святилищах изменилась, а на одном из них (Гурзуфское Седло) сократилась обрядовая практика (Лысенко. 2005–2009. С. 381, 390, 395; Новиченкова. 2015. С. 121). В то же время здесь возникли новые объекты: святилища Ауткинское (вторая половина

⁵ Исходя из ассортимента и дат инокультурных вотивов из святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун (римские вещи и нумизматический материал), а также данных исторических источников можно полагать, что их адепты по крайней мере дважды вступали в боевые столкновения с римскими войсками: в первой половине – середине I в. в центре Южной Таврики, в ходе Римско-боспорской войны (Тас., *Ann.* XII, 17) и во второй половине II – начале III в., возможно, вблизи границ Херсонеса (IOSPE. I² 562) (Lysenko, Masyakin. 2012; Новиченкова. 2015. С. 112–113). Кроме того, они, вероятно, как и обитатели «Крымской Скифии», периодически получали выплаты золотом от полиса Херсонес (см. Сидоренко. 2001. С. 446–447).

II – первая половина IV вв.) (Лысенко. 2012) и Алигор (рубеж II–III – первая треть IV вв. н. э.) (Лысенко. 2005–2009. С. 381–383) (Рис. 1, 5, 6); производственный центр Парагильмен (Тесленко, Лысенко. 2002) (Рис. 1, 17); поселение Чугунун-Кая (Лампад?) (Лысенко. 2005; 2014. С. 109–110) (Рис. 1, 18) и некоторые другие комплексы (Лысенко. 2010. С. 267, 275–276), а также пещерные некрополи III в. Бай-Су и Ай-Никола (Лысенко. 2003. С. 88–89, 90–92) (Рис. 1, 15, 16). Возможно, эти изменения были обусловлены перемещением (с запада на восток?) части adeptов святилища Гурзуфское Седло и проникновением в регион нового населения со стороны Боспора.

После временного сворачивания римского присутствия на полуострове, эвакуации гарнизона и разрушения укреплений Харакса (вторая (?) треть III в.) (Зубарь. 2001–2002. С. 120), у его руин (в «римско-херсонесской» части Таврики) фиксируется практиковавший кремление умерших культурно гомогенный с населением Инкерманской долины (Рис. 1, 10, 11) социум, видимо, интегрированный в сферу влияния полиса Херсонес (Ай-Тодор, военные поселенцы?) (Орлов. 1987; Лысенко. 2012. С. 88–89) (Рис. 1, 14). Жители «боспорской» части региона, сохраняя прежнюю политическую ориентацию и часть субъектности, были вовлечены в военно-политические события на территории Империи («Скифские» войны и проч.). Судя по датам и эмитентам обнаруженных здесь монет, последняя операция с участием местных жителей состоялась в Юго-Западном Причерноморье в 313–314 гг. (Лысенко. 2007) (битва при Адрианополе между тетрархами Лицинием I и Максимином Дайей?).

После предполагаемых херсонесско-боспорских конфликтов (Const. Porph., De adm. imp. 53. С. 124–161) вся Таврика, видимо, оказалась под контролем поддерживаемого Империей полиса Херсонес (во второй половине IV в.?) (см. Лысенко. 2014. С. 108) (Рис. 1, Г). Социумы, использовавшие некрополи с погребениями остатков кремаций в «римско-херсонесской» части региона, оставались на месте до начала V в. (Ай-Тодор), а из бывшей «боспорской», вероятно, мигрировали (Чатыр-Даг). В конце IV – начале V в. здесь появились святилище Пахкал-Кая (Лысенко. 2011) (Рис. 1, 7) и могильники типа Суук-Су, оставленные населением, видимо, происходящим из «Крымской Скифии» (Юрочкин, Труфанов. 2007. С. 370–371). Возможно, впоследствии именно этих людей источники поименовали «готами» (Proc., Aed. III. VII. С. 10–17).

Таким образом, благодаря особенностям местоположения, южная часть Горного Крыма в римское время оказалась ареной взаимодействия всех основных политических сил полуострова, чем, вероятно, отчасти объясняется её сравнительно малая заселенность. При этом субъект-

ность населения Таврики, существовавшая в начале этого периода, в результате деятельности соседних государственных образований и Римской империи к его завершению была окончательно ликвидирована.

В целом культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени можно охарактеризовать как достаточно интенсивные, сопровождавшиеся разнообразными кросс-культурными контактами с участием государственных и племенных образований различных масштабов. При этом «племена» или их части либо обладали политической субъектностью, либо в той или иной степени интегрировались в окружающие государства. В связи с этим отдельные социумы, являясь носителями общей этнической, но различной политической идентичности, иногда, видимо, могли оказываться в ситуации силового противостояния друг с другом.

Литература

- А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, ООО «Антиква», 2017.
- А. Л. Бертье-Делагард.* Случайная находка древностей близ Ялты // ЗООИД. 1907. Т. XXVIII/V.
- В. Д. Блаватский.* Харакс // Материалы по археологии северного Причерноморья в античную эпоху. М. – Л., Изд-во АН СССР, 1951. – (МИА. № 19).
- В. Д. Блаватский.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Е. В Веймарн, С. Ф. Стржелецкий.* К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. № 4.
- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Симферополь, 2014а. Вып. I.
- А. В. Гаврилов, А. А. Труфанов.* Новый античный памятник на горе Кара-Тау у северных склонов внешней гряды Крымских гор // ДБ. 2014б. Вып. 18.
- А. В. Джанов.* Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. Киев, Судак, Академперіодика, 2004. Вып. I.
- Ю. П. Зайцев.* «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III–I вв. до н. э.) // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., Нестор-История, 2011.
- В. М. Зубарь.* Римское военное присутствие в Таврике // Stratum-plus. 2001–2002. № 4.
- В. М. Зубарь.* Латинские эпитафические памятники Пантикапея // БИ. 2003. Вып. III.
- С. Б. Ланцов.* Основные этапы строительства Кутлакской крепости // Древняя и средневековая Таврика. К., Видавець Олег Філюк, 2015. – (Археологический альманах. № 32)

- А. В. Лысенко.* Пещерные некрополи Горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.) // *Vita Antiqua.* 2003. № 5–6.
- А. В. Лысенко.* Новое поселение римского времени на Южном берегу Крыма // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005.
- А. В. Лысенко.* Римские монеты конца III – начала IV вв. в южной части Таврика // *Древняя Таврика.* Симферополь, Универсум, 2007.
- А. В. Лысенко.* Святоница римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации) // *Stratum-plus.* 2005–2009. № 4.
- А. В. Лысенко.* «Поселения» римского времени Алуштинской долины // *Древняя и средневековая Таврика.* Донецк, «Донбасс». 2010. – (Археологический альманах. № 22).
- А. В. Лысенко.* Позднеантичный – средневековый культовый комплекс на горе Пахкал-Кая // АДУ 2010. Київ-Полтава, 2011.
- А. В. Лысенко.* О формировании нумизматического комплекса святоницы римского времени в Аутке (Южный Крым) // *Stratum-plus.* 2012. № 6.
- А. В. Лысенко.* Топонимика Южной части Горного Крыма римского времени // Археологические и лингвистические исследования: Материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь-Ялта, 20–23 сентября 2012 г.). Киев, ИД «Стилос», 2014.
- А. В. Лысенко.* История исследования Южной части Горного Крыма римского времени // *Древняя и средневековая Таврика.* К., Видавель Олег Філюк, 2015. – (Археологический альманах. № 32)
- В. И. Мордвинова, А. В. Лысенко.* Исследования могильника римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) // АДУ 2015. Київ, Стародавній світ, 2016.
- В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, М. Б. Щукин, О. В. Шаров.* Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб., Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006.
- В. А. Нессель.* Могильник рубежа эр в горном Крыму // *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории.* Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Саки, ИП Бровко А. А., 2017.
- Н. Г. Новиченкова.* Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. По материалам раскопок святоницы у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, Н. Оріанда, 2015.
- К. К. Орлов.* Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, Наукова думка, 1987.
- И. С. Пиоро.* Крымская Готия. Киев, Лыбидь, 1990.
- Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии 27 мая, 4 октября и 9 декабря 1896 года // ИТУАК. 1897. № 26.
- Н. И. Репников.* О характере римской оккупации южного берега Крыма // *СА.* 1941. Вып. VII.
- М. И. Ростовцев.* Римские гарнизоны на Таврическом полуострове // *ЖМНП.* 1900. Март. № 328.
- В. А. Сидоренко.* Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III – начало VIII вв.). Автореферат дис. ... к. и. н. СПб., 1994.

- В. А. Сидоренко.* Золотая монетная чеканка Херсонеса I–II вв. н. э. // МАИ-ЭТ. 2001. Вып. VIII.
- И. Б. Тесленко, А. В. Лысенко.* Археологические разведки в Горном Крыму // АБУ 2000–2001 pp. Київ, ІА НАН України, 2002.
- И. Н. Храпунов.* Население горного Крыма позднеримского времени // ВДИ. 2016. № 1.
- В. Ю. Юрочкин.* Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100 – летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения. Тезисы конференций. Запорожье, Запорожский ГУ, 1999.
- В. Ю. Юрочкин, А. А. Труфанов.* Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3–4 вв. н. э. // Древняя Таврика. Симферополь, Универсум, 2007.
- M. Kazanski.* Les Goths (Ier-VIIe siècles ap. J.-C.). Paris, Errance. 1991.
- A. Lysenko.* Das Heiligtum Eklizi-Burün der römischer Zeit // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013–19. Januar 2014. Bonn, 2013.
- A. Lysenko, V. Masyakin.* Roman Imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi-Burün sanctuary) in Age of Augustus // The Romans at the Black Sea during the time of Augustus. Abstracts of the Conference. Tulcea, Institutul de Cercetări Eco-Muzeale Tulcea, 2012.

В. А. Нессель

**Новые данные о варварском населении
Юго-Западного Крыма рубежа эр
(по материалам грунтовых могильников
в окрестностях Севастополя)**

В ходе археологических разведок 2014–2015 гг. в Юго-Западном Крыму были обнаружены два новых объекта культурного наследия, которые по ряду признаков можно отнести к грунтовым могильникам. Эти объекты расположены на административной территории г. Севастополя, в Байдарской и Варнутской долинах, в горно-лесных массивах Внутренней гряды Крымских гор (Рис. 1). Оба могильника представляют собой поля погребальных урн с захоронениями, выполненными по обряду кремации.

Один из этих объектов находится в Байдарской долине, в 3 км к северо-западу от современного с. Передовое, в бассейне ручья Узеньчик. Памятник был выявлен в 2014 г., дальнейшее его изучение было продолжено в 2015 г. (Нессель. 2017. С. 183–185). Могильник занимает

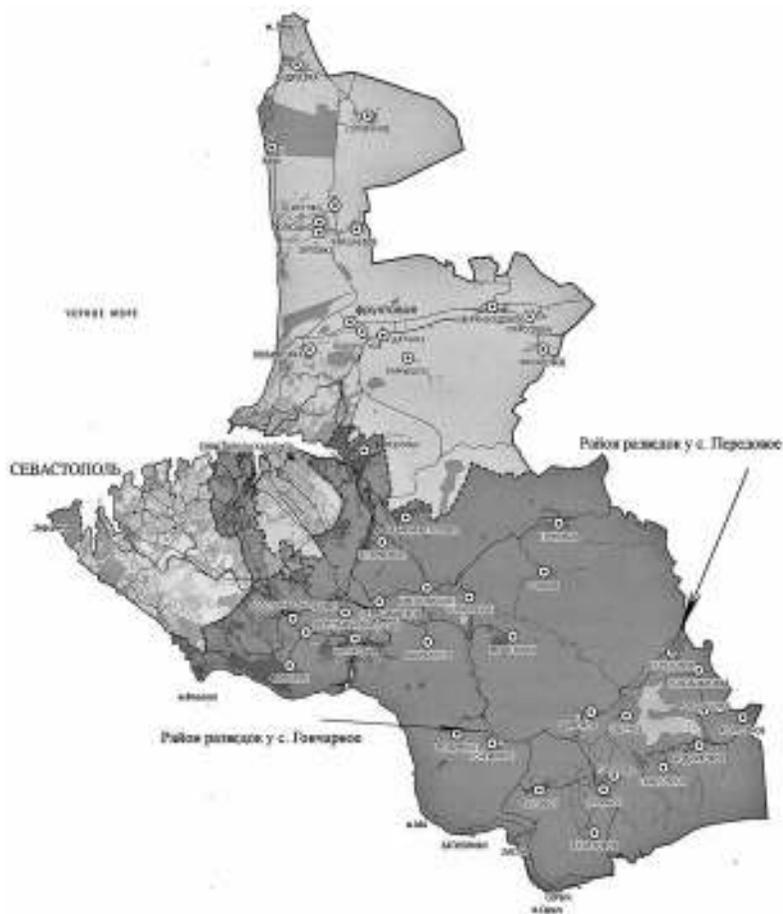

Рис. 1. Схема административной территории г. Севастополя с указанием районов разведок 2014–2015 гг

часть восточного склона горного массива Самны-Баир, в настоящее время густо поросшего смешанным лесом. В процессе работ было обследовано пространство площадью около 2000 м², где обнаружены свыше 20 захоронений. Обследование территории показало, что ядро древнего некрополя находилось на довольно обрывистом склоне скальной полки, являющемся естественной северной границей могильника. Здесь были обнаружены самые ранние погребения, датируемые II–I вв. до н. э. Впоследствии захоронениями было занято пологое пространство к югу, где находились погребения I–II вв. н. э. Кремированные

останки помещались в урны, которыми чаще всего служили амфоры, нередко – со следами ремонта, а также лепные горшки.

Значительное количество обнаруженных урн с прахом было помещено в грунт без специально вырытых ям; сосуды были закопаны на небольшой глубине, около 30–40 см от современной дневной поверхности. Зафиксированы несколько способов размещения урн: сосуды уложены на бок и ориентированы горловиной на север (2 урны), северо-восток (2 урны), северо-запад (3 урны), юго-запад (2 урны), запад (3 урны), юг (1 урна); в 2 случаях погребальные урны были установлены вертикально. Только в отдельных случаях сосуды с прахом умерших помещались в специально вырубленные в скале небольшие округлые ямки; есть примеры обкладки сосудов камнями. Из-за природных особенностей местности часть территории, занятой могильником, постепенно «сползает» по склону, что привело к сильной спрессованности и деформации погребальных урн и усложнило процесс их исследования.

Среди погребального инвентаря, обнаруженного как в самих урнах, так и рядом с ними, встречались краснолаковые, лепные и стеклянные сосуды, украшения из стекла и металла, детали костюма, предметы личного использования и вооружения. Практически все находки из стекла и металла были сильно деформированы и оплавлены. У многих сосудов-урн с внутренней стороны зафиксированы довольно крупные пятна копоти. Все эти данные иллюстрируют особенности обряда кремации и захоронения.

Проведенные исследования найденного материала показывают, что урнами служили амфоры производства Гераклеи, Синопы и Колхиды, а также амфоры Херсонеса и Родоса. Время изготовления этих сосудов – II–I вв. до н. э. – I–II вв. н. э. (Внуков. 2003. С. 130–133. Рис. 51; Внуков. 2013. С. 30. Рис. 6 В; Монахов. 2003. С. 118–122. Табл. 83, 2, 4). Украшения из стекла, большинство из которых – прозрачные бусины с внутренней позолотой, датируются тем же временем (Алексеева. 1978. С. 23, 27–29. Табл. 24, 33; 26, 33; 33, 1–3). Находки металлических изделий – серег, колец, браслетов, фибул, ножей, дротиков имеют аналогии среди материалов из крымских могильников первых вв. н. э. (Высотская. 1994. С. 106–107. Рис. 32; Дашевская. 2014. С. 88. Табл. 113 А; Храпунов, Мульд, Стоянова. 2009. С. 12, 14, 19. Рис. 27, 2, 30, 24, 31, 14–21).

Второй обнаруженный объект культурного наследия находится в Юго-Западном Крыму, в межгорье Главной и Внутренней гряды Крымских гор, в 25 км от г. Севастополя, в Варнутской долине, в лесном массиве в окрестностях с. Гончарное. Этот памятник был выявлен

и частично изучен археологическими разведками 2015 г.¹. В ходе работ были зачищены 2 грабительские ямы и заложен разведочный шурф. Проведенные исследования показали, что захоронения здесь производились по обряду кремации, причем собственно трупосожжения осуществлялись на стороне. Слои могильника, мощностью до 35 см, фиксировались на глубине 20–25 см от современной дневной поверхности. Кремированные останки были погребены в глиняных сосудах, уложенных прямо в грунт, без могильных ямок, перекрыты каменными плитками и засыпаны землей. В качестве погребальных урн чаще всего использовались амфоры. Некоторые из них имели следы ремонта и, по всей вероятности, на момент помещения в землю, уже вышли из употребления по прямому назначению. В отдельных случаях урнами служили лепные горшки крупных размеров (Нессель. 2018. В печати). Довольно часто отмечались факты разрушения или значительного повреждения одних захоронений другими. Всего было зафиксировано около 30 таких погребений. (Савеля, Савеля. 2018. В печати). В погребальном инвентаре, сопровождавшем захоронения, присутствовали различные украшения и изделия из металла и стекла, многие из которых были сильно деформированы под воздействием высоких температур, тонкостенные столовые и краснолаковые сосуды, лепные миски и горшки.

Исследование отдельных категорий находок, прежде всего – амфор, служивших погребальными урнами, и металлических изделий позволяет установить время функционирования могильника. Самая ранняя находка здесь – родоская амфора второй половины II–I вв. до н. э. (Монахов. 2003. С. 120–122. Табл. 84, 6). Основной же массив амфор в комплексе могильника представлен тарными сосудами понтийского производства I в. до н. э. – I–II вв. н. э. (Внуков. 2003; Внуков. 2006). К этому хронологическому промежутку относятся многие найденные в погребальном инвентаре краснолаковые и столовые сосуды, а также изделия из металла, хотя следует особо отметить и наличие предметов более раннего времени, III–I вв. до н. э. (Колодченко. 2018. В печати; Нессель. 2018. В печати).

Выявленные разведками, проведенными в 2014–2015 гг. в Юго-Западном Крыму, ранее неизвестные могильники объединяют многие сходные черты. Это, прежде всего, их территориальная близость: памятники находятся в соседних долинах, расстояние между ними

¹ О. Я. Савеля. Разведки у с. Гончарное Балаклавского района, на склонах Килебалки в восточной части Гераклеийского полуострова в Нахимовском районе г. Севастополя в 2015 г. // Научный архив ГМЗ ХТ. Д. 4491. Л. 9–22.

сравнительно невелико – около 30 км. Оба могильника расположены в горно-лесной местности, вдали от известных городских центров, следов поселений рядом с ними к настоящему времени не обнаружено. Захоронения проводились по обряду кремации, причем как в одном, так и в другом случае, место собственно сожжения умерших на исследованных участках не найдено. Скорее всего, это могло происходить на стороне. Урнами для погребения праха служили крупные сосуды, преимущественно – амфоры. Изучение этих сосудов дает возможность установить возможную дату появления захоронений – не ранее II–I вв. до н. э. Основная доля находок, как использованных в качестве урн, так и многочисленных предметов погребального инвентаря, сопровождавшего погребения, приходится на первые вв. н. э. Скорее всего, с этим временем и следует связывать функционирование исследованных участков древних некрополей. В случае с могильником у с. Передовое удалось зафиксировать участок с самыми ранними погребениями, относящимися ко II–I вв. до н. э., а также проследить направление дальнейшего расширения территории, занятой некрополем.

Поскольку ранее о грунтовых могильниках этого времени, связанных с ритуалом трупосожжения, в данном районе Юго-Западной Таврики не было известно, вопрос о населении, оставившем могильники, остается открытым. Благодаря работам 2014–2015 гг. была получена ценнейшая информация об устройстве, функционировании, особенностях погребального обряда этих новых памятников археологии, установлено значительное сходство между ними. Но, тем не менее, наших знаний пока крайне недостаточно, чтобы связать эти могильники с каким-то конкретным этносом. Можно только констатировать факт, что на рубеже эр и в первых вв. н. э. эта часть Юго-Западного Крыма была заселена представителями некоей общей культурной принадлежности.

Литература

- Е. М. Алексеева.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., Наука, 1978. Т. 2. – (САИ. Вып. Г1–12).
- С. Ю. Внуков.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Морфология. М., Изд-во ИА РАН, 2003.
- С. Ю. Внуков.* Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II (петрография, хронология, проблемы торговли). СПб., Изд-во Алетейя, 2006.
- С. Ю. Внуков.* Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 2013. Вып. 17.
- Т. Н. Высотская.* Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, Наукова думка, 1994.
- О. Д. Дашевская.* Некрополь Беляуса. Симферополь, Изд-во Предприятие Феникс, 2014.

- П. Н. Колодченко.* Комплекс металлических изделий из варварского могильника у с. Гончарное // ХСб. 2018. Вып. XIX. *В печати.*
- В. А. Нессель.* Могильник рубежа эр в горном Крыму // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь, Изд-во Саки: ИП Бровко А. А., 2017.
- В. А. Нессель.* Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // ХСб. 2018. Вып. XIX. *В печати.*
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре (каталог-определитель). М., – Саратов, Киммерида, 2003.
- О. Я. Савеля, Д. Ю. Савеля.* Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // ХСб. 2018. Вып. XIX. *В печати.*
- И. Н. Храпунов, С. А. Мульд, А. А. Стоянова.* Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь, Изд-во Доля, 2009.

О. В. Шаров

**Антропоморфная скульптура
из раскопок культового комплекса Таракташ
в восточном Крыму**

Краткое описание комплексов. Культовый комплекс Таракташ расположен на склонах одноимённого горного хребта в 0,5 км к северо-востоку от совр. с. Дачное, в 3 км к северу от г. Судак, у юго-восточного побережья Крыма. Место у подножия западной вершины Таракташского хребта имело выгодное стратегическое положение. Это самое узкое место Судакской долины, зажатое между горными хребтами, которые венчают две главные вершины – Бакаташ (тюрк. «Гора-лягушка») и Таракташ (тюрк. «Гора-зуб»). Отсюда полностью просматривается Судакская бухта и контролируется главная дорога, ведущая вглубь Крымского полуострова (Шаров. 2009. С. 459–460).

Летом 1995 года Горно-Крымской экспедицией КФ ИА НАНУ под руководством В. Л. Мыца на южном склоне Таракташского хребта были изучены остатки двух культовых построек и погребение, составляющие единое культовое сооружение «Таракташ-1» (далее: «КСТ-1»), существовавшее с перерывами с середины I в. н. э. по рубеж IV–V вв. н. э. (Мыц, Лысенко, Тесленко, Семин. 1998. С. 1–2; Мыц, Лысенко. 2001. С. 96–97, Рис. 1, 2). В комплексах святилищ были найдены несколько трёхлопастных железных черешковых наконечников стрел, бронзовые смычковые фибулы, фрагменты сте-

клянных кубков типа «Riepenschale», лепных чашечек, курильниц и алтариков.

Особый интерес представляли находки в культовой постройке № 1 археологически целых 270-ти краснолаковых сосудов III–IV/V вв., а в постройке № 2 фрагментов трёх лепных антропоморфных статуэток (Мыц, Лысенко. 2001. С. 96–97, Рис. 1).

В 2002 году прямо под гребнем горы Таракташ сотрудниками Славяно-Сарматской экспедиции Государственного Эрмитажа было открыто и исследовано новое культовое сооружение римского времени П-образной формы, получившее название «Таракташ-II» (далее: «КСТ-II») (Щукин, Шаров и др. 2003; Шаров. 2009). С уровня пола, вблизи алтаря, происходят фрагменты двух лепных курильниц на высоких ножках с выступами по краям резервуара. У основания алтаря найдены фрагменты трёх стеклянных сосудов, а между южной стеной и алтарем зафиксировано скопление кальцинированных костей. Антропоморфные идола лежали в одном метре к югу от южной стены святилища. Они были разбиты, и сохранились лишь две личины. Там же лежали составные части маленьких лепных антропоморфных статуэток (руки и ноги) и части ещё двух курильниц с подквадратными резервуарами.

В 2006 году Таракташской археологической экспедицией ИИМК РАН совместно со Славяно-Сарматской экспедицией Государственного Эрмитажа было открыто третье культовое сооружение на западном склоне горы Таракташ, которое получило название «Таракташ-III» (далее: «КСТ-III») (Шаров, Щукин, Палагута. 2007). Оно было открыто на поселении римской эпохи, в центре второй исследуемой террасы. В нем были найдены многочисленные краснолаковые и лепные культовые сосуды, кости жертвенных животных, а на полу, в северо-восточном углу, были найдены две глиняные антропоморфные статуэтки.

Помимо этого, на южном склоне горы Таракташ была найдена в отдельном помещении постройке 1 конца II – первой половины III в. н. э. фигурка антропоморфного глиняного идола (далее: «ТРШ-IV»).

Одни антропоморфные статуэтки Таракташа («КСТ-III») датируются по археологическому контексту всем II в. н. э., другие («КСТ-I», «КСТ-II») – концом II в. н. э. Я допускаю, что ритуальные действия в храмах № 1 и № 2 (КСТ-I) могли прекратиться в конце II в. н. э., так как материал поселения даёт чёткий разрыв по археологическому материалу для конца II в. н. э.

Хронология комплексов с находками антропоморфных идолов. Проанализируем комплексы с находками антропоморфных идолов, которые относятся к узкому временному срезу I в. до н. э. – рубежу IV–V вв. н. э. Наиболее ранние и достаточно хорошо датированные находки антропоморфных глиняных лепных статуэток известны на памятниках

меотов в Прикубанье – это находки из слоев Елизаветинского, Краснодарского, Подазовского, Роговского городищ, Воронежского городища № 3, Пашковского городища № 6 и т. д. Они происходят из слоев III вв. до н. э. – I/II вв. н. э. и изготовлены в самой примитивной манере (Емец. 2000. С. 18–19, Таб. IV).

С эпохи позднего эллинизма (конец II–I вв. до н. э.) до рубежа II–III вв. н. э. находки примитивных глиняных статуэток известны также и на памятниках «поздних» скифов нижнего Поднепровья и Крыма. Лепные статуэтки известны на городище Чайка, Гавриловском городище, на поселении Золотая Балка I в. до н. э. – I в. н. э., в жертвеннике одного из помещений Неаполя Скифского второй половины II – начала III вв. н. э. Недавние публикации материалов раскопок позднескифских памятников свидетельствуют об увеличении находок антропоморфных идолов. Это, прежде всего, находки из комплексов городища Кара-Тобе, которые датируются автором эпохой позднего эллинизма – раннеримским временем: помещение № 61–40/30 гг. до н. э.; яма 1/09 – второй четвертью I в. н. э. (Внуков. 2009. С. 27, 49, Рис. 97, 212).

Раскопки позднескифского могильника Кара-Тау, произведенные Ю. П. Зайцевым и И. И. Шкрибляк в 2016–2017 гг., также увеличили количество находок антропоморфных идолов в Крыму в римскую эпоху. В склепе-катакомбе I в. н. э. (№ 6а), были обнаружены скелеты восьми человек со следами насильственной смерти (отрубленные головы, пробитая острым предметом тазовая кость, рубящие удары на костях) – вероятные жертвы военного разгрома. При одном из погребений были найдены две уникальные антропоморфные статуэтки из необожженной глины с полихромной росписью (Зайцев, Шкрибляк. 2017. С. 148, Рис. 34, 2).

Антропоморфные статуэтки известны и в культуре тавров горного Крыма. Они происходят из материалов святилищ, но, к сожалению, могут датироваться лишь в очень широких рамках: в Ялтинском святилище – I–IV вв. н. э., в святилище «Гурзуфское седло» немного уже – I–III вв. н. э.

В комплексах второй половины II – первой половины III вв. н. э. примитивные глиняные статуэтки были найдены на сельских поселениях и в городах европейского Боспора (Кругликова. 1970; Емец. 2000. С. 18, Таб. I–II): Мысовке, Семеновке, Тасуново, Киммерике, Илурате, Зеноновом Херсонесе.

Таким образом, если исходить только из данных хронологии, то для самых ранних статуэток Таракташа II в. н. э. («КСТ-III») можно говорить об их возможной связи с более ранними антропоморфными позднескифскими, и меотскими статуэтками. Для статуэток («КСТ-II») конца II – первой половины III в. н. э., исходя из хронологии комплексов, существует весьма обширный ряд аналогий, происходящих из горных регионов Крыма.

Иконография статуэток. Чтобы сравнивать антропоморфные статуэтки различных эпох и различных территорий, необходимо выделить основные морфологические признаки, по которым возможен последующий сравнительный анализ:

- 1) Форма статуэтки: *а. цилиндрическая; б. конусовидная.*
- 2) Головной убор: *а. наличие убора; б. его отсутствие.*
- 3) Руки: *а. наличие рук; б. отсутствие рук.*
- 4) Положение рук: *а. вниз; б. на животе;*
- 5) Ноги: *а. наличие ног; б. отсутствие ног.*
- 6) Гендерные признаки: *а. наличие; б. отсутствие.*
- 8) Форма лица: *а. широколицая, б. среднелицая, в. узколицая.*
- 9) Нос: *а. защипом; б. вылеплен специально. в. вылеплен и нарисован краской*
- 9) Форма носа: *а. широкий уплощенный; б. высокий прямой; в. средний горбатый; г. узкий прямой, д. узкий горбатый.*
- 10) Глаза: *а. вдавления за счет защипа; б. налепы; в. прочерчены; г. нарисованы.*
- 11) Рот: *а. наличие рта; б. отсутствие рта.*
- 12) Декор: *а. наличие декора статуэток; б. отсутствие декора.*
- 13) Тип декора: *а. пластический; б. краской.*

Кратко проанализируем ранние таракташские статуэтки из «КСТ-III» первой половины – середины II в. н. э. По большинству признаков: выделение головного убора (2а), наличие рук (3а), широкое лицо (8а), высокий прямой нос (9б), налепы глаз (10б), наличие рта (11а), богатый декор фигур (12а) краской (13б) они не могут сравниваться с более ранними или синхронными им примитивными меотскими статуэтками, ввиду того, что все перечисленные выше признаки отсутствуют у последних. Большинство позднескифских статуэток также не имеют этих ведущих признаков. Но последние находки из могильника и святилища Кара-Тау говорят о том, что есть статуэтки, обладающие большинством признаков, которые имеются у таракташских статуэток. Это наличие рук (3а), широкое лицо (8а), высокий прямой нос (9б), налепы глаз (10б), наличие рта (11а), богатый декор фигур (12а) краской (13б). Таракташские и каратаусские статуэтки несут сугубо индивидуальный образ, который в более позднее время был известен лишь на территории европейского Боспора и Центральной Азии.

Таракташские идола из «КСТ-II» и «ТРИШ-IV» конца II – первой половины III в. н. э. обладают также сугубо индивидуальными признаками: головной убор (2а), широколицость (8а), высокий нос (10б), глаза – налепы (11б), которые указывают на ряд близких по морфологии параллелей, происходящих из позднескифского могильника Кара-Тау первой половины I в. н. э.

Следует признать, что в ряде прежних статей автор склонялся к мысли о перспективности поисков прототипов антропоморфных идолов в Центральной Азии. Материал всех трёх святилищ Таракташа находил некоторые центральноазиатские параллели: курильницы с квадратными основаниями и выступами по бокам резервуара на высоких ножках, подквадратные алтарики, лепная керамика с антропоморфными налечами на стенках, и «широколицый» тип личин всех антропоморфных идолов.

Анализ иконографии антропоморфных фигурок римской эпохи привел к изменению высказанной ранее точки зрения. Близкие по морфологическим признакам идолы встречены в более раннее время на могильнике Кара-Тау в горном Крыму. Это комплекс первой половины I в. н. э., который относится к позднескифской культуре, и искать параллели культовых сосудов нужно именно на позднескифских памятниках римской эпохи горного Крыма.

Литература

- С. Ю. Внуков. Отчет о работах Кара-Тобинского отряда в 2009 г. // НА ИА НАНУ. Киев, 2010.
- И. А. Емец. Лепная антропоморфная пластика Боспора // Древности Боспора, М., Наука, 2000. № 3.
- Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма. // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Симферополь, 2017.
- И. Т. Кругликова. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970.
- В. Л. Мыц, А. В. Лысенко. Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Часть 2.
- В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, И. Б. Тесленко, С. В. Сёмин. Отчёт о раскопках позднеантичного святилища у с. Дачное (б. Таракташ) в 1995 году. Симферополь, 1998 // РА КФ ИА НАНУ, Инв. кн. 6; Инв. № 1314; папка 1677.
- О. В. Шаров, М. Б. Щукин, И. В. Палагуца. Отчёт о раскопках поселения Таракташ у с. Дачное Судакского района, АР Крым Украины в 2006 году. // РА ИА НАНУ. 2007.
- О. В. Шаров. Святилище на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.
- М. Б. Щукин, О. В. Шаров, П. В. Шувалов, Л. А. Соколова, И. А. Гарбуз. Исследования поселения и святилища Таракташ 1 у с. Дачное Судакского района // Отчётная археологическая сессия за 2002 год. СПб., Государственный Эрмитаж, 2003.

Е. В. Струкова, С. В. Ушаков

Таврика от Херсонеса до Боспора: лепная керамика позднеантичного времени

Эпоха финальной античности Таврического п-ва была крайне напряженной и противоречивой: два основных центра – в Юго-Западном Крыму Херсонес Таврический и на востоке Боспор Киммерийский – вступили в эпоху острого внутреннего кризиса, усугубленного (и спровоцированного) коренными изменениями в военно-политической ситуации в регионе. Волны разнообразных варваров нахлынули в крымскую степь и предгорья, добираясь даже до южного берега и приступили к стенам городов, оказываясь и внутри их. Это было также временем существенных перемен в экономике и духовной жизни позднеантичных центров, что нашло своё отражение как в письменных источниках, лапидарной эпиграфике, так и материальной культуре, в том числе керамическом комплексе.

По-своему показательной, хотя и относительно слабо изученной, представляется лепная керамика (ЛК) Северного Причерноморья (Тарасова. 1998; Ушаков, Струкова. 2015. Там же основная литература), хотя интерес к ней растет. В лучшей степени она известна из раскопок варварских могильников, несколько меньше – из городских слоев. На эти важные моменты уже обращалось внимание (Гаврилюк. 2014; Гаврилюк, Тимченко. 2014). Необходимо продолжать их сравнительное изучение.

ЛК из Херсонеса известна, прежде всего, применительно к ранней (предистории этого полиса, представленной сосудами (или чаще их фрагментами) Кизил-Кобинского типа в работах О. Я. Савели, Э. А. Кравченко и С. Н. Сенаторова. Кроме того, при раскопках городища и хоры обращалось внимание на отдельные находки сосудов «скифского типа» или на комплексы с сосудами первых веков н. э. Один из примеров – коллекция лепной посуды из раскопок усадьбы 338 на хоре Херсонеса (Ковалевская, Суханова. 2005. С. 219). ЛК из Херсонесского некрополя I–IV вв. представлена в работах В. М. Зубаря, правда, только в самом общем виде (Зубарь. 1982. С. 79–82).

В последние годы при раскопках городища (квартал ХСVII) получены новые материалы, которые позволяют говорить о целых формах сосудов позднеантичного времени (Ушаков, Струкова. 2010; 2016): закрытые сосуды (кружки, кувшины, горшки разнообразных размеров и форм); открытые сосуды (миски, кастрюли с горизонтальными подтреугольными ручками и большие конусовидные сосуды, по форме напоминающие ведра) (Рис. 1 – I). Близкий набор форм был найден в слоях позднеримского времени при раскопках Портового района Херсонеса

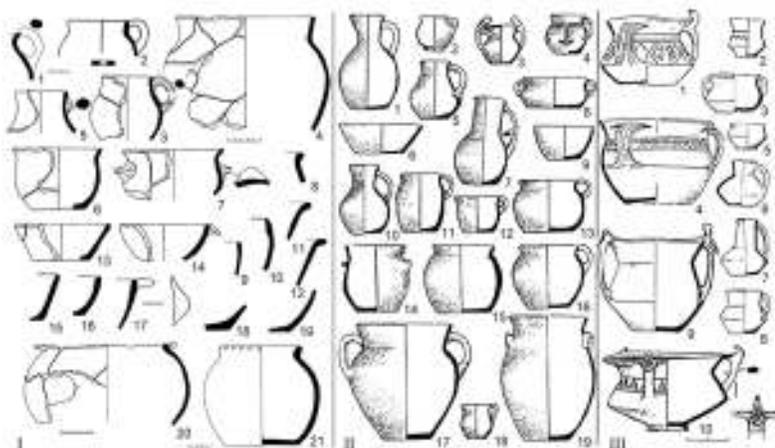

Рис. 1. Лепная керамика из Херсонеса и могильников Юго-Западного Крыма позднеантичного времени. I – из раскопок ХСVII квартала (по С. В. Ушакову и Е. В. Струковой); II и III – из варварских могильников (группы 1 и 2 по В. Ю. Юрочкину)

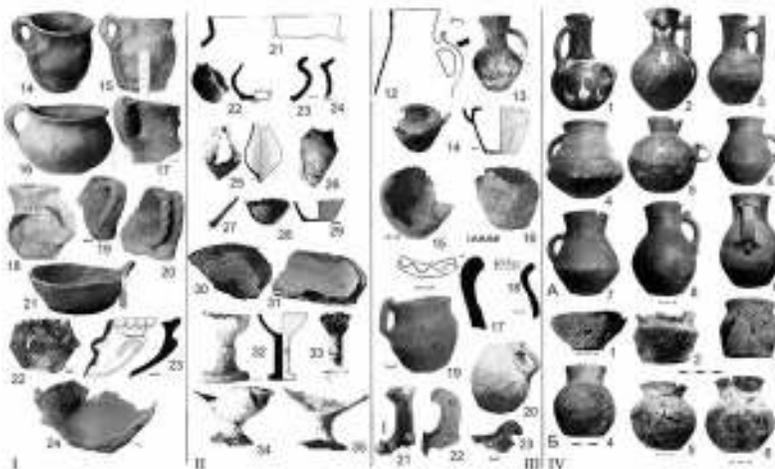

Рис. 2. Лепная керамика позднеантичного Боспора. I – «греческая» группа; II – «боспорская» группа; III – «сармато-аланская» группа (по Н. А. Гаврилюк); IV – из некрополя Фанагории (по А. П. Медведеву)

(«казарма») в 1993–1996 гг. и у «Базилики 1935 г.» (Ушаков, Струкова. 2015. С. 129. Рис. 2). Аналогичные по форме сосуды были обнаружены при исследовании хоры (Ковалевская. 1998; Созник. 2005. Рис. 7). Все эти и другие близкие комплексы Херсонесского городища и его хоры отнесены исследователями к периоду с III по V в. (преимущественно к IV в.) (Ушаков, Струкова. 2015. С. 130)¹.

Лепная «варварская» керамика, прежде всего из могильников Юго-Западного Крыма, изучалась многими специалистами. По итогам работ можно выделить следующие типы сосудов: миски не менее 8 вариантов, горшки трех вариантов, кувшины четырех групп, разделённых на варианты и еще ручки сосудов в виде животных, а также «вазы» (Ушаков. 1998. С. 147–152. Рис. 1–3; 2010. С. 93–95; Табл. 14; Рис. 52–54; ср.: Юрочкин. 2005. Рис. 5, 1,2) (Рис. 1 – II). Значительное многообразие форм лепных сосудов наблюдается в могильнике Совхоз-10: 1) миски, тарелки, блюда; 2) горшки; 3) кружки и небольшие кувшинчики; 4) кувшины двух больших групп (бытовые сосуды различного назначения и погребальные урны) (Стржелецкий и др. С. 130–141. Табл. XXX – XXXII. Рис. 22; Ушаков. 1998. Рис. 4). Открытые сосуды (миски) имеют определенное морфологическое сходство с находками как с территории к востоку (Боспор, Северный Кавказ), так (в меньшей степени) и к северо-западу от этой части Крыма. Горшки представлены единичными находками. Некоторые из них (большие сосуды с наклепными ручками) напоминают гето-дакийские формы, давно уже исчезнувшие к этому времени. Кружки и кувшины – в целом наиболее часто встречающиеся находки. Подавляющее их большинство связано с сармато-аланским миром, особенно небольшие кувшинчики с ручками в виде животных или с шишечками, всего лишь имитирующими их. В связи с этим интересным и важным выглядит вывод М. П. Абрамовой (Абрамова. 1984. С. 15–20) о том, что сосуды этого типа по происхождению связаны с местным населением не столько Северного Кавказа, или даже Закавказья, сколько Ирана и Южного Азербайджана. Эти традиции и были восприняты в конечном итоге сарматами.

Крайне своеобразной выглядит ЛК могильника Дружное (Храпунов. 2002; Храпунов, Мульд. 1997. С. 259–261), представленная следующими типами сосудов: горшки, ковши, кружки, кувшины и миски,

¹ При рассмотрении технико-технологических особенностей большинства лепных сосудов из ХСVII квартала Херсонеса отчетливо прослеживается одна специфическая черта – обилие в составе измельченной ракушки. Она впервые появилась в позднеримское время (не ранее IV в. н. э.), став своего рода культурно-хронологическим индикатором памятников, основанных мигрировавшими на полуостров из Центрального Предкавказья аланами (Ушаков, Струкова. 2015. С. 130. Примечание В. П. Власова).

а также кубки, блюда, блюдца, «солонки», чаша с подтипами и вариантами (подр. см.: Храпунов, Власов. 1998. С. 244–252; Власов. 1999). Это своеобразие придает оформление ручек в виде четко выраженных рельефных отростков (Храпунов, Мульд. 1997. Рис. 148, 1, 3; 149, 12; 150, 4; Храпунов, Власов. 1998. Рис. 7, 2, 5; 8, 5). Кроме того, в Дружном найдены специфические трехручные сосуды с процарапанным орнаментом врезными линиями (Храпунов, Мульд. 1997. Рис. 148, 1, 3) (Рис. 1 – II, 3,4; 1 – III, 1,4,9). В целом ЛК Дружного (432 экземпляра) представляет собой уникальное явление и не сводится ни к одной из известных керамических традиций (Власов. 1999. С. 352), но позволяет, по мнению В. П. Власова, выделить несколько разнородных по происхождению групп, среди которых (перечислены в порядке убывания) этнически нейтральная (20,8%), северокавказская (11,3%), Европейского Боспора (8,6%), позднескифская (6,52%), Нижнего Дона и Прикубанья (меоты – 5,8%), сарматская (4,65%), пшеворская, вельбарская и черняховская (3%), античная (3,25%), смешанная (11,1%), в том числе сочетающая сарматские и германские традиции, неопределенных традиций (3,25%) (подр. см.: Власов. 1999. С. 351–354). При этом наблюдается также небольшое сходство с керамическим комплексом лепной посуды позднеантичных центров Крыма: Боспора (ср.: Кастанаян. 1981. Табл. VII, 1–8; VIII, 1,2,7; IX, 1–10; XIV, 7–9; XIX, 4,6–11; XX; XXIII; XXV; XXVI; XXVIII; XXX и др.) и Херсонеса (Зубарь. 1982. Рис. 53, 54). Вероятно, в большей степени связаны с носителями черняховской культуры двух- и трёхручные лепные вазы.

Общий вывод по ЛК «варварских» памятников Крыма позднеантичного времени заключается в следующем. Во-первых, часть их вполне этнически «нейтральна» (функциональна); во-вторых, большая часть имеет вполне определенную «этническую составляющую», несущую ту или иную культурную традицию; в-третьих, особняком стоят сосуды типа «Дружное», крайне оригинальные, связанные, вероятно, все-таки с восточным культурным импульсом.

Боспор Киммерийский. ЛК традиционно активно изучалась целой плеядой исследователей. Так, в работах Е. Г. Кастанаян представлены основные формы ЛК малых городов Европейского Боспора (Мирмекий, Тиритака и Илурад) (Кастанаян. 1952; 1981); И. Т. Кругликова исследовала фанагорийскую и пантикапейскую «местную» керамику, Т. М. Арсеньев – ЛК Танаиса. Что касается ЛК Боспора в целом, а также сосудов римского и позднеантичного времени, то работа по ее анализу продолжается. Так, М. А. Котин опубликовал один из комплексов Тиритаки (яма № 11) с ЛК (горшки, миски, кружки), значительная часть которой, по его мнению, связана с варварами (Котин. 2013а. С. 420) и ЛК некро-

поля Джург-Оба (Котин. 2013б). В материалах раскопок поселения Белинское представлены все основные находки ЛК в хронологических рамках с рубежа I–II вв. по первую половину V в. (Зубарев, Крайнева. 2005). Некоторые итоги изучения ЛК Европейского Боспора подведены в ряде работ Н. А. Гаврилюк (Гаврилюк. 2013а, 2013б). Автором, в содружестве с руководителями раскопок, представлен и комплекс ЛК таких поселений, как Китей (Гаврилюк, Молев. 2013) и Нимфей (Гаврилюк, Соколова. 2007), а также выделены основные группы сосудов: «греческой», «боспорской» или «сармато-аланской» (Рис. 2 – I, II, III).

Активно продолжается исследование памятников Азиатского Боспора, в том числе и с ЛК. Например, среди ЛК из позднеантичного некрополя Фанагории доминируют сосуды сармато-аланского облика (см.: Медведев. 2013. С. 400; Рис. 7, 1; 8, 2; 11, 1–2; 13, 1; 14, 1; 16, 1; 19, 3–5; 21, 2; 23, 1,3; 25, 2–3; 30, 1–2; 33, 1; 42, 1; 43, 1; 47, 2; 49; 50, 1–6; Шавырина, Ворошилова. 2013. Рис. 15, 6; 17, 7,9; 24, 4; 25, 2,4) (Рис. 2 – IV).

Заключение. Для позднеантичной Таврики (по материалам ЛК) не наблюдается единства керамического комплекса. При определенной своеобразии можно говорить о схожести форм сосудов Херсонеса и Европейского Боспора, азиатская часть которого испытала достаточно сильное варварское влияние. Сами же варвары Крыма были отнюдь не однородны, и можно говорить о разных этнокультурных составляющих этого массива (ср.: Рис. 1, 2).

Литература

- М. П. Абрамова. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., Наука, 1993.
- В. П. Власов. Лепная керамика из некрополя III–IV вв. н. э. Дружное в Крыму // Сто лет Черняховской культуре. Киев, Товариство Археології та Антропології, 1999.
- Н. А. Гаврилюк. Лепная керамика Боспора IV–I вв. до н. э. // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., Нестор-История. 2013а.
- Н. А. Гаврилюк. Лепная керамика причерноморских памятников Европейского Боспора I–IV вв. н. э. // Таврійські студії. 2013б. № 1 (4).
- Н. О. Гаврилюк. Лепна кераміка античних центрів Північного Причорномор'я як джерело для вивчення етнічної і економічної історії // Археологія. 2014. № 4.
- Н. А. Гаврилюк, Н. П. Тимченко. Феномен лепной керамики античных центров Северного Причерноморья // Таврические студии. Исторические науки. 2014. № 6.
- Н. А. Гаврилюк, Е. А. Молев. Лепная керамика Китея // ДБ. 2013. № 17.
- Н. А. Гаврилюк, О. Ю. Соколова. Лепная керамика Нимфей // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. Москва–Киев–Запорожье, Дикое Поле, 2007.

- В. М. Зубарь.* Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв н. э. К., Наукова думка, 1982.
- В. Г. Зубарев, А. А. Крайнева.* Лепная керамика с городища у села Белинское (общая характеристика) // ДБ. 2005. № 8.
- Л. А. Ковалевская.* Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // ХСб. 1998. Вып. IX.
- Л. А. Ковалевская.* Комплекс столовой и кухонной керамики с усадьбы 106 на хоре Херсонеса Таврического // БИ. 2005. Вып. VIII.
- М. А. Котин.* Комплекс лепной керамики ямы № 11 из раскопок Тиритаки // БИ. 2013а. Вып. XXVIII.
- М. А. Котин.* Лепная керамика из позднеантичного «некрополя Джург-Оба» (к вопросу об этнической принадлежности) // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб., Нестор-История, 2013б.
- А. П. Медведев.* Позднеантичный некрополь Фанагории 4–5 вв. (раскопки 2005 г.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2013. Том 1.
- С. Ф. Стржелецкий, Т. Н. Высотская, Л. А. Рыжова, Г. И. Жесткова.* Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2003–2004. № 4.
- В. В. Созник.* Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамические комплексы) // БИ. 2005. Вып. VIII.
- Н. В. Тарасова.* Лепная керамика античных городов Северного Причерноморья (проблемы историографии) // ПИФК. 1998. Вып. VI.
- С. В. Ушаков.* О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III – первой половины VI вв. как источнике по этнической истории региона (к постановке проблемы) // ХСб. 1998. Вып. IX.
- С. В. Ушаков.* Варвары горной Таврики на рубеже эпох: Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III – середина VI вв. н. э.). Опыт реконструкции // Археологический альманах. № 23. Донецк, 2010.
- С. В. Ушаков, Е. В. Струкова.* Комплекс лепной посуды из засыпи колодца в Северо-Восточном районе Херсонеса // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. № 22. Донецк, 2010.
- С. В. Ушаков, Е. В. Струкова.* Лепная керамика позднеантичного Херсонеса в контексте античных памятников Северного Причерноморья // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7.
- С. В. Ушаков, Е. В. Струкова.* Лепная керамика их раскопок ХС VII квартала Херсонеса // Сугдейский сборник. Киев, Видавель Олег Філюк, 2016. Вып. VI.
- И. Н. Храпунов.* Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2002.
- И. Н. Храпунов, В. Н. Власов.* Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- И. Н. Храпунов, С. А. Мюльд.* Завершение исследования могильника Дружное // АИК в 1994 г. Симферополь. 1997.
- Т. Г. Шавырина, О. М. Ворошилова.* Исследование Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Результаты археологических исследований. М., Институт археологии РАН, 2013. Том 1.

В. Ю. Юрочкин. Крым в эпоху Великих миграций: проблемы этноса и культуры // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest.* Iași, 2005.

Е. В. Четвёркина

Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности¹

Античные города Северного Причерноморья, как известно, являются неотъемлемой частью древнегреческой ойкумены. Все явления материальной и духовной культуры жителей Боспора рассматриваются неотрывно от тенденций и событий, происходящих в городах Малой Азии, островной и континентальной Греции. Это касается и конкретных категорий находок, находимых при раскопках античных городищ. В то же время общепризнанным фактом является и определенная самобытность культуры боспорских городов, проявляющаяся во всех сферах жизни: политической, экономической, социальной, духовной.

В данной работе автором затрагивается проблема соотношения общегреческой традиции и местных черт на материале продукции керамического производства Северного Причерноморья. Конкретным объектом исследования является кухонная посуда, преимущественно гончарная (вопросы производства и этнической принадлежности лепной керамики довольно сложны и требуют отдельного обширного исследования; ввиду ограниченного объема эта категория не будет рассмотрена здесь. То же касается и т. н. «кухонного оборудования» – грилей, лазан, жаровен).

Кухонная керамика представляет собой массовый материал, удобный для исследования, хотя есть и ряд проблем в изучении в данной категории керамики. В числе их прежде всего сильная фрагментарность находок, они редко принимаются на музейное хранение. Также типы кухонных сосудов имеют слабую изменчивость во времени и не могут быть самостоятельными хроноиндикаторами (могут рассматриваться только вместе с другими, более надежными). Материал неравномерно распределен по хронологическим горизонтам, большинство находок ку-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук (или ФНИ ГАН) по теме государственного задания № 0184-2018-0002. «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)». Руководитель М. В. Медведева.

хонной керамики происходит из слоев эллинистического времени, что может несколько искажать графики и данные, полученные в результате статистической обработки. В целом из-за своей непривлекательности материал редко обращает на себя внимание археологов.

Но, несмотря на многочисленные сложности, результаты работ, проведенных отечественными и зарубежными исследователями с 40-гг. XX в. по настоящее время (подборку работ под данной теме см. Четвёркина. 2017. С. 99–100), показали, что кухонная керамика может представлять собой ценный источник как по керамическому производству, так и по торговым связям. Американскими и европейскими археологами широко использовались естественнонаучные методы (петрографическое обследование глиняного теста, нейтронно-активационный и флюоресцентный анализы), благодаря которым было установлено, что на одном памятнике может присутствовать продукция нескольких центров, причем общая картина усложняется еще и тем, что формами сосудов они могут подражать друг другу. В отечественной науке, к сожалению, мало возможностей для исследования античной керамики с привлечением естественнонаучных анализов, случаи проведения их единичны. Тем не менее, необходимо прежде использовать потенциал изучения материала доступными классическими археологическими методами, какими, несомненно, являются типологический и сравнительно-исторический методы. Они являются основными в данном исследовании.

Основой для статьи явились уже опубликованные материалы памятников Северного Причерноморья и средиземноморского региона, полевая документация (главным образом, Мирмекия и Порфмия, за что выражаю благодарность А. М. Бутягину и М. Ю. Вахтиной за предоставленные материалы), коллекции керамики из раскопок городищ Румынский I, Патрей, Батарейка I, Батарейка II, хранящиеся в Государственном историческом музее, и Нимфей из собрания Государственного Эрмитажа, за что также благодарю хранителей коллекций Д. В. Журавлёва, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Соколову.

Основное внимание в этой статье уделено кастрюлям как самой изменчивой форме. Форма сковороды и горшка в целом универсальны и редко имеют специфичные черты, позволяющие говорить о региональных особенностях, то же касается и крышек кухонных сосудов. Сковороды обычно сводятся к 2 типам: глубокие с прямыми стенками и невысокие с наклонными, у тех и других в некоторых случаях на внутренней стороне присутствует выступ для держания крышки, иногда на тулове есть специальная втулка для крепления деревянной ручки. Отдельно стоит упомянуть несколько специфичную форму – сильно уплощенную сковороду с высотой стенок не более 2–3 см. Сосуды та-

кого типа были найдены в Приене (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider. 2014. P. 3. Fig. 2, 1), есть мнение, что это форма приспособлена специально для выпечки (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider. 2014. P. 3).

Кухонные горшки подвергались ранее пристальному вниманию автора, была предпринята попытка построения типологии этой формы по материалам Мирмекия (Четвёркина. 2017. С. 98). Выделенные типы перекликаются с находками из других боспорских городов, в сравнении с формами афинских горшков все же более просты в оформлении венчика и украшении тулова (подрезки, более ярко выраженная форма, изредка – покрытие или полосы краски) (Rotroff. 2006. Fig. 71–83). Есть экземпляры типа 1, или ‘baggy chytra’, который был распространен в эллинистическое время повсеместно в средиземноморском бассейне (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider. 2014. P. 2). Пантикапейский тип 8 (Кругликова. 1957. С. 114. Рис. 3, 5–7) имеет явно параллели с Chytra form 4 (Rotroff. 2006. Fig. 74. 591–594) и ‘Phocean type chytra’ из Приены (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider. 2014. P. 19. Fig. 2, 4).

Среди кастрюль в качестве примеров, на которых будут рассмотрены общие закономерности и специфические черты, выбраны три характерных типа, встречающиеся как в городах Северного Причерноморья, так и в Восточном Средиземноморье: кастрюли с удлиненным краем и низким туловом, кастрюли с горизонтальным краем и остродонным туловом и кастрюли с широким туловом и утолщенным трапециевидным краем.

Кастрюли с длинным прямым краем и прилегающим к нему с внутренней стороны длинным выступом являются классической и наиболее распространенной формой кухонной посуды на Эгине, которая появляется в третьей четверти V в. до н. э. и существует вплоть до конца IV в. н. э. Согласно проведенным анализам глины, они являются продуктом местного производства (Klebinder-Gauss. 2012. P. 89, 186). Этот тип встречается широко в Средиземноморье, есть в Афинах, где по исследованию глин найденные экземпляры определены как импортные, Коринфе и ряде других центров. В Северном Причерноморье фрагменты похожих сосудов были найдены на Мирмекии в слоях эллинистического времени и в Нимфее (ГЭ, инв. №№ НФ. 48.1433; НФ. 51.830; НФ. 72.688), причем три экземпляра, изготовленные из оранжевой и красной глины, имеют красное покрытие и могут быть эгинского происхождения, но один сосуд исполнен из характерной «боспорской» глины (красная глина с включениями мелкой ракушки), вероятно, местного производства, и подражает эгинскому типу, но имеет не свойственную ему высокую петлевидную ручку (ГЭ, инв. № НФ. 66.47).

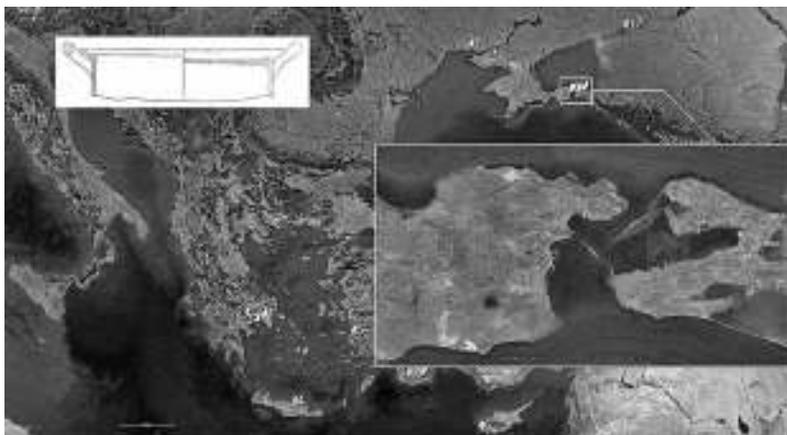

Рис. 1. Карта распространения остродонных кухонных кастрюль с горизонтальным краем (изображение взято по: Книпович. 1940. Табл. XXIX, 5): 1 – Афины, 2 – Коринф, 3 – Эгина, 4 – Кносс, 5 – Приена, 6 – Пафос, 7 – Ольвия, 8 – Порфмий, 9 – Мирмекий, 10 – Пантикапей, 11 – Нимфей, 12 – Батарейка I, 13 – Патрей, 14 – Кепы, 15 – Румынский I, 16 – Гермонасса, 17 – Танаис

Рис. 2. Карта распространения кухонных кастрюль с широким туловом и трапезиевидным краем (изображение взято по: Кругликова. 1956. С. 114. Рис 3): 1 – Афины, 2 – Коринф, 3 – Эгина, 4 – Ольвия, 5 – Панское I, 6 – Порфмий, 7 – Парфений, 8 – Мирмекий, 9 – Пантикапей, 10 – Нимфей, 11 – Румынский I

Кастрюли следующего рассматриваемого типа имеют прямое тулово, завершающееся острым, немного уплощенным дном (Рис. 1). Край сосуда длинный, горизонтально расположенный, с небольшим выступом для крышки. Находки кухонных кастрюль этого типа встречаются в Пантикапее (Кругликова. 1957. С. 114. Рис. 3, 1–4, 9), Мирмекии, Порфмии, Нимфее (ГЭ, инв. №№ НФ. 39.117; НФ. 50.123; НФ. 52.104), Гермонассе (Сокольский. 1959. С. 55. Рис. 22, 3), Кепях (Николаева. 1967. С. 99. Рис. 36, 1), Патрее, городищах Батарейка I и Румынский I, в Ольвии (Книпович. 1940. С. 138. Табл. XXX, 1–4) и Танаисе (Каменецкий. 1969. С. 171. Табл. VI, 1). За пределами Северного Причерноморья были найдены на Афинской агоре (Rotroff. 2006. Fig. 84, 665–668; Fig. 85, 669–671), в Коринфе (Edwards. 1975. Pl. 683–685), на Эгине (Klebinder-Gauss. 2012. Tafel. 50, 499–501), в Приене (Amicone, Fenn, Heinze, Schneider. 2014. P. 20. Fig. 3, 2), Кноссе на Крите (очень многочисленны, например, Sackett. 1992. Pl. 104, 13–15, P. 168–170) и в Пафосе (Hayes. 2003. P. 478. Fig. 17, 168). Скорее всего, подавляющее большинство этих кастрюль относится к местному производству, но также выделяется из общего ряда одна группа сосудов из комплексов II в. до н. э., встречающихся на разных памятниках средиземноморского региона, например, выделенные С. Ротрофф формы 4 и 5 на материале Афин, один экземпляр из Эгины (Klebinder-Gauss. 2012. Tafel. 71, SKOL 104), Дж. Хейс предположил, что они малоазиатского или ближневосточного происхождения (Rotroff. 2006. P. 186). В целом форма появляется в позднеэллинистическое время и становится повсеместно популярной в римское время, существует вплоть до конца II в. н. э. Прослеживается общая тенденция развития данного типа в сторону большей геометричности и вычурности формы тулова, на котором чаще делают не горизонтальные, как раньше, а вертикальные, изящно изогнутые ручки. В разных городах тенденция проявляется с разной силой, яркие примеры – в Кноссе на Крите (Sackett. 1992. Pl. 185, 16) и в Пафосе (Hayes. 2003. P. 482, Fig. 19, 195). Определенным своеобразием обладает группа кастрюль II в. н. э. с низким, припухлым горлом из Мирмекии (Гайдукевич. 1952. С. 158. Рис. 41, 1–4). Однако вряд ли можно считать их специфической боспорской формой, так как глина мирмекийских сосудов – красно-коричневая глина с крупными частицами слюды, что может указывать на ионийское происхождение.

Последний рассматриваемый нами тип кастрюль имеет широкое котлообразное тулово с горизонтальными ручками, оканчивающееся округлым дном, край сосуда утолщенный, трапециевидный по форме, с небольшим выступом для крышки с внутренней стороны (Рис. 2). Ку-

хонные сосуды данного типа встречаются в Афинах (Sparkes, Talcott. 1970. Fig. 18, 1968), Коринфе (Edwards. 1975. Pl. 27, 649), на Эгине (Klebinder-Gauss. 2012. P. 361, SKOL 85), Кноссе (Sackett. 1992. Pl. 140, 71–73; Pl. 148, 105), Ольвии (Книпович. 1940. С. 138. Табл. XXIX, 5; Лейпунская. 1987. С. 80. Рис. 29, 4), Панском I (Hannestad, Stolba, Šeglov. 2002. Pl. 94, 96), Нимфее (ГЭ, инв. № НФ. 40.485, НФ. 51.811, НФ. 72.687), Порфмии, Парфении (Кастанаян. 1958. С. 262. Рис. 13), Румынском I. Совершенно определенно, согласно данным химико-технологического, нейтронно-активационного и петрографического анализов (Кульская. 1940. С. 171–185; Klebinder-Gauss. 2012. P. 83–170), этот тип кухонных кастрюль производился в Ольвии и Эгине, и именно из них происходят самые ранние находки, датируемые соответственно VI–V вв. до н. э. и третьей четвертью V–IV в. до н. э. Вероятно, что оба центра активно торговали керамическими изделиями и оказывали влияние на керамическую моду каждый на свой регион. Находки из других городов приходятся на IV в до н. э., предположительно, все они являются продуктом местного производства, за исключением фрагментов кухонных сосудов Румынского I и Панского I, изготовленных из оранжевой и розово-красной глины с включением песка и пироксена, напоминающие глину гераклейских амфор, возможно, происходят из Южного Причерноморья.

Подводя итог, следует отметить, что в кухонной керамике существуют несколько типов, общих как для средиземноморского района, так и для Северного Причерноморья. Местные типы, как правило, отличаются характером исполнения, а не основной формой. К похожему выводу пришел и исследователь эллинистической керамики Коринфа Г.-Р. Эдвардс: по его мнению, в эллинистическое время образуется специфическое «койне» в области керамического производства, связанное с распространением общих форм сосудов, мощный импульс идет при этом от Афин. Но движение идей не однополярно, есть и другие центры, влияющие на зарождение новых тенденций, в их числе Эгина и неизвестный центр, производящий кастрюли форм 4 и 5 по С. Роттрофф. Интересны суть и корни этого явления, в дальнейшем планируется обратиться к исследованию находок кухонной посуды архаического и классического времени.

Литература

- В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. М., Л., Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. I. – (МИА. № 25).

- И. С. Каменецкий.* Опыт изучения массового керамического материала из Та-наиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М., Изд-во Академии наук СССР, 1969. – (МИА. № 154).
- Е. Г. Кастанаян.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // Боспорские города. Работы Боспорской экспедиции. 1946–1953 гг. 1958. М.–Л., Изд-во Академии наук СССР, 1958. – (МИА. № 85).
- Т. Н. Книпович.* Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. Киев, Изд-во АН УССР, 1940. Т. I.
- И. Т. Кругликова.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапей в VI–III вв. до н. э. // Пантикапей. М.–Л., Изд-во Академии наук СССР. 1957. – (МИА. № 56).
- О. А. Кульская.* Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев, Изд-во АН УССР, 1940. Т. I.
- Н. А. Лейтунская.* Кухонная керамика // Культура населения Ольвии и ее окру-ги в архаическое время. Киев, Наукова думка, 1987.
- Э. Я. Николаева.* Раскопки городища Кепы // КСИА. 1967. № 109.
- Н. И. Сокольский.* Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИА. 1959. № 74.
- Е. В. Четвёркина.* Типологический и хронологический анализ античной ку-хонной посуды Мирмекия // Труды V (XXI) археологического съезда. Бар-наул, Изд-во АлГУ, 2017. Т. II.
- S. Amicone, N. Fenn., L. Heinze, G. Schneider.* Cooking pottery in Priene: Imports and local/regional production from late Classical to late Hellenistic times// Frankfurter elektronische Rundschau zur Altertumskunde [Electronic resource]. URL: http://www.fera-journal.eu/index.php/ojs-fera/issue/view/FeRA_25 (Accessed January 30, 2017).
- G. R. Edwards.* Corinthian Hellenistic pottery. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1975. – (Corinth. Vol. VII. Part 3).
- L. Hannestad, V. F. Stolba, A. N. Čeglov.* Panskoe I. The Monumental Building U6. Aarhus, Aarhus University Press, 2002. Vol. 1.
- J. W. Hayes.* Hellenistic and Roman Pottery Deposits from the ‘Saranda Kolones’ Castle Site at Paphos // The Annual of the British School at Athens. 2003. Vol. 98.
- G. Klebinder-Gauss.* Keramik aus klassischen Kontexten im Apollon-Heiligtum von Ägina-Kolonna: Lokale Produktion und Importe. Wien, Austrian Academy of Sciences Press, 2012.
- S. I. Rotoff.* Hellenistic pottery: the plain wares. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 2006. – (The Athenian agora. Vol. XXXIII).
- L. H. Sackett.* Knossos from Greek city to Roman colony. Excavations at the Unexplored Mansion II. Oxford, Alden Press, 1992.
- B. Sparkes, L. Talcott.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, New Jersey, The American School of Classical Studies at Athens, 1970. – (The Athenian agora. Vol. XII. Part 2).

А. П. Воскресенский

**Сведения «Географии» Страбона
об оседлых варварах Азиатского Боспора:
достоверное и сомнительное¹**

Подавляющее большинство оседлых варваров, соседствовавших с Боспором во времена Страбона и до него, в эллинистическую эпоху, реалии которой он, скорее всего, и описывал, было сосредоточено в Азии, на Таманском полуострове. Это подтверждается и свидетельствами античных авторов, и археологическими данными из некрополей боспорских городов (Масленников. 1990. С. 62). В данной статье речь пойдёт о наиболее крупных и значимых для истории Боспора племенных объединениях оседлых варваров, встречающихся у Страбона: меотах (под этим этнонимом Страбон, скорее всего, объединял всех оседлых варваров у Меотиды) и двух племенах, которых он включает в состав меотов, – синдах и аспургианах.

Страбон уделяет меотам больше внимания, чем все его предшественники. В XI. 2. 11 географ сообщает: «К меотам относятся и сами синды, и дандарии, тореты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски [и] многие другие. К ним же относятся и аспургиане, живущие на протяжении 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией».

Как справедливо отмечал И. С. Каменецкий, перечисление Страбонам меотских племён не было последовательным (Каменецкий. 2011. С. 162). Географ плохо себе представлял, где живёт каждое из этих племён, зная лишь примерно, что меоты живут около Меотиды. Поэтому он говорит лишь об их этнической принадлежности, но ничего не сообщает о том, какое племя жило за каким, как он это делает, например, для ахеев, зигов и гениохов. Вероятно, это объясняется тем фактом, что меотские племена жили не только на побережье, в отличие от пиратов ахеев, зигов и гениохов, а следовательно, точной информацией об их расселении плававшие вдоль берега греки не владели.

В науке неоднократно высказывалась точка зрения, что Страбон в этом списке причислил к меотам всех варваров, по его сведениям, живших около Меотиды, то есть принцип был исключительно территориальный (Gardiner-Garden. 1986. P. 206; Галанина, Алексеев 1990. С. 50; Тохтасев. 2004. С. 167; Эрлих. 2007. С. 10; Молев. 2010. С. 270–271). И действительно, скорее всего, для него «меоты» были собира-

¹ Доклад подготовлен при поддержке гранта «Молодые ученые в гуманитарных науках». Конкурс на грант проводится Фондом инновационных научно-образовательных программ «Современное Естествознание».

тельным этногеографическим понятием. В этом отношении показательно, что Страбон, в отличие, например, от Плиния Старшего (Plin. NH. IV. 88) или Евстафия Солунского² (Eust. ad Dion. Per. 652), нигде не говорит, что название «Меотида» происходит от «имени меотов», как он это делает, например, применительно к народу каспиев и Каспийскому морю (XI. 2. 15).

При рассмотрении локализации Страбоном оседлых варварских племён на Боспоре бросается в глаза одна особенность: все они сконцентрированы на азиатской стороне пролива и Меотиды. Про плавание по побережью Меотиды он сам в VII книге отмечает следующее: «Весь этот путь вдоль Европы пустынен, тот же, что справа – не пустынен» (VII. 4. 5). Однако свидетельство Страбона о сплошном заселении меотами побережья от Танаиса до Тирамбы не подтверждается археологическими данными. Вплоть до современного Приморско-Ахтарска, то есть до Малого Ромбита по Страбону, в ходе целого ряда разведок здесь не было обнаружено никаких поселений античной эпохи (Каменецкий. 1989. С. 242. Карта 23). Таким образом, восточный берег Меотиды на большем своем протяжении был так же безлюден, как и западный, и если и имел поселения, то только к югу от Бейсугского лимана³. То же касается и его сведений о рыболовстве меотов на этом побережье.

Из всех варваров, причисленных Страбоном к меотам, наиболее известным и часто встречающимся в других источниках является племя синдов, поэтому о них, а прежде всего о земле, с ними связанной – Синдике (ἡ Σινδική), стоит сказать специально. Наряду со Страбоном, единственным античным автором⁴, прямо относившим синдов к меотам, был Псевдо-Арриан (PPE. 65. 24). Псевдо-Скилак (72), Дионисий Перизгет (652–680) и Полиэн (VIII. 55) отличали синдов от меотов⁵. В боспорских надписях синды подчеркнута отделены от меотов (КБН. 8–11, 25, 39, 40, 971, 972, 1015, 1039, 1040). Они явно не включались боспорянами в понятие «все маиты» (КБН. 8, 10, 25, 971, 1015, 1039, 1040). То есть Страбон, особенно не интересуясь синдами как этносом, просто присоединил их к меотам по территориальному принципу. Но при этом он гораздо большее внимание уделяет земле синдов – Синдике.

² Евстафий, правда, сомневается, происходит ли название Меотида от меотов или наоборот.

³ См. карту меотских племён по В. П. Шилову (Лимберис, Марченко. 2010. С. 188).

⁴ За исключением Стефана Византийского, вероятно, черпавшего данную информацию из «Географии» Страбона.

⁵ Точно сказать, причислял ли Геродот синдов к меотам, нельзя, так как и те, и другие упоминаются им всего по разу, но весьма вероятно, что он их различал.

Синдика упоминается в «Географии» в три раза чаще, чем синды: шесть раз (один раз в VII книге (4. 6), четыре раза в XI (2. 1; дважды в 2. 10; 2. 12) и один раз в XII (3. 29)) против двух (XI. 2. 10, 11). Во всех этих случаях Синдика встречается не в этническом, а в географическом и политическом контекстах. Как и в случае с меотами и Меотидой, Страбон нигде не говорит, что слово «Синдика» происходит от синдов. Весьма вероятно, это обуславливается тем, что Синдика для Страбона не только и не столько «страна синдов», сколько административно-территориальная единица.

Синдика упоминается в «Географии» в связи с характеристикой плодородности земли и урожайности на Боспоре, а также уплатой дани Митридату Евпатору: «Вся остальная [часть] полуострова, кроме гористой местности у моря до Феодосии, равнинна и плодородна, особенно богата она хлебом, принося [урожай] сам-тридцать даже вспаханная как попало. Они⁶ вместе с азиатскими землями у Синдики платили Митридату дань в 180000 медимнов хлеба и 200 талантов серебра». Примечательно, что Страбон разделяет территорию Боспора и Синдики, что особенно заметно во фрагменте XI. 2. 1: «Примыкают к морю азиатские области Боспора и Синдики». Возможно, это свидетельствует об особом статусе этой территории во времена Боспора.

Больше других свидетельств Страбона об оседлых варварах Азиатского Боспора внимание исследователей привлекало его уникальное сообщение об аспургианах. Основной круг вопросов, связанных с этой общностью, можно очертить следующим образом: происходит ли слово «аспургиане» от имени царя Аспурга? Являются ли аспургиане варварским племенем, или это название было дано военно-хозяйственным поселенцам на азиатской части Боспора? Если это племя, то каково его происхождение? Этим вопросам в историографии уделено немало внимания (Латышев. 1909. С. 104; Ростовцев. 1914. С. 16–17; Голубцова. 1951. С. 111–112; Сокольский. 1975. С. 28; Сапрыкин. 1985. С. 65–78; Молев. 1995. С. 63–66. Горончаровский. 2000. С. 54–58; Сапрыкин. 2002. С. 210–212). После Страбона и, скорее всего, вслед за ним аспургиан упоминают Клавдий Птолемей (V. 8. 17), искажая их название (Ἀσπουρικανοί), Элий Геродиан (VII. 180. 2) и Стефан Византийский (Steph. Byz. s. v. Ἀσπουριανοί). Из данных свидетельств явствует, что аспургиане – меотское племя, населявшее территорию Азиатского Боспора. Аспургиане также упоминаются в надписях III в. н. э. из Пантикапея и Танаиса (КБН. № 36, 1246, 1248), точнее, там упоминается

⁶ Здесь Страбон, сам как будто этого не замечая, резко переходит от территорий к людям, населявшим эти территории.

должностное лицо ὁ ἐπί τῶν Ἀσπουργιανῶν. Ещё один, по всей видимости, вторичный источник, в котором упоминаются аспургиане, – это Певтингерова карта. Не исключено, что её составители, когда наносили на неё слово «ASPURGIANI» в районе озера, обозначенного как LACUS DOR, опирались на текст «Географии» Страбона.

Основное расхождение среди исследователей, занимавшихся проблемой аспургиан, заключается в вопросе о том, стоит ли доверять в данном случае античным авторам, прежде всего Страбону, и видеть в аспургианах отдельное варварское племя или нет. Недоверие к Страбону, в данном случае, объясняется тем, что название аспургиане де-номинативное, то есть образовано от имени «Аспург».

Не желая здесь подробно вдаваться в проблему аспургиан (ей был посвящён специальный доклад на конференции в Казани в 2017 г.), отмечу, что определённо ответить на вопрос, кем были аспургиане, к сожалению, нельзя. С одной стороны, если считать их военными колонистами, то не могут не смущать сохранение этой общности и её названия вплоть до конца III в. н. э. (Молев. 1995. С. 62), а также свидетельства четырёх античных авторов и Певтингеровой карты. С другой стороны, было бы глупо считать простым совпадением появление царя Аспурга и аспургиан в одну и ту же эпоху и в одном и том же регионе. В заключение хочется добавить ещё один аргумент против племенного характера «общности аспургиан». Для самого Страбона аспургиане явно не были «обычным» племенем. Помимо того, что он отделяет их от общего ряда меотских племён в XI. 2. 11, в XII. 3. 29 он пишет о них «так называемые аспургиане» (Ἀσπουργιανοῖς καλούμενοι). Подобранный эпитет применительно к варварским этнонимам географ использовал, как правило, в тех случаях, когда сведения о них мифологичны и он им не очень доверяет (ср. «Аристей, воспевший так называемых аримаспов, шарлатан, как никто другой» (XIII. 1. 16); «так называемые троглодиты» (VII. 5. 12); «так называемые ахеи на Понте» (IX. 2. 42)), или когда это вторичное название, происходящее от их образа жизни (ср. «так называемые гамаксойки⁷» (VII. 3. 7; XI. 5. 7)). Соответственно, аспургиане могли быть частью варваров, которые *так называться* стали от царя Аспурга, которого они поддержали. Но так или иначе, Страбона, вполне естественным образом, гораздо больше интересовали исторические, а не этнологические факты, касающиеся этой общности.

Таким образом, сведения Страбона об оседлых варварах Азиатского Боспора и близлежащих земель не всегда надёжны, несмотря на стремление географа к изложению максимально достоверных дан-

⁷ Букв. «живущие в телегах».

ных. Применительно к региону северо-восточного побережья Чёрного моря Страбон старался использовать самые современные источники – труды историков Митридатových деяний – и сознательно отказался от использования перипла, вероятно, изложенного в трудах Артемидора, Псевдо-Скилака и ряда других авторов. Возможно, в силу предпочтений Гипсикрата из Амиса и Метродора из Скепсиса (οἱ τὰ Μιθριδικὰ συγγραψάντες) свидетельства опиравшегося на них Страбона не равны по своей ценности. Так, сведения чисто этнологического характера значительно уступают в полноте и достоверности сведениям историческим. Страбон ошибочно «заселяет» всё восточное побережье Азовского моря меотами и говорит об их рыболовных стоянках в этом регионе. Он не владел точной информацией о расселении меотских племён и, по-видимому, сам не мог чётко идентифицировать характер общности аспургиан. При этом он хорошо осведомлён, например, об особом положении, которое занимала Синдика в Боспорском государстве, знал точный размер дани, выплачиваемой с этих территорий Митридату. Вполне достоверно его свидетельство об убийстве Полемона в Синдике, хоть мы и не знаем точно, кем были его убийцы – аспургиане.

Литература

- А. Ю. Алексеев, Л. К. Галанина.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30.
- Е. С. Голубцова.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., Изд-во Академии Наук СССР, 1951.
- В. А. Горончаровский.* Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. ТД междунар. конф., Тамань, 9–16 октября 2000 г. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. Вып. 3.
- И. С. Каменецкий.* История изучения меотов. М., Таус, 2011.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Меоты // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. 1.
- А. А. Масленников.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., Наука, 1990.
- Е. А. Молев.* Этнографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II – первой половине I в. до н. э. // GAUDEAMUS IGITUR. Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
- Н. И. Сокольский.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143.
- С. Р. Тохтасьев.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.
- В. Р. Эрлих.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., Наука, 2007.
- J. Gardiner-Garden.* Fourth century conception of Maiotian ethnography // Historia. 1986. Bd. 35. № 2.

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Меотские мечи из Прикубанского могильника¹

Раскопанный в 1998–2001 гг. Краснодарской экспедицией могильник у хут. Прикубанский стал эталонным памятником для меотской культуры IV – начала III в. до н. э. Из него происходят более 350 комплексов с амфорами и чернолаковой керамикой, многие из которых содержали предметы вооружения.

Коллекция мечей из этого некрополя представлена 64 экземплярами, но у 12 мечей не сохранились навершия. Поэтому только 52 меча вошли в нашу классификацию. По форме навершия и рукояти мечи разделены на 2 типа.

Тип I – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным или округлым в плане.

Тип II – мечи с расширяющейся сверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию.

По оформлению основания клинка выделяется три варианта:

вариант А – основание срезано под тупым углом к рукоятке;

вариант Б – основание срезано под прямым углом к рукоятке;

вариант В – основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок).

По форме клинка выделяется три разновидности:

1 – с треугольным, пропорционально широким клинком;

2 – с треугольным, пропорционально узким клинком;

3 – с параллельными лезвиями (Рис. 1).

Большая часть мечей была встречена в погребениях вместе с амфорами, что даёт возможность многим экземплярам надёжно датировать с точностью до четверти века.

Тип I-A-1 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным или овальным в плане, основание клинка срезано под тупым углом к рукоятке, клинок пропорционально широкий, треугольный. К этому типу относятся 15 мечей из погребений 33, 39, 60, 104, 108, 172, 188, 209, 224, 235, 296, 369, 405, 415 и погребения 8 кургана 3. Ширина клинка у основания колеблется от 6,4 см до 10,2 см. Длина мечей – от 56,4 см до 76,4 см. Некоторые экземпляры отличаются деталями оформления и конструктивными особенностями. У меча из погребения 39 рукоятка расположена под небольшим углом к клинку. Навершие у меча из погребения 224 – бронзовое, узкое, прямоуголь-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00619 «Военное дело меотов правобережья Кубани (VI в. до н. э. – III в. н. э.)».

ное, насажено на рукоятку, которая заканчивалась узким штырем. Затем штырь был расклепан. У этого меча есть еще одна особенность – основание клинка украшено тонкой, узкой бронзовой пластинкой серповидной формы, вероятно, имитирующей перекрестие. Навершие у меча из погребения 104 – массивное, но края его разрушены, поэтому на рисунке оно выглядит как грибовидное. У меча из погребения 108 сохранился железный наконечник ножен.

У меча из погребения 405 в нижней части клинка (клинок не треснутый) имеется короткий железный штырь. Функциональное назначение этого штыря неизвестно. Можно лишь предположить, что он использовался для крепления меча в деревянных ножнах большего размера при верховой езде.

Все мечи, за исключением одного, происходят из комплексов, хронологические рамки которых ограничиваются разными четвертями IV века (от первой до последней). В погребении 60 найдена амфора Эриф типа IV, которая датируется концом IV – первой третью III в. до н. э. Таким образом, время бытования данного варианта мечей определяется в пределах IV – начала III в. до н. э.

Тип I-A-2 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под тупым углом, клинок узкий, треугольный. К этому варианту относятся мечи из ком-

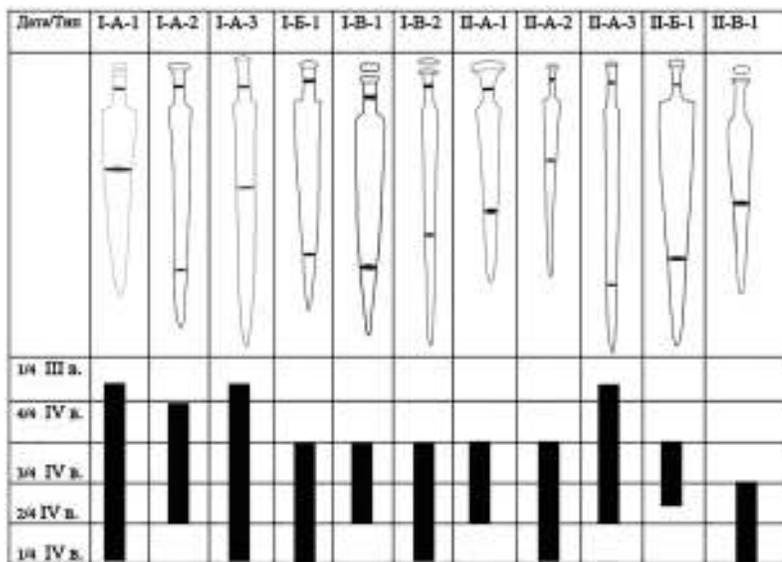

Рис. 1. Типология и хронология мечей из Прикубанского могильника

плексов 171, 236, 335, 352. Самый короткий меч (48 см) происходит из погребения 236, остальные три меча – более длинные: 67 см, 71,2 см и 79,6 см. Ширина клинка у основания – от 4,4 см до 6,6 см. На рукоятке меча из погребения 352 сохранились три продольно расположенные заклепки для крепления деревянных обкладок рукоятки. По амфорам, встреченным в погребениях, хронология мечей ограничивается второй четвертью – концом IV в. до н. э.

Тип I-A-3 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под тупым углом, клинок с параллельными лезвиями. Мечи этого варианта встречаются в погребениях 88, 173, 202. Длина мечей – от 65,6 см до 80,8 см. Ширина клинка у основания – от 2,4 см до 5,2 см. Меч из погребения 88 находился в деревянных ножнах, оббитых железом (под железной обивкой сохранился тонкий древесный тлен). Ножны овальные в сечении, сохранились фрагментарно. По амфорам погребения с мечами этого варианта датируются от первой трети IV до начала III в. до н. э.

Тип I-B-1 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка срезано под прямым углом, клинок широкий, треугольный. К этому варианту нами отнесено 4 меча из погребений 98, 167, 405, 421. Длина мечей – от 48,6 см до 64 см. Ширина клинка у основания – от 5,1 см до 7,6 см.

Наиболее ранний меч происходит из погребения 167 с амфорой 90-х гг. IV в. до н. э. Второй четвертью этого столетия датируется меч из погребения 98. Остальные два меча имеют более широкую дату – в пределах второй – третьей четвертей IV века. Время бытования мечей этого варианта сейчас следует ограничить первой – третьей четвертями IV в. до н. э.

Тип I-B-1 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, прямоугольным в плане, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок широкий, треугольный. К этому варианту относятся 5 мечей из погребений 182, 224, 357, 401, 426. Длина мечей – от 55,8 см до 65 см. Ширина клинка у основания – от 6,6 см до 9,4 см. Во всех погребениях с мечами встречены амфоры, датировка которых позволяет ограничить хронологию мечей этого варианта в пределах второй – третьей четвертей IV в. до н. э.

Тип I-B-2 – мечи с прямой рукояткой и брусковидным навершием, в плане близким к овальному, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок узкий, треугольный. К данному варианту мы отнесли 4 меча из погребений 43, 51, 95, 427. Длина мечей – от 65,2 см до 77,6 см. Ширина клинка у основания – от 3 см до 5,6 см. На мече из погребения 95 сохранились фрагменты железной обивки деревянных ножен.

Самый ранний меч погребения 43 датируется второй четвертью IV в. до н. э. Широкою датой в пределах первой половины IV в. до н. э. имеет погребение 51. Погребения 95 и 427 относятся к началу третьей четверти этого столетия. Таким образом, хронологические рамки бытования этих мечей на данный момент определяются первой половиной – третьей четвертью IV в. до н. э.

Тип II-A-1 – мечи с расширяющейся сверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально широкий, треугольный. К этому варианту относятся 4 меча из погребений 154, 159, 336, 398. Длина мечей колеблется от 53 см до 57,6 см, ширина клинка у основания – 6–7 см.

Комплексы 154, 159, 398 датируются амфорами второй четвертью IV в. до н. э. Погребение 336 с мендейской амфорой мелитопольского варианта относится ко второй – третьей четвертям IV в. до н. э. Этим временем и следует ограничить период бытования мечей данного варианта.

Тип II-A-2 – мечи с расширяющейся сверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально узкий, треугольный. К этому варианту относятся мечи из погребений 274, 334, 427. Длина мечей – 55 см, 61,6 см, 88,4 см, ширина клинка у основания от 4,1 до 5,9 см. Погребение 274 датируется амфорной тарой первой половиной, 334 – первой четвертью, а погребение 427 – началом третьей четверти IV века. Таким образом, хронология данного варианта мечей охватывает первые три четверти IV в. до н. э.

Тип II-A-3 – мечи с расширяющейся сверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под углом, клинок пропорционально узкий, с параллельными лезвиями. Длина мечей – от 45 см до 76 см, ширина клинка у основания клинка – 3,6–5,6 см. Такие мечи найдены в погребениях 195, 298, 328 и в погребении 2 кургана 2 вместе с амфорами, которые позволяют датировать этот вариант мечей второй четвертью IV – началом III в. до н. э.

Тип II-B-1 – мечи с расширяющейся сверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка срезано под прямым углом, клинок пропорционально широкий, треугольный. К этому варианту относятся три меча из погребений 301, 312, 403. Длина мечей – 53,7 см, 57,6 см, 72,4 см, ширина клинка у основания – 6,4 см, 8,3 см, 9,4 см. Комплекс 312 датируется серединой – третьей четвертью, а погребения 301 и 403 относятся к третьей четверти IV в. до н. э. Этими хронологическими рамками можно ограничить время бытования мечей данного варианта.

Тип II-B-1 – мечи с расширяющейся кверху рукояткой, переходящей в навершие, образуя трапецию, основание клинка округлено (рукоятка плавно переходит в клинок), клинок пропорционально широкий, треугольный. Вариант представлен мечами из погребений 138, 250, 328, 381. Длина мечей колеблется от 52,4 до 61,8 см, ширина клинка у основания – от 5,2 см до 6,2 см. Погребения 138 и 250 по амфорам относятся к первой половине IV в. до н. э., погребение 381 – ко второй четверти, и только погребение 328 широко датируется в пределах второй – последней четверти этого столетия. Наиболее вероятной датировкой для варианта в целом представляется первая половина IV в. до н. э.

Таким образом, предложенная нами типология и хронология мечей из Прикубанского могильника позволит датировать комплексы с мечами так называемого синдо-меотского типа, не содержащие античных импортов, не широко – в пределах IV в. до н. э., а более узкими временными отрезками. В то же время типология мечей дает возможность выявить локальные особенности этого вида вооружения для различных групп меотских памятников.

А. В. Иванов, Н. И. Сударев

**«Урочище Самойленко» – эталонный памятник
греко-варварских взаимоотношений¹**

Вопрос взаимоотношений между варварами и греками никогда не терял своей актуальности, более того, для некоторых земель, примыкающих к Боспору, таких как, например, регион Анапа-Новоросийск, он является основополагающим. Ответ на него, ввиду скудности письменных источников, всецело лежит в плоскости археологии, причем не только в анализе археологического материала, но и в способности раскрыть суть полученных данных. Последнее представляется чрезвычайно важной стороной этой проблемы, поскольку в регионе со сложными процессами, протекавшими здесь в эпоху раннежелезного века – античности, только лишь формальным подходом обойтись невозможно. И мы это попытались показать в предыдущей нашей работе (Иванов, Сударев. 2018). В продолжение темы мы ещё раз обратимся

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

к материалам варварского поселения «Урочище Самойленко», причем как раз в аспекте взаимоотношений между культурами.

Напомним, что поселение расположено у станицы Натухаевской, на поросших лесом возвышенностях, на границе Новороссийского и Анапского районов Краснодарского края, в зоне прямой видимости Горгиппии. Памятник крупный, по площади занимает несколько гектаров. Работы на нем продолжались два сезона, в 2013–2014 гг., в результате было исследовано чуть более 4000 м². На основании массового керамического материала выделяется два основных периода. Первый выразительно маркирован многочисленными фрагментами античных амфор и столовой посуды, лепными сосудами местного производства. Временной диапазон этого периода – вторая половина VI – начало II в. до н. э. Другая, значительно меньшая часть керамики, иллюстрирует второй период жизни поселения и относится к кругу салтово-маяцких древностей, датирующихся ранним средневековьем.

Говоря о греко-варварских взаимоотношениях, мы опираемся на два первостепенных момента: торговлю, то есть наполнение материальной культуры импортными предметами, по той или иной причине не имевшими возможности быть произведенными в местной среде и потому востребованными в быту, а также различного рода заимствования. Последние выступают не только как отражение прямых контактов, но и как исторический процесс восприятия и использования элементов одной культуры членами другой культурной общности. Вместе с тем культурное заимствование – это зачастую необходимое условие для обеспечения повышения качества жизнедеятельности перенимающей стороны. Оно так же является важнейшим элементом адаптации к изменяющимся историческим условиям.

Как же выражены эти моменты на поселении «Урочище Самойленко»?

Пожалуй, начнем с торговли. Начало жизни поселения хоть и отмечено совсем небольшим количеством находок, все же демонстрирует довольно активные поступления импортной керамики. Это фрагменты ионийской столовой посуды, клазоменские, лесбосские, коринфские, милетские и самосские амфоры второй половины VI в. до н. э. Всплеск торговой активности приходится на рубеж VI–V – начало V в. до н. э. Около четверти всего материала приходится как раз на этот хронологический отрезок. Помимо тарной керамики, где доминируют амфоры на сложнопрофилированной ножке, Лесбоса и Хиоса, появляется и импортная простая столовая посуда, представленная кувшинами и мисками с клювовидным венцом, а также аттическая чернолаковая посуда. На протяжении V в. до н. э. на поселение продолжают постав-

ляться амфоры на сложнопрофилированной ножке из Хиоса, во второй половине столетия появляются фрагменты амфор Фасоса, а ближе к концу V в. до н. э. – Менды. В IV в. до н. э. наблюдается очередной всплеск: значительно расширяется перечень амфорных центров. Доминирующее положение занимают Гераклея, Фасос и Менда, довольно много Хиоса, Пепарета, Синопы, встречаются редкие амфоры из Аканфа и Эрифр. На памятнике активно используется импортная столовая и чернолаковая посуда, различного рода светильники, иногда весьма редких форм. Встречена пара монет Перисада I. К III в. до н. э. относятся редкие фрагменты амфор Синопы и Родоса, чернолаковая и столовая посуда, кризисные монеты с надчеканкой на аверсе.

Между тем, это только одна сторона. Не совсем понятно до сего дня, что являлось экономической основой и чем торговали в этот период местные племена, и что же взамен импорту могло предложить население «Урочища Самойленко». По мнению исследователей, меоты, например, в торговле с Боспором выступали как менее развитый партнер, вывозя преимущественно сырьё (Каменецкий. 1989. С. 248); в статьи «экспорта» входили металлы, шерсть, кожа, рыба, рабы и хлеб (Кошеленко и др. 2010. С. 268–277; Каменецкий. 2011. С. 308–309). К этому перечню, видимо, следует добавить и скот. Известна на античных памятниках Тамани и варварская лепная керамика (Виноградов. 2006; Камелина. 2009; Журавлев и др. 2009), которая, видимо, служила тарой для каких-то определенных видов продовольственного товара. Очевидным является ответ на вопрос о характере торговли между автохтонами и греками, здесь с большой долей вероятности можно говорить о натуральных обменных операциях при совершении сделок, по крайней мере, до последней трети IV в. до н. э. Эта тенденция характерна для всего региона в целом (Малышев. 2009. С. 86. Рис. 5).

Говоря о заимствованиях, в первую очередь следует обратить внимание на керамический комплекс. Изменения в нем происходят довольно быстро. Во второй половине VI в. до н. э., когда было основано поселение, импорт представлял собой хоть и очевидное, но лишь вкрапление. Основа была местная. Кстати, среди различных типов лепной керамики особо отметим наиболее выразительные экземпляры – ковши с раздвоенной сверху «рогатой» ручкой. По современной хронологии раннемеотских древностей эти сосуды в погребениях датируются рамками VI в. до н. э., с упором на первую его половину (Лимберис, Марченко. 2013. С. 57). Малочисленные исследования кубанских поселений этого времени не дают возможность сузить дату, а для памятников региона Анапа-Новороссийск специальных исследований данной категории сосудов вообще не проводилось. Между тем, на «Урочище

Самойленко» ковши встречены на одном горизонте вместе с такими маркерами, как фрагменты ионийской посуды и уже указанные выше амфоры второй половины VI в. до н. э. Возможно, это обстоятельство позволит уточнить хронологию ковшей. Однако, мы отошли от темы.

Уже на рубеже VI–V вв. до н. э., как показывают материалы поселения, импортная столовая посуда постепенно вытесняет местную. Остаются лишь некоторые традиционные устоявшиеся формы лепных сосудов, которые бытуют вплоть до конца жизни поселения. Но это, пожалуй, чуть ли не единственная консервативная деталь материального комплекса. Напомним, что, в отличие от меотов, племена региона Анапы-Новороссийска собственную столовую посуду не производили, заменяя её импортной (Иванов. 2016. С. 266).

Довольно заметны влияния античной культуры и в приемах строительства и архитектуры. Исследованные участки стен, опоясывающих территорию поселения и имевших оборонительное значение (хотя фортификацией в полном смысле этого слова стену назвать нельзя), имели хорошо сложенную двупанцирную структуру с забутовкой. Нам сложно судить, возникла ли эта ранняя линия обороны под воздействием греков или опиралась на местные строительные традиции (сравни, например: Oakley. 1995). В частности, на поселении Волна 1 В. Г. Житниковым исследована подобная (хотя и хуже сохранившаяся) стена, которую он датирует периодом поздней бронзы – раннего железного века². Однако уже в IV в. до н. э. ров частично засыпается, и на выровненной площадке возводится новая стена из подработанных блоков, которая построена под заметным влиянием греческой архитектуры. Наверное, наиболее яркие изменения в строительной традиции мы видим на примере сооружения бытовых построек. Ранние жилища в плане имели округлую форму с очагами в центре. Такие дома имели столбовые конструкции по периметру с выходом, как правило, ориентированным на юг. Облик строений, их планировка и конструкция, видимо, особо не отличалась от традиционных «меотских» домов (Шевченко. 1995. С. 134–137). Стоит, впрочем, отметить, что подобная техника домостроительства известна значительно шире, чем только на меотских территориях, и известна, в частности, в Северо-Западном Причерноморье, на Балканах и даже на поселении под римским Форумом в эпоху поздней бронзы – раннего железного века³. Подобные

² Благодарим Виктора Георгиевича Житникова за консультацию.

³ В качестве дополнения отметим, что на поселении под римским Форумом среди керамики встречены так же ковши с раздвоенной сверху «рогатой» ручкой. Впрочем, возможные причины подобного сходства, хотя и очень интересны, но очень далеко отстоят от исследуемых вопросов.

дома известны на территории Таманского полуострова с эпохи поздней бронзы – раннего железного века и известны, в частности, на поселении Тузла 7 (раскопки С. А. Буравлева). Еще одним типом раннего бытового сооружения является полуземлянка значительных размеров, врезанная в склон балки. В IV в до н. э. на смену им приходят здания, подражающие античной строительной традиции. В качестве примера приведем хорошо сохранившийся фундамент прямоугольного здания площадью более 40 м². Дом имел глинобитные полы, пристроенный к стенке округлый очаг и глинобитный кухонный «рабочий стол», здесь же были найдены различные бытовые предметы.

Мы не просто так назвали работу подобным образом. «Урочище Самойленко» во всех отношениях является эталонным памятником греко-варварских взаимоотношений, позволяющий детально проследить через обозначенные процессы естественноисторический способ возникновения новой культурной общности. Памятник в основе своей однозначно варварский – и здесь двух мнений быть не может. Тем не менее, уже в V–IV вв. до н. э. мы можем характеризовать материальную культуру поселения как античную, греческую. Население при этом не меняется, но подвергается сильной эллинизации, тотально воспринимая другую культуру. Опыт нашей работы, уже артикулированный одним из авторов этих строк, выявил обозначенный парадокс во всем регионе Анапы-Новороссийска (Сударев. 2014. С. 96). Потому мы и отделяем это население от других варваров Кубани, замыкая их в обособленную культуру (Иванов. 2016). Нам бы очень хотелось обосновать это явление, объяснить его, может быть, доминирующим положением греческой культуры. Но это половинное решение. Как нам кажется, суть данного феномена лежит совсем в иной плоскости – ментальной, там, где археология вряд ли может быть надежным инструментом. Остается лишь в очередной раз констатировать, что все эти процессы не только способствовали продвижению Боспора в Синдике, но и максимально быстрому инкорпорированию уже значительно окультуренных аборигенов в государство, где сохранить свою самобытность у них шансов уже не было. Причём – совсем.

Литература

- Ю. А. Виноградов. Лепная керамика архаического времени с поселения Артюшенко I с Таманского полуострова // Записки ИИМК. 2006. № 1.
- Д. В. Журавлев, У. Шлотцауер, Д. Кельтербаум, А. В. Поротов. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, ГУЗ МИАЦ, 2009.
- А. В. Иванов. Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // ДБ. 2016. № 20.

- А. В. Иванов, Н. И. Сударев.* «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Керчь, ООО «Соло-Рич», 2018.
- Г. А. Камелина.* Лепная керамика из раскопок поселения Голубицкая-2 на Таманском полуострове // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, ГУЗ МИАЦ, 2009.
- И. С. Каменецкий.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., Наука, 1989.
- И. С. Каменецкий.* История изучения меотов. М., ООО «Крайбибколлектор», 2011.
- Г. А. Кошеленко, А. А. Мальшев, В. В. Улитин.* Торговля // Античное наследие Кубани. М., Наука, 2010. Т. 2.
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Типология и хронология раннемеотских ковшей из погребений правобережья Кубани // Древности Западного Кавказа. Краснодар, ООО РА «Гранат», 2013. Вып. 1.
- А. А. Мальшев.* Юго-восточная периферия Боспорского царства // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М., Гриф и К, 2009.
- Н. И. Сударев.* Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию М. М. Кубланова. СПб., Нестор-История, 2014.
- Н. Ф. Шевченко.* Строительные традиции у меотов // Историко-Археологический Альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995.

В. В. Улитин

Проблемы организации греко-варварской торговли в Северо-Восточном Причерноморье

Несмотря на то, что греко-варварская торговля в Северо-Восточном Причерноморье давно является предметом внимания исследователей, некоторые элементы её организации нуждаются в уточнении. Краткую, но исключительно ценную информацию об организации греко-варварской торговли в этом регионе дает Страбон, рассказывающий о Пантикапее, Фанагории и Танаисе как об эмпориях (Strabo, XI. 2. 3, 10). Если отталкиваться от описания торговли в Танаисе (Strabo, XI. 2. 3), то на рубеже н. э. торговля происходила на территории эмпориев, в качестве которых выступали боспорские города, а варвары (в пассаже Страбона о Танаисе это европейские и азиатские кочевники) сами приезжали в эмпорий со своими товарами, чтобы обменять их на греческие. При этом в качестве таких эмпориев в античную эпоху

выступали как боспорские города (Пантикапей, Фанагория, Танаис), так и торговые поселения, возникшие на дружественных боспорским грекам варварских землях (на территориях Елизаветовского, Елизаветинского и Семибратнего городищ) (Брашинский. 1984. С. 183; Кошеленко, Малышев, Улитин. 2010. С. 283; Горончаровский, Иванчик. 2010. С. 228–232), которым могли предшествовать торговые пункты, как это установлено для Елизаветовского городища (Марченко, Житников, Копылов. 2000. С. 208–212, 248–262).

Вместе с тем наряду с торговлей в эмпориях рядом исследователей признаётся торговля на выезде греческих купцов в Северном Причерноморье. Исследователи, зачастую опираясь лишь на находки импорта, связывают их с посещением местных поселений греческими купцами, определяют на этом основании пределы их проникновения, например, по отношению к Северо-Западному Причерноморью в доколониционный период (Русяева. 1999. С. 84–97). Однако такие находки могут даже не являться свидетельством торговых операций (Кузнецов. 2009. С. 284). Следует согласиться с В. Д. Кузнецовым в отношении умозрительности выводов, делаемых рядом исследователей на основании скудных данных «относительно пребывания эллинов в хинтерланде или греческого импорта в варварских землях в архаическую эпоху» (Кузнецов. 2009. С. 293). Даже, казалось бы, убедительные примеры торговли на выезде при внимательном рассмотрении вызывают большие сомнения. Как один из редких случаев проникновения греческих купцов в глубь варварских земель рассматривается находка на Немировском городище местного чернолощёного сосуда с греческим граффито (Граков. 1959. С. 259–261; Брашинский. 1984. С. 178). Однако всё же у нас нет никаких оснований утверждать, что граффито на сосуде было нанесено именно купцом из группы греков, торговавших на выезде. Происхождение этого граффито может быть объяснено и другими сценариями. Замечания и основные выводы В. Д. Кузнецова вполне могут быть распространены и на выездную торговлю греков в Северо-Восточном Причерноморье более поздних эпох. Данные нарративной традиции о выездной торговле греческих купцов по отношению к интересующему нас региону отсутствуют. Страбон прямо пишет о том, что «устья Танаиса мы знаем /.../, однако выше устья известна только небольшая часть течения реки» (Strabo, XI. 2. 2). Волгу он не знал, а Каспийское море считал заливом Северного океана. Как отметил А. С. Скрипкин, географические сведения о более дальних территориях, о Северном Прикаспии, появляются не ранее конца I в. н. э. и не позже середины II в. н. э. в связи с предполагаемым началом функционирования северной ветви Великого Шелкового пути. Они от-

ражены у Клавдия Птолемея, который предположительно мог почерпнуть информацию из итинерария (подорожника), которым пользовались купцы (Скрипкин, 2010. С. 112–113, 330–331). Является ли этот итинерарий свидетельством выездной торговли греков с кочевниками в это время? Этот вопрос нуждается в отдельном исследовании. Вопрос о возможности выездной торговли греков можно поставить и для Прикубанья. А насколько хорошо была известна грекам река Кубань? Можно уверенно говорить лишь о том, что её течение в конце IV в. до н. э. греки знали до района современной ст-цы Елизаветинской, где был основан эмпорий (Мальшев. 2000. С. 115–116). Показательно в этом отношении, что карта расселения меотских племен Прикубанья из-за отсутствия точных указаний в античных источниках, несмотря на предпринимаемые исследователями усилия, до сих пор неясна, за редкими исключениями. Из эпиграфического материала к рассмотрению проблемы гипотетически могут быть привлечены надгробия хиосца Ангелиппа и Хрестиона, сына Асиатика. Однако нет никаких данных в пользу того, что Ангелипп, чье надгробие найдено у Ангелинского Ерика в Прикубанье, был купцом. Надпись ничего не говорит о роде его занятий, скорее всего, Ангелипп был наёмником (Завойкин. 2013. С. 332), тем более, что он не был уроженцем Боспора. Большой интерес представляет надгробие купца Хрестиона, скончавшегося до брака несчастной смертью в земле сираков (КБН 142). Данная эпитафия дала возможность сделать вывод о том, что торговые операции были сопряжены с серьёзными опасностями (Кошеленко, Мальшев, Улитин. 2010. С. 263). Но, строго говоря, мы не знаем, умер ли он во время поездки, носившей характер торговой операции, или же посещение им территории сираков было вызвано какими-то иными причинами. Во всяком случае, этот пример не дает достаточных оснований в пользу выездной торговли. Тем более вызывают большие сомнения более дальние поездки купцов, например, к Грушевскому городищу на Ставрополье. В. И. Кац подверг аргументированной критике мнение нескольких исследователей о существовании эмпория на Грушевском городище и проживании в нем греков, правда, допуская при этом все-таки приезды торговцев-греков (Кац. 2002. С. 254). Однако с учетом того, что, например, даже во времена Страбона грекам и римлянам были известны лишь устья Танаиса, в действительности обоснованным является посещение жителями Грушевского городища Танаиса с целью приобретения родосского вина. Это соответствует и картине вывоза варварами греческого импорта, описанной Страбоном. Родосское вино, как убедительно показал В. И. Кац, могло быть закуплено именно в Танаисе (Кац. 2002. С. 254). Найденные вне территории эм-

пориев и не в составе кладов нумизматические находки не являются достаточными свидетельствами гипотетического передвижения боспорских торговцев в Нижнем и Среднем Прикубанье, как это кажется на первый взгляд (Малышев. 2000. С. 113, 117). Это могли быть отдельные монеты, остававшиеся у варваров после торгового обмена, осуществлявшегося в эмпории. Те основные аргументы, которые привел В. Д. Кузнецов, ставя под сомнение возможность проникновения греков в глубь территории Северного Причерноморья в доколониционную эпоху (Кошеленко, Кузнецов. 2010. С. 413), вполне подходят и для того, чтобы еще раз усомниться в существовании выездной торговли греков в Северо-Восточном Причерноморье. Это и небезопасность таких операций в случаях, если варварская территория не была дружественной, и трудности плавания по рекам против течения, и малый коммерческий эффект. Коммерческая целесообразность торговых операций греков за пределами эмпориев вызывает большие сомнения, поскольку торговля носила оптовый характер. Он определялся тем, что товары являлись результатом деятельности всего племени. Доставка соответствующего количества греческих товаров к варварам (например, амфор с вином) и варварских обратно (например, зерна, кожи, соленой рыбы, рабов) могла вызывать у греков технические трудности. Тем более мелкие розничные товары грекам не было смысла отдельно везти вглубь варварских земель при наличии регулярного посещения варварами эмпориев. А. С. Скрипкин убедительно связал находки импорта в погребениях сарматов с их мобильностью. Он отмечает, что сарматы приобретали серо- и чернолощеную керамику донского и северокавказского происхождения на Нижнем Дону и Кубани во время своих перекочевок на зиму в южные районы, ближе к местам, богатым кормовыми запасами, и ссылается в связи с этим на слова Страбона о роксоланах, которые зимой кочуют на болотах около Меотиды (Strabo, VII. 2. 17). А. С. Скрипкин делает вывод о том, что импортные предметы могли приобретаться кочевниками непосредственно у оседлых меотов в Прикубанье и у греков в Танаисе (Скрипкин. 2010. С. 318–319). Таким образом, пока нет достаточных оснований для признания торговли на выезде в Северо-Восточном Причерноморье.

Из форм греко-варварской торговли, безусловно, преобладал натуральный обмен (Брашинский. 1984. С. 183), на котором основывалась оптовая торговля. И. Б. Брашинский отметил оптовый характер виноторговли (Брашинский. 1984. С. 184). Как можно полагать, в своей основе не только виноторговля, но и греко-варварская торговля в целом была оптовой, поскольку товар собирался от всего племени. Однако при этом не было необходимости всему племени посещать эмпорий и обмени-

вать свои товары. И. Б. Брашинским справедливо было отмечено, что это делали представители племени (Брашинский. 1984. С. 183). Розничная торговля в тех же эмпориях выступает как дополнение, давая возможность варварам приобретать мелочные товары. Денежное обращение на территории эмпориев играло вспомогательную роль (Безуглов. 2000. С. 51–52). Для расчетов между греками и варварами монеты (медные) использовались в рамках мелкой розничной торговли. При этом у сарматов денежные отношения не были развиты, они в отличие от меотов практически не использовали монеты (Безуглов. 2001. С. 60; Скрипкин. 2010. С. 319), во всяком случае, за пределами Танаиса.

Следующей проблемой является регулярность торговли. Осуществлялась ли греко-варварская торговля в Северо-Восточном Причерноморье круглогодично? Поскольку основой греко-варварской торговли был натуральный обмен, ее сроки зависели от имевшихся на данный момент у обеих сторон товаров. Из важных продуктов, которые поставляли греки варварам, может быть названо только вино, а его можно было хранить в амфорах до продажи. Как отметил С. Ю. Монахов, к кочевникам «вино поступало более или менее крупными партиями, и в одной партии могли находиться вино и амфоры разных лет выпуска» (Монахов. 1999. С. 22). Естественно, что посуда и украшения не требовали срочности их реализации. Поэтому самих греков мог ограничивать в определенных пределах только сезон навигации, в течение которого товары должны были быть доставлены на Боспор, чтобы дальше уже боспорскими купцами быть обмененными на варварские товары. Известно, что сроки навигации ограничивались в античную эпоху временем с 10 марта по 10 ноября, а оптимальным считался период с 27 мая по 14 сентября (Veget., IV, 39; Casson. 1995. P. 270–271). В остальном сроки торговли определялись возможностями варваров – земледельцев и кочевников, которые могли ехать в эмпорий с целью торгового обмена только тогда, когда ими были произведены или получены соответствующие товары, предназначенные для греков. Основными статьями меотского экспорта были зерно, солёная рыба, предположительно также продукты скотоводства, сарматского – кожи, скот, рабы. Урожай зерна получали летом. Не раньше весны шла на нерест рыба, в том числе ценные осетровые породы, однако после засолки (Анфимов. 1983. С. 116, 122), её можно было хранить длительное время. Массовый забой скота кочевники разных регионов проводили осенью (Жуковская. 1979. С. 65–75), не раньше этого времени соответственно появлялась возможность заготовить шкуры, которые также хранились. Привоз кочевниками рабов на рынок в Танаисе должен был зависеть от военных действий и, следовательно, должен был быть нерегулярным. Следует

отметить, что данные о вывозе рабов-меотов появляются в источниках во II в. до н. э. (Граков, 1939. С. 300–302, 307–308; Блаватский, 1969. С. 68–69). Следовательно, есть все основания считать, что греко-варварская торговля в эмпориях осуществлялась не круглогодично, а была сезонной, как это уже было отмечено А. С. Скрипкиным в отношении приобретения импортных товаров сарматами.

Таким образом, можно предложить следующие уточнения в отношении организации греко-варварской торговли в Северо-Восточном Причерноморье. Торговые операции проводились только на территории эмпориев и постоянных торговых пунктов, достаточные основания в пользу существования выездной торговли греков отсутствуют. Греко-варварская торговля в Северо-Восточном Причерноморье в своей основе была оптовой и имела сезонный характер. Дальнейшее поступление греческих товаров вглубь варварской территории осуществлялось путем самовывоза их самими варварами.

Литература

- Н. В. Анфимов.* Рыбный промысел у меотов // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. II. Л., Изд-во ЛГУ, 1983.
- С. И. Безуглов.* О денежном обращении эллинистического Танаиса // Таманская старина. СПб., Издательство Гос. Эрмитажа, 2000. Вып. 3.
- С. И. Безуглов.* Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. 2001. № 1–2.
- В. Д. Блаватский.* О рабах-меотах // КСИА. 1969. Вып. 116.
- И. Б. Брашинский.* Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М., Наука, 1984. – (Археология СССР с древнейших времён до средневековья в 20 томах).
- О. Д. Ганіна.* Античні осудин из торфовища на р. Супой // Археологія. 1964. 16.
- В. А. Горончаровский, А. И. Иванчик.* Синды // Античное наследие Кубани: в 3 т. М., Наука, 2010. Т. 1.
- Б. Н. Граков.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.
- Б. Н. Граков.* Греческое граффито из Немировского городища // СА. 1959. № 1.
- Н. Л. Жуковская.* Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5.
- А. А. Завойкин.* Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь, Керчь, ВТС Принт, 2013.
- В. И. Кац.* Комплекс родосской клеймёной керамической тары с Грушевского городища // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. СПб., Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 1.
- Г. А. Кошеленко, А. А. Малышев, В. В. Улитин.* Торговля // Античное наследие Кубани: в 3 т. М., Наука, 2010. Т. 2.

- Г. А. Кошеленко, В. Д. Кузнецов.* Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани: в 3 т. М., Наука, 2010. Т. 1.
- В. Д. Кузнецов.* Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 2009. Т. 13.
- А. А. Малышев.* Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III в. до н. э. // ДБ. 2000. Т. 3.
- К. К. Марченко, В. Г. Житников, В. П. Копылов.* Елизаветовское городище на Дону. Москва, 2000.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов, Изд-во Саратовского Ун-та, 1999.
- А. С. Русяева.* Проникновение эллинов на территорию украинской лесостепи в архаическое время: (К постановке проблемы) // ВДИ. 1999. № 4.
- А. С. Скрипкин.* Сарматы и Восток: избранные труды. Волгоград, Изд-во ВолГУ, 2010.
- L. Casson.* Ships and Seamanship in the Ancient World. Baltimore, London, The Johns Hopkins University, 1995.

Е. В. Вдовченков, С. А. Яценко

**О характере сарматского «присутствия»
в некрополе Кобяково I–III вв. н. э.**

Меотские по преимуществу жители поселения Кобяково, крайнего восточного, самого удаленного от Танаиса пункта расселения донских меотов в I–III вв. н. э., окруженного сарматскими курганными могильниками, не могли не подвергаться сильному политическому и культурному влиянию кочевников. Судя по наличию серии курганов «царского» ранга (Хохлач, Садовый, Соколовский № 3), примерно в 40 км к северо-востоку, вверх по течению р. Аксай (впадавшей у Кобяково в Дон) находился важный политический центр сарматов рубежа I–II вв. н. э. Статус сарматов в Кобяковском некрополе ярко демонстрирует уже само наличие на его северо-западном краю сарматского курганного могильника с элитными погребениями, вроде известного кургана 10 (Прохорова, Гугуев. 1988) с могилой женщины второго ранга знатности, хозяева которых, вероятно, во многом контролировали местное население (Яценко. 2015. С. 88 сл.). Этот могильник, судя по германским аэрофото 1943 г., был с высокой плотностью курганов, находившихся впритык друг к другу (Гугуев. 2017. С. 59); увы, от него осталось немного¹.

¹ Весьма экзотичной и скорее эмоциональной выглядит позиция И. С. Каменецкого, согласно которой все курганные могильники, окружающие меотские городища, даже

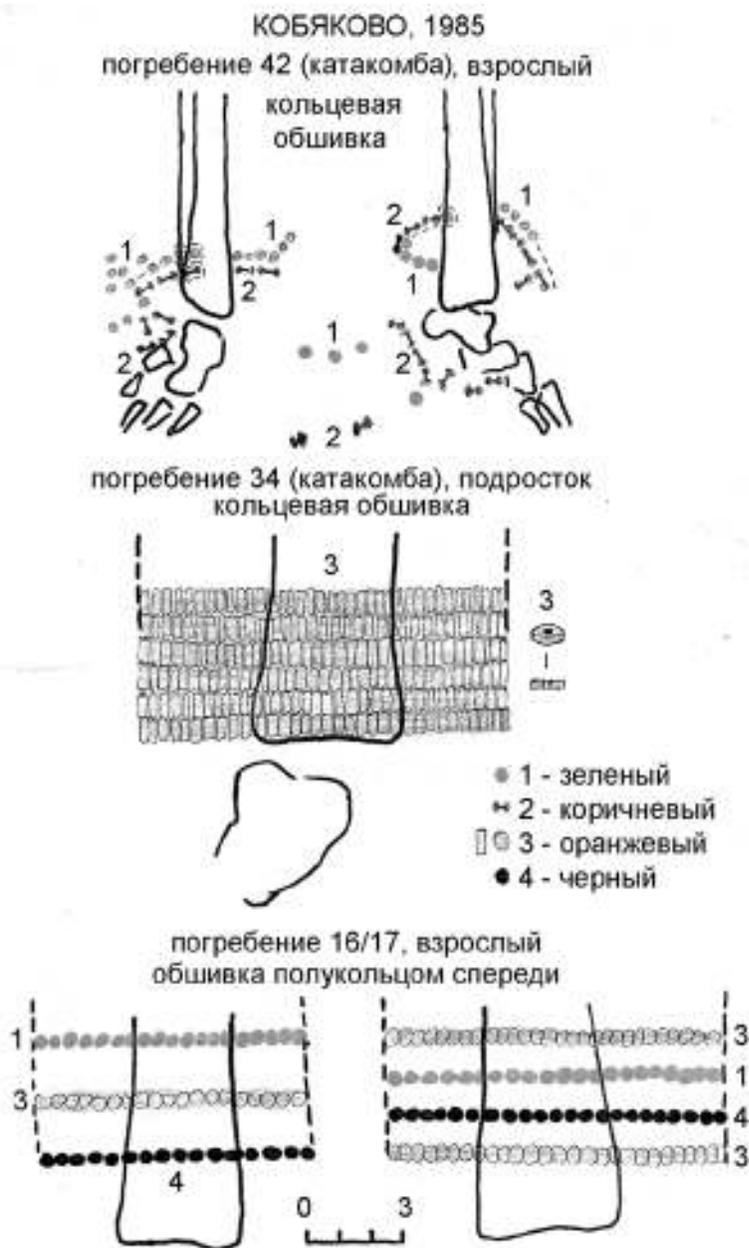

Рис. 1. Бусинный декор женских шаровар в некрополе Кобяково 1985 г. (полевые рисунки С. А. Яценко)

Современные исследователи согласны с тем, что в Кобяково проникает группа переселенцев, еще вчера бывших кочевниками, не позже чем в середине II в. н. э. Однако по современным данным антропологии, и мужские, и женские черепа из Кобяково в целом специфически соответствуют кочевым сарматским уже в I в. н. э. (в отличие от Нижне-Гниловского, где это можно сказать лишь о женских). Деформированные черепа с середины II в. здесь отличаются от соседних поселений самым крупным лицом и низким лбом. Сразу после возникновения на рубеже н. э. в устье Дона меотских поселений у сарматов-степняков начали проявляться антропологические черты кубанских меотов, явно в результате начавшегося смешения (Батиева. 2011. С. 82–83, 85, 89). Список наиболее выраженных сарматских элементов культуры в некрополе был составлен уже давно (см., например: Косяненко. 2008. С. 240)². Его можно дополнить наличием серии весьма специфических аналогов сарматскому костюму в Степи (Яценко. 2006. С. 143–152). При этом сарматские элементы погребального ритуала стоит рассматривать именно *в комплексе* (например, подбой с северной ориентировкой могил известны и в ранней группе погребений Кобяково, до распространения северной ориентировки у сарматов).

Показательно, что все *тамги* в грунтовом некрополе известны только на женском (предположительно брачном: Яценко. 2001. С. 42) атрибуте – зеркалах-подвесках с боковой ручкой и отверстием. В опубликованных материалах обнаруживаются 33 типа знаков, из которых много принадлежавших, вероятно, донским сарматам; 12 типов связаны с Малой Скифией (видимо, с сарматскими женами, умершими на ее территории), 4 типа – с Кубанью и Таманью, единичные – с Левобережной Украиной и даже с Южным Приуральем и Южным Казахстаном (Яценко. 2018. Рис. 7). Картина размещения зеркал с тамгами в крупных раскопах подчас вполне отчетлива. Например, в раскопе II 2002 г. (Ларенок. 2016а. Табл. 4) с поздними, преимущественно женскими и детскими могилами тамги встречены из четырёх типов могил *только в катакомбах*; в центре участка помещались три женщины 35–50 лет, по краям – дети и подростки (Яценко. 2018. Рис. 8). В крупных раскопах В. А. Ларенок зеркала с тамгами встречены у обеих воительниц (погре-

при наличии в них сарматской обрядности и т. п., никак *не могут быть* отчасти сарматскими и автоматически *принадлежат только чистым меотам*. Им он приписывал и элитные курганы в Степи. Всё сарматское влияние на меотов исследователь сводил к заимствованию вооружения (Каменецкий. 2011. С. 338–340).

² Это наличие сарматского курганного могильника к западу от грунтового; бытование подкурганых ровиков; использование лепных курильниц сарматских типов в погребениях; применение тамг; исходно связанная со Средней Азией деформация черепа.

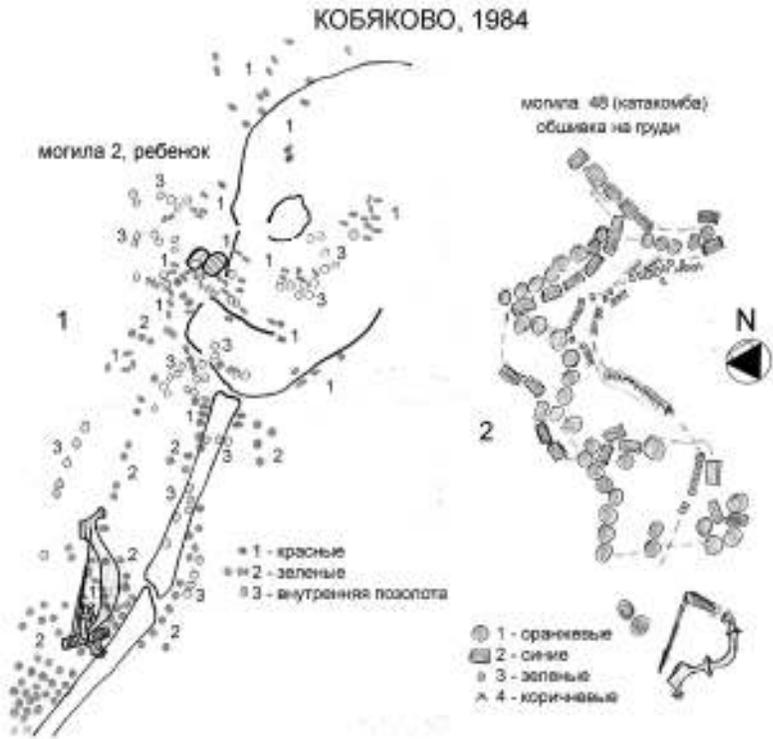

Рис. 2. Бусинный декор разреза ворота детского платья из раскопок В. К. Гугуева 1984 г. (1 – в сочетании с лицевым платком) (рисунки С. А. Яценко)

бение 157 2000 г.; погребение 38 раскопа II 2002 г.). Такие зеркала коррелируют и с рядом специфически оформленных элементов костюма. Иногда они помещались в специальный мешочек, расшитый зеленым бисером (1999–2000 гг., могила 102 и, видимо, КНТ 2002 г., могила 5).

Кубанским меотам бусинные обшивки костюма вообще, и конкретно – перечисляемых ниже форм – не свойственны. Из опубликованных раскопок В. А. Ларенок достоверные или весьма вероятные обшивки *нижнего края каждой штанины шаровар* (Рис. 1), обычно двухцветные, встречены лишь на одном участке раскопа 1999–2000 гг., но многократно (как правило, в ранних ямах и подбоях и у женщин примерно с 25 лет)³. Известно, что наиболее близкие образцы бытовали у сарма-

³ Погребения 43, 70, 102, 121, 210?, 269, 325, 334?, 2000 г. (Ларенок. 2013).

тов Ставрополя и Поволжья (Яценко. 2006. С. 151–152). Детские могилы с обильно расшитым разрезом ворота платья (Рис. 2) тоже связаны с сарматским костюмом (Яценко. 2006. С. 143). Еще одна сарматская черта – обшивка детских головных уборов 1–2 рядами бисерин, обычно двух цветов (Яценко. 2006. С. 151)⁴. Туфли и полусапожки здесь обшиты бусами на сарматский манер только у женщин позднесарматского времени с золотыми украшениями (могилы 159 2000 г. и 83 2002 г.) (ср. Яценко. 2006. С. 156–157). Сарматским элементом являлась и обшивка разрезов рукавов (раскоп I 2002 г., могила 22) (Яценко. 2006. С. 144). Анализ планиграфии костюмных особенностей в Кобяково кажется перспективным: подчас резкие этнографические различия в костюме связаны со всего одной важной особенностью погребального обряда⁵.

Из элементов сарматской погребальной обрядности отметим *использование ровиков* вокруг погребений или поминальных площадок, не известное у меотов. В основном они выявлены обособленно на западе некрополя и обычно относятся к позднему периоду. Ровики подчас содержат сарматские курительницы (могила 1 2008 г.) или кавказскую керамику раннеаланской культуры (могила 21 2000 г.) (Ларенок. 2011. С. 332; 2016б. С. 1–26). Собственно сарматские курительницы бытовали в Кобяковском некрополе с I в. н. э. (могила 269 2000 г.) (Ларенок. 2013. С. 405).

Итак, у нас имеются вполне ясные свидетельства проникновения сарматов в Кобяково, особенно во II в. н. э. До этого наличие даже элитных некрополей (Царский) у стен Танаиса или к востоку от Крепостного городища практически не приводило к заметному оседанию номадов (Яценко. 2016б). Причину более активной седентаризации именно в это время мы склонны видеть в региональном ухудшении климата в Степи, вполне явной аридизации (Дёмкин и др. 2012. С. 163, 166. Рис. 45). Другим фактором, видимо, были последствия военного поражения носителей среднесарматской культуры, антропологические черты которых проявляются с середины II в. н. э. на меотских поселениях (Батиева. 2011. С. 89); ср. о попадании побежденных «средних сарматов» в Танаис (Яценко. 2011. С. 205–206; Вдовченков. 2012. С. 169–170). В-третьих, проникновение сарматов было облегчено тем, что они уже в известном количестве присутствовали в крепостях донских меотов со времени их основания (браки с некоторыми кочевы-

⁴ В Кобяково у младенцев примерно до года весь период функционирования некрополя в раскопах В. А. Ларенок: могила 22 1999 г.; могилы 2–3, 15, 55 раскопа II 2002 г. Здесь видим локальное стандартное сочетание бирюзового и красного.

⁵ Так, в синхронном Бельбеке IV в Юго-Западном Крыму принципиальной оказалась разница в облике женщин, похороненных головой на север или на юг (Яценко. 2016а).

ми кланами, оседание лишившихся скота из-за джута или войн семей и т. п.). Разумеется, после середины II в. мы видим и не только влияющие собственно позднесарматской культуры, но и попадание в Кобяково отдельных ее носителей. Так, курган 5 содержал бронзовый котел с тамгой, набор вооружения и узды позднесарматского типа. Более стабильная экономика оседлого населения в сложившейся ситуации вынуждала к оседлому образу жизни, как минимум, обедневшую часть кочевников (Вдовченков. 2016).

Литература

- Е. Ф. Батиева.* Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Ростов-на-Дону, Изд-во ЮНЦ РАН, 2000.
- Е. В. Вдовченков.* Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II–III в. н. э.) // Вестник Танаиса. Недвиговка, АМЗ «Танаис», 2012. Вып. 3.
- Е. В. Вдовченков.* Экономика сарматов Нижнего Подонья в позднесарматское время (середина II – середина III в. н. э.) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2016.
- В. К. Гугуев.* Два погребения с западными и восточными импортами с территории Кобяковского курганного могильника // Крым в сарматскую эпоху. Симферополь, БФ «Наследие тысячелетий», 2017. Т. 3.
- В. А. Дёмкин, А. С. Скрипкин, М. В. Ельцов, Б. Н. Золотарёва, Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, Т. В. Кузнецова, С. Н. Удальцов, Н. Н. Каширская, Л. Н. Плеханова.* Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Пушино, Ин-т физ.-хим. и биол. проблем почвоведения РАН, 2012.
- И. С. Каменецкий.* История изучения меотов. М., Таус, 2011.
- В. М. Косяненко.* Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Азов, Азовский музей-заповедник, 2008.
- В. А. Ларенок.* Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых веков нашей эры // ИАИАИАНД. 2011. Вып. 25.
- В. А. Ларенок.* Меотские древности. Ч. I. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Ростов-на-Дону, Донской издательский дом, 2013.
- В. А. Ларенок.* Меотские древности. Ч. II. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000–2001, 2002, 2004 годов. Ростов-на-Дону, Донской издательский дом, 2016а.
- В. А. Ларенок.* Погребальные комплексы с ровиками (некрополь Кобякова городища) // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies.* 2016б. № 4 (2).
- Т. А. Прохорова, В. К. Гугуев.* Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // ИРОМК. 1988. Вып. 5.
- С. А. Яценко.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., Восточная литература, 2001.

- С. А. Яценко.* К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II – 1-й половины III века нашей эры // НАВ. 2011. Вып. 12.
- С. А. Яценко.* Группы элиты у сарматов (гл. VI) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015.
- С. А. Яценко.* Приложение 5. Костюм погребенных в некрополе Бельбек IV // И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. М., Исторический музей, 2016а. Т. 1.
- С. А. Яценко.* 2016б. Сарматская элита у границ Боспора I–III вв. н. э. // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.). СПб., Палаццо, 2016.
- С. А. Яценко.* Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // Stratum Plus. 2018. № 6.

IV. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И НАХОДКИ

Ф. В. Шелов-Коведяев

Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году

В августе 2015 года на горе Митридат в Керчи был найден фрагмент стелы белого мелкозернистого мрамора с надписью (М – 2015 оп. № 172. Хранится в лапидарии ВКИКМЗ. Инв. № КЛ – 2711. Рис. 1)¹. Сохранилась нетронутая часть левой кромки камня, обломанного с остальных краёв. Его толщина – 50 мм. Обратная сторона отёсана небрежно. Высота сохранившейся боковой грани – 40 мм, скол выше неё протянулся на 30 мм, ниже – на 63 мм, обрыв справа вверху – на 50 мм, внизу – на 65 мм. Горизонтальный нижний скол – 8 мм.

Аверс памятника сохранил отрывки пяти строк текста, начала его сткк. 2–4 выдерживают одну линию. В среднем 1 м. б. занимает 11–12 мм, *омега* может быть привычно больше, *омикрон* и *йота* – меньше. В стк. 1 чётко читается *альфа* со слегка скользящей вправо вниз переключиной, перед ней – кончик нижнего усика *каппы*, для которой до края занятого символами поля вполне хватает места (вместе на *КА*² приходится 23 мм), после неё – нижний же конец вертикали. В стк. 2 отмечу *альфу* с чуть уходящей влево вниз переключиной, не стянутое до конца *мю*, чётко видимое пересечение черт *тау* и следом за нею – обрывок левого усика висящей, как всегда в ранних боспорских надписях, над общим уровнем строки (её длина тут – 40 мм) *омеги*. Для стк. 3 зафиксирую ровное большое полукружье *ро* и начавшую стягиваться (верхний её сегмент более стремиться к горизонтали, чем нижний) *сигму*. На пять графем здесь, с учётом одной *йоты*, приходится 52 мм. В стк. 4 первый *омикрон* имеет диаметр 7 мм, второй – 10 мм; у *ню* правая ножка несколько короче левой и едва заметно склоняется

¹ Искренне благодарю В. П. Толстикова, руководителя Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, за любезно предоставленное мне право публикации. Отдельная моя благодарность директору ВКИКМЗ Т. В. Умрихиной и сотрудникам фондов.

² Здесь и далее *курсивом* отмечены не полностью сохранившиеся знаки.

влево. Четыре литеры занимают 48 мм. В стк. 5 видна довольно узкая галочка *ипсилона*, с началом упирающейся в неё опоры, и продолжение горизонталей *тау* после её пересечения с её полностью сохранившейся ножкой. Перед *ипсилоном* пропали от 20 до 24 мм поверхности, чего достаточно для двух полноценных букв.

Шрифт, для которого характерно намечающееся украшение завершения линий (например, небольшая вертикальная чёрточка над треугольником *альфы*) в целом идентичен опубликованному мною³ декрету Левкона I (Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев. 2002. С. 62–71) и может быть датирован рубежом 70–60-х гг. IV в. до Р. X. Исходя из того, что в сткк. 1–2 читается формула дарования ателии, в стк. 3 – окончание имени и начало патронимика чествуемого, а в сткк. 4–5 – распространение привилегии на его потомство, получаем, чтобы и сложить связный текст, и избежать чуждых данному формуляру плеоназмов, среднюю длину строки несомненного декрета в 14–15 знаков. Это требует наличия у адресата эдикта компактных имени, патронимика и этника. В итоге дополняется следующее:

	[Λεύκων Σατύρου]	13
	[καὶ παῖδες ἔδω-]	12
	καυ[ἀτέλειαν χρη-]	14
2	μάτω [ν πάντων Εὐχά-]	15
	ρηι Ἦσ[ου Τήιω καὶ ἐκ-]	16
4	γόνο[ις πᾶσιν τοῖς]	15
	[το]ύτ[ου κτλ.]	

(Левкон Сатиров и сыновья) дали *ателию* (всех) движимых имущества (Эвхару Ге(сову теосцу и) всем детям такового ...

Меньшее количество литер в начальных строках боспорских декретов – обычное дело, ибо резчик, с одной стороны, так выделяет имя тирана и упоминание его сыновей-соправителей, а с другой, чувствует себя в отношении возможности размещения текста пока достаточно свободно. Стк. 3 выглядит длиннее лишь формально, т. к. в ней больше всего *йот*. В сткк. 2–3 кроме ЛИ Эвхара и Геса могут быть и другие, однако эти выглядят наиболее соответствующими бюджету располагаемого пространства. Чествуемый мог быть, конечно, кеосцем или косцем, но теосец мне представляется предпочтительным, поскольку Милет – метрополию Пантикапея, столицы державы Спартокидов, – и Теос – материнский полис Фанагории – связывали и принадлежность

³ Поскольку в литературе иногда стали упоминать «публикаторов» данного фрагмента, я настаиваю, что только я несу ответственность за его издание, и все претензии должны обращаться ко мне, не тревожа память моего гениального учителя Ю. Г. Виноградова.

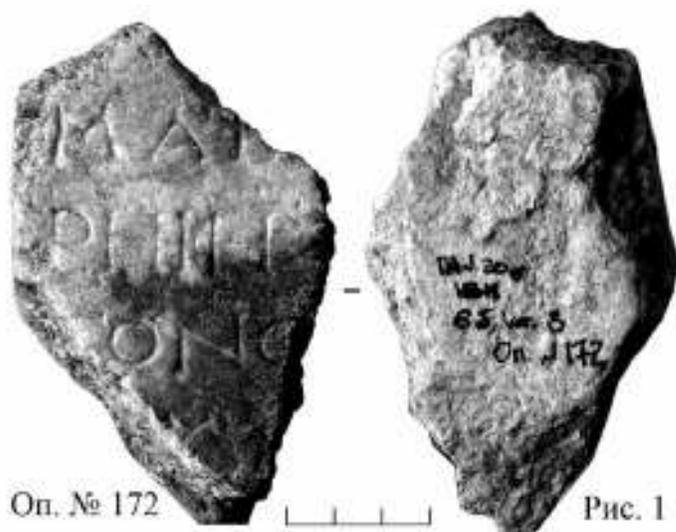

Рис. 1. Декрет Левкона I из раскопок Пантикапея 2015 года

Рис. 2. Декрет Перисада I из раскопок Пантикапея 2015 года

к Ионийскому Двенадцатиградью, и участие в колонизации Боспора Киммерийского. Формы от οὔτος (стк. 5) вместо αὐτός обычны на Боспоре, в частности, в КБН 1, КБН Addenda 4 и в не раз публиковавшихся мною декретах, того же Левкона I в том числе (см. выше).

В том же году тем же месяцем на Митридате был обнаружен ещё один обломок, на сей раз – плиты (её тыльная сторона обработана суммарно, что указывает на то, что она была вмонтирована в стену), белого мелкозернистого мрамора с остатками проксенического декрета (М – 2015 оп. № 171. Хранится в лапидарии ВКИКМЗ. Инв. № КЛ – 2710. Рис. 2). Его фото, первичное описание, моё чтение и перевод были опубликованы в 2017 году (ПиФ. № 154). Замечу, что в его датировку в указанном издании вкралась досадная ошибка: следует читать – 2 пол. IV в. до Р. X⁴.

Фрагмент неправильной пятиугольной формы частично сохранил семь строк надписи, тщательно вырезанной на отшлифованной поверхности камня. Его толщина – 45–65 мм. Дошедшая длина по верхнему краю – 96 мм, по правому – 145 мм. Протяжённость левого наклонного скола – 98 мм, левого вертикального – 20 мм, нижнего скола слева направо до выступа – 70 мм и оттуда до правого края – 125 мм. Поле надписи заглублено на 8 мм, отчего образовались обрамляющие его «полочки». Ширина верхней из них – 15 мм, правой – 20 мм. Соответственно, длина поля по верхнему его краю – 80 мм, по правому – 127 мм.

Буквы занимают в среднем 10–11 мм. Их формы: явное, хотя и лёгкое апицирование, *ню* с равновеликими стойками, *ипсилон* с широкой «птичкой», почти стянутая *сигма* в стк. 2, *альфа* со строго горизонтальной перекладиной, прижатая к основанию строки *омега*, *омикрон*, едва зависающий над строкой и в половине случаев имеющий равный с остальными литерами размер – говорят о дате, более поздней, чем у первого нашего декрета. На то же – 2 пол. IV в. до Р. X. – указывают и состав, и порядок перечисления даруемых привилегий.

В стк. 1 перед παίδες читаются ΑΙ, в стк. 2 впереди *ни* – нижняя часть вертикали, в стк. 3 до *ро* – «козырёк» *ни*, в стк. 5 перед *ню* – полукружье *омеги*, в стк. 6 впереди *омикрона* – верхний кончик вертикали, в стк. 7 до ΠΙ – *ню*. Сказанное диктует следующую реконструкцию:

[Παρισάδης κ]αὶ παίδες	19
[τῶι ^(ca 8) δεῖνι Ε]ὐπόλιος Ἦρα –	19
[κλε(ι)ώτηι] προξενίαν καὶ πο –	21–22
[λιτείαν κ]αὶ ἀτέλειαν ἔδο –	21

⁴ Из-за спешки со сдачей книги в печать я не был ознакомлен с экспликацией, ушедшей в типографию.

5	[σαν πάντ]ων χρημάτων αὐ –	19
	[τῶι καὶ ἐκγό]νοις καὶ χρημά –	22
	[των ἀσυλίαν καὶ εἰσιό]ντι	21
	[καὶ ἐξίόντι καὶ πολέμου καὶ]	
	[εἰρήνης κτλ.]	

(Перисад) и сыновья (такому-то) сыну Эвполия, гераклеоту, дали проксению, политию и ателию движимых имуществ, ему и детям, и асилию движимых имуществ входящему в гавань и выходящему из неё в военное и мирное время ...

От стандарта в 21–22 знака отклоняются сткк. 1–2 и 5. Но в стк. 1 литеры стоят зримо свободнее, да и сама строка, как и стк. 2 – короче, а в стк. 5 нет ни одной *йоты*, зато наличествуют сразу две *омеги*, каждая из которых, как правило, занимает 1,5 м. б.

Патронимик Εὐπόλιος восстановлен в соответствии с сохранившимися символами. Отмечу дорийскую огласовку окончания имени. Повторение формы от *χρήματα* («движимые имущества») о значении лексемы см., напр., ВЕ. 76. № 574) в соседних строках находит себе счастливое объяснение благодаря буквосочетанию -ντι в стк. 7, которое позволяет дополнять между обоими *χρημάτων* асилию (неприменение права захвата).

Парадность оформления декрета не удивительна, если вспомнить, что Гераклея Понтийская противостояла тиранам Боспора в их войне за Феодосию на полвека ранее издания настоящего эдикта. Очевидно, Перисаду был особенно дорог его сторонник среди гераклеотов, которого столь подчёркнуто почтили его уже проявленной и будущей лояльности ради.

В остальном подчеркну, во-первых, взрывной рост количества находок боспорских декретов, начиная с 1980-х годов. Если до того в течение более века их было открыто всего 6 (см. КБН), то ныне, с учётом относительно недавних публикаций В. П. Яйленко (Яйленко. 2001. С. 474–486), моих (см. выше), С. Ю. Сапрыкина и Н. Ф. Федосеева (Сапрыкин, Федосеев. 2011. С. 89–114) и вводимых мною в научный оборот теперь – мы их знаем в камне 20 экземпляров. А если сосчитать и известные в передаче иных источников, то и более того. Это наглядно демонстрирует, что руководители экспедиций в Пантикапее и Фанагории ведут раскопки не просто в нужном месте, но и на высоком методическом уровне.

Во-вторых, предложенная мною (Шелов-Коведяев. 1985. С. 69–75; Виноградов, Толстик, Шелов-Коведяев. 2002. С. 62–71) классификация боспорских декретов всё более укрепляется. Оба новых документа демонстрируют ту же общеэллиническую тенденцию эволюции подобных

текстов, в рамках которой я считаю правильным рассматривать и боспорский материал: от ателии (№ 1) через проксению (№ 2) – к политике.

Наконец, не могу оставить без внимания неловкую попытку (Сапрыкин, Федосеев. 2011. С. 96 слл.) перечитать давно изданный мною декрет Левкона I. Заодно её авторы постарались предложить свою модель развития проксений, не удержавшись при этом от «скрытого цитирования». Приятно, конечно, когда твои идеи овладевают массами настолько, что воспринимаются ими (массами) как свои собственные. Но ...

Куда хуже с «исправленным» Сапрыкиным и Федосеевым левконовым эдиктом. Беда не в том, что они полностью проигнорировали выполненный мной расчет лакун. И не в том, что, вычитывая несуществующего в стк. 3 Нумения, совершенно пренебрегли действительными следами буквы на камне (не *эта*, но *все три горизонтали эпсилона*), видными на фотографии и в их статье, и в ПиФ (№ 155), а тем более при аутопсии, на которую я потратил годы. И даже не в том художественном вымысле, с которым они строят *из ничего*, вовсе не заключив их в квадратные скобки, *омикрон* и *кси* для своей проксении там, где на мраморе зияет *vasat* от вырезанного по надписи фронтона, полностью уничтожившего какие-либо признаки начертанного резчиком. И не в том, что они соединяют с несуществующей в данном случае проксенией формулу, которая в декретах всегда и везде связана исключительно с *χρήματα*. И не в том, что их видение нарушает семантическую норму глагола *ὑλάρχω* (в декретах – известнейший факт – никак не значит «быть в помощь», но только и единственно «быть принадлежащим, принадлежащим, принадлежать»). И не в том, что, путая эпиграфику с литературой, они совершают ошибку, о которой предупреждают всех, ищущих заниматься эпиграфикой. В конце концов, при внимательном прочтении их построения легко выявляют свою опрометчивость.

Худо то, что их плод попал в эпиграфический альманах (EP. 2012. С. 223) А. В. Белоусова, и был, вопреки очевидности, признан «довольно убедительным». Настоящая проблема в том, что покусившийся подражать *Bulletin épigraphique* Жанны и Луи Робер не чувствует груза ответственности за свои суждения. Ведь покойный «мэтр мэтров», как его называют, не допускал чем-либо похожих *gaff*'ов уже тогда, когда ему в куда более молодом возрасте, чем тот, в котором Белоусов подержал явное заблуждение, поручили ведение бюллетеня.

Литература

- А. В. Белоусов. *Epigraphica Pontica* // Аристей. 2012. Т. VI.
 Ю. Г. Виноградов, В. П. Толстиков, Ф. В. Шелов-Коведяев. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4.

Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки в ГМИИ им. А. С. Пушкина 27 июня – 17 сентября 2017 года. М., ООО «Новые решения», 2017.

С. Ю. Сапрыкин, Н. Ф. Федосеев. Особенности проксенической деятельности Боспора // Аристей. 2011. Т. IV.

Ф. В. Шелов-Коведяев. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1.

В. П. Яйленко. Вторая Фанагорийская проксения // ДБ. 2001. Т. 4.

Лавиния Грумеца, Виктор Кожокару

Боспорское царство и его древности в проекте BCOSPE (Bosporan Kingdom and Its Antiquities in the BCOSPE Project)¹

В сборнике тезисов докладов прошлогодней конференции AP-XOHT-2017, посвященной 190-летию начала археологического исследования Херсонеса, нам уже пришлось обратить внимание на проект BCOSPE (Кожокару, Грумеца. 2017). Этот исчерпывающий библиографический свод литературы по античному Северному Причерноморью, включающий публикации на русском и иностранных языках с конца XVIII в. по нынешний день, позволяет заново осмыслить вклад каждого северопричерноморского центра в общую сокровищницу античной культуры. Многочисленные положительные отзывы, поступившие от русских и западных специалистов на первый, уже опубликованный том (BCOSPE I = Cojocaru 2014)², где собраны работы по эпиграфике, нумизматике, ономастике и просопографии³, послужили дополнительной мотивацией для продолжения работы над вторым и третьим томами, посвященным месту Северного Причерноморья в историко-культурном пространстве античного мира. А наше участие в юбилейной конференции «Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира» позволяет нам не только дополнительно коснуться археологического исследования боспорских

¹ Доклад и тезисы подготовлены при финансовой поддержке CNCS – UEFISCDI в рамках научного проекта PN-III-P4-ID-PCE-2016–0279 «Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. III. Ars, res sacrae & mythologica». Авторы выражают благодарность В. П. Копылову за правку русского языка и за полезные замечания.

² Мы имеем в виду около ста электронных писем полученных от разных специалистов и 15 опубликованных рецензий, из которых упоминаем здесь только Kantor. 2015; Avram. 2016; Яйленко. 2016.

³ Книга доступна и в электронном варианте, см. https://www.academia.edu/26671277/Bibliographia_classica_orae_septentrionalis_Ponti_Euxini_BCOSPE_.Vol._I_Epigraphica_numismatica_onomastica_and_prosopographica.

городов и сельской территории в сравнении с другими античными центрами Северного Причерноморья (BCOSPE II), но и поразмышлять над сходством и отличием культуры и искусства Боспорского царства и остального античного мира (BCOSPE III).

BCOSPE II (Archaeologica), который мы планируем опубликовать к концу этого года, систематизирует археологическую литературу по трем крупным разделам, разбитым в свою очередь на несколько глав (в общей сложности уже учтены более 10 000 публикаций). Первый раздел обобщает отчеты и археологические заметки (А. 1), публикации, связанные с анализом и реставрацией археологического материала (А. 2), а также работы общего характера (А. 3. *Varia*). Второй раздел посвящен керамическому материалу: простая керамика (В. 1 – столовая, кухонная, хозяйственная), парадная керамика (В. 2 – расписная, чернолаковая, краснолаковая, фигурная, рельефная, сигиллата), массовый амфорный материал (В. 3), светильники (В. 4), *varia ceramica* (В. 5). В третьем разделе собраны работы по другим материалам: украшения, одежда и туалетные принадлежности (С. 1), металлические сосуды (С. 2), стеклянные сосуды (С. 3), оружие, военное снаряжение и предметы конской сбруи (С. 4), орудия (С. 5), другие находки (С. 6). Отдельный раздел (D) посвящен публикациям по ремеслу, мастерским, технике производства и торговле.

В прилагаемой таблице (Рис. 1) приведены статистические данные по сравнению с Тирой, Ольвией, Херсонесом и с разделом, содержащим публикации общего характера. Как отмечается в недавно вышедшем очерке по истории Боспора Киммерийского, «двухсотлетняя боспорская историография, посвященная изучению античных памятников Керченского и Таманского полуостровов, насчитывает сотни монографий и тысячи публикаций» (Шепко. 2011. С. 32). Из этих публикаций, в рамках BCOSPE II нами систематизированы более 4 000 названий, к которым добавляются почти 2 000 работ, учтенных в первом томе BCOSPE⁴ и более 2 000 в BCOSPE III. То, что во время древнейшего этапа истории Северного Причерноморья Боспор является важнейшей его частью, становится вполне очевидно при сопоставлении работ, посвященных полевым исследованиям – в настоящее время⁵ это 2 170 названий, то есть почти столько же, сколько насчитывают вместе

⁴ Ср. Яйленко. 2016. С. 527: «Благодаря вышедшему тому открылось незаметное доселе обстоятельство – полное господство в эпиграфике и нумизматике работ по Боспору: их библиография занимает с. 228–388, №№ 1918–3847. Боспору посвящено столько же работ (1929), сколько остальным указанным регионам Северного Причерноморья (1917). Теперь наглядно видно, что Боспор – важнейший регион древней истории юга нашей страны».

⁵ Эти данные на конец марта 2018 г.; работа по сбору и систематизации публикаций в рамках BCOSPE II предусмотрена до конца июля.

Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. II. Archaeologica (Regnum Vostrogorum: статистические данные по сравнению с Тирой, Ольвией, Херсонесом и с разделом, содержащим публикации общего характера)

<p>A - 2170</p> <p>Тугас - 300</p> <p>Ольвия - 1040</p> <p>Херсонесом - 1130</p> <p>Generalia - 690</p> <p>B - 355</p> <p>Тугас - 70</p> <p>Ольвия - 345</p> <p>Херсонесом - 165</p> <p>Generalia - 260</p> <p>C - 365</p> <p>Тугас - 85</p> <p>Ольвия - 135</p> <p>Херсонесом - 95</p> <p>Generalia - 255</p> <p>D - публикации по ремеслу, мастерским, технике производства и торговле - 210</p> <p>Тугас - 25</p> <p>Ольвия - 130</p> <p>Херсонесом - 170</p> <p>Generalia - 110</p>	<p>A.1: отчеты и археологические заметки - 1150</p> <p>Тугас - 170</p> <p>Ольвия - 570</p> <p>Херсонесом - 790</p> <p>Generalia - 190</p> <p>B.1: простая керамика (столовая, кухонная, хозяйственная) - 55</p> <p>Тугас - 25</p> <p>Ольвия - 55</p> <p>Херсонесом - 20</p> <p>Generalia - 20</p> <p>C.1: украинские, а также и гуклястие архаичности - 90</p> <p>Тугас - 15</p> <p>Ольвия - 50</p> <p>Херсонесом - 35</p> <p>Generalia - 190</p>	<p>A.2: публикации связанные с анализом и реставрацией археологического материала - 700</p> <p>Тугас - 70</p> <p>Ольвия - 300</p> <p>Херсонесом - 250</p> <p>Generalia - 480</p> <p>B.2: парадная керамика (расписная, червленая, красная, фиолетовая, рельефная, сигилата) - 190</p> <p>Тугас - 20</p> <p>Ольвия - 200</p> <p>Херсонесом - 70</p> <p>Generalia - 130</p> <p>C.2: металлические сосуды - 15</p> <p>Тугас - 5</p> <p>Ольвия - 10</p> <p>Херсонесом - 5</p> <p>Generalia - 20</p>	<p>A.3: работы общего характера (varia) - 320</p> <p>Тугас - 60</p> <p>Ольвия - 170</p> <p>Херсонесом - 180</p> <p>Generalia - 100</p> <p>B.3: массовый диферный материал - 55</p> <p>Тугас - 10</p> <p>Ольвия - 50</p> <p>Херсонесом - 40</p> <p>Generalia - 90</p> <p>C.3: стеклянные сосуды - 50</p> <p>Тугас - 10</p> <p>Ольвия - 15</p> <p>Херсонесом - 10</p> <p>Generalia - 30</p>	<p>A.4: специальные - 25</p> <p>Тугас - 5</p> <p>Ольвия - 20</p> <p>Херсонесом - 20</p> <p>Generalia - 15</p> <p>C.4: оружие, военное снаряжение и предметы конской сбруи - 100</p> <p>Тугас - 10</p> <p>Ольвия - 20</p> <p>Херсонесом - 20</p> <p>Generalia - 40</p>	<p>B.5: varia - 30</p> <p>Тугас - 10</p> <p>Ольвия - 20</p> <p>Херсонесом - 15</p> <p>Generalia - 15</p> <p>C.5: другие находки - 20</p> <p>Тугас - 10</p> <p>Ольвия - 25</p> <p>Херсонесом - 10</p> <p>Generalia - 55</p>
---	---	---	---	---	--

Рис. 1. Таблица статистических данных

взятые Тира (300), Ольвия (1040) и Херсонес (1130). В разделах, посвященных публикации археологического материала, разница менее ощутима. Но и здесь, за исключением простой и парадной керамики (где Ольвия и Березанское поселение наиболее изучены), боспорские полисы с их некрополями и хорами вызвали пока наибольший историографический интерес по сравнению с другими античными центрами Северного Причерноморья⁶.

Учитывая предусмотренный максимально возможный объем тезисов, хотелось бы также упомянуть о важнейших разделах двухсотлетней историографии Северного Причерноморья – публикациях, посвященных важнейшим направлениям полевых работ, среди которых археологические разведки и раскопки, охранные и консервационные работы, геоморфологические и палеографические исследования. Тоже самое касается выше перечисленных категорий археологического материала (B1-B2, C1-C6 – ср. прилагаемую таблицу), а также работ по искусству и религии⁷: гражданская и культовая архитектура (А. 1), военная

⁶ И даже Причерноморья в целом, если учесть, что Истрия – археологически наиболее изученный причерноморский полис за пределами Северного Причерноморья – за период 1898–1993 гг. насчитывает всего 310 публикаций (см. <http://cimec.ro/scripts/Histria/Biblio/default.asp?nr=1>). В сравнении, даже Тира – по нашим неполным данным на 2007 г. (см. Cojocaru, 2009) – насчитывала 380 публикаций (в данный момент уже более 600).

⁷ Систематизированы в рамках тома BCOSPE III: Ars, res sacrae & mythologica (ср. <https://bibliographiaclassica.ro/en/>), работа над которым пока менее продвинута по сравнению с BCOSPE II.

архитектура (А. 2), скульптура и рельефы (А. 3), живопись и мозаика (А. 4), *ars varia* (А. 5), культы и божества (В. 1), погребальный обряд (В. 2), *res sacrae varia* (В. 3).

Анализируя место Боспорского Царства в рамках вышеперечисленных направлений исследования, нас интересуют не столько статистические данные (сами по себе уже небезыңтересные), сколько наиболее примечательные аспекты боспорской истории в сравнении с другими причерноморскими античными государствами и их отражение в русской и зарубежной историографии. Таким образом, мы надеемся, проект BCOSPE будет не только способствовать росту исследовательского интереса к Боспору Киммерийскому на международном уровне, но и поможет лучше понять, почему серия периодических тематических конференций, прошедших за последнее два десятилетия «/.../ обогатила нас новыми фактами, взглядами, подходами к “вечным проблемам” и, может быть, даже в какой-то степени приблизила к пониманию “боспорского феномена”, да и специфики античной жизни в Северном Причерноморье в целом» (БФ. 2009. С. 5).

Литература

- В. Кожокару, Л. Грумеца.* Херсонес и его древности в проекте BCOSPE // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Севастополь, Изд-во Саки: ИП Бровко А. А., 2017.
- Л. Г. Шенко.* История Боспора Киммерийского (VI–II вв. до н. э.) в исследованиях 1985–2010 гг. Донецк, Изд-во «Ноулидж», 2011.
- В. П. Яйленко.* Рецензия на Cojocar 2014 // ДБ. 2016. Т. 20.
- А. Avram.* Compte rendu à Cojocar 2014 // Revue archéologique. 2016. Vol. 62. 2.
- V. Cojocar.* Eine Bibliographie der antiken Stadt Tyras // Arheologia Moldovei. 2009. Bd. 31.
- V. Cojocar.* Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. I. Epigraphica, numismatica, onomastica & prosopographica. Cluj-Napoca, Mega, 2014.
- G. Kantor.* Review of Cojocar 2014 // Bryn Mawr Classical Review. 2015 (<http://bmcr.brynmawr.edu/2015/2015-04-41.html>).

В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов, С. В. Ярецев

Детальное археологическое изучение отдельных районов Крыма на примере урочища Аджиэль¹

Урочище Аджиэль – территории примыкающие к балке Аджиэль и её рукавам – расположено в Восточном Крыму, примерно в 30 км западнее г. Керчь и занимает площадь около 100 км², близ восточной части Казантипского залива Азовского моря. Урочище является районом, игравшим важную роль в древности. Балка Аджиэль, идущая, по направлению северо-запад – юго-восток, труднопроходима, отгораживает значительную часть Керченского полуострова, и является одним из естественных защитных рубежей Восточного Крыма. Силами находившихся здесь гарнизонов укрепленные поселения и, в первую очередь, крупного античного городища Белинское, могли контролироваться наиболее проходимые места, где в древности шли, по-видимому, кратчайшие пути миграции населения от материка через Крым на Тамань. Таким образом, эта территория, вероятно, играла стратегическую роль в системе обороны Боспорского Царства, а само городище Белинское являлось, возможно, и локальным политическим центром. Свое название памятник получил по современному наименованию ближайшего села, находящегося в полутора километрах к северо-северо-западу от городища. Впервые об обнаружении поселения упоминается в сообщении сотрудницы музея С. С. Бессоновой начала 50-х годов XX в., содержащемся в рукописной летописи охранных раскопок Керченского историко-археологического музея. В разное время (70–80-е гг. XX в.) городище обследовалось И. Т. Кругликовой, О. Д. Чевелёвым, А. А. Масленниковым, напр. (Масленников. 1998. С. 137; Масленников, Чевелёв. 1981. С. 77–85). На его месте предположительно, локализуется античный городок Тафр, упомянутый у Клавдия Птолемея (III, 6, 5).

Систематические исследования на городище ведутся с 1996 года Белинской археологической экспедицией ТГПУ им. Л. Н. Толстого под руководством В. Г. Зубарева. С 2005 года ведутся раскопки и на некрополе городища. Проводились археологические разведки и на территории, примыкающей к городищу, однако, они охватывали территорию урочища Аджиэль на расстоянии не превышающем, как правило, 1–2 км от городища.

¹ Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

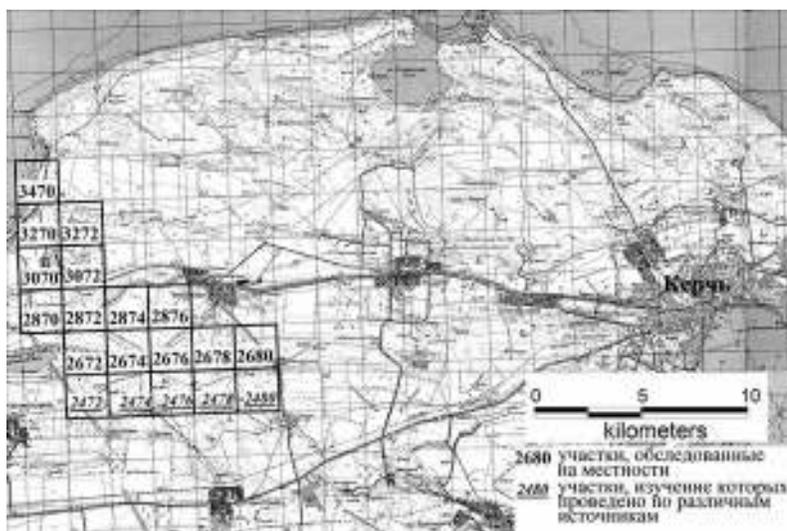

Рис. 1. Схема расположения участков урочища Аджиэль, обследованных в 2014–2017 гг

Полное систематическое обследование территории урочища было начато авторами в 2014 г. В 2014–2016 гг. работа проводилась в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799). В 2017 г. работы были продолжены в рамках задания Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9.

Изучение территории Аджиельской балки проводилось, по квадратам картографической сетки на листах топографической карты масштаба 1:100 000. Данные карты в настоящее время являются картами наиболее крупного масштаба, имеющимися в свободном доступе. Каждый квадрат имеет размеры 2×2 км, что позволяет отображать соответствующий участок на одном листе формата А4, в масштабах до 1:10 000 (в одном сантиметре 100 м). Этого достаточно для выделения отдельными знаками объектов, отстоящих друг от друга на расстоянии более 10 м, и позволяет, в большинстве случаев, однозначно проводить идентификацию объектов на местности. Нумерация квадратов проводилась в соответствии с координатами юго-западного угла квадрата, обозначенными на топографических картах Генерального

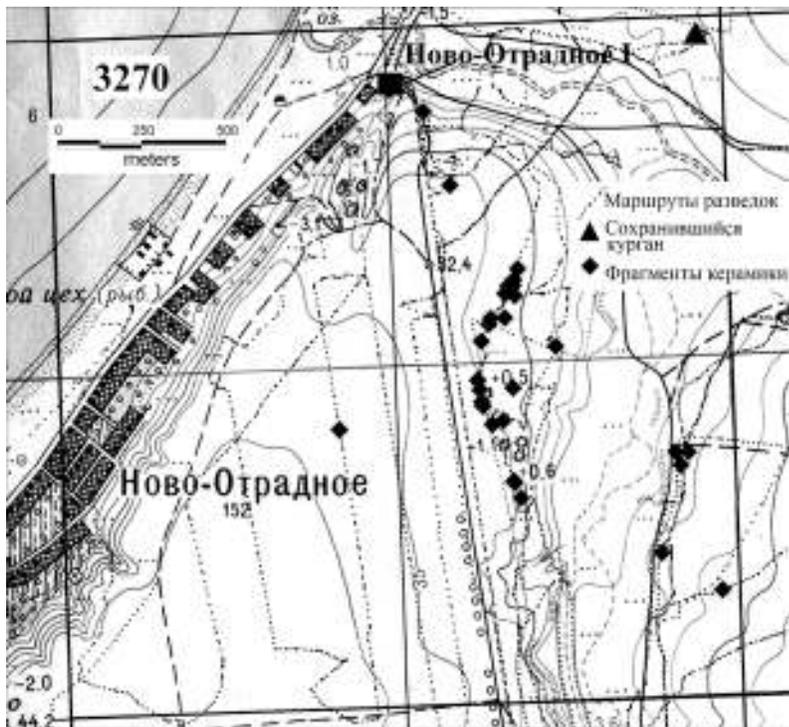

Рис. 2. Пример отображения результатов разведок на топографической карте масштаба 1:25000

Штаба СССР (система координат Гаусса-Крюгера для эллипсоида Красовского – Пулково 1942).

Для проведения предварительного анализа наличия археологических объектов и отображения результатов разведок была подготовлена геоинформационная система (ГИС), включающая следующие основные слои: карты России масштабов 1:126 000 1862–1876 гг. и 1:42000 конца XIX в. (т. н. «верстовка»); карты СССР масштабов 1:25000 50-х гг. XX в., и 1:100 000 80-х гг. XX в.; слой аэрофотоснимков 70-х гг. XX в.; слой современных космических снимков ресурса Google Earth; слой известных археологических памятников, координаты которых имеются в создаваемой авторами базе данных (Смекалов. 2011). Подготовлена так же версия для просмотра полученных результатов посредством обычных браузеров без использования специальных ГИС-программ.

Необходимо также отметить, что при проведении археологических разведок выделение территорий, на которых нет археологических объ-

ектов не менее важно, чем обозначение самих памятников. К сожалению, это в большинстве случаев не отражается в публикациях и археологических отчетах. То есть не приводятся треки маршрутов разведок, контуры обследованных зон, где памятники не обнаружены. Не указывается плотность маршрутов разведок.

В данной публикации авторы представляют основные результаты исследований, полученные к концу 2017 г.

Методически работы были организованы следующим образом. После предварительного изучения квадрата по имеющимся картам, космическим снимкам, литературным источникам, определялись координаты памятников, представленных в этих материалах, и составлялся предварительный перечень объектов, наличие которых можно было ожидать в данном квадрате, подготавливалась карта квадрата обследования. Во время выезда в поле выполнялась проверка наличия объектов из предварительного перечня и полное пешеходное обследование квадрата. Положение выявляемых объектов фиксировалось по GPS, проводилась их фотосъемка. При помощи GPS записывались так же треки маршрутов обследования. После возвращения в лагерь данные, записанные в GPS, перегружались в компьютер и заносились в общую базу данных. Схема расположения участков урочища Аджиэль, обследованных в 2014–2017 гг. представлена на (Рис. 1). Общая площадь сухопутной части обозначенных на рисунке квадратов (Рис. 1) составляет 73,8 км². Из нее разведки проведены на площади 53,8 км². На данной территории можно выделить шесть типов мест, связанных с древней антропогенной деятельностью: места нахождения строительных остатков, места нахождения грунтовых некрополей, группы земляных валиков, места нахождения курганов, места скопления фрагментов керамики, места нахождения отдельных фрагментов.

Видимые на поверхности места нахождения строительных остатков и грунтовые некрополи – уже это известные археологические объекты, в той или иной степени исследованные ранее, и здесь задачей разведок было лишь уточнение их координат по GPS. К ним относятся античное поселение Ново-Отрадное I (Кругликова. 1998. С. 113–25), городище и некрополь Белинское и различные объекты близ Узунларского вала (Масленников. 2003. С. 36–113).

В квадрате 2870 обнаружены две группы из трех валиков каждая высотой около 0,5 м и шириной 4–5 м, длиной 100–150 м. Расстояние между валиками около 50 м. Эти валики видны и на космических снимках. Выявленные группы можно было бы, предположительно, сопоставить с подобными валиками, описываемыми В. В. Веселовым (Веселов. 2005. С. 60, С. 153. № 436), но приводимые описания их по-

ложения неоднозначны и несколько расходятся в разных местах текста. Назначение и датировка валиков неизвестны.

На карте – «верстовке» в пределах вышеуказанных 73,8 км² обозначено 186 курганов, из них, в пределах обследованных на местности 53,8 км²–176. Большинство курганов разрушено полностью или частично, и не видны на космических снимках. В ходе разведок обнаружено лишь 66 мест из 176, где курганы либо сохранились хорошо, либо остались хотя бы какие-то их признаки.

Относительно мест скоплений фрагментов керамики можно отметить следующее. Южнее бывш. дер. Державино В. В. Веселовым локализуется 4 пункта развалов камней и скопления фрагментов античной керамики (Веселов. 2005. С. 60. № 432, 433, 434, 435). Про пункты 432 и 433 сообщается, что развалы камней и керамики имеют распространение на территории «около 1 километра, шириной в пределах 60–150 метр.» (Веселов. 2005. С. 60), пункты 434 и 435 расположены на 0,55 и 0,25 южнее дер. Державино. Возможно, пункт 435 соответствует самому городищу Белинское. При обследовании этой территории действительно было обнаружено большое количество фрагментов античной керамики. По местам максимальной ее концентрации, предположительно, локализованы центры возможных поселений. Однако остатков каких-либо каменных конструкций выявлено не было. Не исключено, что они были разобраны на камень за более чем полвека, прошедшие со времени обследований В. В. Веселова. Еще четыре пункта (Веселов. 2005. С. 107–180. №№ 151, 523, 561, 671), упомянуты лишь в сводной таблице памятников. Вероятно, они тоже локализованы по фрагментам керамики. В областях примерного расположения пунктов 151, 561, 671 каких-либо артефактов при обследовании не обнаружено. В области расположения пункта 523 (квадрат 3470) найдено 10 фрагментов ручек амфор эллинистического времени, в том числе одна светлоглиняная с клеймом (Синопа).

Также в ходе разведок выявлено 4 области значительного скопления фрагментов керамики, которые не упоминаются в известных авторам материалах предыдущих исследований. Это участок в квадрате 3270, примыкающий с востока к дороге Белинское – Ново-Отрадное, на расстоянии 1,2–1,7 км от окраины с. Белинское; участок на южном склоне и вершине холма близ западного окончания границы квадратов 2872–3072 (авторами дано название этому объекту – «Аджиэль 1»); участок в квадрате 2872 в 900 м к востоку-юго-востоку от городища Белинское («Аджиэль 2»), примыкающий с севера к железной дороге, и участок в квадрате 2874 в 1500 м от городища Белинское («Аджиэль 3»), примыкающей к железной дороге с юга. На каждом из этих участ-

ков в ходе разведок обнаружены сотни фрагментов керамики античного времени. На памятниках Аджиэль 2 и Аджиэль 3 была проведена магниторазведка на площадях 40x40 м, результаты которой показали наличие большого числа аномалий (несколько десятков), связанных, вероятно, с хозяйственными ямами.

В случае нахождения при движении по маршруту отдельного фрагмента керамики участники работ детально обследовали площадку в радиусе 10–15 метров. Если другие фрагменты не обнаруживались, считалось что, фрагмент попал в данное место случайно, вне связи с какими-либо археологическими объектами. Если же встречались другие фрагменты, зона детального обследования расширялась до определения границ распространения.

На (Рис. 2) показан пример отображения результатов разведок на топографической карте масштаба 1:25 000. Все обнаруженные фрагменты керамики обработаны и занесены в базу данных. Маршруты, отображенные на (Рис. 2) представляют треки, записанные GPS навигаторами. Между отображенными маршрутами проходили еще 2–3 участника разведок без навигаторов, так что реальная плотность изучения территории выше, чем отображенная треками.

В заключение можно отметить следующее. В ходе работ 2014–2017 гг. выявлен ряд ранее неизвестных памятников, уточнено положение некоторых, неопределенных ранее по доступным авторам источникам, хотя в целом результаты работ соответствуют данным предыдущих исследований. Для составления «полной» археологической карты необходимо провести сплошные археологические раскопки на всей территории, однако, как полагают авторы, результаты разведок позволили дополнить труды предыдущих исследователей и представить результаты на техническом уровне, отвечающим сегодняшним возможностям информационных технологий.

Литература

- В. В. Веселов.* Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., ИАРАН, 2005.
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. М., Наука, 1975.
- А. А. Масленников, О. Д. Чевелев.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. № 168.
- А. А. Масленников.* Эллинская хора на краю Ойкумены. М., Индрик, 1998.
- А. А. Масленников.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., Ин-т археологии РАН, 2003.
- С. Л. Смекалов.* Археологическая карта Крыма. 2011. URL: <http://www.archmap.ru> (дата обращения: 20.03.2018).

Н. В. Быковская

«Марфовский клад»: в дополнение к изданному

Среди гарнитуров полихромных украшений гуннской эпохи широкую известность получил комплекс, найденный в декабре 1925 г. недалеко от деревни Марфовка на Керченском полуострове. Впервые золотые украшения были опубликованы директором Керченского музея Ю. Ю. Марти, который кратко описал обстоятельства их обнаружения (Марти. 1926. С. 48, 90). В издании, посвящённом столетнему юбилею музея, также впервые были размещены и фотографии ряда вещей (Марти. 1926. Рис. 25). Детальная характеристика комплекса, определение его места в ряду украшений гуннского времени содержится в ряде работ, опубликованных в 1960–1990-х гг. (См., например, Амброз. 1985; Засецкая. 1968; 1975; 1986; 1994).

К сожалению, местонахождение золотых украшений из Марфовского клада на сегодняшний день неизвестно. В 1941 г. они вместе с другими вещами из коллекций Керченского музея были вывезены в Армавир, где следы их затерялись. Все исследователи, обращавшиеся к анализу памятников этого периода, до недавнего времени оперировали, прежде всего, публикацией Ю. Ю. Марти, а также некоторыми материалами, которые хранятся в научном архиве Института истории материальной культуры РАН (Засецкая. 1994. С. 177). В 2017 г. вышла ещё одна работа, авторы которой кроме анализа комплекса, его датировки и пр. опубликовали документы из архива ИИМКа, имеющие отношение к Марфовскому кладу, прежде всего, подробную информацию из отчета Ю. Ю. Марти, а также ряд фотографий, хранящихся там же (Застрожнова, Шаров. 2017). Благодаря этой публикации в научный оборот введены новые материалы, которые помогут «по-новому осмыслить этот погребальный комплекс» (Застрожнова, Шаров. 2017. С. 396).

Опубликованные на сегодняшний день данные об обстоятельствах находки и передачи в Керченский музей Марфовского клада дополняют материалы, находящиеся в архиве и фондах Восточно-Крымского музея-заповедника, несмотря на практически полное разорение музея в годы Великой Отечественной войны.

Находка, как известно, была сделана не археологами, а местными крестьянами. В журнале исходящей корреспонденции за 1926 г., зафиксирована переписка, которую вел Ю. Ю. Марти по поводу найденных вещей с органами исполнительной власти, а также с частными лицами. Первое упоминание о кладе в журнале исходящей корреспонденции относится к 8 января 1926 г. Ю. Ю. Марти адресует в органы исполнительной власти – Керченский райисполком и Марфовский сельский

совет – просьбы об оказании «содействия» в доставке в музей «золотой пряжки» и выяснении обстоятельств находки¹. Уже 14 января, поскольку, вероятно, обладатель находки не соглашался передать её в музей, Марти повторно обращается в райисполком с просьбой «принятия мер к отобранию древностей у крестьянина Сергея Нешева в деревне Шамалаки подле Марфовки^{2»}³. Вероятно, принятые меры возымели действие, и 23 января 1926 г. Марти пишет в Финотдел Керченского исполкома отчёт о «прямых» ассигнованиях из спецсредств шестидесяти рублей на имя Сергея Степановича Нешева за доставленные в музей вещи – «венец золотой с сердоликовыми камнями, две пряжки от пояса, восемь листочков золота и маленькую пряжку»⁴. В тот же день на имя Нешева из музея было направлено письмо с поручением «тщательно просмотреть землю в разрытой им могиле и вещи, если таковые найдутся, доставить в музей»⁵. Одновременно Марти направляет письмо в Марфовский сельский совет относительно «разбитой» Нешевым могилы с предупреждением, что в случае нахождения ещё каких-либо «археологических» вещей они должны быть переданы в музей. «Принёсшим добровольно, – пишет Марти, – будет дано вознаграждение, в противном случае будут приняты другие меры»⁶.

Выплаченные денежные суммы, вероятно, стали для обладателей вещей убедительным мотивом в принятии решения о передаче их в музей, уже 28 января Марти обращается в Керченский райисполком с просьбой о доставке найденных «случайно» Нешевым вещей, «оставшихся у других крестьян». Ещё одна вещь из комплекса была передана

¹ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 22 об.

² Очевидно, это – бытовавшее в народе название хутора Бикечь (Учевли-Бикечь) Марфовского сельсовета Керченского района. Хутор возник после 1921 года на месте экономии под тем же названием, принадлежавшей, по сведениям 1915 г., караимам И. И. Хаджи и В. Дувану, которые владели 2473 дес. земли. Видимо, ещё в ту пору и возникло неофициальное название этого населённого пункта. Шамалак мог быть антропонимом, произошедшим от клички одного из хозяев. По данным переписи 1926 года, в хуторе насчитывалось 12 дворов, только один из которых не был крестьянским. Население было преимущественно болгарским (34 чел.). Проживали также украинцы (14 чел.) и 3 русских. В 1948 г. получил новое название – Тамарино, исключен из учетных данных в 1968 г. Источники: Статистический справочник Таврической губернии. Выпуск 7. Феодосийский уезд. Симферополь, 1915. С. 36; Список населенных пунктов Крымской АССР по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. Симферополь, 1927. С. 92, 93. (Комментарий старшего научного сотрудника ВКИКМЗ В. Ф. Санжаровца).

³ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 23 об.

⁴ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 24.

⁵ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 24 об.

⁶ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 24 об.

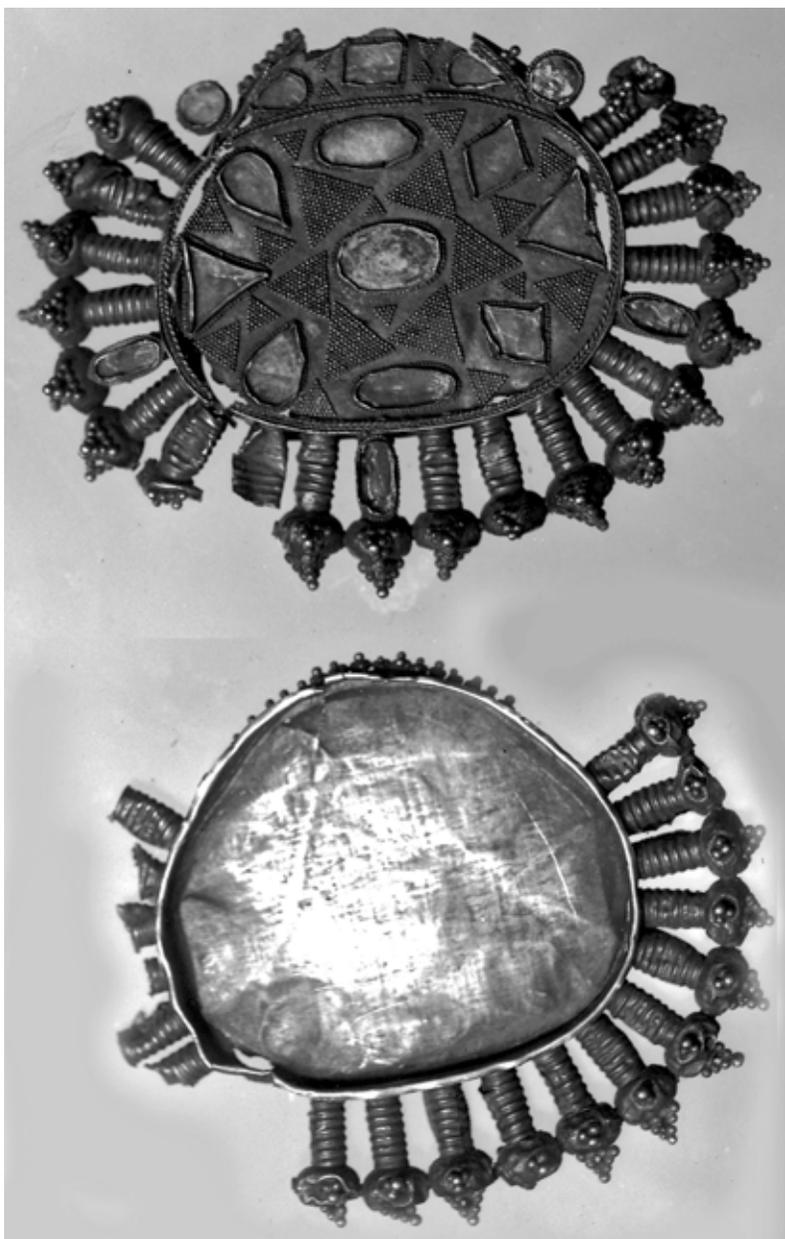

Рис. 1 Колты из гарнитура украшений, найденного в 1925 г. у деревни Марфовка

С. С. Нешевым в мае 1926 года, за что 8 мая из спецсредств музея, предназначенных на оборудование, ему было выплачено 15 рублей⁷.

Находка драгоценных вещей привела к волне незаконных кладоискательских раскопок в районе Марфовки. 13 мая 1926 года Ю. Ю. Марти обратился в Керченский райисполком с просьбой «предписать» Марфовскому сельсовету принять меры к «недопущению самочинных раскопок»⁸. Однако, административными мерами остановить новоявленных счастливицков не удалось. 13 августа 1926 г. Ю. Ю. Марти вновь адресует в сельсовет деревни Марфовка письмо о принятии сельсоветом мер к «воспрепятствованию» крестьянину С. С. Нешеву в производстве самочинных раскопок и об объявлении ему, что, в случае «не прекращения раскопок», он будет привлечен к уголовной ответственности.

Понимая, что для сохранения и исследования открытого погребального сооружения необходимо провести раскопки, Марти 9 июня 1926 г. безуспешно обращается в Райисполком с «докладом» о необходимости выделения средств на раскопки в деревне Марфовка, а 17 июня – в Музейный отдел Главнауки с просьбой ассигновать на раскопки 300 рублей. Несмотря на то, что его ходатайство поддержал С. А. Жебелёв, принятие решения затянулось до осени. В конце августа Марти уведомил КрымОХРИС о том, что раскопки не производились, а вещи у Нешева приобретены музеем⁹.

Проблемы, связанные с исследованием некрополя, где был обнаружен Марфовский клад, и обстоятельствами его поступления в музей, мотивировали Ю. Ю. Марти поставить перед археологическим и музейным сообществом вопрос об отношениях с людьми, в чьих руках случайно или же в результате незаконных раскопок оказались ценные артефакты. Первое публичное сообщение о найденных вещах было сделано им на Керченской археологической конференции 10 сентября 1926 г. на заседании секции средневековой археологии¹⁰. Чуть позже, на V Всекрымской музейной конференции, проходившей в Керчи также в сентябре 1926 г., после доклада о Марфовском кладе, Ю. Ю. Марти предложил «санкционировать оплату сдаваемых добровольно находок». В постановляющей части совещания музейные работники признали необходимым поставить этот вопрос на обсуждение археологического съезда и, кроме того, провести в районе, где был найден клад, дополнительные археологические раскопки¹¹. С необходимостью про-

⁷ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 36 об.

⁸ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 37–37 об.

⁹ НА ВКИКМЗ. Оп. 6. Д. 144. С. 54.

¹⁰ Бюллетень Керченской археологической конференции, 1926 г. № 6. С. 4–5.

¹¹ ГАРК. Ф. Р-2865. Оп. 2. Д. 2. С. 17, 21.

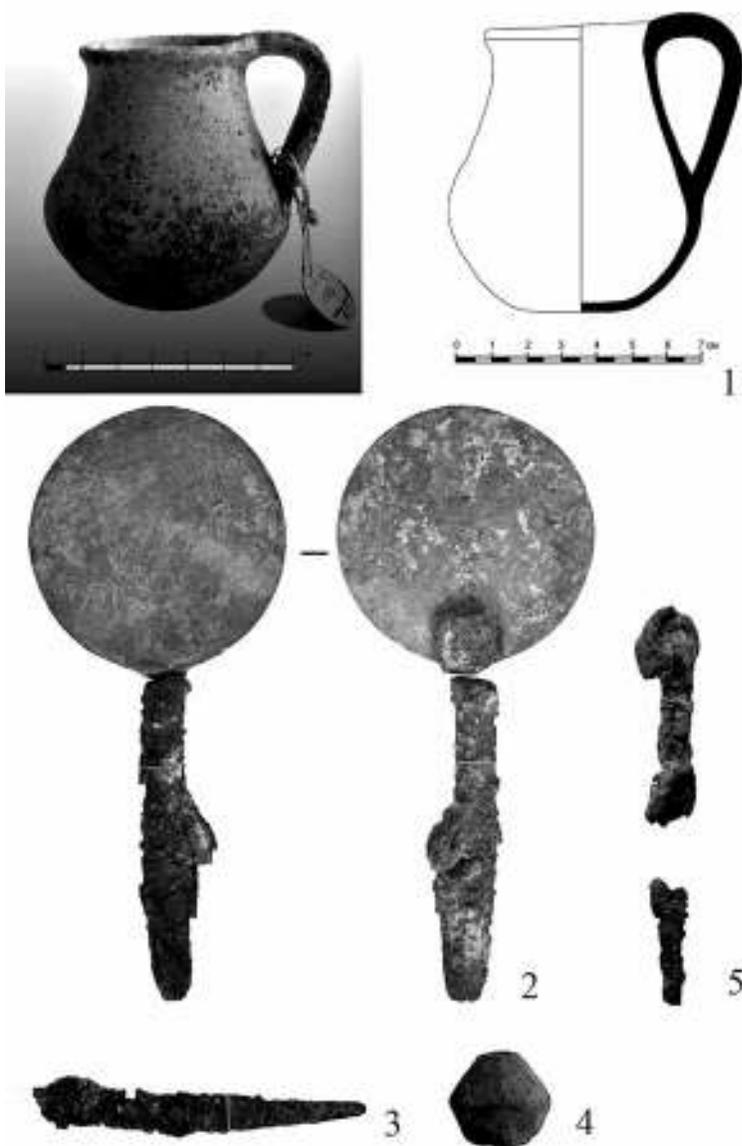

Рис. 2. Вещи из склепа, обнаруженного Ю. Ю. Марти в 1926 г. у деревни Марфовка. Из женского погребения: 1 – красноглиняный одноручный кувшин; 2 – бронзовое зеркало с железной ручкой; 3 – нож; 4 – пряслице. Из мужского погребения: 5 – фрагменты конских удили

ведения на месте обнаружения клада раскопок согласились и участники археологической конференции, отметив также необходимость борьбы с кладоискателями «путем строгих административных взысканий и бесед с населением».

К осени 1926 г. весь гарнитур украшений из Марфовского клада уже находился в музее, был полностью снят, а часть вещей к началу Керченской археологической конференции опубликована (Марти. 1926. Рис. 25). Фотографии найденных предметов, а также различных эпизодов раскопок позже в качестве приложений к отчету были отправлены Ю. Ю. Марти в Государственную Академию истории материальной культуры. Значительная часть этих фотографий впервые опубликована в работе Е. Г. Застрожной и О. В. Шарова (Застрожная, Шаров. 2017. Рис. 1, 4–8). Следует отметить, что стеклянные негативы, запечатлевшие вещи из Марфовского клада, отпечатки с которых были отправлены в ГАИМК, а также несколько снимков с них, хранятся в фондах Восточно-Крымского музея-заповедника. Ряд уже опубликованных фотографий дополняет снимок колтов, на котором запечатлена обратная сторона украшения (Рис. 1).

Интерес для исследователей представляют также вещи из раскопок Ю. Ю. Марти, предпринятых в ноябре 1927 г. на месте обнаружения Марфовского клада. Результаты этих раскопок описаны; они, в основном, свелись к доследованию за кладоискателями разоренных погребальных сооружений – женской могилы с гарнитуром золотых украшений и более раннего склепа с двумя погребенными. В современных коллекциях Восточно-Крымского музея-заповедника выявлена часть обнаруженных в 1927 г. и описанных в отчете Ю. Ю. Марти вещей (Застрожная, Шаров. 2017. С. 402). Так, практически полностью сохранился инвентарь из женского погребения: бронзовое зеркало с железной ручкой (Рис. 2, 2), красноглиняный кувшин с одной ручкой (Рис. 2, 1), пряслице (Рис. 2, 4), железный нож (Рис. 2, 3), а также фрагменты конских удиц из мужского погребения (Рис. 2, 5).

В целом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют сделать вывод о том, что обстоятельства находки Марфовского клада и его поступление в музей были напрямую связаны с активной позицией директора Керченского музея Ю. Ю. Марти и гражданских властей. История обнаружения Марфовского клада зримо обозначила одну из главных проблем – проблему охраны культурного наследия и прекращения незаконных раскопок античных памятников.

Литература

А. К. Амброз. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы // СА. 1985. № 3.

- Н. В. Быковская.* Коллекция предметов из драгоценных металлов Керченского музея древностей // БИ. 2004. № V.
- И. П. Засецкая.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья // АСГЭ. 1968. Вып. 10.
- И. П. Засецкая.* Золотые украшения гуннской эпохи. Л., Аврора, 1975.
- И. П. Засецкая.* О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1.
- И. П. Засецкая.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи // АСГЭ. 1986. № 27.
- И. П. Засецкая.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб, 1994.
- Е. Г. Застрожнава, О. В. Шаров.* «Марфовский клад» 1925 г. (публикация архивных материалов) // Между лимесом и Поднебесной: центры власти и производства. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2017. – (Stratum plus. 2017. № 4).
- Ю. Ю. Марти.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.

М. А. Кулькова, Т. Н. Смекалова, Н. Ф. Федосеев

**Петрографические методы
исследования античной керамики.
Обзор исследований и некоторые результаты¹**

Для античной эпохи импортные и местные амфоры и черепица, особенно имеющие штампы производителя (клейма), служат важнейшим источником по истории торговых связей и экономике древнегреческих центров Северного Причерноморья и Средиземноморья и являются основным датирующим средством.

Традиционно, исследователи определяют центры производства стандартизированной массовой керамической продукции методами визуального сопоставления формы сосудов или их профилированных частей, а также особенностей керамической массы, из которой они сделаны (цвет, плотность, пористость, наличие или отсутствие минеральных или искусственных включений в глине, и т. д.). Однако, во многих случаях определения происхождения и датировки керамики, базирующиеся только на визуальных характеристиках, могут носить предположительный характер или даже не всегда возможны.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ офи-м № 17-29-04201 «Комплексные естественнонаучные исследования античного керамического материала из торговых центров Причерноморья».

Трудности в этой работе связаны с тем, что многие центры, производившие и экспортировавшие массовые изделия своих керамических мастерских, не могут быть в настоящее время локализованы, особенно если их продукция имеет очень близкие или даже тождественные формы с аналогичными изделиями других центров, а различия в формовочной массе, из которой они сделаны, на глаз уверенно не различимы. Да и в керамике некоторых твердо установленных центров такие важнейшие визуальные признаки, как цвет и примеси, далеко не всегда устойчивы – они имеют весьма расплывчатые границы и значительный спектр колебаний, по-видимому, зависящий от многих причин, таких, например, как температура обжига, количественный и качественный состав добавок в глину и других. Зачастую имеются существенные различия в глиняном тесте изделий разных мастерских, находящихся в пределах одного греческого полиса. Со временем рецептура добавок к глиняному тесту могла меняться даже в пределах мастерской одного и того же мастера.

Поэтому, дополнительно к визуальным необходим поиск других, точных методов выявления устойчивых особенностей состава глиняных формовочных масс того или иного центра производства в различные периоды, которые можно выразить в виде набора количественных параметров. С естественнонаучной точки зрения керамика является техническим силикатом, поэтому для ее описания можно применять критерии классификации в общепринятой общенаучной терминологии. Именно современные аналитические методы дают возможность установить минеральный и химический составы формовочной массы, выявить технологические приемы изготовления, идентифицировать источники сырья (Feliu et al. 2004; Papadopoulou et al. 2006; Bastie et al. 2006; Riederer. 2004 и др.). Основные естественнонаучные параметры, используемые в настоящее время для характеристики керамики, распадаются на три больших класса: минеральный состав глиняного теста, его структурные и текстурные особенности и химический состав.

Петрографический анализ. Петрография древних керамических изделий является одним из наиболее ценных аналитических приемов для современного изучения керамики. Она применяется для определения структуры глинистых материалов, исследуя ее в тонких срезах (шлифах) под микроскопом. Различные материалы и их характеристики можно отличить на основании деталей микроструктуры, которая не может быть определена визуально или с помощью оптического микроскопа. Петрографическое исследование позволяет определить структурные детали, которые при применении обычного микроскопа могли быть упущены из виду или неправильно интерпретированы.

Главная цель петрографического исследования керамики охарактеризовать структуру и материал изделий из глины в тонком керамическом срезе – шлифе под поляризационным микроскопом. Этот тип микроскопа пропускает поляризационный свет через тонкий срез керамики, что позволяет оценить два главных компонента керамики – пластичную (глинистую) составляющую и непластичную составляющую. При таком исследовании важным также является определение минерального состава непластических (минеральных) включений, состав которых невозможно определить другими оптическими методами. Кроме того, оценка степени пористости, размер, форма пор являются характеристиками технологии изготовления керамики. Внешний вид и технические свойства конечного продукта определяются этими характеристиками. Петрографическое исследование позволяет на основе представленных данных сделать выводы о технологических особенностях изготовления керамики и источниках минерального сырья. В шлифах могут быть определены следующие характеристики керамического материала (Peterson. 2009. P. 22):

1. Природа и характеристики непластичных включений (минеральный состав, процентное содержание, размеры, форма, распределение и ориентация отдельных частиц).
2. Тектурные и оптические характеристики глинистой матрицы (двулучепреломление, цвет).
3. Форма, количество и ориентация пустот.
4. Особенности обработки поверхности, декорация.

Изучение этих особенностей позволяет лучше понять технологию изготовления керамики в прошлом, рецептуру формовочных масс. Информация, полученная с помощью петрографии по керамической структуре и материалам, используемым для создания глиняного изделия, позволяет выяснить принципы, которые гончар применял для выбора и переработки глинистого сырья, лепки сосуда, условий обжига и создания окончательного изделия.

Петрография является наиболее традиционным способом изучения минерального состава керамического теста. Этот метод стал широко применяться для изучения керамики после появления исследований, которые проводила А. О. Шепард в XX в. В 1942 г. она опубликовала результаты по петрографическому анализу глазурованной расписной керамики Рио Гранде, которая была найдена при археологических раскопках Пекоса (1300–1830 вв. н. э.) в Нью-Мехико. На основании технологических особенностей изготовления керамики, а именно различия в видах отощителя – искусственных добавок, которые были определены при петрографическом исследовании, А. Шепард выделила несколько

различных типов керамики, а также определила географическое местоположение источников сырья, которые были использованы для изготовления керамики. Важность изучения древней керамики с помощью метода петрографического исследования А. Шепард описала в своей монографии «Керамика для археологов» (Shepard. 1956).

Отечественные исследования керамики методами петрографии начались именно с исследований античной керамики. Ряд исследователей изучали амфоры и черепицу из Ольвии (Кульская. 1940), керамические изделия античного Боспора (Круг. 1960; Круг, Четвериков. 1961), античную керамику из Херсонеса (Кадеев, Шуменко. 1967). О. Ю. Круг удалось выявить три крупных центра производства керамических изделий в Боспорском царстве – в Пантикапее, Гермонассе и Фанагории, которые пользовались разным сырьем и определенными приемами приготовления глиняного теста. Ею также был рассмотрен ряд методологических вопросов применения оптико-петрографического анализа для изучения древней керамики. Для нас важными являются выводы О. Ю. Круг о возможностях классификации керамики с помощью микроскопического анализа тонкой глины и крупнообломочных примесей (Круг. 1965. С. 147). Минералогический состав керамики указывает на исходное сырье, температуру и условия обжига в печи (в окислительной или восстановительной среде). При решении вопроса о происхождении керамики ее петрографическое исследование может сыграть решающую роль. При этом, для выявления источников сырья, которое было использовано для изготовления керамики, необходимо параллельное изучение образцов из предполагаемых глиняных карьеров (Круг. 1965).

Особенно следует отметить два других важных исследования античных амфор с использованием оптико-петрографического анализа. А. Н. Щеглов и Н. Б. Селиванова провели сравнительный анализ 40 образцов от клейменных амфор пяти твердо локализованных центров-производителей в Причерноморье (Гераклеи Понтийской, Синопы, Амастрии, Херсонеса Таврического и Диоскуриады), имеющих узкие хронологические рамки (Щеглов, Селиванова. 1992). В ходе этой работы были выявлены аналогии между петрографически выделенными группами керамики разных производственных центров. Были выделены 4 петрографические группы амфор Гераклеи Понтийской. Три группы однообразны по многокомпонентному составу, четвертая резко выделяется полным отсутствием обломков кварца и преобладанием фрагментов плагиоклаза. Синопские амфоры характеризуются однообразием, почти мономинеральностью, состава минеральных добавок формовочной массы – на две трети это пироксен. Керамическая

масса амфор Амастрии многокомпонентна и имеет ряд аналогий по петрографическому составу с амфорами Гераклеи, Херсонеса и Синопы. Для амфор Диоскуриады характерно низкое содержание среднезернистого отощителя, среди которого преобладают зерна эффузивных пород среднего и кислого состава (состоящие из плагиоклаза, кварца, амфибола, рудных минералов). Общей чертой керамики из Херсонеса является изменяемость ее состава в зависимости от мастерской и обогащенность вторичным кальцитом, скорее всего за счет естественного состава глины. Итак, с чисто петрографических позиций, формовочная масса амфор Синопы является довольно однородной. То же можно сказать и об амфорах Диоскуриады и Гераклеи. Иная картина складывается для амфор Херсонеса и Амастрии. Для них характерны пестрота составов формовочной глиняной массы (Щеглов, Селиванова. 1992. С. 39–41). Интересно, что минеральный состав примесей в керамической массе херсонесских амфор во всех случаях имеет не крымское происхождение. Очевидно, что сырье для минеральных добавок в глину, отсутствовавшее на месте, могло поступать в Херсонес из Южного Причерноморья. Авторы, однако, замечают, что все выводы основываются на довольно ограниченном количестве образцов, и поэтому носят предварительный характер (Щеглов, Селиванова. 1992. С. 49).

С. Ю. Внуков провел петрографический анализ большого массива черноморской керамики, изученной по единой методике. Всего было исследовано 272 образца, отобранных из причерноморских амфор римского времени (I в. до н. э. – II в. н. э., светлоглиняных, синопских и коричневоглиняных); кроме того, для сравнительного анализа в выборку было включены образцы керамики двух других важнейших центров – Херсонеса (IV в. до н. э. – I в. н. э.) и Боспора (IV в. до н. э. – III н. э.). Микроскопические исследования проводились с помощью поляризационного микроскопа при увеличении $\times 120$ – $\times 250$ по 20 петрографическим признакам (Внуков. 2006. С. 28, 29). Кластерный анализ позволил выделить три петрографических категории и семь достаточно представительных петрографических групп, соответствующим пяти черноморским центрам производства керамики: Гераклее, Херсонесу (по две группы), Синопе, Колхиде и Боспору. Разработанная формализованная методика позволила достаточно определенно различить продукцию разных керамических центров (Внуков. 2006. С. 47).

Зарубежные исследования причерноморского амфорного материала проводились лишь спорадически. Были исследованы восемь синопских амфор (Jones. 1986 P. 313; P. 904. App. VI; Witebread. 1995. P. 234–244). Опубликован элементный состав некоторых видов причерноморской

тары эллинистического и римского времени, в том числе гераклейской и светлоглиняной (Duszczek. 1999. S. 176, 177, 179, 180, 182, 189).

Петрографический анализ применяется и для исследования других категорий древней керамики. Так, в 2003–2004 гг. на базе геолого-географического факультета Ростовского государственного университета были проведены комплексные минералого-петрографические исследования. Их цель состояла в определении мест производства сероглиняной посуды первых веков н. э., изготовленной по раннеаланской технологии. Объектом исследования стали 28 образцов керамики, объединенные в 3 серии. Дополнительные диагностические данные были получены при использовании термического, вакуумно-декриптометрического и хроматографического анализов. Такой комплексный подход позволил авторам прийти к выводам, что изученные образцы являются импортом из раннеаланских керамических центров Владикавказской равнины и прилегающих к ней территорий (Гугуев, Малашев, Рылов. 2017. С. 47, 52).

Результаты исследований боспорских глин может быть дополнена анализом керамики, производимой в Нимфее. Остатки гончарного производства находили на городище и ранее (см. напр.: Соколова. 2001), но до сих пор не выделены группы местной керамики. Есть предположение, что в Нимфее производилось клеймение мерных кувшинов, но доказать это без анализа керамики, невозможно. С этой целью был проведен анализ двух крупных фрагментов горла кувшина № 24 из комплекса производства керамики, обнаруженный в 2017 году в п. Эльтиген на ул. Рубежная. Исследования проводились в пришлифованных образцах с использованием бинокля МБС-1 при увеличении в 16, 24 и 140 раз. Петрографическое изучение керамики выполнялось в шлифах под поляризационным микроскопом Leica (65,7 раз). По композиционному составу глин и отощителей можно выделить рецептуры керамического теста, тогда как температурные характеристики и условия среды обжига позволяют охарактеризовать использованные технологические приемы.

Оба образца демонстрируют приблизительно одинаковые свойства (Рис. 1)². Керамика тонкостенная (5 мм), кирпично-красного цвета, центральная зона – серого цвета. Петрографический анализ показал, что керамика изготовлена из иллитовых глин, с включениями зёрен биогенного карбоната (отдельные обломки раковин). Большая часть карбонатов разложилась в результате обжига, кластического (обломоч-

² Авторы приносят благодарность В. Ю. Кононову за представленные образцы керамики.

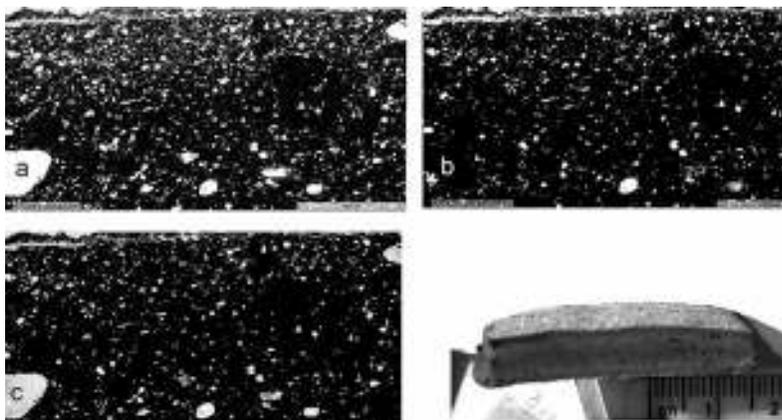

Рис. 1. Фотографии петрографических шлифов керамики образец 1 (линейка 1000 мкм), а) без анализаторов, б) в поляризованном свете, в) в поляризованном свете с кварцевой пластинкой)

ного) материала – 47–48%, размер зерен 0,04–0,07 мм, состав: кварц, полевой шпат, слюда. Встречаются отдельные, округлые включения остатков обугленной органики (0,3–0,4 мм), вторичный карбонат развивается в порах (0,30–0,50 мм) (1%). Отощитель не использовался. Пористость: 8% – выгорание органических включений, разложение карбонатов. Температура обжига 850–950°С, обжиг равномерный, в окислительной среде, в печи, кратковременный. Стекловатая фаза и поры от разложения карбонатов наблюдаются во внешних зонах черепка, в центральной зоне черепка стекловатая фаза выражена слабее. При изготовлении использовался гончарный круг, внешняя и внутренняя поверхности были покрыты карбонатной белой пастой после обжига.

Таким образом, можно отметить, что для керамической пасты для изготовления гончарных кувшинов из Нимфея были использованы тощие (с большим количеством обломочного материала) глины, содержащие отдельные включения растительных остатков и биогенных карбонатов. Глины характеризуются хорошим промесом. Температура обжига керамики составляла около 850–950°С, обжиг был равномерный, кратковременный, проходил в окислительной среде, в печи. На последней стадии внутренняя и внешняя поверхности сосуда были покрыты карбонатной пастой белого цвета.

Исследования минералогического состава античной керамики будут продолжены на более широкой выборке образцов для того, чтобы установить различия в технологиях изготовления глиняной посуды из разных древнегреческих центров Северного Причерноморья.

Литература

- С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II // Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб., Алетей, 2006.
- Ю. К. Гузуев., В. Ю. Малашев, В. Г. Рылов. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в Танаисе в середине III в. н. э. (по результатам минерало-петрографических исследований) // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 1.
- В. И. Кадеев, С. И. Шуменко. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса // Записки Одесского археологического общества. Одесса, Одесское книжное издательство, 1967. Т. 2 (35).
- О. Ю. Круг. Оптическое исследование боспорской керамики // И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. М., Издательство Академии Наук СССР, 1960. – (МИА. № 83).
- О. Ю. Круг. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки. М., Наука, 1965. – (МИА. № 129).
- О. Ю. Круг, С. Д. Четвериков. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства // СА. 1961. № 3.
- О. А. Кульская. Химико-технологическое исследование ольвийских керамических изделий // Ольвия. Киев, Изд-во АН УССР, 1940. Т. 1.
- О. Ю. Соколова. О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001.
- А. Н. Щеглов, Н. Б. Селиванова. Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменных амфор IV–III вв. до н. э. // Греческие амфоры. Кац В. И., Монахов С. Ю. (ред.). Саратов, Издательство Саратовского университета, 1992.
- P. Bastie, B. Hamelin, F. Fiori, A. Giuliani, G. Giunta, F. Rustichelli, J. Gysens. A new method based on hard x-ray diffraction for the investigation of archaeological artifacts // Measurement Science and Technology 17, L1-L3. 2006.
- P. Dyczek. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. Warszawa: IA UW. 1999.
- M. J. Feliu, M. C. Edreira, J. Martin. Application of physical-chemical analytical techniques in the study of ancient ceramics // Analytica Chimica Acta. 2004. Vol. 502. Nr. 2.
- R. E. Jones. Greek and Cypriot pottery. A review of scientific studies // Fitch Laboratory occasional paper. 1. Athens. 1986.
- D. N. Papadopoulou, M. Lalia-Kantouri, N. Kantiranis, J. A. Stratis. Thermal and mineralogical contribution to the ancient ceramics and natural clays characterization // Journal of Thermal Analysis and Calorimetry. 2006. V. 84, Issue 1.
- S. E. Peterson. Thin-section petrography of Ceramic Materials // INSTAP Archaeological Excavation Manual 2. INSTAP Academic Press Philadelphia, Pennsylvania, 2009.
- J. Riederer. Thin section microscopy applied to the study of archaeological ceramics // Hyperfine Interact. 2004. Vol. 154. Issue 1–4.
- A. O. Shepard. Ceramics for archaeologist // Carnegie Inst. Washington. 1956.
- I. K. Whitbread. Greek Transport Amphorae. A Petrological and Archaeological Study // British School at Athens, Fitch Laboratory Occasional Papers, Vol. 4. Athens, The British School at Athens, 1995.

А. С. Деваев, В. И. Мордвинцева

Ранний культурный слой на верхнем плато горы Опук (по материалам разведки 2017 года)¹

Мыс Опук расположен на южном побережье Керченского полуострова, выступая в акваторию Черного моря наряду с мысами Чауда, Карангат, Кыз-Аул и Такиль, разделенными небольшими мелководными бухтами. Наиболее высоким элементом рельефа в этой части Крыма является гора Опук (183,7 м над уровнем моря), в окрестностях которой находятся археологические памятники различных эпох – от эпохи бронзы до позднего средневековья.

Первые исторические сведения об этой территории содержатся в труде Клавдия Птолемея, который локализовал город Киммерик в 62° долготы и 48° широты (Ptol., III. 6. 5). О Киммерике сообщает также перипл Псевдо-Арриана, поместивший его на расстоянии 180 стадий от города Казека и в 240 стадий от города Пантикапея (Ps.-Arr., PPE, 76). Предположение о том, что древние руины на плато и склонах горы Опук принадлежат боспорскому городу Киммерику, впервые высказал П. С. Паллас (1741–1811 гг.) (Паллас. 1999. С. 146; Голенко. 2006. С. 50–51). Первые раскопки на горе Опук были проведены в 1817–1830 гг. П. А. Дюбрюксом (Дюбрюкс. 1858. С. 69–84), который разграничил городище на западном склоне горы Опук (собственно городище Киммерик) и «акрополь» на вершине этой горы, считая их разными строительно-архитектурными комплексами. Действительно, они располагаются друг от друга на значительном расстоянии, и, несомненно, являются памятниками, различающимися культурно и хронологически.

Предпринятые до недавнего времени разведки и раскопки на верхнем плато показали, что здесь расположено городище, построенное не ранее II в. н. э. В конце IV в. н. э. в восточной части субширотного ориентированного плато была воздвигнута цитадель, разрушенная во второй четверти VI в. н. э. (Мордвинцева. 2017). Более ранние слои на плато до сих пор обнаружены не были, несмотря на находки подъемного материала предположительно эпохи бронзы (кремневые орудия), периода архаики, классики и эллинизма (керамика) как на самом плато (в том числе среди материалов зольника), так и непосредственно под скальными обрывами. При этом слой, на котором обнаруживали

¹ Работа выполнена в ИВИ РАН, г. Москва. Проект РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

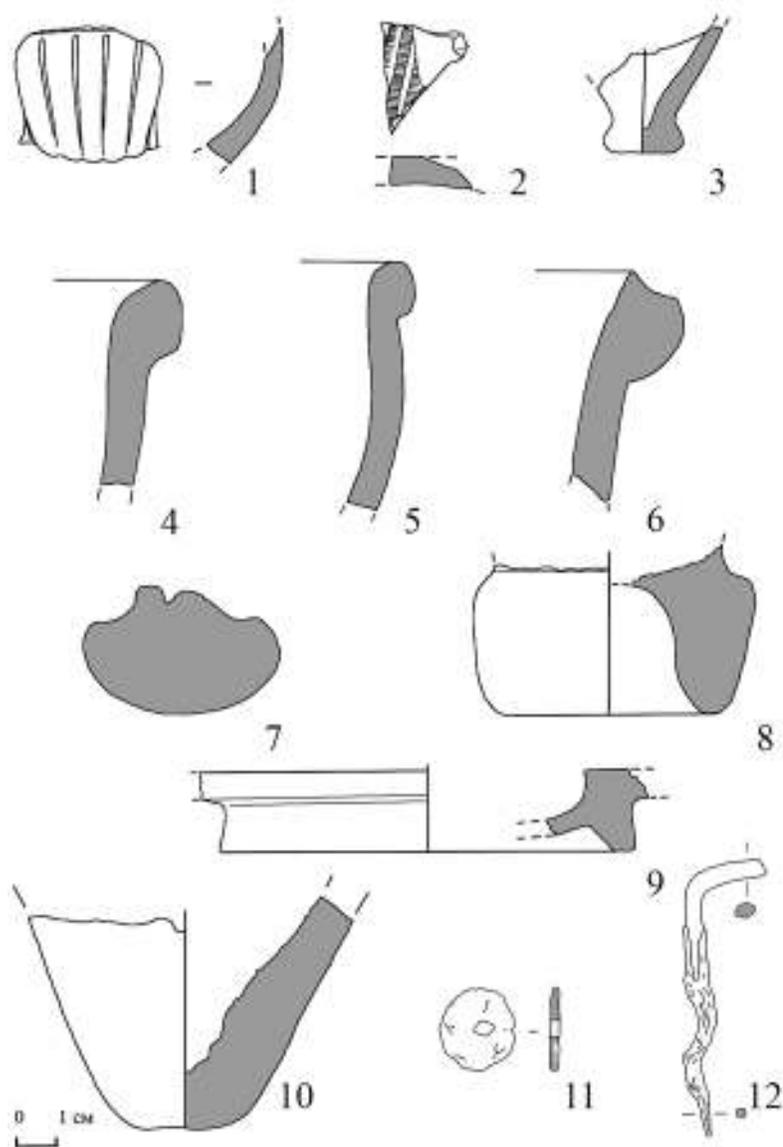

Рис. 1. Верхнее плато горы Опук. Шурф 1/2017. 1–6 – находки из слоя 11; 7–10 – находки из слоя 7

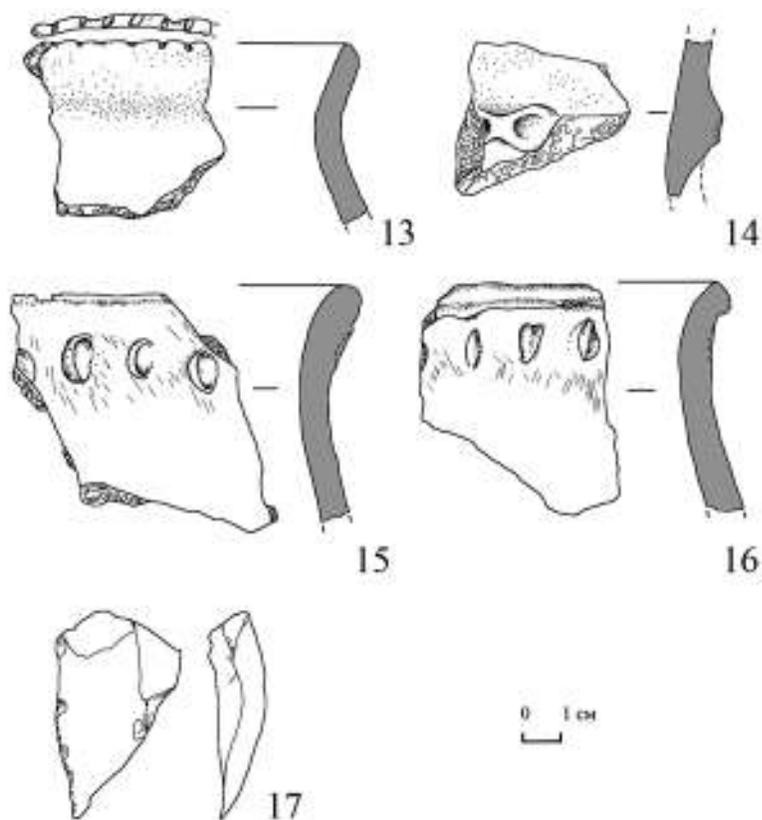

Рис. 2. Верхнее плато горы Опук. Шурф 1/2017. 1–3 – находки из ямы № 3; 4 – находка в слое 9 (пожар); 5 – находка на слое 9

ранний подъемный материал, относился либо к более позднему времени, либо был археологически стерильным.

В 2015 г. Т. Н. Смекаловой была проведена геомагнитная разведка, которая выявила крупный строительный комплекс приблизительно в 70–80 м к западу от цитадели в центральной части верхнего плато горы Опук. Для проверки результатов этой разведки, в 2017 г. здесь, под руководством Т. Н. Смекаловой, был выкопан шурф 1/2017, в котором впервые обнаружен культурный слой раннего времени – IV–III вв. до н. э. В данном месте наблюдается понижение уровня скалы, что,

возможно, послужило причиной сохранения в этом месте культурного слоя. Не исключено, что на других местах этот ранний слой был скрыт при строительстве поселенческого комплекса II–III вв. н. э.

Судя по материалам шурфа, первоначально на древнем горизонте образовался слой 11, который по предварительным данным датируется IV–III вв. до н. э. В этом слое обнаружены фрагменты эллинистических амфор, в том числе фрагменты синопских амфор с валикообразным венчиком и пухлым горлом, тип П–С–II–Е по С. Ю. Монахову (Монахов. 2003. С. 150–151, 332. Табл. 102; Монахов и др. 2016. С. 173. Рис. Sn. 8) (Рис. 1, 1, 2), фрагмент дна гераклейской амфоры, тип П–А, П–А–2 по С. Ю. Монахову (Монахов. 2003. С. 325–326. Табл. 95–96) (Рис. 1, 6). Обнаруженные в этом же слое фрагменты лепной керамики с косыми насечками по краю венчика и с пальцевыми вдавлениями под горлом (Рис. 1, 4, 5) обычно относят к белозерской культуре эпохи финальной бронзы XI–IX вв. до н. э. (Кругликова. 1975. С. 38. Рис. 9; Колотухин. 1996. Рис. 11, 6, 12, 7, 13, 11, 14, 16, 5, 17, 9, 20, 17, 20, 30, 5, 12). Это уже второй случай совместного нахождения фрагментов такой посуды с профильными частями эллинистических амфор (Шурф П/2012; Мордвинцева. 2014). Не исключено, что традиция производства подобной керамики существовала у местного населения и в античное время.

На слое 11 сформировался слой 7, в котором также представлены фрагменты эллинистических амфор (Рис. 1, 7, 8) (Монахов. 2003. С. 332, Табл. 102; Монахов и др. 2016. С. 175. Рис. Sn. 12) и чернолаковой керамики (Рис. 1, 9, 10), в том числе придонная часть стенки канфара с каннелюрами, аналогии которому датируются III в. до н. э. (Егорова. 2009. С. 25–26, 200–202. Рис. 2–4). В слое 7 был выкопан котлован помещения, в котором устроена яма (№ 3), возможно, для установки несущего столба какой-то жилой или хозяйственной постройки. В яме обнаружены, в частности, нижняя часть унгентария конца IV в. до н. э. (Рис. 2, 3) (Tuluk. 1999. S. 129–131. Abb. 1–2), фрагменты валикообразных венчиков восточно-средиземноморской и синопской амфор IV–III вв. до н. э. (Рис. 2, 1, 2) (Монахов. 2003. С. 331, 332. Табл. 101, 1–2, 102; Монахов и др. 2016. С. 171. Sn. 3). Помещение сгорело в пожаре (слой 9), в котором обнаружен фрагмент ножки хиосской амфоры V в. до н. э. (Рис. 2, 4) (Монахов. 2003. С. 20–21, 238–239. Таб. 8–9; С. 240. Таб. 10, 6; Монахов и др. 2016. С. 69. Рис. Ch. 18). Непосредственно над слоем пожара обнаружено клеймо на ручке синопской амфоры (Рис. 2, 5):

[Πρῶ] τος. Цветок
[Ἄστυ] νόμου
[Εὐχαρίστου]

Клеймо датируется ок. 277 г. до н. э. Всего известно 17 аналогичных оттисков² (IOSPE III, № 3390–3395; Придик. 1917. С. 83. № 435, С. 102, № 838; Шкорпил. 1904. С. 82, № 34; Кац, Федосеев. 1986. С. 98. № 22; Соја. 1986. Р. 433. № 76; Conovici. 1998. Р. 100. № 280; Conovici, Avram, Poenaru Bordea. 1989. Р. 120, № 115, Pl. IX, 115).

Таким образом, с учетом имеющихся на сегодняшний день данных, пожар должен, видимо, датироваться этим или близким временем. Учитывая небольшой объем проведенных работ, время этого события в будущем может быть уточнено. Но если все же принять за дату пожара конец первой трети III в. до н. э., то он синхронизируется с другими значительными пожарами на территории Крымского полуострова, а именно с первым пожаром на городище Ак-Кая/Вишенное, который Ю. П. Зайцев относит к 70-м годам III в. до н. э. (Зайцев. 2017), и с пожаром конца первой трети III в. до н. э. на античных памятниках Западного Крыма – Керкинитиде и Калос-Лимене (Смекалова, Кутайсов. 2017. С. 239, 248). В это время на Боспоре правил царь Перисад II (284–245 гг. до н. э.). Исторические сведения об этом периоде практически отсутствуют. Но события, практически одновременно свершившиеся в разных частях Крымского полуострова, предположительно входивших в состав разных политических субъектов, свидетельствуют о какой-то масштабной военной операции.

Литература

- В. К. Голенко.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, Сонат, 2006.
- П. Дюбрьюкс.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близ Еникальского маяка до гор Опук включительно, при Черном море // ЗООИД. 1858. Т. 4.
- Т. В. Егорова.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., МГУ, 2009.
- Ю. П. Зайцев.* Крепость Ак-Кая/Вишенное в контексте позднескифской культуры Крыма // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.). М., ИП Зуева Т. В., 2017.
- В. И. Кац, Н. Ф. Федосеев.* Керамические клейма «Боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. 1986. Вып. 6.
- В. А. Колотухин.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, Южногородские ведомости, 1996.
- И. Т. Кругликова.* Сельское хозяйство Боспора. М., Наука, 1975.
- С. Ю. Монахов.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог определитель. М., Саратов, Киммериды, 2003.

² Сердечно благодарим Н. Ф. Федосеева за помощь в определении клейма.

- С. Ю. Монахов, В. Е. Кузнецова, Н. Ф. Феодосеев, Н. Б. Чурекова.* Амфоры IV–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь, Саратов, Новый проект, 2016.
- В. И. Мордвинцева.* Исследование позднеантичного городища на горе Опук в 2013 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Боспорские чтения. Керчь, 2014. Вып. XV.
- В. И. Мордвинцева.* О времени сооружения крепостной стены цитадели на верхнем плато горы Опук // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Материалы международной научной конференции. Симферополь – Керчь, 2017.
- П. С. Паллас,* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. М., Наука, 1999.
- Е. М. Придик.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках Эрмитажного собрания. Пг., 1917.
- В. В. Шкорпил.* Керамические надписи, приобретенные Керчским музеем древностей в 1901 и 1902 годах // ИАК. 1904. № 11.
- М. Соја.* Les centres de production d'amphores timbrées identifiées à Istros // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1986. Suppl. XIII.
- N. Conovici.* Histria VIII. 2. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucarest, Paris, 1998.
- N. Conovici, A Avram, Gh. Poenaru Bordea.* Nouveaux timbres amphoriques Sinopeens de Callatis // Dacia. N. S. Bucarest, 1991. T. XXXIII. № 1–2.
- G. G. Tuluk.* Die Unguentarien im Museum von İzmir // Anatolia Antiqua. 1999. VII.

М. Е. Клемешова, Г. А. Ломтадзе

Некоторые особенности керамического комплекса конца II–I вв. до н. э. поселения Ахтанизовская-4

Одним из ярких признаков эллинского мира принято считать распространение традиционных форм греческой посуды на всей территории античной ойкумены. Это касалось не только парадных расписных сосудов и торговой тары, но и простой столовой или кухонной керамики. Такая традиционная форма греческих кухонных сосудов как кастрюля, обычно имеющая коническое или полукруглое дно и предназначенная для установки на жаровню или треногу, встречается повсеместно на греческих поселениях, начиная с архаического времени.

На поселении Ахтанизовская-4 обнаружены многочисленные фрагменты таких изделий, но сделанные методами скульптурной лепки. Это, а также особенности их изготовления позволяют рассматривать их как культурно-исторический феномен, характеризующий опреде-

ленные периоды греческого присутствия в этой части античного мира. Сравнительный анализ их с материалами керамических комплексов других памятников, а также результаты исследования их методами технико-технологического анализа позволили выделить информацию о времени и возможных обстоятельствах появления сосудов такого типа на Азиатском Боспоре.

Фрагменты лепных кастрюль и горшков с аналогичным по форме венчиком с выемкой «под крышку» являются наиболее массовой категорией среди лепной керамики этого памятника. Их количество на протяжении всех лет раскопок поселения варьирует от 25 до 30% от общего количества керамических изделий, исключая амфорную тару.

Большинство этих кастрюль представляют собой точные копии соответствующих греческих форм (Sparkes, Talcott, Richter. 1970. P. 227. Fig. 18, 1965, 1970; Rotroff. 2006. P. 173–174, 177, 179–182, fig. 595–599, 600–603, 620, 636–643, 658–662) (Рис. 1, 1–8), лишь один фрагмент является довольно грубым подражанием античному оригиналу (Рис. 1, 9). Первые из указанных характеризуются равномерно тонкими стенками (4–7 мм), ровной, тщательно заглаженной поверхностью, отсутствием кривизны изделий, часто присущей лепным сосудам. На венчике некоторых из них имеются множественные параллельные полосы, напоминающие следы, возникающие при изготовлении керамических изделий с помощью гончарного круга. Необходимо дальнейшее исследование крупных обломков венцов для однозначного заключения, являются ли они таковыми или возникли в результате заглаживания поверхности каким-либо инструментом. Обожжены такие кастрюли чаще всего в окислительной атмосфере и имеют светло-рыжий цвет поверхностей, но встречаются и образцы, обожженные в восстановительной и полувосстановительной атмосфере с темно-серым и серо-бежевым цветом поверхностей и изломов. Диаметр венчиков – 16–35 см.

На поселении Ахтанизовская-4 обломки этих сосудов обнаружены в ямах и слоях второй половины II–I вв. до н. э. Надо отметить, что, хотя фрагменты горшков с закраинами для крышки массово встречаются и на других памятниках Азиатского Боспора: на поселении Артющенко-1 в слоях и объектах III–II вв. до н. э. (Стоянов. 2009. С. 273–274. Рис. 3), Голубицкая-2 (Камелина. 2018. С. 195. Рис. 1, 6), на поселении Вышестеблиевская-3¹ начиная с эпохи эллинизма, лепные сосуды точно имитирующие форму античных кастрюль встречаются не столь часто. Точную хронологию их бытования еще предстоит уточнить.

¹ Благодарим Н. И. Сударева и Д. А. Карпова за возможность упомянуть неопубликованные материалы.

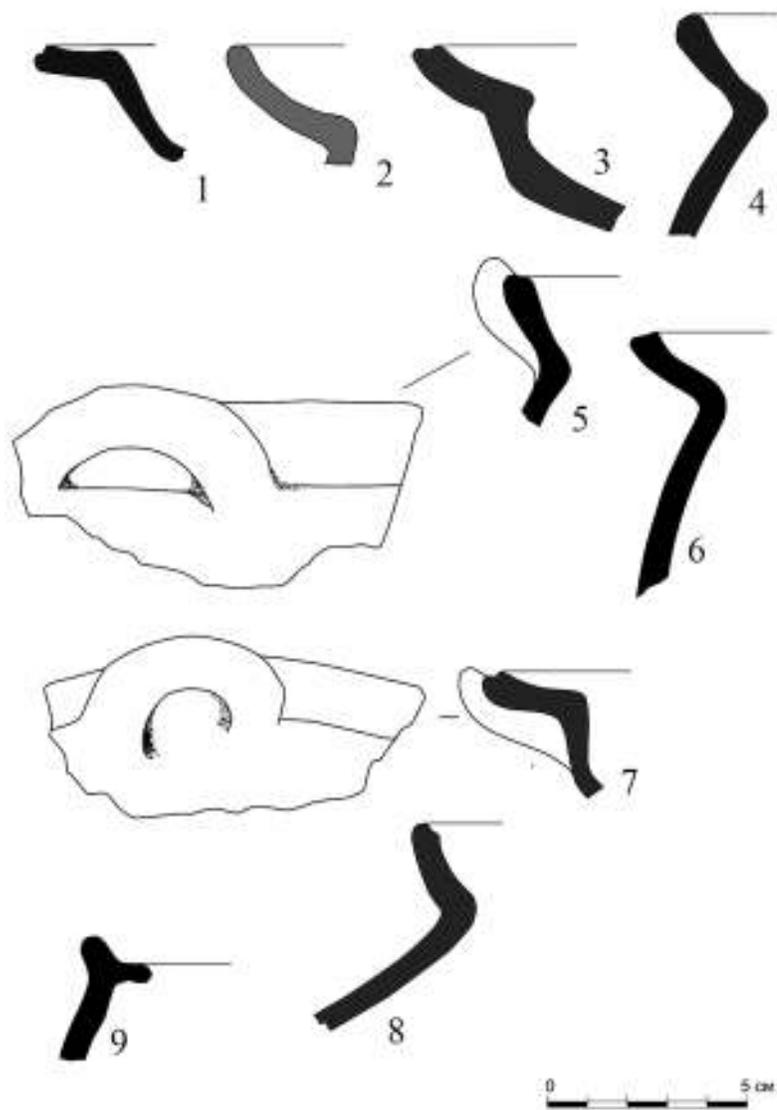

Рис. 1. Фрагменты лепных кастрюль с поселения Ахтанизовская-4

По имеющейся на данный момент информации, позже I в. до н. э. они не встречаются. Судя по исследованным материалам, образцы таких кастрюль и горшков с выемкой на венчике «под крышку», присутствуют только на территории Азиатского Боспора. На Европейском Боспоре о подобных сосудах нет упоминаний в публикациях, не имеется их и среди подробно изученных образцов лепной керамики памятников I в. до н. э.: поселения Полянка (Клемешова. В печати) и сторожевой башни Казан II (Клемешова. 2018). На последнем вообще не встречено лепной посуды – подражаний греческой круговой керамике. Лепной керамический комплекс же Полянки крайне интересен для сопоставления с аналогичной керамикой Ахтанизовской-4 с точки зрения сравнения материалов двух одновременных памятников, находящихся по разные стороны Боспора Киммерийского. На поселении Полянка в рассмотренной выборке из 174 сосудов были зафиксированы фрагменты 6 лепных кастрюль (3,5% от общего количества) (Клемешова. В печати. Рис. 2, 9–14). На Ахтанизовской-4 из выборки в 67 сосудов (материалы раскопок 2016 г.) к фрагментам кастрюль и горшков с аналогичными им венчиками относятся 47 образцов (70,2%). В некоторых случаях из-за небольшой сохранившейся части окружности венчиков невозможно определить, принадлежат ли они кастрюлям или указанным горшкам с гораздо меньшим диаметром венца. Но оба этих вида посуды явно относятся к категории кухонной, и подобные горшки, возможно, имели близкое функциональное назначение.

Лепные кастрюли Ахтанизовской-4, за исключением одного фрагмента, представляют собой точные копии греческих оригиналов и выполнены с большим профессионализмом, все образцы с поселения Полянка являются грубыми подражаниями античным формам. Абсолютно аналогичным последним является единственный венчик кастрюли из раскопок Ахтанизовской-4 из рассмотренной выборки (Рис. 1, 9). Это явление, видимо, нужно, объяснять тем, что грубые реплики греческих кастрюль делали, скорее всего, для нужд собственной семьи, отдельные представители местного варварского населения памятников, не знакомые с технологией изготовления подобных греческих сосудов и вынужденные ориентироваться только на внешний вид изделия. Наиболее трудной для копирования частью при этом являлся, вероятнее всего, именно венчик, поскольку подобная сложная форма в местной керамике полностью отсутствует, и его выполнение требовало какого-то нового инженерного решения на основе традиционных способов изготовления сосудов. Результатом и становились при этом подобные изделия, по которым ясно виден прототип, но с измененными пропорциями, формой и толщиной отдельных деталей.

Судя же по стандартизованности точных копий греческих кастрюль и горшков с такими же венцами, а также по массовой их встречаемости на ряде памятников Таманского полуострова, они могли производиться в промышленном масштабе профессиональными мастерами, возможно, на продажу. Значительное число их на Ахтанизовской-4, видимо, нужно связывать, во-первых, с характером хозяйственного назначения участка памятника, на котором они были найдены, и, во-вторых, вероятно, с повышенной бытовой потребностью в кухонных сосудах такого типа на поселении в это время в целом. Отсутствие таких стандартных копий на поселении Полянка в Восточном Крыму, возможно, нужно объяснять, как тем, что там не было необходимости использования именно таких образцов посуды, так и, возможно, какими-то причинами экономического и политического характера, по которым распространение такой продукции происходило на ограниченной территории.

Фрагменты всех образцов лепной посуды из раскопок Ахтанизовской-4 2016 г. были исследованы методами технико-технологического анализа², разработанного А. А. Бобринским (Бобринский. 1978; 1999). В данной работе представлены только результаты изучения исходного пластичного сырья и составления формовочных масс. Полностью технология изготовления указанных сосудов будет рассмотрена в отдельной работе.

Проведенное исследование показало, что, за исключением одного фрагмента, для изготовления лепных кастрюль и горшков с выемкой «под крышку» использовался лиманный ил³ и лиманная илистая глина с естественной примесью раковины (Клемешова. 2017. С. 228–233). В 42 случаях (62,7%) эти материалы использовались как моносырье, т. е. для изготовления сосудов они отбирались в чистом виде, без искусственных добавок. Один образец был сделан из слабозапесоченной глины с естественной примесью пылевидного песка. В 12-ти случаях было затруднительно установить, являлось ли использованное сырье илом или илистой глиной, поскольку иногда для них характерен близкий набор признаков. Были выделены следующие рецепты составления формовочных масс:

1. Ил без примесей – 13 экз. (19,4%)
2. Ил + органический раствор – 1 экз. (1,5%)
3. Илистая глина без примесей – 18 экз. (26,9%)

² Анализ керамики проведён М. Е. Клемешовой на базе лаборатории «История керамики» Института археологии РАН.

³ Признаки использования лиманного ила для изготовления керамики выделены и готовятся к печати М. Е. Клемешовой.

4. Илистая глина (ил?) без примесей – 11 экз. (16,4%)
5. Илистая глина + органический раствор – 2 экз. (3%)
6. Ил. глина (ил?) + шамот – 1 экз. (1,5%)
7. Глина + шамот + навоз – 1 экз. (1,5%)

Из искусственных добавок использовался органический раствор (фиксируется по черному блестящему налету в изломах, иногда с черными блестящими сгустками во впадинах), шамот размером до 2 мм и навоз, вероятнее всего, мелкого рогатого скота.

Традиция изготовления керамики из илистого сырья характерна для местного населения Азиатского и Европейского Боспора. На поселении Вестник-1 конца VI – начала III вв. до н. э. 86% лепной керамики сделаны из илистой глины (Клемешова. 2017. С. 228). Известна такая посуда и на ряде других памятников античного времени на этой территории (большинство материалов еще не опубликованы). На поселении Полянка в Восточном Крыму вся лепная керамика изготовлена из илистой глины и ила, в основном, с примесью дробленной раковины (Клемешова, в печати). Значительное количество такой же посуды обнаружено в керамическом комплексе сторожевой башни Казан Южный на Узунларском валу (Клемешова. 2018. С. 95–96).

На основании этого можно с большой долей вероятности предполагать, что рассматриваемые лепные кастрюли и горшки изготовлены местным варварским населением. Это подкрепляется и данными, полученными А. А. Бобринским при изучении керамики различных археологических культур Восточной Европы. По заключениям ученого, представление об исходном пластичном сырье, т. е. о том, из какого сырья делать сосуд – из глины, ила или из иного, меняется наиболее медленно из всех навыков работы гончаров и способно сохраняться неизменным очень долгое время даже в условиях смешения разнокультурных гончарных традиций (Бобринский. 1978. С. 73). Это означает, что мастера при наследственной передаче навыков изготовления посуды будут пользоваться привычным видом сырья для ее лепки даже, если они продолжительное время проживают на одних поселениях с гончарами, пользующимися иным видом исходного пластичного сырья, и между представителями этих различных культур идут процессы смешения. Данное обстоятельство может объяснять факт изготовления лепных кастрюль греческих форм из ила и илистой глины, в то время как греческие круговые кастрюли изготавливались из обычных глин. Представляется, что лепные кастрюли и горшки указанного типа из раскопок Ахтанисовской-4 могли быть сделаны местными, возможно, меотскими мастерами, обученными греческими гончарами. Существует вероятность того, что это производство могло возникнуть и без участия греков, поскольку в целом налепоч-

ная технология, как будто, совершенно не характерна для изготовления греческих круговых кастрюль. Но массовость их находок позволяет говорить об организованном их производстве, и, вероятно, в различных местах, а не о кустарной выделке в отдельных семьях, поэтому, наверное, уместнее все же предполагать в этом случае присутствие греческих учителей и существование специализированных мастерских.

Наиболее интересен вопрос о причине появления подобных изделий. Поселение Ахтанизовская-4 на последнем этапе своего существования представляло собой укрепленный форпост восточного приграничья Азиатского Боспора. Небогатая жизнь небольшого гарнизона достаточно сильно зависела от внешних факторов. Любой кризис наиболее ярко отражался на материальном уровне жителей подобных поселений. Вероятнее всего, сложная экономическая и политическая ситуация сложившаяся в Причерноморье в конце II – первой половине I вв. до н. э., вынуждала воспроизводить более дешевые локальные имитации широко распространенных форм греческой посуды. Причем это относилось не только к парадной посуде, но и к простой кухонной керамике. Столь же большое количество фрагментов этих лепных сосудов в керамическом комплексе памятника можно связать с их недолговечностью, связанной с качеством изготовления.

Литература

- А. А. Бобринский.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., Наука, 1978.
- А. А. Бобринский.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара, Издательство Самарского государственного педагогического университета, 1999.
- Г. А. Камелина.* Лепная керамика поселения Голубицкая-2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. XIX Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Симферополь, Керчь, 2018.
- М. Е. Клемешова.* О сырье для изготовления лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 // Древности Боспора, М., изд-во Института археологии РАН, 2017. Вып. 21.
- М. Е. Клемешова.* Комплекс лепной керамики из сторожевой башни Казан II на Узунларском валу (морфология и технико-технологический анализ) // Древности Боспора. Москва, изд-во Института археологии РАН, 2018. Вып. 22.
- М. Е. Клемешова.* Лепная керамика поселения Полянка в Крымском Приазовье по данным технико-технологического анализа // В печати.
- Р. В. Стоянов.* Лепная керамика второй половины III – первой половины II вв до н. э. из раскопок поселения Артющенко I (1999–2006 гг.) // Боспорские исследования. Симферополь, Керчь, 2009, вып. 22.

- S. I. Rotroff.* Hellenistic Pottery. The Plain Ware. The Athenian Agora. Vol. 33. Princeton. American School of Classical Studies at Athens, 2006.
- B. A. Sparkes, L. Talcott, G. M. A. Richter.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. The Athenian Agora. Vol. 12. American School of Classical Studies at Athens, 1970.

В. Ю. Кононов

Остатки гончарного производства на античной усадьбе хоры Горгиппии

Весной 2017 года под руководством автора¹ были проведены охранно-спасательные археологические раскопки поселения «Усадьба». Объект археологического наследия «Усадьба» расположен на юго-западной окраине х. Воскресенский, по обе стороны от трассы М-25. Большая часть памятника находится к юго-востоку от данной автодороги, меньшая – к северу и северо-западу от неё. Памятник датируется эпохой античности и периодом средневековья.

Помимо остатков каменных фундаментов, вымосток и хозяйственных ям в пределах античной усадьбы IV–II вв. до н. э. были зафиксированы остатки гончарного комплекса с керамическим браком.

Объект представлял собой гончарную печь, находившуюся под навесом, расположенным с внешней (восточной стороны) хозяйственного помещения, ближе к юго-восточному углу (Рис. 1, 1).

Навес размерами: 2,40×3,20 м, прямоугольной формы, ориентирован по длинной оси С – Ю, ограничен двумя крупными подпорными плоскими камнями (основа под деревянные? столбы), расположенными к СВ и ЮВ от гончарной печи. В северо-восточной части находился камень прямоугольной формы размерами 48×80 см, толщиной до 30 см. Камень в юго-восточной части квадратной формы размерами 50×50 см, толщиной – 35–40 см.

Гончарная печь находилась в центральной части площадки под навесом, и была зафиксирована в два уровня:

Верхний уровень – было расчищено скопление завала верхней части стенок печи, состоявших из фрагментов перекаленной глиняной обмазки и небольших камней, лежавших в беспорядке на пятне серого золистого цвета (Рис. 1, 2). Скопление подквадратной формы, раз-

¹ Работы проводились по Открытому листу № 23, выданного на имя В. Ю. Кононова.

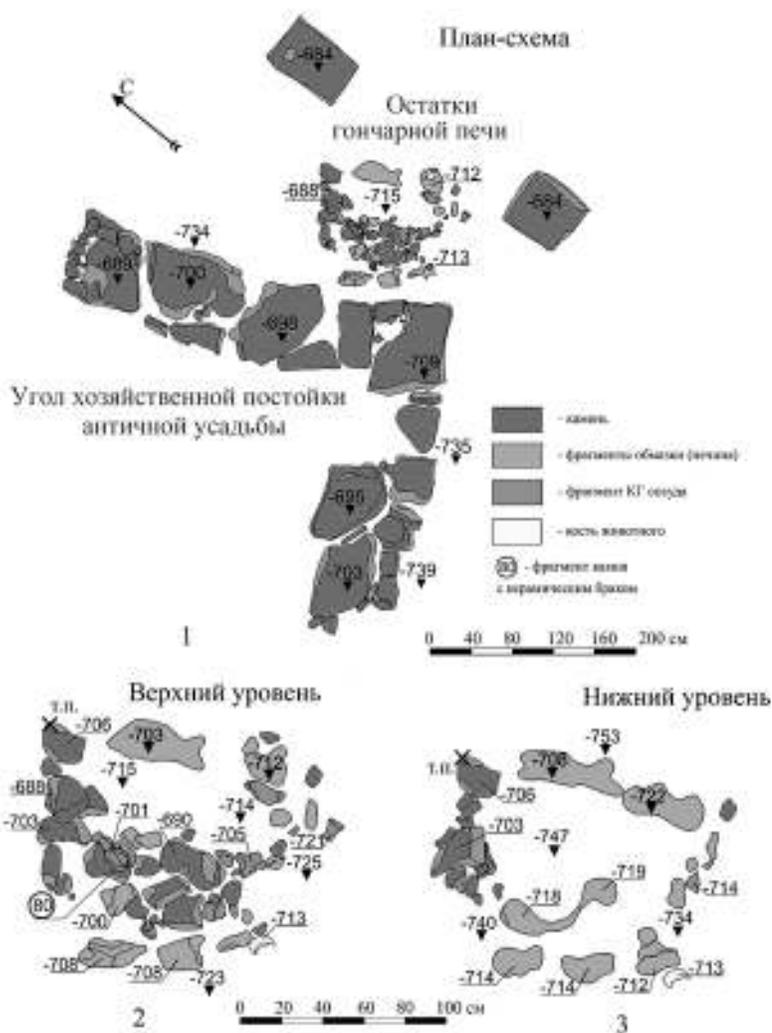

Рис. 1. План схема остатков гончарной печи

мерами 1,40×1,20 м. В заполнении скопления встречались фрагменты керамических сосудов и костей животных.

Нижний уровень – после снятия завала были выявлены стенки придонной части гончарной печи (Рис. 1, 3). Печь трапециевидной формы с закругленными углами, размерами 1,10×1,20 м, прослеженная (сохранившаяся) высота стенок до – 0,39 м. Стенки печи были сложены

из сырцовых кирпичей, сохранившиеся размеры кирпичей: толщина до 12 см, ширина – 30 см, высота – 30 см. Цвет кирпичей от коричнево-оранжевого до серо-черного, местами прокалены до стекловидной массы (Рис. 2, 1).

Северная стенка печи была сложена из небольших камней со следами воздействия высоких температур.

Заполнение печи состояло из серой золистой супеси с углями. В заполнении объекта и в непосредственной близости от него были найдены фрагменты производственного брака в виде камня сплавленного с фрагментами сероглиняных кувшинов (14 фрагментов стенок; 5 фрагментов донца на кольцевых поддонах и 1 фрагмент горла).

Также в заполнении объекта при расчистке были найдены: венчик гераклейской амфоры (Рис. 2, 4), венчик фасосской амфоры (Рис. 2, 5), венчик, ручка и донце красноглиняного кувшина (Рис. 2, 6, 8, 13), венчик сероглиняного кувшина (Рис. 2, 7), бортик красноглиняной крышки (Рис. 2, 9), венчик синопской амфоры (Рис. 2, 10), две ручки амфор неустановленных центров производства (Рис. 2, 11, 12), бортик красноглиняного рыбного блюда (Рис. 2, 14), фрагмент крышки и венчика красноглиняного пифоса (Рис. 2, 15–16).

Основная масса находок датируется в пределах IV в. до н. э., наиболее узкую датировку имеет венчик синопской² амфоры, копирующей форму фасосского производства первой трети IV в. до н. э.

Кроме того, при разборе завала стенок верхней части стенки печи, был найден камень с прикипевшим к нему деформированным кувшином (Рис. 2, 2–3). Тулово кувшина округлое с продольным желобком в средней части, плавно переходит в невысокое цилиндрическое горло, с рифлением в нижней части. Край устья плавно отогнут наружу, венчик округлен. Ручка плоская, овально-уплощенная в сечении, округло изогнута в верхней части, верхний прилеп находится под венчиком, нижний крепится к тулову в средней части. Дно на низком кольцевом поддоне. Тесто серого цвета, без видимых примесей, с порами, сильно перекалено (местами до стекловидной массы). Размеры кувшина по графической реконструкции: высота – 20,5 см, диаметр тулова – 15,7 см, высота до наибольшего диаметра – 7,8 см, высота горла – 6 см, диаметр горла – 5,6 см, диаметр устья – 8,6 см, диаметр поддона – 10,3 см, высота поддона – 0,8 см.

Аналогичные кувшины широко представлены как в комплексах конца V – первой половины IV в. до н. э. памятников Боспора (Рогов. 2011. С. 50), так и в комплексах варварского (меотского) населения Прикубанья, где они датируются в пределах третьей четверти IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко. 2005. С. 221–222. Рис. 14, 4 и 22, 8). По данным,

приводимым исследователями, «Такой признак, как рифленое горло, прослеживается на кувшинах уже с середины V в. до н. э., широко распространяется в IV в. (комплексы 93в, 3з, 9з, 335з) и последний раз зафиксирован на фрагменте горла из комплекса 631з конца III в. до н. э.» (Лимберис, Марченко. 2005. Рис. 43, 2).

Подводя итог публикации данного комплекса, хотелось бы отметить, что производство керамической столовой посуды происходило не только в крупных гончарных комплексах греческих и варварских городищ, но и на небольших сельских усадьбах хоры боспорских городов.

Литература

- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Сб. науч. тр. Краснодар, 2005. Вып. 5.
- Е. Я. Рогов.* Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. – (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 10).

А. Ж. Арутюнян

Крым и сопредельные территории по данным «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц», V–VII вв.)

В «Древнеармянской географии» – «Ашхарацуйце» (правильнее «Ашхарациуйц»; дословный пер. с древнеарм. – «Показ мира») достаточно подробно представлено историко-географическое и политическое состояние древней и раннесредневековой Европы, где девятой среди всех стран континента упоминается Европейская Сарматия – *Εὐρώπη Σαρματία* (Ширакаци, II. С 273). Авторы «Ашхарацуйца» историк Мовсес Хоренаци (V в.) и его последователь географ-естествознаватель Анания Ширакаци (VII в.) упоминают Сарматиию девятой среди всех стран тогдашней известной им Европы, важнейшей и неотделимой частью которой авторы считают полуостров Крым (восьмым в этом списке упомянут остров Сицилия, а десятой – Фракия) (Даниелян. 2000. С. 31 и след.; Арутюнян. 2013. С. 1–5). Поскольку перечисление стран в армянском первоисточнике осуществляется с запада на восток (перечисление начинается с Испании или, как упомянуто в источнике – Спаниии), постольку и Европейская Сарматия естественным образом оказалась почти в самом конце этого списка. Для сравнения отметим,

что Страбон своё перечисление начинает с Иберии (Испании), далее упоминаются Кельтика и Бретания. Очередность упоминаний Птолемея не совпадает с очередностью перечислений Страбона и «Ашхарацуйца», ибо Страбон начинает свое повествование с Британии (Strabo, III. I–V. С. 58 и дал.; Ptol., II. 2–3. С. 142–158). Полуостров Крым «Ашхарацуйц» видит в составе Европейской Сарматии.

Рассмотрение вопроса начнём с топонимов. В «Ашхарацуйце» полуостров Крым упоминается как Тавр (Таврос – Ταῦρος) или, как уточняют авторы этого произведения, Херсон (Херсонес – Χερσώνησος – на арм. Qерсонес, у Птолемея – Таврический Херсонес – Ταυρικῆ Χερσώνησος). Пока дать окончательный ответ на вопрос, какое из этих двух названий – Таврия (Таврика, Таврида) или Херсонес – возникло первым, нам не представляется возможным. Геродот одновременно упоминает оба названия, объясняя при этом, что слово *Таврия* происходит от имени племени тавров (Hdt., IV. С. 99, 100, 102, 103 и далее), первым царём которого, согласно произведению «История о разорении Трои столичного града Фригийского царства Тоаса, жившего за 1250 лет до Р. Х.» был Тоас (Колонне. 1765. С. 53–54). Геродот упоминает, что господствующими среди всех скифов (скифы, др. греч. Σκύθης, Σκύθαι, также Saka, Sakaе, Sacaе, самоназвание – Skolotoi) были царские скифы – самое восточное из скифских племён, граничащее по Дону с сарматами-савроматами (лат. Sarmatae). Они занимали также весь степной Крым. Западнее жили скифы-кочевники, западнее которых, на левобережье Днепра – скифы-земледельцы. На правобережье Днепра, в бассейне Южного Буга, близ города Ольвия обитали каллипиды, или эллино-скифы, севернее их – алазоны, севернее которых – скифы-пахари (Hdt., I. С. 82, 90, 105–106 и далее).

Итак, среди всех скифских племён царские скифы по всем параметрам занимали самую лучшую территорию. В этой обширной местности обитали и другие племена, как родственные скифам, так и неродственные, в числе которых следует упомянуть тавров. Как при Геродоте, который творил в V в. до н. э., так и при историке-географе Страбоне (ок. 64/63 гг. до н. э. – ок. 23/24 гг. н. э.) на этой территории главную роль играли именно скифы. Однако при Клавдии Птолемея (ок. 100 – ок. 170 гг.) картина коренным образом изменилась: ведущую роль стали играть сарматы. Птолемей упоминает о двух Сарматиях – Европейской и Азиатской. Таким образом, впервые была чётко очерчена граница между двумя континентами – Европой и Азией. Получается, что почти 100 лет спустя картина кардинально изменилась: скифов и в Крыму, и на сопредельных территориях сменили сарматы, а вместо Скифии на политической карте мира в этой местности появи-

лось новое название – Сарматия. Ко всему вышесказанному следует добавить, что в этот период впервые была очерчена граница между Европой и Азией. В этой части «Ашхарауцц» созвучен сведениям Птолемея (Ptol., III. 8. С. 298, V. 9. С. 530).

Как было отмечено выше, одной из важнейших частей Сарматии «Ашхарауцц» считает полуостров Тавриду, который находится «между Бюкским озером, Меотидским моречком, Понтийским морем и заливом Каркинида. Так называется не только залив, но и устье реки, которая впадает туда (Ширакаци, II. С. 273; Акопян. 2015. С. 81; Патканов. 1877. С. 21; Soukry. 1881. P. 54)». Птолемей дополняет «Ашхарауцц» упоминанием: «Устье реки Керкинита (Καρκινίτου) имеет следующие координаты – $59^{\circ}40'$, $48^{\circ}30'$ – $\nu\theta^{\circ}\gamma\omicron'$, $\mu\eta^{\circ}\Lambda'$. За этим устьем следует перешеек, отделяющий Херсонес Таврический: береговая его линия у Каркинитского залива находится под $60^{\circ}20'$, $48^{\circ}20'$ – $\xi^{\circ}\gamma'$, $\mu\eta^{\circ}\gamma'$, а у озера Вики (Бика) под $60^{\circ}30'$, $48^{\circ}30'$ – $\xi^{\circ}\Lambda'$, $\mu\eta^{\circ}\Lambda'$ (Ptol., II. 8–12. С. 300–301)». Относительно этого фрагмента остаётся спорным вопрос: либо река Керкинита и озеро Вика находились на востоке полуострова Крым, либо второй находился на противоположной (т. е. западной) стороне. Нам кажется, что античный историк-географ А. Ширакаци, выявив неопределённость в этом описании Птолемея, разъясняет, что и река Керкинита, и озеро Вика находились на восточной окраине полуострова. Автор пишет: «Восточную границу Сарматии составляют: перешеек от реки Керкинита, озеро Вика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, сама река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела (Ptol., II. 10. С. 300)». Что касается географических координат, которые сообщает Птолемей, то они не соответствуют действительности. Данный вопрос в историко-географическом аспекте наилучшим образом изучен Д. А. Щегловым (Щеглов. 2005. С. 243–265). Реальные координаты – широта Крыма $46^{\circ}13'37''$ (Перекопский перешеек, севернее совр. Армянска) и $44^{\circ}23'14''$ (мыс Сарыч) северной широты. Долгота Крыма лежит между $32^{\circ}28'47''$ (мыс Кара-Мрун на Тарханкуте) и $36^{\circ}38'49''$.

«Ашхарауцц» дополняет Птолемея при описании Азиатской Сарматии (это 18-я страна Азии); здесь границей считается р. Танаис вместе с Меотидским маленьким морем (Ширакаци, III. С. 285; Арутюнян. 2017. С. 27.). На полуострове Таврида находится область Херсонес. Здесь речь идёт о Херсонесе Таврическом (древний город на юго-западном побережье Крыма и современный национальный историко-археологический музей-заповедник в Севастополе в Крыму (См. Ширакаци, III. С. 285). Авторы «Ашхарауцца» к этому вопросу относятся достаточно осторожно, так как античность «знала» ещё много других Херсонесов.

В списке Птолемея их более 30 (Ptol., III, 6, С. 306–309). Страбон знает о трёх Херсонесах (Strabo, X. 4. С. 62). Отметим, что и у Птолемея, и в «Ашхарацуйце» западной границей Европейской Сарматии считается Дакия. Здесь следует сделать ещё одну ремарку. Перечисление у Птолемея начинается с города *Εὐλᾶτορία*, а последним в этом списке находится г. *Τάβανα*. Поскольку «Ашхарацуйц» был написан позже, постольку в двух вопросах этот первоисточник превосходит предшествующих. Начнём с того, что первый автор «Ашхарацуйца» Мовсес Хоренаци имел свой собственный подход к изложению событий, а именно: если о чем-либо уже упомянуто в его фундаментальном труде «История Армении», то к этим сведениям он уже не обращается в «Ашхарацуйце». В других работах Хоренаци подробно описывает Евразийский континент и среди всех славянских племён самыми западными считает болгар (Хоренаци, II. 6. С. 61, 9. С. 69), а остальных видит восточнее их. Однако автор не знает или, зная, минует/не упоминает названия племён восточных славян, на территории которых уже шёл процесс формирования Киевской Руси. Хоренаци пишет, что эти события происходили в период царствования армянского царя Валаршака (Хоренаци, II. 6. С. 61).

Что касается царя Валаршака, то, как совершенно справедливо замечает акад. Г. Х. Саркисян, это собирательный образ армянских царей династии Артасесидов (189 г. до н. э. – 1 г. н. э.) от основателя династии Артасеса I (189–160 гг. до н. э.) до основателя династии Аршакидов Тиридата I (52–88 гг.) (Саркисян. 1971. С. 660, 674). Если учесть, что часть болгар переселилась в Великую Армению в период с 189 г. до н. э. до 52 г. н. э., можно заключить, что в то же самое время восточные славяне уже обосновались на своей территории – Древней Руси. Кроме того, под Валаршаком, в первую очередь, следует подразумевать царя Артасеса I, который отличился своей прогрессивной реформаторской деятельностью (Арутюнян. 2007. С. 48–55; Он же. 2009. С. 129–137; Саркисян. 1971. С. 521 и сл.). Сарматы и другие племена, которые также переселились из восточных стран на территорию Руси, не смогли обосноваться здесь. Согласно данным «Ашхарацуйца» упомянутые топонимы *Азиатская* и *Европейская Сарматия* уже не имели географического значения. Их следует связывать только с восходом и закатом солнца.

Таким образом, на основе данных, полученных в результате сопоставительного анализа двух фундаментальных трудов древнеармянского историографа Мовсеса Хоренаци, можно прийти к обоснованному выводу: древние славяне проживали на территории Руси как минимум со II в. до н. э. Представляется очевидным, что письменные сведения «Ашхарацуйца» и «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци имеют неопределимую важность для исследователей истории древней Руси наряду

с другими свидетельствами античных первоисточников (Подосинов. 2009. С. 15 и сл.). Следует отметить, что название *Сарматия* в эпоху Хоренаци и Ширакаци, согласно их сведениям, уже носило условный характер, поскольку при описании других народностей «Ашхарацуйц» обязательно поверхностно упоминает об их культурном и социально-экономическом состоянии, однако эти сведения о сарматах полностью отсутствуют. Более того, упоминается, что на полуострове Тавр (Крым) и в соседних областях живут христиане. При этом авторы «Ашхарацуйца» не используют лексическую единицу «славяне», хотя при описании Фракии упоминается, что часть славян из северного Причерноморья сначала переселилась на территорию Дакии, а после появления готов они перешли Дунай и обосновались также во Фракии, Македонии и Далмации (Ширакаци, II. С 273–274).

Перейдём к вопросу о религии сарматов. Общеизвестно, что сарматы были язычниками, и у них преобладал культ предков и животных, особенно барана как символа благосостояния, а также культ солнца, огня, меча. Они не имели никакого отношения ко второй мировой религии. Славяне в V–VII вв. также в основном были язычниками, однако вышеупомянутое сообщение даёт основание предположить, что часть их уже приняла христианство. Можно заключить, что данная религия у славян в то время имела статус секты до 988 г. (Арутюнян. 2012. С. 370–371).

К сожалению, «Ашхарацуйц» не даёт подробного описания Северного Причерноморья. Несмотря на все вышеперечисленные сведения, авторы пишут, что территория до Северного океана им почти неизвестна. Однако упоминания о Чёрном и Азовском морях, полуострове Крым, о семи круглых горах, о том, что в Чёрное море впадают 13 рек, есть 2 капища – Александрийское и Цезарское и о других фактах говорят о многом (Ширакаци, II. С. 273). Авторы «Ашхарацуйца» повествуют не только о своей эпохе, но и описывают прошлое. А для сарматов Северного Причерноморья исторический промежуток V–VII вв. был в прошлом, поскольку они давно под натиском восточных славян покинули данные территории. Из всех славянских народностей «Ашхарацуйц», к сожалению, упоминает только болгар, что, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что Хоренаци в «Истории Армении» упоминает о переселении части болгар в Великую Армению. Таким образом, первое общение армян со славянами началось именно с болгар.

Итак, согласно «Ашхарацуйцу» можно, заключить, что: а) славяне играли доминирующую роль в Северном Причерноморье в V–VII вв.; б) часть восточных славян уже приняли христианство; в) восточные славяне играли важнейшую роль в формировании племён южных и западных славян.

Литература

- А. А. Акопян.* «Ашхарауиц» VII века Анонима. Научно-критический оригинал // Андес амсорья. Ереван-Вена. Айастан, 2015. № 1–12 (на древнеарм. яз.).
- А. Ж. Арутюнян.* Реформы Арташеса I и эллинизация древнеармянского государства // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, ЮФУ. 2007. № 4.
- А. Ж. Арутюнян.* Арташес I и основание древнеармянской профессиональной армии // ВДИ. 2009. № 2.
- А. Ж. Арутюнян.* К вопросу территории расселения восточных славян согласно трудам Мовсеса Хоренаци // Каспийский регион. Политика, экономика, культура. Научный журнал. Астрахань, АГУ. 2012. № 2.
- А. Ж. Арутюнян.* К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарауиц» – а) // Сб. материалов I международной научно-практической конференции. Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества. Казань. Электронное научное издание, 2013.
- А. Ж. Арутюнян.* Северный Кавказ и сопредельные территории согласно данным древнеармянской географии (или «Ашхарауиц-А») // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет. 2017. № 2.
- Э. Л. Даниелян.* Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI–VII вв.). Ереван. Анкюнакар, 2000 (на арм. яз.).
- Г. делье Колонне.* История о разорении Трои столичного града Фригийского царства: Из разных древних писателей собранная. Санктпетербург. Тип. АН, 1765.
- К. П. Патканов.* Армянская география VII века по р. X. Текст и перевод. СПб., Императорская АН, 1877.
- А. В. Подосинов.* Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. Античные источники. М., РАН, 2009.
- Г. Х. Саркисян.* История армянского народа. Армения в эпоху первобытно-общинного и рабовладельческого строя. Т. I / Под ред. С. Т. Еремяна. Ереван. АН Арм. ССР, 1971 (на арм. яз.).
- Анания Ширакаци.* Избранные труды. Ашхарауиц. Ереван, Советакан грох, 1979 (на арм. яз.).
- Д. А. Щеглов.* Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ. 2005. № 3.
- Herodotus.* The History of Herodotus. Oxf., Oxf. Univer. Press, 1988.
- Klaudios Ptolemaios.* Handbuch der Geographie. Griechisch-Deutsch. Herausgegeben von A. Stückelberger und G. Grabhofs. 1 Teil. Einleitung und Buch 1–4; 2 Teil. Buch 5–8 und Indices. Basel. Schabe, Verlag, 2006.
- A. P. Soukry.* Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte Arménien. Traduits Français par le. 1881. Venise.
- Strabo.* The Geography of Strabo. Vol. II. Books 3–4. Harvard, Mass., L., Harvard Univer. Press, 1923 (LCL).
- Strabo.* The geography of Strabo. Vol. V. Books 10–12. Harvard, Mass., L. Harvard Univer. Press, 1928 (LCL).

У. ИСТОРИЯ НАУКИ

И. В. Тункина

Путешествие академика Е. Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам)¹

Академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по греческой и римской литературе и древностям Генрих Карл Эрнст (в России – Егор Егорович) Кёлер (Heinrich Karl Ernst Köhler; 1765–1838), начальник I Отделения, Иностранной библиотеки и антиков Императорского Эрмитажа (1805–1817, 1819–1837) дважды посетил Крым – в 1804 и 1821 гг. Основным его путеводителем при поездках по Новороссии стало издание описания южного путешествия Палласа (Pallas, 1801). Публикации Е. Е. Кёлера заложили фундамент для *научного* изучения древностей Боспора, именно по его докладам властям в 1805 г. и 1822 г. были приняты первые правительственные распоряжения об охране памятников (Тункина. 2002. С. 65–84).

Вторая экспедиция в Новороссию в 1821 г. проводилась под эгидой Императорской Академии наук. 56-летнего академика Е. Е. Кёлера сопровождал 30-летний французский архитектор Эжен Паскаль с заданием оценить возможности реставрации памятников и выполнить зарисовки надписей, планы и чертежи археологических объектов. Е. Е. Кёлер побывал в Керчи дважды – направляясь из Крыма в Тамань 25–30 августа, и возвращаясь с Таманского полуострова в Крым 4–10 сентября 1821 г. Судя по неопубликованному дневнику (ОР РНБ. Ф. 956. Нем. IV Q. 181. Л. 247–272 об.), ученый отказался жить «за городом» в доме П. Дюбрюкса, и, несмотря на уговоры последнего, как и в 1804 г. вновь остановился в доме графа М. С. Воронцова. В саду П. Дюбрюкса академик осмотрел античные статуи Кибелы, надгробия и монеты, из которых две получил в подарок. В дневнике за 5–6 сентя-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН на 2018–2020 гг. № 25 «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде».

бря сохранилась зарисовка античного надгробия КБН 747, открытого П. Дюбрюксом в 1817 г. при раскопках кургана у дер. Катерлес в 4 км к северо-западу от Керчи, и надгробия КБН 573. Ученый не только занимался сличением и интерпретацией текстов лапидарных памятников, которые готовились им к публикации, но и не забывал отдавать приказы о помещении камней в условия, обеспечивающие их сохранность.

Е. Е. Кёлер скупал древние монеты и древности у местного населения и с этой целью контактировал с керченским полицмейстером Р. Р. Красовичем. Он осмотрел коллекции древностей коменданта Керченского порта капитан-лейтенанта В. В. Бурхановского (в их числе надгробие КБН 435, найденное в подкурганном склепе близ Еникальского маяка) и капитан-лейтенанта Н. Ю. Патиниоти (свояка Е. Е. Кёлера), причем часть артефактов получил в подарок. Ученый встретился с инициатором открытия Керченского порта, чиновником Азиатского департамента Коллегии иностранных дел Р. Скасси, переводчиком при херсонском военном губернаторе, состоявшем в ведении Азиатского департамента КИД, Д. Ф. Кодинцом, коллекционером Померанцевым и др.

Среди памятников, осмотренных Е. Е. Кёлером в Керчи и ее окрестностях, вершина горы Митридат и «кресло» Митридата, которые, по его убеждению, «служили в качестве укрепления»: «Страбон говорит об акрополе Пантикапея. Однако “кресло” было для этого слишком мало, а сама гора слишком удалена от нынешней Керчи, которая и была скорей всего древним Пантикапеем». Кресло «имеет 50 шагов в диаметре и сплошь состоит из скальной породы, однако повсюду видны следы искусственной обработки скальной основы с целью водрузить поверх дополнительно крупные каменные глыбы, которые по сути дела и составляли укрепление. Там и сям остались следы вырубленных в скале ступеней». Е. Е. Кёлер, полемизируя с П. С. Палласом, привел серьезные аргументы в пользу отождествления Пантикапея с Керчью, которое в то время ещё не было доказано окончательно. Ученый ошибочно интерпретировал пантикапейские катакомбы – «подземные, вырытые в глиняной почве прямоугольные залы, образующие длинную анфиладу. Это доказал ещё старший Дю Брюкс своими чертежами, представленными Академии (наук). Там ничего не было найдено. Возможно, это – погребя древних жителей Пантикапея, но во всяком случае, как мне кажется, – не погребения!». Входы в них можно определить «по провалу почвы на том месте, где находилось входное отверстие».

Е. Е. Кёлер упомянул Керченскую «крепость старинной постройки с прекрасными прямоугольными и круглыми башнями». О церкви Иоанна Предтечи он записал: «Прекрасные четыре колонны в церкви Керчи (и их уродливые капители поздней работы) ... находятся

до сих пор на месте. Вне церкви лежат на земле еще несколько таких колонн. Часть церкви, обращенная на восток, вместе с алтарём и глабоко осевшими колоннами, – древняя; однако всё, что к ней пристроено, видимо, является новым». Е. Е. Кёлер привёл в своем дневнике копии надписей в стенах храма, описал сюжеты надгробий и артефакты, хранившиеся близ храма: «Перед церковью лежит очень большая стела из белого мрамора – прямо-таки колоссальная; фигура кажется мне женской, однако стела очень сильно повреждена. Исполнение ее вовсе не может считаться хорошим. Вокруг стелы валяются обломки от нее; голова отсутствует». Речь идет о торсе «боспорского царя» IV в. до н. э., найденном на горе Митридат в 1800 г., который позднее хранился в Керченском музее, а с 1851 г. – в Эрмитаже.

Е. Е. Кёлер и Э. Паскаль навестили коменданта крепости Еникале генерал-майора К. К. Бухгольца и внимательно осмотрели турецкие укрепления. В дневнике сохранилось описание мраморной крышки саркофага, привезенной из крепости Фанагория на Таманском полуострове, которая использовалась как поилка для скота. Ученый описал развалины турецкого акведука: «Еще лет 25 тому назад старый водопровод имел своды, из которых ни один не сохранился донныне. В настоящее время существуют только 13 опор; по обе стороны их ряда были стены, по которым с гор бежала вода. Камнями, вывезенными отсюда, достроили казармы. Опоры были сооружены прочно; до сих пор виден их деревянный каркас». Путешественники осмотрели два великолепных подкурганых уступчатых склепа, открытых и разграбленных матросами командира Керченской транспортной флотилии Н. Ю. Патиниоти в 1820–1821 гг. Склепы использовались местным населением «безденежно» в качестве каменоломен и были разрушены, а находки разошлись по рукам коллекционеров – «весьма драгоценные и редкие вещи... розданы первому приходящему», причем ни одна из них не попала в Кабинет императора Александра I. По убеждению ученого, власти должны запретить порчу памятников древней архитектуры, независимо от того, какому народу они принадлежат. Позднее Е. Е. Кёлер обратился к херсонскому военному генерал-губернатору А. Ф. Ланжерону с просьбой запретить разрушение древних гробниц, так как он видел, как огромные тесаные камни разбирались местными жителями «на постройку их хижин».

В путевом дневнике Е. Е. Кёлер описал крепиду кургана на акрополе городища Мирмекий (здесь в 1834 г. были открыты два мраморных саркофага, в том числе большой мраморный саркофаг первой половины II в. н. э., хранящийся ныне в Эрмитаже), искусственно отесанные скальные выходы, стены и прямоугольную башню на Карантинном

и ближайшим к нему мысах, которые были приняты им за одно из внешних укреплений Пантикапея. Скорее всего речь идет об остатках стен и сооружений генуэзской крепости Пондико XIV–XV вв.

Обозревая оборонительные сооружения Восточного Крыма с востока на запад, Е. Е. Кёлер отнес ряд памятников к «внутреннему (оборонительному) поясу» вокруг Пантикапея, начиная с Первого кресла Митридата и заканчивая «циклопическими» памятниками, находящимися по соседству с Золотым курганом и Куль-Обой, входящими в структуру разновременных так называемых Тиритакских валов (Масленников. 2003. С. 133, 134), которые в первой половине XIX в. большей частью были разобраны на камень. «В 4-х верстах к востоку от Керчи и еще немного дальше не доезжая до Золотой горы [кургана – *И. Т.*], возникают следующие вершины, расположенные последовательно: I. Скалистая возвышенность, центральное ядро которой прикрыто сверху нагромождением очень крупных наваленных друг на друга обломков. Эти скальные массы образуют две вершины». II. «Аналогичная возвышенность с еще большими нагромождениями скальных масс и скальных групп, чем у первой. Нагромождения эти местами лежат на поверхности, местами торчат из земли. На поверхности на небольшом расстоянии от ее основания высится с южной стороны земляной холм, похожий на обычный курган, который вследствие своего высокого расположения как бы укоренен в скальной возвышенности, составляя с нею единое целое». III. «К самым замечательным остаткам древнегреческого строительного искусства, кроме только что упомянутых скальных возвышенностей, принадлежит *циклопический памятник Митридата*. Это гигантское сооружение с округлым основанием. Обрубленная по окружности скала становилась нижней частью возводимой круглой башни. С западной стороны сохранился отличный кусок нижней части стены из очень крупных глыб, подвергшихся незначительной и грубой обработке. К башнеобразной постройке с восточной стороны примыкала другая, прямоугольная, от которой не сохранилось ничего, кроме заметных с трех сторон и нарисованных мною здесь очертаний. Поверх циклопической стены, обработанной только с внешней стороны, возведена закругленная стена, от которой на участке, сохранившемся лучше других, осталось четыре ряда положенных друг на друга камней. Диаметр закругления – 57 шагов». IV. «Самой большой возвышенностью на всей этой местности является *Золотая гора (Алтын-обо)*. Гора была окружена стеной, охватывавшей площадь правильной формы. Обращенная на запад часть стены разделена посередине небольшим промежутком на две части, имеющие одна – 12 рядов, другая – 14. Они сложены из каменных глыб, очень хорошо подогнанных друг

к другу. Стены сложены без раствора, камни просто положены друг на друга». «Справа можно заметить возвышенность, известную под названием *Кресла Митридата* и представляющую собой часть горной цепи». Вершина Золотого кургана была «укреплена сплошной стеной из очень крупных разнокалиберных необработанных камней, повторяющей удлиненную и округлую форму горы», рядом с ним была видна «Меньшая гора» с аналогичной разрушенной стеной и вал по соседству. *«Искусственный вал*, начинающийся от Золотой горы и продолжающийся на очень большом протяжении, должен быть точнейшим образом обозначен на карте, которая будет приложена, а также правильно и определенно указан и описан в “Abhandlung” Биберштейна². На большой же петербургской карте Крыма [съёмки генерал-майора С. А. Мухина 1816 г. – *И. Т.*] этот вал нанесен совершенно неправильно». V. «За Золотой горой видна еще одна крупная возвышенность, которая, однако, ни по высоте, ни по объёму не может сравниться с нею. С южной стороны этой горы находится группа особенно высоких скал с довольно большой пещерой у самого их основания, глубина которой невелика, и со многими маленькими пещерами, где в прошлом искали убежища и гнездились тысячи диких голубей. Скалы с этой стороны не остры и не угловаты, а тупы и потому не живописны. Это место в Керчи называют Голубятня».

Описание памятников к югу от Керчи охватывает руины к югу, где «непосредственно позади Камыш-Буруна» Е. Е. Кёлер ошибочно локализовал Нимфей, и укреплений горы Опук, т. е. оборонительные сооружения Киммерика. «Позади мыса Камыш-Бурун, т. е. южнее, но в непосредственной близости от него, я нашел отчетливые следы древних поселений, заметные также и дальше на довольно большом протяжении. Черепки от амфор и от других подчас очень изящных греческих сосудов попадают здесь и на высоких участках, а углубления заполнены ими вровень с землей. Позади этой некогда населенной местности тянется горный хребет, на котором имеется большое количество курганов». Описывая гору Опук, он заметил, что «при подъеме по восточному склону приходится пробираться по внушительным развалинам стены. В направлении ЗЮЗ среди обнажений выровненных скал, слева, обнаружатся очертания древнего сооружения, вырубленного в скальном массиве».

В своем дневнике Е. Е. Кёлер кратко отмечает не только конструктивные особенности недавно раскопанных античных курганов и по-

² Речь идет об одной из работ ботаника барона Федора Кондратьевича (Фридриха Августа) Маршала фон Биберштейна (1768–1826), который в 1793–1794 гг. жил в Крыму. Подробнее см.: Тункина. 2003.

гребений, приводит наброски надгробий, но и обстоятельно описывает их устройство, изредка сопровождая их небольшими схемами и рисунками (профессиональные виды и планы описанных памятников он ожидал получить от Э. Паскаля, но его надежды в конце концов не оправдались). Ученый осознал важность не только видовой, но и картографической и архитектурно-археологической фиксации объектов. Е. Е. Кёлер предлагал наложить запрет на проведение раскопок вплоть до тех пор, пока не «будут найдены средства вести их к реальной выгоде науки», и предлагал начать субсидируемые правительством раскопки в Керчи и на Тамани, где были открыты курганы с ценными находками. Заботам местной администрации Е. Е. Кёлер предлагал поручить охрану плохо сохранившихся «циклопических» сооружений и древнегреческих памятников на Керченском полуострове – Золотого кургана, «Кресла Митридата», укреплений на горе Опук, двух уступчатых склепов курганов Патиниоти под Керчью, видимых на поверхности земли остатков фундаментов античных зданий, турецкого водопровода в Еникале и др. (Тункина. 2013. С. 205–206).

Издание в русском переводе И. М. Дунаевской (1919–2014) немецкоязычного путевого дневника Е. Е. Кёлера станет существенным дополнением к двухтомному «Собранию сочинений» Поля Дюбрюкса (Дюбрюкс. 2010), т. к. петербургский учёный описал состояние многих археологических памятников Восточного Крыма на 1821 год, известных по трудам «отца боспорской археологии».

Литература

- П. Дюбрюкс.* Собрание сочинений: В 2-х т. / Сост. и отв. ред. И. В. Тункина, пер. с фр. Н. Л. Сухачева. СПб., Изд. дом «Коло», 2010. Т. I. Текст; Т. II. Иллюстрации.
- А. А. Масленников.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, Гриф и К, 2003.
- И. В. Тункина.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., Наука, 2002.
- И. В. Тункина.* Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. // Scripta Gregogiana: Древние цивилизации и мировая культура (к 70-летию академика Григория Максимовича Бонгард-Левина). М., Восточная литература РАН, 2003.
- И. В. Тункина.* Академическая археологическая экспедиция в Новороссийский край 1821 г. под руководством академика Е. Е. Кёлера (Новые архивные материалы) // ВДИ. 2013. № 1.
- P. S. Pallas.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, Gottfried Martini, 1801. Bd. 2.

Е. Г. Застрожнова

Первая Всесоюзная археологическая конференция в Керчи 1926 г.: итоги и перспективы развития античной археологии в Крыму¹

Первая Всесоюзная археологическая конференция или Керченская конференция 1926 г. (далее – Конференция – *Е. З.*) явилась значимым событием в истории античной археологии юга России в довоенный период. В отечественной историографии Керченская археологическая конференция 1926 г. упоминается в ряде статей современных исследователей, однако наиболее подробно организация и общий ход работы секций этой Конференции рассмотрены в труде А. А. Непомнящего (Непомнящий. 2017). Тем не менее, до сих пор не была отдельно проанализирована работа ирано-эллинской секции ученых-антиковедов, что и будет предпринято в данной статье.

В конце 1925 г. КрымОХРИС²ом было принято решение об ознаменовании столетия Керченского музея созывом в Керчи первой Всесоюзной конференции археологов СССР. 21 января 1926 г. при КрымОХРИС²е была создана специальная Комиссия в составе И. П. Бирзгала, А. И. Маркевича, Ю. Ю. Марти, А. И. Полканова и Н. Л. Эрнста. Постановления по проведению Конференции, выработанные этой Комиссией, были утверждены 13 февраля 1926 г. Коллегией Крымнаркомпроса и Главнаукой. Разработка программы конференции должна была осуществляться несколькими Организационными Комитетами – Московским, Симферопольским и Керченским³. Организационными комитетами были разосланы приглашения 92 научным учреждениям и 127 ученым. Московская секция ГАИМКа командировала двух своих представителей для участия в Конференции – Ю. В. Готье и Н. Д. Протасова³. Из Ленинграда для участия в Конференции от Академии были делегированы М. А. Тиханова, Е. Ч. Скржинская, Л. А. Мацулевич, М. И. Максимова, А. А. Спицын и Н. В. Измайлова⁴. Академия Наук СССР (АН СССР) также горячо поддержала инициативу по проведению Конференции. Сразу же по получении приглашения, непреременный секретарь И. Ю. Крачковский отправил письмо Оргкомитету Керченской конференции, в котором сообщил, что «приглашение Организационного комитета по созыву в Керчи 5–10 сентября юбилейной археологиче-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-867.2017.6.

² СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 506 об.

³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1925. Д. 69. Л. 126.

⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 73. Л. 5.

ской конференции АН СССР получено. Академия постановила принять участие в конференции и делегирует для участия одного из своих действительных членов»⁵. 20 августа в Организационный комитет было направлено уведомление от АН СССР о том, что она делегирует на конференцию трех представителей – академиков Н. Я. Марра, С. Ф. Платонова и В. П. Бузескула⁶.

По мере получения ответов от приглашенных организаций и ученых, 5 и 25 августа 1926 г. в Москве состоялись заседания Организационного комитета. На них были заслушаны информационные доклады о подготовительной работе, рассмотрены списки приглашенных лиц и тезисов выступлений⁷. На пленарные заседания были отобраны доклады, посвященные общим вопросам, связанным с археологическими памятниками юга СССР, а также итогам исследовательских археологических работ в этом регионе и мероприятиям по охране древностей Крыма в музеях и на местах. Остальные доклады предполагалось рассмотреть на четырех секционных заседаниях: первобытной секции, ирано-эллинской, средневековой и секции, посвященной крымско-татарской культуре.

Симферопольский комитет проводил не менее интенсивную подготовительную работу, было проведено 11 заседаний, в ходе которых была составлена и утверждена организационная смета в размере 2200 руб., отпущенных из специальных средств КрымОХРИС'а. Была составлена инструкция по технической организации Конференции и отправлено ходатайство о передаче в Керчь некоторых предметов из Одесского музея⁸. Самая ответственная часть работ по организации Конференции пришлась непосредственно на деятельность Керченского организационного комитета. В ходе интенсивной работы Комитета под председательством Ю. Ю. Марти был осуществлен ряд научно-организационных мер: издан путеводитель по Керченскому музею, подготовленный Ю. Ю. Марти (Марти. 1926а) и работа «Сто лет Керченского музея» (Марти. 1926б). Была проведена реорганизация основного здания Музея древностей, произведен ремонт Митридатского музея и осуществлен частичный ремонт Митридатской лестницы. В здании Митридатского музея была устроена выставка рисунков с античных предметов, открытых в ходе раскопок, начиная с 1826 г.⁹ Не менее важным и сложным

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 227.

⁶ Там же. Л. 246.

⁷ Там же. Л. 510.

⁸ Там же. Л. 507.

⁹ С целью получения некоторых рисунков находок и портретов археологов Ю. Ю. Марти обратился к научным сотрудникам ГАИМКа и Эрмитажа.

в части организации были подготовка помещений для проведения Конференции и для проживания делегатов; заключение договоров с рестораном на организованное проведение обедов и ужинов; организация справочного бюро, встреча и сопровождение делегатов с железнодорожной станции в город; аренда автобусов для проведения экскурсий на Царский, Мелек-Чесменский курганы, в склеп Деметры и на гору Опук. Была проведена организация паровой экскурсии для осмотра античных памятников Таманского полуострова, а также подготовлено и открыто к осмотру пять керченских склепов¹⁰.

5 сентября 1926 г. в 12 часов дня в помещении школы (в настоящее время – Гимназия № 2 им. В. Г. Короленко – Е. З.) состоялось деловое заседание по распорядку работ Конференции и утверждению состава Президиумов. В Почетный президиум были избраны М. И. Калинин, А. И. Рыков, И. В. Сталин, А. В. Луначарский, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский; в Президиум – Ф. Н. Петров, В. А. Городцов, А. И. Полканов, Ю. Ю. Марти. Постоянный Президиум пленарных заседаний был утвержден в составе В. А. Городцова и А. И. Маркевича, в Секретариат были избраны К. Э. Гриневич и М. В. Алпатов. В Президиум Секции ирано-эллинской археологии был избран председателем Н. И. Новосадский, заместителем председателя А. С. Башкиров, секретарём М. И. Максимова. Согласно утвержденному регламенту, заседания должны были проводиться с 9.30 до 13.30 и с 17.00 до 21.00. Время доклада – 40 минут, обсуждения – 10 минут¹¹. Вечером этого же дня с 20.00 до 23.30 в здании Государственного театра Керчи проходило торжественное открытие Конференции. Это событие и дальнейший ход конференции были крайне подробно описаны в местной газете «Красная Керчь».

На следующий день, 6 сентября состоялось пленарное заседание Конференции под председательством В. А. Городцова. На нем были заслушаны доклады В. П. Бузескула «Изучение древностей Северного побережья Черного моря и значение этих древностей с точки зрения истории» и доклад Н. Я. Марра «Скифский язык»¹². В 17.00 были начаты секционные заседания. Заседание секции ирано-эллинской археологии было начато с доклада Ю. Ю. Марти «О надписях, поступивших в Керченский Музей Древностей в 1917–1926 гг.» Археологом была представлена информация о подробностях находки плиты с китейской надписью и освещен проект по реставрации храмового стола из Китея.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 507 об.

¹¹ Там же. Л. 510.

¹² Там же. Л. 498.

Античной эпиграфике был посвящен доклад Н. И. Новосадского «Боспорские фиасы». В нем была рассмотрена история открытия и научной разработки надписей, содержащих акты боспорских фиасов. Отдельное внимание было обращено на социальный состав боспорских фиасов и их культовую принадлежность.

7 сентября на утреннем заседании ирано-эллинской секции первым прозвучал доклад М. И. Максимовой «Резные камни и перстни из Керчи и Тамани». В нем автор рассматривала общий процесс развития глиптики на «Востоке эллинского мира от конца VI в. до IV в. н. э.», особенно отмечая получившую распространению в римскую эпоху группу золотых перстней с гранатами, центром производства которых был Пантикапей. Доклад Г. Ф. Чайковского «Керченские малые стильные чернолаковые и краснолаковые сосуды» был посвящен собранию этих сосудов в Керченском музее. Н. П. Розанова посвятила свой доклад «Памятник царицы Комоссарии» восстановлению истории находки и атрибуции этой надписи, которая была открыта Е. Е. Кёлером в 1804 г. Доклад Л. И. Якунчиковой-Ивановой «Памятники этрусской культуры на юге СССР» был посвящен комплексу предметов из погребения, открытого на хуторе Бугском Херсонской губернии Ананьевского уезда. В составе инвентаря отмечались шлем, наконечники стрел и копий, фибула, псалии и удила, которые были отнесены докладчиком к IX–VII вв. до н. э.

В представленном А. Н. Зографом докладе «Монеты Александра Великого и Лисимаха в находках Крыма и Кавказского побережья» был сделан обзор указанных монет, в котором он опирался на данные новых трудов Э. Т. Ньюэля и на исследования М. И. Ростовцева, согласно которым монеты должны служить основой для датировки погребальных комплексов. Автор полагал, что самой насущной задачей является всестороннее изучение и точная хронологическая и территориальная классификация всех групп монет Лисимаховских типов, что «поможет внести ясность в спорные вопросы о чеканке правителей Боспора в эллинистический период стоящей в теснейшей зависимости от монет этих типов»¹³.

На четвертый день работы конференции (8 сентября) состоялись пленарные и секционные заседания. На пленарном заседании были заслушаны три доклада: А. И. Маркевича «Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал (топонимические данные крымских архивов)», А. А. Спицына «Краеведение в археологии» и Т. Д. Арне «Датировка бронзового века в Китае». Секционное заседание, состо-

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 501.

явшееся во второй половине дня, было начато с выступления Н. И. Новосадского, посвященного борьбе Митридата с Римом. В нем автор на основе анализа письменных источников рассматривает военный потенциал Митридата в борьбе с Римом, подробности о последней битве Митридата с Помпеем и гибели его семьи, а также о динамике проникновения римской культуры на Боспор после подчинения его Римом¹⁴. Следующие два доклада – Ю. Ю. Марти и К. Э. Гриневича – были посвящены археологическим раскопкам в Керчи в 1920–1924 гг. Были освещены общие условия работы в начале 1920х гг., «неравная борьба со счастливыми», задачи и результаты археологических раскопок 1923 и 1924 гг. Последние два секционных доклада были сделаны К. Э. Гриневичем и посвящены мраморному таманскому саркофагу, открытому в кургане около Тамани в XIX в. и фрагменту аттической краснофигурной котилы с изображением Аполлона из Керчи (случайная находка начала XX в.). 7 и 8 сентября для делегатов конференции были проведены экскурсии в Мелек-Чесменский курган.

9 сентября также состоялись пленарные и секционные заседания. На пленарном заседании были представлены доклады В. А. Городцова «Типологический и сравнительный методы в археологии» и К. Э. Гриневича «Итоги и перспективы научно-исследовательской работы в Крыму в области античной культуры». В последнем докладе автор подвел основные итоги 100-летнему изучению античного наследия региона, подчеркнув отсутствие планомерной археологической работы, большой объём накопленного материала и малый процент его обработки и публикации, обратив внимание на необходимость масштабного изучения городищ послойно-квадратным методом и необходимости создания археологических заповедников. На секционном заседании было заслушано четыре доклада. В докладе Л. Н. Соловьева «Пограничные укрепления Херсонесской области», автор рассматривал линии обороны и принципы их размещения на Гераклеяском полуострове, в разные хронологические этапы существования Херсонеса. Доклад А. С. Башкирова «Новости археологических исследований за лето 1926 г. на полуострове Тамани» был посвящен результатам археолого-топографической рекогносцировочной экспедиции РАНИОН на территории Таманского полуострова, особо отмечая «гибельное состояние склепа на Васюриной горе и бедственное положение курганного могильника и некрополя Фанагории»¹⁵. В докладе А. А. Захарова «Две очередных проблемы, связанных с археологическими работами на юге СССР» обращалось

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 505.

¹⁵ Там же. Л. 509 об.

внимание на необходимость анализа синтеза скифской и сарматской культур с античными центрами и на изучении «движения праарийцев в Индию и их взаимоотношениях с встречными культурами народов, входивших в состав Хеттского государства», в связи с этим указывалось на необходимость изучения остатков хеттской материальной культуры в Северном Причерноморье и на Кавказском перешейке. Завершающий работу секции доклад Г. Ф. Чайковского был посвящен анализу растительного орнамента на фрагменте мраморной плиты, найденной в станице Анапской на рубеже XIX и XX вв.

В последний день работы Конференции, 10 сентября, в первой половине дня проходили секционные заседания, а вечером заключительное пленарное заседание Конференции. На дневном заседании секции ирано-эллинской археологии было заслушано три доклада. Первый – Л. А. Моисеева был посвящен мелиорации и водоснабжению древнего Херсонеса. Следующий докладчик, К. Э. Гриневиц, более подробно осветил раскопки в Херсонесе, проведенные в 1926 г. Завершил работу секции доклад Б. В. Фармаковского «Памятники античной скульптуры из Пантикапея и Ольвии в коллекции Государственного Эрмитажа»¹⁶. В нем исследователь привел краткую характеристику и историю формирования коллекции, особо обратив внимание собравшихся на «существование на Боспоре двух культурных миров разной общественности, местных “варварских” изваяний, существовавших во все времена на Боспоре, наряду с произведениями эллинского искусства»¹⁷. На заключительном пленарном заседании А. И. Полкановым был зачитан доклад «Состояние памятников старины в Крыму и их охрана», в котором он особо подчеркнул необходимость постоянного государственного финансирования, необходимого для проведения мероприятий по охране, поддержанию памятников от разрушения и их обследования. Второй доклад был зачитан сотрудником центральных реставрационных мастерских Главнауки Б. П. Засыпкиным «Состояние памятников древности в Крыму и меры к их охране».

По итогам работы Конференции было принято несколько Резолюций – общая Пленума Конференции и секционные. Резолюция Пленума Конференции была принята 16 сентября 1926 г., основным её пунктом было решение о скорейшей разработке единого производственного плана в области развития Крымской археологии и необходимость постоянного госбюджетного финансирования с целью реализации необходимых охранных мер¹⁸. Резолюцией, принятой на секции ира-

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 512.

¹⁷ Там же. Л. 512 об.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Д. 15. Л. 513.

но-эллинической археологии, было признано необходимым продолжение раскопок античных памятников Керчи, Херсонеса, сохранение фресок в склепе Деметры, сохранение фресок склепа на Васюриной горе. Для реализации принятых положений было решено просить Главнауку ходатайствовать о включении в охранную зону районов древних городищ и некрополей на Керченском и Таманском полуостровах, а также возбудить вопрос о включении древностей Таманского полуострова в ведение Керченского музея.

Как можно заключить, наиболее актуальными проблемами для античной археологии в середине 1920-х гг. являлась необходимость в охранном законодательстве, выделении заповедной зоны и постоянном государственном финансировании исследований античных городов и некрополей. Не менее актуальными были вопросы о синтезе греческой и варварской культур; атрибуции отдельных групп находок, открытых в различных центрах в контексте общей истории Боспорского царства и Херсонеса. Важно так же заметить, что идеологический контроль на тот момент не являлся всеобъемлющим – так в докладе А. Н. Зографова присутствовала прямая ссылка на важность работ М. И. Ростовцева, подобное указание было бы уже недопустимым в конце 1920-х гг.

Источники

- Московская секция ГАИМК. Журналы заседаний, отчеты о работе, автобиографии, переписка. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1925 г.). Д. 69.
- Работа в Керчи. Участие Академии в Археологической конференции. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 73.
- Делопроизводственные материалы Канцелярии Конференции и Секретариата АН. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1926 г.). Д. 15.

Литература

- Ю. Ю. Марти.* Путеводитель по Керченским древностям. Керчь, 1926а.
- Ю. Ю. Марти.* Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926б.
- А. А. Непомнящий.* «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. № 1. Т. 14. Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: http://www.j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprov_r_ast14-1.2017.31.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

VI. MEMORABILIA

Памяти Сергея Дмитриевича Крыжицкого

27 января 2017 года остановилось сердце Сергея Дмитриевича Крыжицкого, члена-корреспондента НАН Украины, академика Академии архитектуры Украины, профессора, доктора архитектуры, заведующего Отделом античной археологии Института археологии НАН Украины.

С. Д. Крыжицкий родился в Киеве 11 декабря 1932 г. Род Крыжицких, дворян Орловской губернии – род художников, писателей, литературоведов, художников. Наследственный талант привел Сергея Дмитриевича

в 1947 г. в Киевскую художественную среднюю школу, которую он закончил в 1954 г. В том же году он поступил на архитектурный факультет Киевского государственного художественного института, который закончил в 1960 г. В 1956 г. студент-архитектор приехал на обмерную практику в Ольвию. Ольвийская экспедиция стала судьбоносной для Сергея Дмитриевича. Здесь он познакомился с Н. А. Лейпунской, здесь начался их творческий, а вскоре и жизненный тандем, длившийся более полувека. После окончания института С. Д. Крыжицкий получил направление в НИИ теории и истории архитектуры и строительной техники Академии строительства и архитектуры СССР. Первые его научные работы были посвящены исследованию многоэтажной жилой застройки Киева конца XIX – начала XX в.

В 60-х годах С. Д. Крыжицкий участвовал в ежегодных раскопках Ольвии, выполняя работу архитектора, геодезиста, фотографа. В 1964 г. он принял приглашение от начальника Ольвийской экспедиции члена-корреспондента АН УССР Л. М. Славина перейти на работу в Институт археологии АН УССР и профессионально заняться исследованием жилых домов Ольвии. С того момента вся его дальнейшая жизнь оказалась связана с Институтом археологии и заповедником «Ольвия».

В Институте археологии С. Д. Крыжицкий прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе. Полученные профессиональные знания вместе с практическим опытом раскопок античного города и невероятным трудолюбием способствовали тому, что уже в 1968 г. в ЛОИА АН СССР (Ленинград) он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «История домостроительства Ольвии в эллинистическую эпоху». С 1973 г. С. Д. Крыжицкий работал в должности старшего научного сотрудника, а после защиты в 1980 г. докторской диссертации на тему «Архитектура античных жилых домов Северного Причерноморья» в ЦНИИТИА (Москва) возглавил в 1982 г. Отдел античной археологии. Эту должность он бессменно занимал до 2015 г. Руководство Отделом с 1986 по 2002 г. Сергей Дмитриевич совмещал с работой в должности заместителя директора Института по научной работе. В 1990 г. С. Д. Крыжицкий был выбран членом-корреспондентом АН УССР (с 1991 г. НАНУ), в 1999 г. получил ученое звание профессора.

Охват общественных обязанностей Сергея Дмитриевича в Институте археологии был поистине неисчислимым, сейчас можно только удивляться, как на все у него находилось время. Он был редактором стенной газеты, секретарем местного комитета профсоюзов, членом полевого комитета и полевой инспекции, членом многочисленных редколлегий

и редсоветов многих общенаучных изданий, членом Ученого совета и Специализированного совета по защите докторских диссертаций. Он был научным руководителем полутора десятка защитившихся кандидатов архитектуры и исторических наук, двое из его учеников – уже доктора наук. Не счесть отредактированных им тезисов, статей и монографий. Строгое, принципиальное отношение к авторам рецензируемых работ было всегда одинаковым – от лаборанта до заведующего отделом. При этом С. Д. Крыжицкого отличал строго академический стиль научной дискуссии. Однако тонкий, только ему присущий юмор нивелировал негатив, который иногда присутствовал в его рецензиях, поскольку Сергей Дмитриевич обладал редким качеством видеть рациональное зерно у каждого, кто хотел работать.

Ольвия стала главным, хотя и не единственным памятником в многолетней длительной исследовательской работе С. Д. Крыжицкого. С 1969 по 1971 г. он руководил Белгород-Тирской археологической экспедицией, подняв за короткий срок исследование этого сложного многослойного памятника на качественно новый уровень. Ольвийскую экспедицию Сергей Дмитриевич возглавил в 1972 г. и руководил ею до 1994 г. С 1971 по 1974 г. С. Д. Крыжицкий организовал и принимал участие в работе подводной археологической экспедицией в Ольвии. С 1974 по 1980 г. он являлся директором заповедника «Ольвия», где под его непосредственным руководством начались системные консервационно-реставрационные мероприятия, которые продолжают и поныне. Удачное сочетание двух специальностей – архитектуры и археологии – позволили ему разработать и практически внедрить методические рекомендации для осуществления мероприятий по консервации и музеефикации открытых и экспонируемых под открытым небом строительных комплексов разного времени.

С. Д. Крыжицкий является автором и соавтором около трех десятков индивидуальных и обобщающих коллективных монографий, причём инициатива написания большей их части принадлежала ему. Из-под его пера вышло около 300 научных работ. Его имя навсегда вошло в отечественную историографию античности – научно обоснованные реконструкции жилых и культовых сооружений еще долго будут являться образцом для проведения подобных работ. Разработанное Сергеем Дмитриевичем унифицированное описание античных кладок уже давно, еще при жизни автора, стало хрестоматийным.

Сергей Дмитриевич Крыжицкий принадлежит к тому немногочисленному числу археологов, которые ушли без долгов перед наукой. За свою долгую жизнь в науке он опубликовал практически все, над чем работал сам или со своими коллегами. Во многом благодаря ему, его публи-

кациям и докладам на крупнейших международных конференциях, Ольвия широко известна во всем научном мире. Античный памятник без средневекового и современного поселения является постоянным магнитом для исследователей из разных стран; здесь традиционно проходят свою первую археологическую практику сотни студентов. Свообразным итогом его работ вместе с женой и соавтором, Ниной Александровной Лейпунской, явилась обобщающая монография «Жилые дома Центрального квартала Ольвии. Симферополь» (Керчь, 2014). Помимо этой книги, С. Д. Крыжицкий в последние годы системно публиковал информацию о многочисленных охранных работах, шурфах и разведочных раскопах, которыми полно городище. Под его руководством был создан сводный общий план Ольвии с указанием раскопов за более чем столетний период её исследований (2017).

Он торопился всё успеть...

Сергея Дмитриевича нам всем будет нехватать. Невозможно полностью заменить его в изучении античности Причерноморья. Осиротела Ольвия, осиротел Отдел, но жизнь продолжается. Учёный же будет жить столько, сколько будут ссылаться на его работы. Им, как и делу, которому посвятил свою жизнь С. Д. Крыжицкий, суждена долгая жизнь.

А. В. Буйских, Н. А. Гаврилюк

**Сергей Ремирович Тохтасьев
(1957–2018)**

То, что наука потеряла в лице Сергея Тохтасьева одного из лучших своих представителей, не вызывает сомнений. Сложнее сказать, кого потеряла я. Учителя? Да. Несмотря на то, что учеников в обычном понимании этого слова у Сергея Ремировича, пожалуй, не было, de facto таковым может себя считать всякий, кто хоть раз выносил свои сочинения на его поистине страшный суд или даже просто обращался за консультацией, в которой он никогда не отказывал. Импульс, полученный от его подчас вскользь брошенной фразы, мог определить вектор научных изысканий на годы вперед. Коллегу? Да, безусловно, я могу с гордостью считать себя коллегой Сергея Тохтасьева, и наивысшей оценкой своей скромной деятельности на поприще антиковедения я считаю и, возможно, всегда буду считать фразу, произнесенную им после прочтения одного из моих трудов: «Ну, я в этот вопрос не стал серьезно вникать, я тебе доверяю». Друга? Тут не может быть никаких вопросов. Тохтасьев многие годы был неотъемлемой частью моей жизни, человеком более значимым, чем многие кровные родственники, не зря он иногда называл меня пятой своей дочкой.

Сергей Тохтасьев был близким другом моих родителей, так что знакома с ним я была с самого раннего детства. Всех известных мне

людей этого поколения, рождённых в пятидесятые, отличает фантастическая витальность, яростная жажда жизни и неиссякаемый энтузиазм. Но Тохтасёв выделялся своей энергетикой, бескомпромиссностью, подчас вызывающей восхищение, подчас пугающей искромётным юмором даже на столь ярком фоне. К сожалению, большинству из этих блистательных личностей была также свойственна и тяга к саморазрушению; кажется, сама природа стремилась как-то ограничить столь безудержную жизненную энергию. Сергей и здесь не был исключением, однако его фанатичная преданность науке, которая, с одной стороны, разрушала его жизнь, парадоксальным образом его же и спасала, не позволяя скатиться в алкогольный дурман и давая силы жить и трудиться, несмотря на тяжелейшие увечья.

Научные работы Сергея Тохтасёва являют собой образец научной строгости и акрибии, но сам он менее всего походил на классического кабинетного учёного, образ которого услужливо рисует нам тривиальное сознание. Ничего в нем не было от педанта и сухаря, зарывшегося в пыльные тома и ничего знать не желающего, кроме своей науки. Совсем наоборот, одной из главных черт Сергея была безудержная любознательность, искренний интерес к самым различным проявлениям жизни. Знаток и ценитель джаза и западного рока, он легко прерывал разбор какого-нибудь научного вопроса, чтобы прослушать и прокомментировать звучавшую в этот момент по радио композицию, негодуя при этом на мою музыкальную необразованность. Возмущившись замеченной им социальной несправедливостью, Сергей мог, отложив незаконченную работу, сутками названивать и строчить письма в инстанции, долженствующие решить проблему. А с каким удовольствием мог он часами рассказывать о своих дочерях, «своих девочках», которых он обожал, а потом и о внуках! Помню, как он умудрился ночью дозвониться мне в Швейцарию, обнулив оба наших счёта, чтобы сообщить о рождении своего первого внука!

Другой определяющей чертой его личности была невероятная научная щедрость (материальная, конечно, тоже, хотя тут было бы уместнее какое-нибудь другое слово: обращаться с деньгами не умел он абсолютно, да и учиться не хотел). Отлично зная цену себе и своему труду, Тохтасёв без раздумий тратил свое время на чтение работ своих коллег, как маститых учёных, так и начинающих, не делая никаких различий. Порой кажется, что эта деятельность отнимала у него чуть ли не больше времени, чем собственное научное творчество, поскольку ко всему, что касалось науки, Сергей подходил предельно серьезно. Так, когда я ещё в бытность студенткой принесла ему какой-то учебнический перевод, Тохтасёв потратил чуть ли не час на детальный,

с обращением к справочникам и специализированным словарям, разбор и комментарий эзерсиса девчонки-второкурсницы!

Научная скрупулёзность удивительным образом сочеталась у Тохтасьева с поистине паганелевской бытовой неприспособленностью и непрактичностью. Он, столь критично подходивший к любому научному вопросу, искренне верил рекламе и потом столь же искренне возмущался, почему приобретённый продукт не так безупречен, как было обещано. Сходным было и его отношение к людям: едва познакомившись с человеком, будь то коллега, студент, обратившийся за помощью, или же человек, вообще с наукой не связанный, Тохтасьев, как правило, мгновенно очаровывался, рассыпаясь в похвалах и без раздумий давая самые высокие оценки. Однако это восторженное отношение могло в одночасье поменяться на диаметрально противоположное, когда столь восхитивший его персонаж вдруг переставал в чём-то соответствовать несоизмерно высоким ожиданиям, причём речь шла не о таких серьезных вещах как, скажем, обман или предательство (хотя и это, увы, было в его жизни), а об обычных человеческих слабостях. Мне думается, что свою бескомпромиссность и крайнюю требовательность, стремление ставить самую высокую планку, столь уместные в работе, Сергей механически переносил на отношения между людьми, что нередко сильно осложняло жизнь и ему самому, и его окружению.

Не секрет, что формальный научный статус Сергея Ремировича совершенно не соответствовал его реальным заслугам, однако отказ от построения академической карьеры был его осознанным выбором. Считая научные степени, звания и должности «декорацией», превыше всего он ценил возможность чистого научного творчества. Несмотря на то, что вряд ли кто-то сможет назвать Сергея не реализовавшимся – огромное количество научных работ, известность не только внутрirosсийская, но и европейская – ощущение недооценки и не до конца раскрытых возможностей всё же присутствовали в его жизни. Свой фундаментальный труд, посвящённый исследованию языка Константина Багрянородного, в течение нескольких лет поглощавший все его время и силы, он так и не увидел напечатанным. В рукописи осталась работа, подводящая итог его многолетним занятиям античной антропонимикой Северного Причерноморья. Наконец, дело его жизни – переиздание корпуса боспорских надписей – так и остаётся нереализованным.

Последние пару лет из-за стремительно ухудшающегося здоровья Сергея и чудовищных бытовых условий, в которых он вынужден был существовать, наши встречи были нечасты, общение в основном переместилось в область телефонных разговоров и электронной переписки. Непостижимым образом его удивительная энергетика проникала даже

в e-mail'ы – этот, казалось бы, суррогат живого общения. Невозможно поверить, что Сергея больше нет, что источник такой неукротимой энергии просто исчез. Где-то в самой глубине сознания я до сих пор жду или его звонка в самое неурочное время, или какого-нибудь безумного сообщения. Думаю, что многие, знавшие Сергея Тохтасьева, испытывают нечто подобное.

А. П. Бехтер

**Материалы к библиографии
Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018)¹⁹**

1978

Раскопки Илурата // АО – 1977. С. 404–405 (в соавторстве с *И. Г. Шургая*).

1979

Раскопки Илурата // АО – 1978. С. 426–427 (в соавторстве с *И. Г. Шургая*,
Ю. А. Виноградовым, *В. А. Горончаровским*).

1981

Мирмекий // ТД VIII Всесоюзной авторско-читательской конференции. М.
С. 104–105.

1983

Боспорская легенда об Афродите Апатурос // ВДИ. № 2. С. 111–113. Рез. англ

1984

Киммерийская топонимия. I // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М. С. 142–148.

О передвижении согласных во фракийском языке // Международный симпозиум «Античная балканистика». Карпато-балканский регион в диахронии. М. С. 42–43.

Scythica в Трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья // ВДИ. № 3. С. 133–143.

1985

К характеру этнолингвистической и этнополитической ситуации на Балканах в V–VI вв. н. э. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии:

Тезисы пятой конф. «Проблемы атласной картографии». Уфа. С. 167–168.
Об одном граффито с острова Березань // *Thracia Pontica*. Vol. III. С. 283–286.

¹⁹ Составитель – Л. М. Всевиов.

1986

- Апатур: история боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. № 2. С. 138–145. Рез. англ.
- Из ономастики Северного Причерноморья: I ΠΑΤΟΥΣ, ΠΑΤΡΑΣΥΣ, ΠΑΤΡΑΕΥΣ // Проблемы античного источниковедения. М.-Л. С. 69–87.
- Zur Herkunft der Bosphoranischen Spartokiden // Pulpudeva. Vol. 5. P. 113–121.

1987

- Основные итоги раскопок Мирмекия (1982–1984, 1986) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД. М. С. 64–65 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).
- Участие в дискуссии по статье Л. С. Клейна «Индоарии и скифский мир: Общие истоки идеологии» // НАА. № 5. С. 90–92.

1988

- Древнееврейские имена на Боспоре // Международный симпозиум «Античная балканистика. 6». ТД. М. С. 28–29 (в соавторстве с И. А. Левинской).
- О дорийском компоненте в составе населения Горгииппии пер. пол. III в. до н. э. // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1998 гг. ТД. Севастополь. С. 113–116.
- Thracisa 2: ΑΡΓΥΛΛΑΙ и другие // Международный симпозиум «Античная балканистика 6». ТД. М. С. 53–55.
- Рец.: Э. И. Соломоник. Граффити с хоры Херсонеса / АН УССР. ИА. Киев, Наукова думка, 1984. 144 с., ил., карт. // ВДИ. № 3. С. 167–187 (В соавторстве с С. Б. Ланцовым, В. И. Павленковым).

1989

- Ранняя оборонительная стена Мирмекия: предварительные итоги исследования // Проблемы исследования античных городов: Тезисы. М. С. 27–29 (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

1990

- Zum Grundungsdatum von Istria // Semaines Philippopolitaines de l'histoire et de culture thrace. 7. Plovdiv. S. 12–13.

1991

- Агафий Миринейский // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М. С. 292–310 (в соавторстве с И. А. Левинской).
- Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associations internationalis «Terra antiqua balcanica» VI. Serdicae. С. 118–128 (в соавторстве с И. А. Левинской).
- Менандр Протектор // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М. С. 311–356. (В соавторстве с И. А. Левинской).
- О необходимости и задачах нового издания фрагментов «Истории» Менандра Протектора // Резюме сообщений на XVIII Международном конгрессе византистов. Т. II. L-Z. М. С. 657–658 (в соавторстве с И. А. Левинской).
- Переписка К. Крумбахера и В. Е. Ернштедта // Там же. С. 1167–1168.

Cimmerians // Encyclopedia Iranica. Costa Mesa. Vol. 5. Fasc. 6. P. 563–567.

Рец.: A Lexicon of Greek Personal Names. / Ed. P. M. Fraser, E. Matthews. Vol. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxford, 1987 // ВДИ. № 1. С. 198–200.

1992

Из ономастики Северного Причерноморья: II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб. С. 178–199.

1993

Киммерийцы: этнокультурная принадлежность / Информационно-исследовательский институт «Ермаков», СПб. 122 с., карт. (Публикации. Малая серия. Вып. 1). Рез. англ. Библиогр.: с. 94–120 (в соавторстве с А. Ю. Алексеевым, Н. К. Качаловой).

К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА 1993. № 2. С. 89–97.

Посвятительное граффито из Порфмия // Древнее Причерноморье. Одесса. С. 74–85.

A New Jewish Manumission from Phanagoria // Bulletin of Judeo-Greek Studies. Vol. 13. P. 27–28 (в соавторстве с И. А. Левинской).

Thrakische Personennamen am Kimmerischen Bosporos // Pulpudeva. Vol. 6. S. 178–188.

1994

Вотив царицы Комосарии // ПАВ. № 8. С. 80–84. Рез. англ.

Из ономастики Северного Причерноморья: III–IV // Hupreboreus. Vol. 1. № 1. С. 155–166. Рез. нем.

Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. № 1. С. 54–63, ил. Рез. англ. (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

1995

Из ономастики Северного Причерноморья: V–IX // Hupreboreus [1994/1995]. Vol. 1. № 2. С. 138–145.

1996

Магическое граффито из Ольвии // Hupreboreus. Vol. 2. Fasc. 2. С. 183–188. Рез. нем.

Die Kimmerier in der antiken Uberlieferung // Hupreboreus. Vol. 2. Fasc. 1. S. 1–46. Рез. рус.

The History of Menander Protector: On the Need and Tasks for a New Edition // Acts of XVIII International Congress of Byzantine Studies: Selected Papers. Vol. IV. P. 1680173 (в соавторстве с И. А. Левинской).

Inscriptions from the Bosporan Kingdom // Levinskaya I. A. The Book of Acts in Its Diaspora Setting. Rapids; Carlisle. P. 227–245 (в соавторстве с И. А. Левинской).

Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom // *Te'uda XII. Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods*. Tel-Aviv. P. 55–73 (в соавторстве с И. А. Левинской).

1997

Аланец-еланец // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии. Т. II. СПб.; Псков. С. 340–343.

К изданию каталога керамических клейм Херсонеса Таврического [В. И. Кац. Керамические клейма Херсонеса Таврического: Каталог-определитель. Саратов, 1994.] // *Hyperboreas*. Vol. 3. Fasc. 2. С. 362–405.

Nachtrag der Redaktion [*Peek W. Die metrischen Felsnschriften von Armavir*] // *Hyperboreus*. Vol. 3. Fasc. 1. С. 8–9.

Zum Volksnamen «Trenen» // *Actes 2e Symposium Intrnational des etudes thraciennes. Thrace ancienne*. Vol. I. Komotini. P. 109–113. Рез. греч.

1998

Древнейшие свидетельства славянского языка на Балканах // *Основы балканского языкознания: языки Балканского региона*. Ч. 2 (славянские языки). СПб. С. 29–57.

К чтению и интерпретации посвяtitельной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hyperboreus*. Vol. 4. Fasc. 2. С. 286–301. Рез. нем.

Новые посвяtitельные граффити из Мирмекия // *Hyperborus*. Vol. 4. Fasc. 1. С. 22–47, ил. Рез. нем (в соавторстве с Ю. А. Виноградовым).

1999

Источниковедческие проблемы истории киммерийцев: Автореферат. канд. дис. / РАН. ИВ. СПб. фил. СПб. 19 с.

ВОΣΠΟΡΟΣ // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира: Материалы междунар. науч. конф. СПб. С. 86–92.

Thrakische Personennamen am Kimmerischen Bosphoros // *Studia in memoriam magistri Prof. Georgi Mihailov*. Sofia. P. 479–490.

Hyperborei Vol. I–V indices // *Hyperboreus*. 1999. Vol. 5. Fasc. 2. С. 378–392 (в соавторстве с А. Л. Верлинским, А. К. Гавриловым).

Рец.: *Dubois L. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont*. Geneve, 1996 // *Hyperboreas*. Vol. 5. Fasc. 1. С. 164–192.

2000

Газа, любимая жена Дия // ΣΥΣΤΙΠΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева. СПб. С. 232–235.

Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII // *Hyperboreus*. Vol. 6. Fasc. 1. С. 124–156, 2 л. ил. Рез. нем.

Новые tabellae defixionum из Ольвии // *Hyperboreus*. Vol. 6. Fasc. 2. С. 296–316. Рез. нем.

2001

- Ещё раз о синдских монетах и синдском царстве // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Ч. 1. СПб. С. 63–79.
- Посвятельный рельеф Гераклу из коллекции Эрмитажа (предварительная публикация) // ХС. Вып. 11. С. 88–89 (в соавторстве с *Л. И. Давыдовой*).
- Происхождение титулатуры Спартокидов // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: Материалы II Боспорских чтений. Керчь. С. 161–164.
- Эпиграфические заметки // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. ХСб. XI. Севастополь. С. 155–168.

2002

- Имя киммерийского царя ΛΥΓΔΑΜΙΣ // История и языки Древнего Востока: памяти И. М. Дьяконова. СПб. С. 299–306. Рез. англ.
- Надписи Таманского музея // Таманская старина. Вып. 4. С. 81–106, ил.
- Остракон с поселения Козырка XII Ольвийской хоры // *Hypoboreus*. Vol. 8. Fasc. 1. С. 72–98, ил. Рез. нем.
- Указатели // *А. И. Зайцев*. Избранные труды. Т. II. СПб. С. 594–604.
- ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. Вып. 4. С. 10–32.

2003

- Новые данные о культе Афродиты в Гермонассе // *Hypoboreus*. Vol. 9. Fasc. 1. С. 83–88. Рез. нем. (в соавторстве с *С. И. Финогеновой*).

2004

- Боспор и Синдика в эпоху Левкона I // ВДИ. № 3. С. 144–179, ил. Рез. англ.
- Из новейшей истории боспорской эпиграфики [Рец.: Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций (КБН-альбом). СПб, 2004.] // ВДИ. 2005. № 4. С. 179–198 (в соавторстве с *И. А. Левинской*).
- [Издание 11 надписей] // Из собрания Керченского Государственного историко-культурного заповедник: Лапидарная коллекция. Т. Античная скульптура (в соавторстве с *А. П. Кулаковой (Бехтер)*).
- Стела Гестефона из Нимфея // БИ. Вып. 7. С. 112–124, ил. Рез. нем. (в соавторстве с *В. Н. Зинько*).
- Предисловие редактора // *Ю. В. Андреев*. Мужские союзы в дорийских государствах (Спарта и Крит). СПб. С. 5–14.

2005

- Граффити: Каталожные описания // Борисфен-Березань: Начало античной эпохи в Северном Причерноморье: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб. С. 136–149, ил.
- Проблема скифского языка в современной науке // *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași. С. 59–108.
- Saurmatae – Sarmatae – Syrmatae // ХС. Вып. 14. С. 291–306.

Epigraphical Notes // ACSS. Vol. 11. № 1/2. P. 3–40.

Рец.: Tal Pan. Lexicon of Jewish Names in Late Antiquity. Part I. Tübingen, 2002 // ВДИ. № 1. С. 233–241.

То же // Bulletin of Judeo-Greek Studies. Vol. 37. P. 28–38.

2006

К политической истории Боспора III в. до н. э. // Древности Боспора. Т. 10. С. 416–428. Рез. англ.

Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. 1. С. 179–210, ил. (в соавторстве с Т. А. Матковской).

Новые материалы по истории койне // Индоевропейское языкознание и классическая филология. X. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 294–305.

Надгробная стела сыновей Аттеса из Мирмекия // ВДИ. № 1. С. 72–79; ил. Рез. англ.

Указатель греческих имен // Соловьев, Шенко Л. Г. Археологические памятники сельской округи Акры: поселение Заветное-5. Ч. II. СПб. С. 72.

The Bosphorus and Sindike in the Era of Leukon I: New epigraphic publications // ACSS. Vol. 12. № 1/2. P. 1–62, ill.

Tomb stone on the sons of Attes from Myrmekion // Там же. Vol. 12. № 3/4. P. 181–192, ill.

2007

Из ономастики Северного Причерноморья: XIX. Малоазийские имена на Боспоре (V–IV вв. до н. э.) // ВДИ. № 1. С. 170–208. Рез. англ.

Из ономастики Северного Причерноморья. XX. Заметки по морфологии // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. СПб. С. 82–118.

К ономастикону и датировке херсонесских остраконов // ВДИ. № 2. С. 110–125, ил. Рез. англ.

Новое заклятие на свинце из Северного Причерноморья // ВДИ. № 4. С. 48–49, ил. Рез. англ.

Der Name des Kimmerischen Königs Lygdamis // Milesische Forschungen. Bd. 5. S. 605–610.

2008

К орфографии рукописей Гомера в архаический период: I // Acta linguistica Petropolitana. Т. IV. № 1. С. 64–95.

Предисловие [редакторов] // И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. Изд. 2-е., доп. СПб. С. 5–36 (в соавторстве с В. А. Якобсоном).

Brisac: Celtic Name from the Dniester Area // Studia Celtica. Vol. 42. P. 156–160, ill. (в соавторстве с А. Фалилеевым).

Рец.: А. И. Иванчик. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история. М. – Берлин, 2005 // ВДИ. № 1. С. 193–204.

2009

- Ахилл, владыка Понта Эвксинского // Дети богов: античные герои в древнем и новом искусстве / Гос. Эрмитаж: Каталог выставки. СПб. С. 112–115, ил. (в соавторстве с С. Л. Соловьёвым).
- Плита с посвящением Ахиллу Понтарху: [№ 152 по Каталогу] // Море и мореходство в античной культуре: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб. С. 114.
- Тип склонения антропонимов на -ᾶς, -ᾶτος, -οῦς, -οῦτος // Индоевропейское языкознание и классическая филология-ХІІІ. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 506–515.
- Царица Динамия и Танаис // ВДИ. № 3. С. 95–107, ил. Рез. англ. (в соавторстве с А. И. Иванчиков).
- [Чтения и перевод 68 надписей, эпиграфический анализ] // Из собрания Керченского гос. историко-культурного заповедника: Лапидарная коллекция. Т. III. 1 (Совместно с А. П. Бехтер).
- De nouvelles donnees sur l'histoire les plus anciennes de la *koine* dans le Nord du Mer Noire // Etudes anciennes. Vol. 42. Nancy. S. 33–49.
- A New Curse on a Lead Plate from the North Pontic Region // ACSS. Vol. 15. 31.2. P. 1–3.

2010

- Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // АСГЭ. Вып. 38. С. 50–58. Рез. англ.
- Плита белого мрамора с посвящением Ахиллу Понтарху: [№ 169 по Каталогу] // Паруса Эллады: Мореходство в античном мире: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. СПб. С. 251.
- Псессы и псеханы // *Gaudeamus igitur*: К 60-летию А. В. Подосинова. М. С. 364–372.
- Die Beziehungen zwischen Borysthènes, Olbia und Bosphoros in der archaischen Zeit nach den epigraphischen Quellen // BAR. Intern. ser. № 2061. S. 103–108, ill.

2011

- Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. СПб. С. 673–682.
- Редкий тип склонения антропонимов в боспорских надписях: -ᾶς, -ᾶνος и т. п. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XV. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 514–544.
- Queen Dynamis and Tanais // BAR. Intern. Ser. № 2240. P. 163–173 (в соавторстве с А. И. Иванчиков).

2012

- Из комментариев к Константину Багрянородному. I: Тъмуторокань и Тацѣтарха. II: Некрѣтѣла // Письменные памятники Востока. № 1 (16). С. 75–86.

2013

- Владимиру Ароновичу Лившицу 90 лет! // Commentationes Iranicae. Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица. С. 9–10 (в соавторстве с П. Б. Лурье).

Из комментариев к Константину Багрянородному. III: ΧΩΡΟΠΟΛΙΣ и ΚΩΜΟΠΟΛΙΣ // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. 7. С. 91–131.

Из ономастики Северного Причерноморья: XXI. TRAKANA // ВДИ. 2013. № 1. С. 193–196. Рез. англ.

Иранские имена в надписях Ольвии I–III вв. н. э. // Commentationes Iranicae: Сборник статей к 90-летию В. А. Лившица. СПб. С. 565–607.

Предварительное заключение о надписи на остраконе с городища Чайка // Материалы к археологической карте Крыма. XI/2. С. 263.

Grasso-Iranica из Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. науч. трудов, посвящ. 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на-Дону. С. 93–96. Рез. нем.

2015

Из ономастики Северного Причерноморья. XXII. Несколько скифских и сарматских имен // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XIX. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 890–898.

Надписи на перстнях, содержащие слова ХАРА и ЧҮҮХН // Фанагория: Результаты археологических исследований. Золото Фанагории. М. С. 201–207, ил. Синды и скифы // ТГЭ. Т. 77. С. 426–439. Рез. англ.

2016

Из ономастики Северного Причерноморья: XXIII // Индоевропейское языкознание и классическая филология. XX. Материалы чтений, посвящ. памяти проф. И. М. Тронского. СПб. С. 999–1010.

2017

Варварские племена-соседи греческих городов Боспора // Scripta antiquae. Т. 6. С. 135–279. Рез. англ.

Ещё раз о географии Таманского полуострова в древности // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории Т. 16. С. 28044.

Статьи в энциклопедиях

Der Neue Pauly Enzyklopaedia der Antike. Stuttgart.

1996. Bd. 1. Abioi, Achaioi 2), Achaia 2), Achilleion kome, Achilleos dromos, Agaroi, Alazones, Alopekia, Androphagoi, Antai, Apaturon.

1997. Bd. 2. Arrechoi, in Zusammenarbeit mit I. von Bredow: Averages, Bastarnae, Basternae, Budini, Chabon.

1999. Bd. 7. Melanchlaeni

То же: Brill's New Pauly Encyclopaedia of the Ancient World. Leiden. Vol. 1, 2, 7.

In memoriam

И. В. Тункина. Сергей Ремирович Тохтасьев (1957–2018) // Письменные памятники Востока. Выпуск 33. СПб., Наука – Восточная литература, 2018. Том 15. № 2. С. 136–142.

**Памяти Николая Фёдоровича Федосеева
(1961–2018)**

По трагическому совпадению мне сообщили о том, что накануне умер Николай Федосеев, как раз в тот момент, когда я проверяла ссылки по его каталогу гераклейских клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и делала для себя пометки, о каких штампах надо его спросить. Умер он скоростижно, от инфаркта. Первое, да и не только первое ощущение было как от удара обухом по голове.

Мы были знакомы больше 30 лет, но, конечно, я не могу сказать, что знала все детали его биографии. В одной из автобиографий он написал о себе следующее:

«Родился 29.06.1961 г. в городе Саратове в семье рабочих. В 1983 г. закончил исторический факультет Саратовского государственного университета по кафедре “История Древнего мира”. Одновременно закончил ПТУ по специальности “Электрик промышленного оборудования”. Ещё учась в школе, начал работать на заводе токарем. После университета был направлен учителем в Озерскую сельскую школу Аткарского района Саратовской области, где преподавал историю в 5–10 классах,

основы государства и права, обществоведение и географию. Затем работал в мединституте и университете города Саратова. Проходил стажировку в Московском энергетическом институте по компьютерным технологиям. Увлекался художественной фотографией, участвовал в выставках “Academica fotografica”, организованных Высшей химической школой в Пардубице (Чехословакия, 1982 г.).

С 1979 г. ежегодно принимал участие в археологических экспедициях. В 1984 г. провёл первые самостоятельные исследования в рамках Мирмекийской экспедиции ЛОИА в Керчи (начальник отряда). В течение семи лет работал в Южно-Донской и Нижне-Бугской археологических экспедициях ЛОИА АН СССР, где вёл камеральную обработку и руководил раскопом.

В 1989 г. был приглашен на работу в Керченский историко-культурный заповедник старшим научным сотрудником отдела лапидария, затем работал зам. начальника Керченской постоянно действующей археологической экспедиции. Работал научным сотрудником Крымского филиала Института археологии НАН Украины (1995–1999 гг.), ведущим научным сотрудником, а затем и заведующим отделом “Охраны культурного наследия” КИКЗ. В 1993 г. в московском Институте археологии защитил кандидатскую диссертацию по теме “Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта”.

В 1996 г. по приглашению Deutsches Archäologisches Institut работал в библиотеках г. Берлина. В 1998 г. проходил постдокторантуру в Aristotle University of Thessaloniki. В 2000 г. по стипендии Union der Deutschen Akademien der Wissenschaften работал в Deutsches Archäologisches Institut. Дважды по приглашению École française d’Athènes работал в Афинах.

Автор более 160 научных работ, “Каталогов керамических клейм из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника” (издано два тома), один из авторов монографии “Амфоры IV–II вв. до н. э. Из собрания Восточно-крымского историко-культурного музея-заповедника”, редактор сборников “Археология и история Боспора”, “Исторический и зеленый туризм в Восточном Крыму”, “Античность и драматургия”, автор коллективного труда “Мельпомена в Пантикапее”, “Научный сборник Керченского историко-культурного заповедника”, “Военно-исторический сборник”. Ведёт научную работу по каталогизации фондов Керченского музея, готовит к публикации коллекцию керамических клейм (более 26 000 экз.).

Проводит самостоятельные археологические раскопки, связанные с охранно-спасательными работами. В настоящее время ведёт охран-

ные раскопки разрушаемого некрополя Кыз-Аул (Ленинский р-н Крыма) и работы, связанные с выявлением и постановкой на учёт новых памятников.

Сфера научных интересов: история Причерноморья в эпоху архаики – эллинизма, керамическая эпиграфика, история и археология Боспорского царства».

Исследователей, занимающихся керамической эпиграфикой, у нас отчаянно мало. Во-первых, потому, что керамические клейма являются исчисляющимся десятками тысяч экземпляров массовым материалом. Это тяжелая и часто нудная работа – приходится перебирать многие разбросанные по разным музеям штампы. Эта работа требует хорошей зрительной памяти, нужно держать в голове леммы, имена, эмблемы. Приходится всё время всматриваться в стёртые или замытые буквы. Не зря же Е. М. Придик перед смертью почти ослеп. Давным-давно, ещё студенткой 3-го курса, когда я работала вместе с Колей на Елизаветовском городище на Нижнем Дону, он сказал мне как-то, что эпиграфист, занимающийся керамическими клеймами, должен пропускать через руки не меньше тысячи штампов в год. Иначе теряешь квалификацию. Так оно и есть. Керамическая эпиграфика – не кабинетная специальность. И пока через руки не пройдут многие тысячи клейм, профессионалом не станешь. Здесь можно вспомнить и известное высказывание С. А. Жебелева о том, что эпиграфистом может называться только тот, кто первым публикует свеженайденные надписи и первым предлагает их чтение и восстановление. Это в полной мере справедливо и для керамической эпиграфики.

Во-вторых, лемма керамического клейма включает обычно только одно или несколько имён собственных, иногда с указанием на статус лица, и эмблемы. Такая лаконичность является серьёзным искушением – многие всерьёз полагают, что керамические клейма – это не эпиграфика вовсе, и что для занимающегося керамическими клеймами достаточно знать только сами штампы. Это неправильно. Нужно знать древнегреческий язык и его диалекты, обладать сведениями по ономастике, нужно иметь представление об экономике и политическом устройстве греческого полиса в целом и об организации керамического производства в частности.

Так и получается, что исследователей, которые постоянно занимаются керамическими клеймами, крайне немного, и поневоле, так или иначе, хорошо узнаёшь всех коллег. Коля для меня был и коллегой, и другом. Он был сложным и часто неуживчивым человеком, мог, например, подойти после выступления и в резкой форме высказать свое несогласие с докладчиком, частенько ссорился с коллегами. Но в за-

нениях клеймами и в своих публикациях клейм он был всегда честен и никогда не позволял себе сознательной неточности в духе «и так сойдет!», никогда не выдумывал несуществующих чтений. На основании личного опыта по вычитыванию его гераклейского каталога могу сказать, что он легко и спокойно признавал свои ошибки в том, что кто-то знал лучше него, например, в греческом языке. Был всегда признателен за помощь. Так, среди благодарностей в гераклейском каталоге он отдельно выделил А. Б. Колесникова, который в своё время подарил ему копию граковской рукописи III тома IOSPE. Он не был жадным – никогда не отказывался помочь определить клеймо, всегда показывал новые интересные штампы, всегда делился книгами. Можно было, не чинясь, позвонить или написать, мол, затмение нашло какое-то, не посмотришь это клеймо? Он смотрел, отвечал, но и сам нередко обращался с подобными вопросами.

В 2012 и 2016 г. Николай опубликовал первые два тома из серии «Коллекция керамических клейм» из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника – боспорские и гераклейские клейма, в которых вводятся в научный оборот крупнейшие коллекции боспорских (3509 экз.) и гераклейских (2809 экз.) клейм. В их числе не только клейма из основного фонда, но и обычно малодоступные для исследователей штампы из фонда НВФ. Оба тома прекрасно иллюстрированы и содержат, помимо чтения штампа и его фотографии, информацию о месте и годе находки, инвентарный номер, указание на публикацию и (в гераклейском каталоге) аналогии, что превращает хранящиеся в Керчи коллекции боспорских и гераклейских клейм в полноценный, открытый всем исследователям источник.

В гераклейском томе Н. Федосеев предложил важное новшество, сознательно подставив себя под не всегда дружелюбную критику. Как известно, среди гераклейских штампов есть клейма с двумя именами без указания на статус этих лиц. И если в группе клейм с эпонимным предлогом в принадлежности имён сомневаться не приходится, то для клейм без ἐπί выделение имени эпонима было предметом оживлённых дискуссий. Н. Федосеев первым стал определять имя эпонима не только для отдельных штампов, но для всех (более тысячи экз.) публикуемых им клейм этой группы. Определение принадлежности имён в столь большом массиве клейм, несомненно, позволило уточнить список эпонимных магистратов, не говоря уже о том, что это позволяет серьёзно сузить и уточнить датировки комплексов, в которых встречаются подобные штампы.

На подходе был и третий том серии «Коллекция керамических клейм». В него должны были войти синопские клейма, которые Ни-

колай знал, пожалуй, лучше всех у нас в стране (да и не только у нас), но его он опубликовать уже не успел.

Несмотря на все переживаемые российской наукой об античности сложности, в керамической эпиграфике преемственность поколений не была нарушена. Е. М. Придик, Б. Н. Граков, затем учёные, сформировавшиеся под их влиянием и выросшие на их рукописи III тома IOSPE. Но коллекции керамических клейм столь огромны, а исследователей, которые готовы посвятить свою жизнь их изучению, так мало. А теперь ещё на одного доброго друга и специалиста стало меньше. Безумно жалко. Слов нет, как жалко.

Н. А. Павличенко

Материалы к библиографии Н. Ф. Федосеева (1961–2018)

1986

Керамические клейма «боспорского эмпория» на Елизаветовском городище // АМА. Вып. 6. С. 85–105 (в соавторстве с *В. И. Кацем*).

1988

Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное // Проблемы античной культуры. Тез. докл. конф. Симферополь. С. 220–221.

Импорт синопской черепицы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. конф. Севастополь. С. 123–125.

Методы исследований керамических клейм // Древнее производство и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. М. С. 70–72.

1989

Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. посв. 90-летию Б. Н. Гракова. Запорожье. С. 154.

Экономическая ситуация на Европейском Боспоре в эллинистический период // Скифия и Боспор. Тез. докл. конф. памяти М. И. Ростовцева. Новочеркасск. С. 58–59.

Экспертный пакет АСТИНОМ // Методы исследования и системы технической диагностики. Саратов. Вып. 12. Ч. I. С. 112–115 (в соавторстве с *А. Б. Бобылевым*).

1990

Закрытый комплекс на Елизаветовском городище // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Херсон. С. 79–81.

О времени сосуществовании Елизаветовского городища и Танаиса // АМА. Вып. 7. С. 154–160.

Торговая экспансия Синопы // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. V областного семинара. Ростов-на-Дону. С. 15.

1991

Поселение «Госпиталь» // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. Керчь. С. 29–31.

Семантика образа «орёл, клюющий дельфина» // Древнее Причерноморье. П чтения памяти Петра Осиповича Карышковского. Тез. докл. юбилейной конф. Одесса. С. 103–104.

Три новых клейма на тонкостенных сосудах // СА. № 2. С. 244–247.

1992

Благодеяния Евмела // Межполюсные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Тез. докл. конф. Севастополь. С. 49–50.

Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов. С. 147–162.

К вопросу локализации Псои // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VI научной конф. Ростов-на-Дону. С. 32–33.

1993

Вклад В. В. Шкорпила в развитие керамической эпиграфики // Тезисы докладов научных чтений, посв. памяти В. В. Шкорпила. Керчь. С. 12–13.

Конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1991) // РА. № 1. С. 265–267.

Матрица грифона из Нимфея // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. № 3. С. 51–54.

Уточнённый список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. № 2. С. 85–104.

1994

Исследование поселения «Госпиталь» // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь. С. 249.

К вопросу о влиянии восточных деспотий на ход исторического развития Ольвийского государства // Ольвия – 200. Тез. докл. конф. Николаев. С. 132–133.

Рец.: В. Ю. Зуев, Д. В. Журавлёв. Ольвия – 200. Международная археологическая конференция, посвящённая 200-летию археологического открытия городища Ольвии // ВДИ. 1995. № 4. С. 220–223; V. Zuev, D. Zjuravlev. Retour à Olbia // Dialogues d'Histoire Ancienne. T. 21. № 1. P. 255–263.

Матрица с изображением грифона из Нимфея // ВДИ. № 4. С. 75–77.

Хронология синопских магистратских клейм // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. II. Тез. докл. конф. Запорожье, С. 188–190.

1995

Благодения Евмела // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь. С. 162–167.

Персидские артефакты в историко-культурном контексте Боспорского царства // Чужая вещь в культуре. Тез. докл. конф. СПб. С. 51–52 (в соавторстве с *В. К. Голенко*).

1996

Елизаветовское городище – Прося – Танаис // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века. Тез. докл. VIII научной конф. Ростов-на-Дону. С. 97–101.

Переправа через Боспор Киммерийский // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. Керчь. С. 38–39.

1997

Исследование кургана на некрополе Юз-Оба // Археологические исследования в Крыму в 1994 г. Симферополь. С. 255–256.

Керамические клейма с Булганакского городища // Древности. 1996. Харьков. С. 102–110 (в соавторстве с *И. Н. Храпуновым*).

Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. № 4. С. 100–110.

Синопское клеймо Афагия // Бахчисарайский сборник. № 1. Симферополь. С. 379–381.

Рецензия на кн.: *В. И. Кац*. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. 168 с., с прил.: Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. // ВДИ. № 1. С. 221–226.

Конференция «Проблемы археологии и истории Боспора» (Керчь, 1996 год) // ВДИ. № 2. С. 252–254 (в соавторстве с *Н. В. Галченко*).

A Matrix with a Griffin from Nympheus // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden – Boston – Köln – Brill. September. Vol. 4. № 3. P. 1–5.

Monument funéraire de la Necropole de Nymphaion // Archeologia. Warszawa. T. XLVIII. P. 71–72.

Zum achämenidischen Einfluß auf die historische Entwicklung der nordpontischen griechischen Staaten // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin. Band 29. S. 309–319.

Ceramic Stamps from Rural Settlement of Geroevka-2 (the Chora of Nymphaion) // Archeologia. Warszawa. T. XLVIII. P. 55–60 (в соавторстве с *V. Zinko*).

1998

Керамические клейма из раскопок поселения Бакланья Скала в Восточном Крыму // ДБ. Т. 1. С. 253–270.

1999

- Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь. Сб. статей. 270 с. (редактор).
Елизаветовское городище – Псоя – Танаис // Донская археология. Ростов-на-Дону. 1999. № 3–4. С. 14–24.
- Ещё раз о переправе через Боспор // Археология и история Боспора. Керчь. Т. 3. С. 61–102.
- Клейма Синопы с датами // РА. № 2. С. 135–143 (в соавторстве с С. Ю. Сапрыкиным).
- Прялки с кольцом из Пантикапея // Археология и история Боспора. Керчь. Т. 3. С. 173–184 (в соавторстве с О. Д. Чевелёвым).
- Феномен Боспорского царства // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб. С. 80–86.
- Ceramic Stamps // T. Scholl, V. Zinko. Archeological Map of Nymphaion (Crimea). Bibliotheca Antiqua. Warsaw. Т. XXIII. P. 118–119.
- Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et Commerce des Amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence. P. 27–48.

2000

- Керамические клейма комплекса «Грот» поселения Сьюрташ // ПИФК. Москва – Магнитогорск. Вып. VIII. С. 203–207.
- Международный конгресс «Александр Великий: от Македонии до ойкумены» (Греция, г. Верия, 27–31 мая 1998 г.) // РА. № 1. С. 255–257 (в соавторстве с И. И. Вдовиченко).

2001

- Город, где родился Аристотель // Древний мир. Вып. 2. С. 50–52.
- Мирмекий // Древний мир. Вып. 1. С. 39.
- О коллекции керамических клейм в Национальном музее Варшавы // БИ. Симферополь. Т. I. С. 55–74.
- Сенсационные находки в гавани Александрии // Древний мир. № 2. С. 47.
- Судьбы керченских археологов // Материалы юбилейной конференции, посвящённой 175-летию музея. Керчь. С. 18–29.
- Театр в Пантикапее // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков. С. 76–77.
- Жилой комплекс на некрополе Кыз-Аул // Материалы юбилейной конференции, посв. 175-летию музея. Керчь. С. 58–63 (в соавторстве с А. В. Куликовым, А. Л. Ермолиным, Л. Ю. Пономарёвым).

2002

- Керченский музей древностей // ВДИ. № 1. С. 154–178.
- Амфорные клейма из античных памятников округа Феодосии // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сб. научных материалов III Боспорских чтений. Керчь. С. 44–59 (в соавторстве с А. В. Гавриловым).

К трактовке некоторых артефактов некрополей Восточного Крыма // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. СПб. Т. 1. С. 225–228 (в соавторстве с *Л. Ю. Пономарёвым*).

Les témoignages archéologiques sur une clérouque athénienne à Sinope // Mouseion. (2002) Series III. Vol. 2. P. 189–202.

2003

Античность и драматургия. Материалы конференции Фестиваля «Боспорские агонь». Керчь. 186 с. (редактор).

Археологические свидетельства афинской клерухии в Афинах // ВДИ. № 3. С. 132–140.

К публикации керамических клейм из раскопок Китея // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 105–110.

Праздник Великих Дионисий в Пантикапее // Античность и драматургия. Материалы конференции фестиваля «Боспорские агонь». Керчь. С. 100–110.

Глиняные куклы-марионетки античного Боспора // Античность и драматургия. Материалы конференции фестиваля «Боспорские агонь». Керчь. С. 74а – 82 (в соавторстве с *А. В. Куликовым*).

Лев в искусстве древнего Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь. С. 160–164 (в соавторстве *Н. Л. Кучеревской*).

2004

К дискуссии о хронологии синопских керамических клейм // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб. Ч. 2. С. 40–51.

Керамические клейма из раскопок 2002 г. на поселении Заветное-5 // *С. Л. Соловьёв, Л. Г. Шенко*. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб. Ч. 1. С. 45–56.

Международный коллоквиум «Транспортные амфоры и торговля в Восточном Средиземноморье» (26–29 сентября 2002 г., Афины) // ВДИ. № 1. С. 249–253.

Мелек-Чесменский курган // Исторический и зелёный туризм в Восточном Крыму. Керчь. С. 77–83.

Методы датирования керамических клейм // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XI. Запоріжжя. С. 265–269.

О керамических клеймах, «сравнительных объёмах импорта» и поселения «Бакланья скала» // ДБ. М. Т. 7. С. 366–403.

Рецензия на: [*G. Jörens*. Amphorenstempel im Nationalmuseum von Athen. Zu den von H. G. Lolling aufgenommen «Unederten Henkelinschriften». Mit einem Anhang «Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen Archäologischen Institut». Verlag Philipp von Zabern, Mainz, 1999. 335 s., 4 Taf.] // ПИФК. Москва – Магнитогорск. С. 644–646.

2005

Доследование курганной насыпи на некрополе Юз-Обы // ДБ. М. Т. 8. С. 411–421. Мерные сосуды Херсонеса Таврического // ХСб. Вып. 14. Севастополь. С. 337–340.

Пантикапей и «охрана памятников» в Керчи // Историческое наследие Крыма. 2005. Вып. 9. С. 155–170 (= Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 189–207).

Проект публикации коллекции керамических клейм Керченского музея // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб. С. 430–436.

Рекомендации по музеефикации и благоустройству памятников // Материалы международного коллоквиума «Античный город: Проблемы сохранения архитектурно-археологических комплексов». Керчь. С. 61–66 (в соавторстве с А. В. Куликовым, А. В. Кучеревской, С. В. Механниковым, А. Т. Сластен, П. Г. Столяренко).

2006

Керамические клейма из раскопок 2003–2004 гг. на поселении Заветное-5 // С. Л. Соловьёв, Л. Г. Шенко. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное-5. СПб. Ч. II. С. 63–71.

Керчь в описании Павла Беккера // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. Вып. 1. С. 477–499.

Николай Коновичи (1948–7.06.2005) (некролог) // ПИФК. Вып. 16. С. 365–366.

Нумизмы поручика Сазонова // Мир древностей. Вып. 1. С. 57.

Окоç среди могил // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоç. Боспорские чтения. Керчь. Вып. VII. С. 301–309.

Исследования под строительство троллейбусной линии в г. Керчи // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. Вып. 1. С. 244–274 (в соавторстве с П. Г. Столяренко, А. В. Куликовым).

2007

Святылище или печь. К интерпретации комплекса № 23 поселения Старая Богдановка 2 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святылища и сакральные объекты. Керчь. С. 303–308.

Тризна Змеиногo кургана некрополя Юз-Оба // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб. Ч. 2. С. 296–303.

Исследования некрополя Кыз-Аул // Археологические исследования в Крыму. Симферополь. С. 142–145 (в соавторстве с Н. И. Сударевым).

The Necropolis of Kul Oba [and Juz Oba] // Ancient Greek Colonies in the Black Sea, 2. ed. by V. Dimitrios Grammenos and Elias K. Petropoulos. British Archaeological Reports British Series (Book 1675). Oxford. P. 979–1022.

2008

Агораномы Синопы // ΦΙΛΙΑΣ ΧΑΡΙΝ. Mélanges à la mémoire de Niculae Conovici. Călărași. С. 57–70.

Датум и Синопа. Монеты и клейма // Нумизматични, сфрагистични и епиграфски приноси към Черноморското крайбрежие. Международна конференция в памет на си. нс. Милко Мирчев. Варна, 15–17 септември 2005 г. Acta musei Varnaensis, VII-1. Варна. С. 20–32.

- Изображения оружия на керамических клеймах // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. *Militaria*. Материалы IX Боспорских чтений. Керчь. С. 279–284.
- Керамический комплекс из района рыбоконсервного завода в Керчи // Древности Боспора. 12/II. Москва. С. 483–505 (в соавторстве с *А. Л. Ермолиным, А. В. Куликовым*).
- Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. № 3. С. 64–80 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).
- Новые эпиграфические памятники из Восточного Крыма // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. *Militaria*. Материалы IX Боспорских чтений. Керчь. С. 228–231 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным и А. В. Куликовым*).
- Новая надпись царицы Пифодориды из Пантикапея // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула (Харьков, 10–11 октября 2008 г.). Харьков. С. 42–43 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).

2009

- Граффити Боспора из-под воды // ДБ. Москва. Вып. 13. С. 461–476.
- Керамическая эпиграфика и актуальные вопросы археологии Боспора Киммерийского // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Керчь. С. 448–458.
- Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб. С. 161–167.
- Расписная стела с воином из собрания Керченского лапидария (КЛ 1297) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. СПб. С. 196–201 (в соавторстве с *Н. Л. Кучеревской*).
- EPIGRAPHICA PONTICA II: Новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. № 3. С. 138–147 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).

2010

- Амфорные клейма из раскопок Китея 2005–2006 гг. // Из истории античного общества. Нижний Новгород. Вып. 13. С. 183–188.
- К интерпретации комплекса № 23 поселения Старая Богдановка 2 на хоре Ольвии и об энглифических колечках // АМА. Вып. 14. С. 339–349.
- Керамический комплекс помещения 52 дома 13 греческого эмпория на Елизаветовском городище // ДБ. Вып. 14. С. 562–582.
- О достоверности рунических надписей Причерноморья // Археология. № 1. С. 127–128.
- Керамическая тара для рыбных промыслов Боспора // Боспорские чтения. Вып. XI. Ремесла и промыслы. Керчь. С. 270–278 (в соавторстве с *А. В. Куликовым*).
- Новые эпиграфические материалы Боспора и Ольвии // *Gaudeamus Igitur*: Сборник статей к 60-летию А. В. Подосинова. Москва, 2010. С. 325–336. (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).

- Фрагмент хозяйственного письма на свинце из Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 50–57 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).
- New lead plaques with Greek inscriptions from East Crimea (Bosporos) // *Onomatologos. Studies in Greek Personal Names presented to Elaine Matthews*. Short Run Press, Exeter. P. 422–434 (в соавторстве с *S. Saprykin*).
- Post-justinian pottery deposit from Pantikapaion-Bosporos: rescue excavations at 12, Teatral'naja st. in Kerch, 2006 // *Archeologia*. Vol. 61. P. 63–94 (в соавторстве с *K. Domzalski, A. Opait, A. V. Kulikov*).

2011

- К публикации монографии «Склеп Деметры» // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь. Вып. III. С. 486–508.
- Пантикапей-Фанагория-Танаис // *ДБ*. Вып. 15. С. 342–352.
- Производство клеймёной черепицы в античном мире и на Боспоре Киммерийском // *ПИФК*. № 4 (34). С. 277–308.
- Эллинское и варварское в погребении кургана Куль-оба // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур*. Керчь. С. 377–385.
- Некоторые проблемные вопросы в изучении тамг Боспорского царства // *Боспорский феномен. Население, языки, контакты*. СПб. С. 148–154 (в соавторстве с *Н. Л. Кучеревской*).
- Особенности проксенической деятельности Боспора // *Аристей*. Москва. С. 89–114 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным*).
- Переправа-Порт-Мион-«традиционный Порфмий» // *Боспорский феномен. Население, языки, контакты*. СПб. С. 210–219 (в соавторстве с *А. Л. Ермолиным*).
- Салтово-Маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // *Научный сборник Керченского заповедника*. Симферополь. Вып. III. С. 287–301 (в соавторстве с *Л. Ю. Пономарёвым*).

2012

- Керамические клейма. Боспор: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Киев. Т. 1. 160 с.
- История изучения коллекции керамических клейм Керченского музея // *ВЭ*. Вып. 16. С. 377–392.
- Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // *Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза*. XXIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 19–20 апреля 2012 г. М. С. 315–320.
- Урбанизация поселений Боспора Киммерийского // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. Керчь. С. 423–429.
- Две новые пантикапейские надписи времени Савромата I // *ВЭ*. 2012. Вып. 16. С. 356–369 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным, А. В. Куликовым*).
- Лапидарные памятники как признак урбанизации боспорских поселений // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации*. Керчь. С. 283–287 (в соавторстве с *Н. Л. Кучеревской*).

- Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. Вып. 16. С. 491–525 (в соавторстве с *Л. Ю. Пономарёвым*).
- Graffiti trouvés au large du Bosphore Cimmérien // Inscriptions mineures: Nouveautés et réflexions. Actes du premier colloque Ductus (19–20 juin 2008, Université de Lausanne). Sous la Direction de Michel E. Fuchs, Richard Sylvestre, Christophe Schmidt Heidenreich. Peter Lang. Bern – Berlin – Bruxelles – Frankfurt am Main, New York – Oxford. P. 197–225.

2013

- Боспорский грифон // Артикульт. № 12. 4. С. 124–125.
- К вопросу о локализации Апатура, Кеп и Стратоклеи // ПИФК. 4 (42). С. 132–140.
- К вопросу о существовании полисных магистратур на Боспоре // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 25–33.
- Черепичные боспорские клейма с предлогом ЕП в контексте истории Боспора // ДБ. Вып. 17. С. 366–376.
- Рецензия на кн.: *А. В. Гаврилов*. Амфорные клейма округа античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Археологический альманах. Донецк: «Донбасс», 2011. № 24. 350 с. // АМА. Саратов. Вып. 16. С. 354–368.
- Амфоры Икоса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб. С. 554–561 (в соавторстве с *С. Ю. Монаховым*).
- Боспорский царь «Хедосбий» (КБН 846) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Сб. научных материалов XIV Боспорских чтений. Керчь. С. 269–278 (в соавторстве с *Н. Л. Кучеревской*).
- Два фрагмента свинцовых пластин из Пантикапея // Древности Боспора. Вып. 17. С. 269–276 (в соавторстве с *С. Ю. Сапрыкиным, А. В. Белоусовым*)
- Виноделие или сырделие? (возможная интерпретация каменных оснований переносных прессов) // Таврійські студії. Сімферополь. Історичні науки № 1 (4). С. 89–99 (в соавторстве с *А. В. Куликовым*).
- Заметки по локализации керамической тары IV. Амфоры Икоса // АМА. Вып. 16. С. 255–266 (в соавторстве с *С. Ю. Монаховым*).
- A Ceramic Amphorae Production Workshop of the First Half of the 3rd Century AD in Panticapaeum // PATABS III. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Constanța (в соавторстве с *A. L. Yermolin*).

2014

- Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи // Историческое наследие Крыма. Симферополь. С. 222–224.
- Е. Е. Люценко*. Заметки о некоторых местностях на Керченском и Таманском полуостровах (вступительная статья Н. Ф. Федосеева, комментарии К. К. Ковыркина, В. Ф. Санжаровца и Н. Ф. Федосеева) // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. С. 605–631.
- Замечания к хронологической классификации гераклейских клейм // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Актуальные проблемы археологии. Керчь. С. 410–416.

- Из истории Синопы. Керамический аспект // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь. № 6. С. 90–97.
- Некоторые дискуссионные вопросы организации и развития Боспорского государства // Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М. С. 141–174 (Древнейшие государства Восточной Европы. Ин-т всеобщей истории РАН. 2013).
- Призрак монархизма бродил по Синопе // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. С. 264–271.
- Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ. Вып. 18. С. 431–451.
- Исследование кургана в поселке Капканы в Керчи // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. С. 204–222 (в соавторстве с *П. Г. Столяренко*).
- О некоторых христианских реликвиях из фондов Керченского заповедника // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. С. 138–143 (в соавторстве с *О. А. Ивановой*).
- О заупокойной мясной пище в некрополях Боспора // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2014 г.). СПб. С. 142–149 (в соавторстве с *П. Г. Столяренко*).
- Callatienii la Bosphor // Callatida. Mangalia. P. 17–38.
- A new magical inscription from Panticapaeum's necropolis // ZPE. 190. S. 145–148. (в соавторстве с *A. Belousov*).
- Callatida / Kallatida / Калатида / Каллатида // Callatida. Mangalia. P. 11–16 (в соавторстве с *I. Pâslaru*)

2015

- Археологические исследования в районе Царского кургана в Керчи // Таврические студии. Исторические науки. № 7. С. 133–141.
- Боспорский грифон // ДБ. Вып. 19. С. 377–385.
- Дороги Пантикапея и пространственное зонирование города Керчи в античный период // Боспорские чтения. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Керчь. С. 341–347.
- К вопросу о датировке восьмого кургана из группы «Пять братьев» на Елизаветовском могильнике // БИ. Вып. XXXI. Керчь. С. 249–254.
- О хронологии синопских керамических клейм // АМА. Вып. 17. С. 352–364.
- Клад медных боспорских монет конца I–III в. н. э. из Пантикапея (2009 г.) // Scripta antiqua. Международный институт античного мира имени Г. М. Бонгард-Левина. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 4. М. С. 451–491 (в соавторстве с *М. Г. Абрамзоном*).

2016

- Керамические клейма. Гераклея Понтийская: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Керчь. Т. 2. 320 с.
- Амфоры IV–II вв. до н. э. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного заповедника. Саратов. 222 с. (в соавторстве с *С. Ю. Монаховым*, *Е. В. Кузнецовой*, *Н. Б. Чурековой*).

- Ещё раз о боспорских клеймах // ПИФК. № 2. С. 248–259.
- Ещё раз о пантикапейских агораноммах // ДБ. Т. 20. С. 483–490.
- Катакомба 7 некрополя Нимфея // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Материалы XVII Боспорских чтений. Керчь. С. 509–517.
- Керамические клейма поселения «Казантип 1» // История и археология Крыма. Симферополь. Т. 3. С. 135–149.
- Куль-Оба: погребальный комплекс боспорских царей. Скифское или фракийское влияние? // Элита Боспора и элитарная культура. Боспорский феномен. СПб. С. 215–223.
- Надчеканки в боспорской нумизматике: от экономики к политике / «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» // Материалы IV Международного нумизматического симпозиума. Севастополь. 04–08.09.2016. С. 100–102.
- Античные древности церкви Иоанна Предтечи в Керчи (историографический обзор) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Симферополь. Том 2 (68). С. 124–136 (в соавторстве с Л. Ю. Пономарёвым).
- Погребальная архитектура Боспора // Институт истории материальной культуры (электронный ресурс). URL: <http://www.archeo.ru/struktura-1/otdel-arheologii-centralnoi-azii-i-kavkaza/meropriyatiya-otdela/drevnie-nekropoli/zasedanie-2015-g>. (дата доступа: 17.07.2018 г.).
- Локализация расписных склепов некрополя Пантикапея картографическими методами // История и археология Крыма. Симферополь. Т. 3. С. 82–90 (в соавторстве с А. П. Пигиным).
- Новое defixio из античного некрополя Пантикапея // ВДИ. № 1. С. 135–140 (в соавторстве с А. В. Белоусовым).
- A New Defixio from Ancient Panticapaeum's Necropolis // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Т. 22, 1. P. 18–25 (в соавторстве с А. В. Belousov).

2017

- Греки на Боспоре: 200 лет исследований. Симферополь, «Бизнес-Информ»™. 320 с.
- Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сборник научных трудов. Симферополь. С. 169–249.
- Крыша усадьбы в бухте Ветренная (Северо-Западный Крым) // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь. С. 184–187.
- О соединении Таманского залива с Меотидой // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь – Керчь. С. 571–578.
- О характере клеймения керамики // ДБ. Т. 21. С. 384–397.
- О характере клеймения керамики // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы международной научной конференции. Севастополь, 10–12 октября 2017 года. Севастополь. С. 292–296.

- Исследование глиняного теста античной керамической тары и черепицы. Постановка задачи // XVIII Боспорские чтения. Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь – Керчь. С. 483–489 (в соавторстве с *Т. Н. Смекаловой, А. С. Гариповым*).
- Керамические клейма Китея из раскопок 2005–2012 гг. // БИ. Симферополь. Вып. 36. С. 197–232 (в соавторстве с *Е. А. Молевым*).
- Находка пинакиона дикаста на Боспоре // ВДИ. № 4. С. 960–966 (в соавторстве с *Д. В. Бейлиным*).
- Охранные исследования некрополя Мирмекия // Таврические студии. Вып. 12. С. 150–157 (в соавторстве с *Д. В. Бейлиным*).
- Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым) // История и археология Крыма. Симферополь. Вып. 5. С. 82–132, 149–165 (в соавторстве с *Л. Ю. Пономарёвым*).
- History of ancient Sinope and ceramic Stamps // International Symposium on Sinope and Black Sea «Ancient Sinope and Black Sea». 13–14–15 October 2017. Abstracts. Sinop. P. 12.

2018

- Раннесредневековые жилые и хозяйственные комплексы на античном некрополе Кыз-Аул (склеп № 9) // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом. Материалы международной научной конференции, Севастополь, 5–7 июня 2018 г. Севастополь. С. 80–84 (в соавторстве с *Л. Ю. Пономарёвым*).
- Скифы на Боспоре // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД. Ч. 2. С. 176–188.
- Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД. Ч. 2. С. 297–304. (в соавторстве с *М. А. Кульковой, Т. Н. Смекаловой*).
- Элитный погребальный памятник Боспорского царства курган «Госпитальный» (по материалам новейших полевых исследований в Восточном Крыму) // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Ч. 1. С. 175–180. (в соавторстве с *Д. В. Бейлиным, И. В. Рукавишниковой*).

**Памяти Сергея Швембергера
(05.12.1959–13.05.2018)**

Ушел из жизни человек, который не был ни антиковедом, ни археологом. Тем не менее, всей своей сознательной жизнью он теснейшим образом был связан с изучением классического культурного наследия, в том числе и археологических памятников Северного Причерноморья, внося в эту область знания свой весьма заметный вклад.

Сергей Викторович Швембергер родился в Ленинграде в 1959 году. В 1976 г., завершив обучение в средней школе, он поступил на математико-механический факультет ЛГУ, который закончил в 1982 г. В студенческие годы у Сергея пробудился интерес к античной археологии, в результате чего он в 1978 г. приехал в Керчь и принял участие в раскопках города-крепости Илурад, на котором работала экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством И. Г. Шургая. Античная археология, можно сказать, вошла в сердце молодого человека, и с той поры каждое лето он отправлялся к Чёрному морю и трудился на раскопках Илурата, Ольвии, а с 1982 г. – Мирмекия.

Жизнелюбие, тяга к новизне и безусловная доброжелательность влекли к нему людей. Неудивительно, что среди археологов у Сергея было много друзей. Очень тёплые чувства связывали его с руководителем первой экспедиции – Игорем Георгиевичем Шургая (о нём см.: Виноградов, Горончаровский. 2004. С. 391–393.). Игорь Георгиевич, будучи большим ценителем французской культуры, часто называл Серёжу на французский манер – Серж Швамберже, поэтому, уже став известным художником, он на какое-то время взял себе псевдоним Сергей Берже.

Получив солидное математическое образование и, казалось бы, вполне определив свой жизненный путь, С. В. Швембергер неожиданно для многих сделал решительный поворот – в 1985 году поступил на графический факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, где специализировался на ксилографии. Закончив обучение в 1991 г., он более двадцати пяти лет сотрудничал с издательством «Редкая книга из Санкт-Петербурга», иллюстрировал и оформлял книги по произведениям Шекспира, Софокла, Горация. Эти первоклассные произведения искусства хранятся в собрании Государственного Эрмитажа и частных коллекциях. Именно тогда были созданы его лучшие гравюры, так непохожие ни на кого. В Академии Художеств этот стиль за ювелирную разработку поверхности гравюры называли «чешуйки Швема».

В 1997–2001 гг., являясь заведующим Центра современного искусства СПбГУ, С. В. Швембергер курировал многочисленные выставки, в том числе и зарубежные. В 1980–1990-х принимал участие в выставках групп «Остров» и ТЭИИ. Его произведения были представлены на сотне выставок печатной и книжной графики в России, Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Канаде, Нидерландах, Норвегии, США, Швейцарии, Швеции и Японии.

Сергея вполне можно назвать человеком мира, но с одной оговоркой. Мир для него был, так сказать, европейским, т. е. восходящим к классической культуре Эллады, великие памятники которой он неоднократно посещал во время поездок по Греции. Сергей с интересом мог рассказывать о виденных им европейских городах – Вене, Праге, Стокгольме и т. д., но мы не можем припомнить его слов о грандиозных памятниках Египта, хотя эту страну он посетил. Можно признать, что Сергей не очень стремился отправиться в Иран, Индию или Китай, хотя никакого пренебрежения к достижениям этих цивилизаций у него, конечно, никогда не было. Ценности европейской культуры для него были основополагающими, и современный «закат Европы» он переживал с болью в сердце.

С 2001 года С. В. Швембергер преподавал на кафедре информационных систем в искусстве и гуманитарных науках факультета искусств СПбГУ. У него было множество учеников и выпускников, работающих в анимационных студиях России. Он создал несколько анимационных фильмов. Перечисление его успехов в этой области можно было бы продолжить, но важно подчеркнуть, что волшебный мир классической древности, конечно, никогда не оставлял С. В. Швембергера, и в этой области, как уже было сказано, он оставил весьма заметный след. Любовь к античной культуре, помноженная на математические способности, привела к идее создания 3D-реконструкций археологических памятников. Первый опыт такого рода, правда, был связан не с античностью, а с Русью, – Сергей вместе с целым коллективом специалистов подготовил реконструкцию архитектуры и росписей знаменитой церкви Спаса Преображения на Нередицком холме (Швембергер, Логдачёва. 2008). После этого был любимый им Илурат (Швембергер и др. 2006; Борисов и др. 2007; Горончаровский и др. 2007а; 2007б). Затем Сергей немало потрудился над созданием мультимедийной информационной системы «Военное дело Боспора Киммерийского» (Горончаровский и др. 2011; 2012).

Наиболее важный вклад, однако, был внесён в изучение боспорских расписных склепов первых веков нашей эры, большинство которых безвозвратно утрачены. Им была разработана методика компьютерных реконструкций этих замечательных памятников, создан специальный сайт (www.bosporuscrypt.ru), на котором размещались результаты проведённых работ. К сожалению, удалось подготовить реконструкции лишь некоторых из них: Стасовский, Двойной склеп 1873 г., склеп Со-рака и др. (Виноградов, Швембергер. 2009. С. 152–155; Виноградов и др. 2010. С. 13–17; 2011а. С. 192–197; 2011б. С. 12–13; 2012. С. 31–48; 2013. С. 429–436; Борисов и др. 2012. С. 144–154). Тем не менее, сделанное, несомненно, вызывает восхищение – любой человек, воспользовавшись компьютером, сейчас может войти в виртуальное пространство этих гробниц, осмотреть их устройство и почти наяву лицезреть росписи, покрывающие стены и потолки.

Спору нет, интересы С. В. Швембергера были весьма обширны, и он и нашёл приложение своим талантам во многих областях искусств и наук. В разное время это были книжная графика, живопись, скульптура, инсталляция, перформанс, 3D-анимация, компьютерные технологии в истории и культурологии, трёхмерные компьютерные реконструкции памятников истории и культуры.

Сергей был большим человеком с добрым и ранимым сердцем, любившим жизнь во всех её проявлениях, всё время расширявшим свои

горизонты. Нам искренне будет не хватать его созидательной и неуёмной, радостной энергии.

Литература

- Н. В. Борисов, В. А. Горончаровский, С. В. Швембергер, П. П. Щербаков.* Компьютерная 3D-реконструкция археологических памятников (по материалам боспорского города-крепости Илурат) // EVA 2007. Москва, ИРИТОП 2007, Информационные ресурсы и технологии охраны памятников. Москва. 3–6 декабря 2007. М., 2007.
- Н. В. Борисов, Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер.* Трёхмерные компьютерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского // Вестник СПбГУ. 2012. Серия 15, вып. 1.
- Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский.* 2004. Памяти Учителя // Археологические вести. № 11.
- Ю. А. Виноградов, С. В. Швембергер, Е. В. Логдачёва, П. П. Щербаков.* Некоторые перспективы в изучении боспорских расписных склепов // Интернет и современное общество. Труды XIII Всероссийской объединённой конференции. СПб., 2010.
- Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер.* Компьютерные трёхмерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского. Склеп 1872 г. (Стасовский) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011.
- Ю. А. Виноградов, С. В. Швембергер, Е. В. Логдачёва, П. П. Щербаков.* Некоторые перспективы использования трёхмерных реконструкций при изучении боспорских расписных склепов // Интернет и современное общество. Материалы XIV Всероссийской объединённой конференции, IMS – 2011, 12–14 сентября 2011. СПб., 2011.
- Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, В. Б. Мартиров, С. В. Швембергер.* Опыт виртуальной реконструкции архитектурных памятников античного Боспора // Виртуальная реконструкция историко-культурного наследия в формах научного исследования и образовательного процесса. Красноярск, Сибирский федеральный университет, 2012.
- Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, С. В. Швембергер.* Стасовский склеп в Керчи (древний Пантикапей): опыт компьютерной 3D-реконструкции // Науки о культуре в перспективе «digital humanities». Материалы Международной конференции 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург. СПб., Астерион, 2013.
- Ю. А. Виноградов, С. В. Швембергер.* Новое в изучении боспорских расписных склепов // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2009.
- В. А. Горончаровский, С. В. Швембергер, П. П. Щербаков.* Виртуальная реконструкция археологических памятников на примере боспорской крепости Илурат // Интернет и современное общество. Труды X Всероссийской конференции. 23–25 октября 2007. СПб., 2007.
- В. А. Горончаровский, С. В. Швембергер, П. П. Щербаков.* О создании виртуальных реконструкций археологических памятников на примере бо-

- спорской крепости Илурат // XXXVI Международная филологическая конференция. 12–17 марта 2007. СПб., 2007.
- В. А. Горончаровский, Е. В. Логдачёва, В. Б. Мартиров, С. В. Швембергер, П. П. Щербаков.* Концепция создания мультимедийной информационной системы «Военное дело Боспора Киммерийского» // Материалы XIV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество» (12–14 октября 2011 г.). СПб., 2011.
- В. А. Горончаровский, Е. В. Логдачёва, В. Б. Мартиров, С. В. Швембергер, П. П. Щербаков.* Создание мультимедийной информационной системы «Военное дело Боспора Киммерийского» // Информационные системы для научных исследований. Тезисы докладов XV Всероссийской объединенной конференции «Интернет и современное общество». СПб., 2012.
- С. В. Швембергер, Е. В. Логдачёва.* Опыт компьютерной реконструкции росписи церкви Спаса-Преображенья на Нередицком холме // Интернет и современное общество. Труды XI Всероссийской конференции. 28–30 октября 2008 г. СПб., 2008.
- С. В. Швембергер, П. П. Щербаков, В. А. Горончаровский.* 3DS Max – Художественное моделирование и специальные эффекты. Создание трехмерных реконструкций архитектуры, быта и вооружения. СПб., 2006.
- Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, Н. В. Логдачёва, А. Е. Терещенко*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Арутюнян Акоп Жораевич – доктор исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета. Ереван. E-mail: hakobharutyunyan@ysu.am

Бехтер Анастасия Петровна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского Государственного университета. Санкт-Петербург. E-mail: tiger119@yandex.ru

Буйских Алла Валерьевна – доктор исторических наук, заведующая Отделом античной археологии Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев. E-mail: abujskikh@ukr.net

Быковская Наталья Владимировна – заместитель генерального директора ГБУ РК Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Керчь. E-mail: nvbykovskaya@gmail.com

Вахтина Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: vakhtina@rambler.ru

Вдовченков Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой археологии и истории древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета. Ростов-на-Дону. E-mail: vdovchenkov@yandex.ru

Виноградов Юрий Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: vincat2008@yandex.ru

Воскресенский Андрей Петрович – выпускник кафедры истории Древнего мира Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова. Москва. E-mail: gu-u-m@mail.ru

Всевиов Лев Михайлович – главный библиотекарь Библиотеки Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: bibl_mem@archo.ru

¹ Редколлегия благодарит всех участников конференции за предоставленные сведения о себе, которые сыграли важную роль в оперативной связи редколлегии с авторами. В публикуемом списке мы приводим для связи с авторами только научные звания, должности, места работы и адреса электронной почты, соблюдая принцип конфиденциальности личной информации.

Гаврилюк Надежда Авксентиевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела античной археологии Национальной Академии наук Украины. Киев. E-mail: gavylyuk_na@ukr.net

Грумеза Лавиния (Lavinia Grumeza) – доктор исторических наук, научный сотрудник Института археологии в Яссах Академии Наук Румынии. Яссы. E-mail: lavinia_grumeza@yahoo.com

Деваев Алексей Сергеевич – младший научный сотрудник Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: dsalexey@gmail.com

Егорова Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры археологии Исторического факультета Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова. Москва. E-mail: tvegorova@yandex.ru

Зайцев Юрий Павлович – кандидат исторических наук, Лауреат Государственной премии Республики Крым в области науки, директор ГБУ РК Историко-археологического музей-заповедник «Неаполь Скифский». Симферополь. E-mail: skilur46@mail.ru

Застрожнова Евгения Григорьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. E-mail: pankratova0484@yandex.ru

Зинченко Софья Анатольевна – кандидат искусствоведения, доцент Школы исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва. E-mail: zintchenko@mail.ru; szinchenko@hse.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. Тула. E-mail: parosta@mail.ru

Зуев Вадим Юрьевич – кандидат исторических наук, Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, научный сотрудник, хранитель Научно-исследовательского музея при Российской Академии художеств. Санкт-Петербург. E-mail: vadim.zuev.1964@mail.ru

Иванов Алексей Владимирович – начальник археологической экспедиции Южного регионального центра археологических исследований. Краснодар. E-mail: ivanov_arx@mail.ru

Кашуба Майя Тарасовна – кандидат исторических наук, член-корреспондент Германского археологического института, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: mitta-k@yandex.ru

Клемешова Марина Евгеньевна – специалист Отдела сохранения археологического наследия Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: marinaklem@mail.ru,

Кожокару Виктор (Victor Cojocaru) – доктор исторических наук, доктор классической филологии, ведущий научный сотрудник Института археологии в Яссах Академии Наук Румынии. Яссы. E-mail: cojocaru_arhia@yahoo.com

Кононов Валерий Юрьевич – научный сотрудник, археолог-консультант ООО «Археологическое общество Кубани» (Ростов-на-Дону). Краснодар. E-mail: kononov1978@mail.ru

Краснодубец Елизавета Михайловна – хранитель музейных предметов I категории научно-фондового отдела Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: yelyzavet@ya.ru

Кузнецова Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

Кулькова Марианна Алексеевна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского Государственного Педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург. E-mail: kulkova@mail.ru

Кутайсов Вадим Александрович – доктор исторических наук, лауреат Государственной премии Республики Крым в области науки за 1994 г., премии Автономной Республики Крым в области науки за 2005 г., ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: kutaisov_vadim@mail.ru

Лесная Екатерина Сергеевна – научный сотрудник Отдела античной истории Историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: lesnaya.kat@gmail.com

Лимберис Наталья Юрьевна – старший научный сотрудник Научно-исследовательского Института археологии Кубанского государственного университета. Краснодар. E-mail: limberis2@mail.ru

Логдачёва Елена Викторовна – старший преподаватель факультета искусств Кафедры информационных технологий в области наук и гуманитарных искусств. Санкт-Петербургский Государственный университет. Санкт-Петербург. E-mail: elogdacheva@gmil.com

Логдачёва Наталья Викторовна – заведующая Сектором скульптуры XVIII–XIX вв. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург. E-mail: logdachova_n@mail.ru

Ломтадзе Георгий Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Исторического музея. Москва. E-mail: gylomtadze@mail.ru

Лысенко Александр Владимирович – научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: a-lysenko@mail.ru

Марченко Иван Иванович – кандидат исторических наук, профессор Кубанского государственного университета. Краснодар. E-mail: meot@mail.ru

Мордвинцева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук. Москва. E-mail: v_mordvintseva@mail.ru

Мусбахова Виктория Талгатовна – кандидат филологических наук, независимый исследователь. г. Фессалоники e-mail: vmusbakhova@gmail.com

Нессель Виктория Александровна – заведующий Отделом античной истории Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: v_nessel@mail.ru

Павличенко Наталья Андреевна – Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

Подосинов Александр Васильевич – доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой древних языков исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук. Москва. E-mail: podossinov@mail.ru.

Попова Елена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Московского Государственного университета имени М. В. Ломоносова. Москва. E-mail: popova318@mail.ru

Смекалов Сергей Львович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Палата древностей» Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула. E-mail: slsmek@mail.ru

Смекалова Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, Лауреат Государственной премии Республики Крым 2017 г. в области науки, заведующая Отделом естественнонаучных методов в археологии Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь. E-mail: tnsmek@mail.ru

Снытко Иван Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Госинспекции по охране памятников культуры в Николаевской области. Николаев. E-mail: maharadze_v@mail.ru

Струкова Екатерина Валерьевна – художник-реставратор Государственного историко-археологического музея – заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: strukova76@mail.ru

Сударев Николай Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской Академии наук. Москва. E-mail: sudarev@list.ru

Терещенко Андрей Евгеньевич – кандидат исторических наук, заведующий Отделом изучения истории дворцов Государственного Русского музея. Санкт-Петербург. E-mail: andrtereshhen@yandex.ru

Терёхин Эдгар Аркадьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Белгородского государственного национального исследовательского университета. Белгород. E-mail: terekhin@bsu.edu.ru

Трейстер Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института. Berlin. E-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de

Тункина Ирина Владимировна – доктор исторических наук, Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, директор Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: tunkina@yandex.ru

Туровский Евгений Яковлевич – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: turovs_1@mail.ru

Тюрин Максим Игоревич – научный сотрудник Отдела «Хора Херсонеса» Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь. E-mail: tyurin.m.i@mail.ru

Улитин Владислав Всеволодович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына. Краснодар. E-mail: ulitin_vladislav@yahoo.com

Ушаков Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук. Симферополь. E-mail: yshakovsv@list.ru

Федосеев Николай Фёдорович – кандидат исторических наук, с, старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма Российской Академии наук. E-mail: bospog@bk.ru

Четвёркина Екатерина Вячеславовна – старший лаборант Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: vilgelmina_@mail.ru

Чистов Дмитрий Ефимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела античного мира Государственного Эрмитажа, начальник Березанской (Нижнебугской) археологической экспедиции. Санкт-Петербург. E-mail: d.chistov@gmail.com

Шаров Олег Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург. E-mail: olegsharov@mail.ru

Шелов-Коведяев Фёдор Вадимович – кандидат исторических наук, руководитель исследований Фонда «Российский общественно-политический центр». Москва. E-mail: shel-kov@yandex.ru

Ярцев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Тула. E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Яценко Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета. Москва. E-mail: sergey_yatsenko@mail.ru

Kovachev George Gospodinov – PhD, Adjunct Professor in Anthropology at the Trident Technical College. SC, USA. 7891-B Wilderness Trail, Charleston. E-mail: george.kovachev@tridenttech.edu

Sirakov Nikolay Tanev – PhD candidate in Archeology at the New Bulgarian University. Director of Regional History Museum of Sliven, Bulgaria. Sliven. E-mail: niki_sirakov@abv.bg

Taştemür Emre – Assistant Professor. Turkey, Uşak, Uşak University, Faculty of Arts and Sciences, Department of Archaeology. E-mail: emre.tastemur@usak.edu.tr

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Артезианская археологическая экспедиция.
АГСП – Античные государства Северного Причерноморья. Москва.
АВ – Археологические вести. СПб.
АИК – Археологические исследования в Крыму. Симферополь.
АИУ – Археологические исследования на Украине.
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь, Керчь.
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник.
БС – Боспорский сборник.
БФ – Боспорский феномен. Материалы Международной научной конференции. СПб.
БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ – Вопросы истории. М.
ВКИКМЗ – Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Керчь.
Вып. – выпуск
ВЭ – Вопросы эпиграфики, Москва.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
ГАРК – Государственный архив Республики Крым. Симферополь.
ГИАМЗХТ – Государственный историко-археологический заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГМЗ ХТ – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДБ – Древности Боспора. М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ЗРАО – Записки Русского археологического общества. Санкт-Петербург.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИАИАНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
- ИАК РАН – Институт археологии Крыма Российской академии наук. Симферополь.
- ИВИ РАН – Институт всеобщей истории Российской академии наук. М.
- ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.
- Изд. – издание
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
- ИНИОН – Институт научной информации и общественных наук.
- ИРОМК – Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
- КБН – Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов. Корпус боспорских надписей. М., Л., Наука, 1965.
- КБН-альбом – Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций. СПб., 2004.
- кирг. – киргизский
- комм. – комментарий
- КрымОХРИС – Крымский областной комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины, природы и народного быта.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии (АН СССР) РАН. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения Института Материальной Культуры АН СССР. М.
- кт. – крымско-татарский
- ЛГУ – Ленинградский Государственный университет.
- ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР. Л.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАКК – Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
- МАР – Материалы по археологии России.
- МЗХТ – музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
- МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МПГУ – Московский педагогический государственный университет.
- НАА – Народы Азии и Африки. Москва
- НА ВКИКМЗ – Научный архив Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь.

- НА МЗХТ – Научный архив музея-заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
- НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- ННГУ – Нижегородский Государственный Университет. Нижний Новгород.
- н. п. – населенный пункт
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОАВЕС – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- ОАК – Отчёт Императорской археологической комиссии. СПб.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПиФ – Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог.
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры. М., Магнитогорск.
- пл. – племя
- подр. – подразделение
- прилож. – приложение
- РА – Российская археология. М.
- РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук. М.
- РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук.
- ТВ – траншея выборки.
- ТГПУ – Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого.
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- ТД – Тезисы докладов.
- Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
- ХНУ – Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина. Харьков.
- ХСб. – Херсонесский сборник. Севастополь.
- АВУ – Археологічні відкриття в Україні.
- АДУ – Археологічні дослідження в Україні.
- БСП – Българите в Северното Причерноморие.
- МИФ – Митология. Изкуство. Фолклор. София, НБУ.
- АА – Athenian Agora.
- ACSS – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, Boston.
- AJA – American Journal of Archaeology.
- AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
- Archäologie zwischen Römern und Barbaren. 2016. – Archäologie zwischen Römern und Barbaren. Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen).

- Internationales Kolloquium. Frankfurt am Main, 19–22. März 2009. Bonn, Dr. Rudolph Habelt, 2016. Bd. 1.
- BAR – British Archeological Report. Oxford.
- BCOSPE – Bibliographia classica orae septentrionalis Ponti Euxini. Cluj-Napoca, Mega, (2014).
- BE – Bulletin épigraphique.
- BSS – Black Sea Studies.
- Caiete ARA – ARA (Asociația «Arhitectură. Restaurare. Arheologie») Reports. București.
- CIL–Corpus Inscriptionum Latinarum.
- CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani: Album imaginum (CIRB-album), MMIV.
- EP – Epigraphica Pontica
- FGrHist – Die Fragmente der Griechischer Historiker.
- FHG – Fragmenta Historicorum Graecorum.
- GGM – Geographi Graeci Minores.
- IG – Inscriptiones Graecae. Beroloni.
- IOSPE – B. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis PontiEuxini Graecae et Latinae. Petropoli. 1916.
- IPriene – H. von Gaertringen. Inschriften von Priene. Berlin, 1906.
- K-W. – von Gangolf Kieseritzky, Carl Watzinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.
- MedA – Mediterranean Archaeology. The Australian and New Zealand Journal for the Archaeology of the Mediterranean World. Official Journal of the Australian Archaeological Institute at Athens.
- RE – Pauli-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. Stuttgart.
- LCL – The Loeb Classical Library. Harvard University Press.
- LGPN – Lexicon of Greek Personal Names.
- Suppl. – Supplementum.
- REA – Revue de Études Anciennes
- SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Köln.

СОДЕРЖАНИЕ

II. Боспор и античный мир

- Emre Taştemür.* Ports of the Bosphorus in the light of New Finds 5–8
- Д. Е. Чистов.* Урбанизация античных центров
Северного Причерноморья в VI – начале V вв. до н. э.
Сходства и различия. 8–24
- В. Ю. Зуев.* Первая серия зеркал борисфенитского типа 25–47
- А. В. Иванов, Н. И. Сударев.* Арифарн – царь фракийцев? 48–55
- И. А. Снытко.* Ещё раз об этнокультурной и территориальной
идентификации саев Сайтафарна
Ольвийского декрета в честь гражданина Протогена. 55–60
- Е. С. Лесная.* Имитации некоторых форм восточногреческой
столовой керамики из раскопок Херсонеса 61–67
- С. А. Зинченко.* Изображение на терракотовой пластинке
из Херсонеса: попытка интерпретации образной программы 67–77
- В. А. Кутайсов.* О времени строительства античного театра в Херсонесе . . . 77–84
- Е. Я. Туровский.* Херсонес и боспорские цари
во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. до н. э. 84–90
- Т. Н. Смекалова, Э. А. Терёхин.*
К херсонесской надписи (IOSPE. P. 403) 90–98
- Н. Ю. Новосёлова, А. С. Намойлик.* Халцедоновый (?) штамп
астинома из Херсонеса Таврического: новейшая находка
экспедиции Государственного Эрмитажа 98–105
- Е. М. Краснодубец.* Эллинистические египетские перстни-печати
и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры 105–112
- М. И. Тюрин.* Боспорские рельефные чаши
из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи 113–120
- С. В. Ушаков.* О хронологии позднеантичного Причерноморья:
Ольвия, Херсонес и Боспор (археологический аспект). 121–127
- Т. В. Егорова.* Некоторые аспекты аттического чернолакового
импорта на Боспор в VI–II вв. до н. э. 127–132
- G. G. Kovachev, N. T. Sirakov.*
Silver Rhyton with a Protome of Centaur 133–140

- Н. И. Винокуров, М. Ю. Трейстер.* Фрагменты римских бронзовых сосудов из раскопок ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье 140–148
- М. Ю. Трейстер.* Боспорско-римская война 45–49 гг. н. э. как катализатор одной из волн появления римской бронзовой посуды в Сарматии (взгляд с Боспора) 148–156

III. Боспор и варвары

- В. Т. Мусбахова.* Два свидетельства о кораксах в Анонимном перипле Эвксинского Понта 157–166
- А. В. Подосинов.* Варварское окружение Боспора как фактор эволюции государственной системы 166–168
- М. Ю. Вахтина, М. Т. Кацуба.* «Античный вектор» в контактах жителей Правобережной лесостепи в архаическое время (по материалам Немировского городища) 169–176
- Н. Ф. Федосеев.* Скифы на Боспоре 176–188
- Т. М. Кузнецова.* Курган «Куль-Оба» – к вопросу о его этнической атрибуции. 188–194
- В. И. Мордвинцева.* Политические элиты «варваров» Крыма и их сетевые связи в III – II вв. до н. э. по материалам погребальных памятников элиты 194–206
- Ю. П. Зайцев.* У западных границ Боспора. Варвары Центрального Крыма по результатам новейших исследований 206–211
- Е. А. Попова.* Склеп № 9 некрополя Неаполя скифского – дериват боспорских традиций расписных склепов 211–218
- А. В. Лысенко.* Культурно-исторические процессы в южной части Горного Крыма римского времени (I в. до н. э. – IV в. н. э.). 218–225
- В. А. Нессель.* Новые данные о варварском населении Юго-Западного Крыма рубежа эр (по материалам грунтовых могильников в окрестностях Севастополя) 225–230
- О. В. Шаров.* Антропоморфная скульптура из раскопок культового комплекса Таракташ в восточном Крыму 230–234
- Е. В. Струкова, С. В. Ушаков.* Таврика от Херсонеса до Боспора: лепная керамика позднеантичного времени 235–241
- Е. В. Четвёркина.* Кухонная посуда Боспора: греческая традиция и местные особенности 241–247
- А. П. Воскресенский.* Сведения «Географии» Страбона об оседлых варварах Азиатского Боспора: достоверное и сомнительное 248–252
- Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко.* Меотские мечи из Прикубанского могильника 253–257

- А. В. Иванов, Н. И. Сударев.* «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений 257–262
- В. В. Улитин.* Проблемы организации греко-варварской торговли в Северо-Восточном Причерноморье 262–268
- Е. В. Вдовченко, С. А. Яценко.* О характере сарматского «присутствия» в некрополе Кобяково I–III вв. н. э. 268–274

IV. Новые открытия и находки

- Ф. В. Шелов-Коведяев.* Декреты, найденные в Пантикапее в 2015 году 275–281
- Лавиния Грумеза, Виктор Кожокару.* Боспорское царство и его древности в проекте BCOSPE (Bosporan Kingdom and Its Antiquities in the BCOSPE Project) 281–284
- В. Г. Зубарев, С. Л. Смекалов, С. В. Ярцев.* Детальное археологическое изучение отдельных районов Крыма на примере урочища Аджиэль 285–290
- Н. В. Быковская.* «Марфовский клад»: в дополнение к изданному 291–297
- М. А. Кулькова, Т. Н. Смекалова, Н. Ф. Федосеев.* Петрографические методы исследования античной керамики. Обзор исследований и некоторые результаты 297–304
- А. С. Деваев, В. И. Мордвинова.* Ранний культурный слой на верхнем плато горы Опук (по материалам разведки 2017 г.) 305–310
- М. Е. Клемешова, Г. А. Ломтадзе.* Некоторые особенности керамического комплекса конца II–I вв. до н. э. поселения Ахтанизовская-4 310–317
- В. Ю. Кононов.* Остатки гончарного производства на античной усадьбе хоры Горгиппии 317–321
- А. Ж. Арутюнян.* Крым и сопредельные территории по данным Древнеармянской географии «Ашхарацуйц» (V–VII вв.) 321–326

V. История науки

- И. В. Тункина.* Путешествие академика Е. Е. Кёлера по Восточному Крыму в 1821 г. (по архивным материалам) 327–332
- Е. Г. Застрожнова.* Первая Всесоюзная археологическая конференция в Керчи 1926 г.: итоги и перспективы развития античной археологии в Крыму 333–339

VI. Memorabilia

<i>А. В. Буйских, Н. А. Гаврилюк.</i> Памяти Сергея Дмитриевича Крыжицкого	340–343
<i>А. П. Бехтер, Л. М. Всевиов.</i> Сергей Ремирович Тохтасьев (1957–2018). Материалы к биобиблиографии Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018)	344–354
<i>Н. А. Павличенко.</i> Памяти Николая Фёдоровича Федосеева (1961–2018). Материалы к биобиблиографии Н. Ф. Федосеева (1961–2018)	355–370
<i>Ю. А. Виноградов, Е. В. Логдачёва, Н. В. Логдачёва, А. Е. Терещенко.</i> Памяти Сергея Швембергера (05.12. 1959–13.05.2018)	371–375
Сведения об авторах	376–381
Список сокращений	382–385

Научное издание

БОСПОРСКИЙ ФЕНОМЕН
Общее и особенное
в историко-культурном пространстве античного мира

Материалы международной научной конференции
Часть 2

Редакторы: *В. Ю. Зувев, В. А. Христановский*
Корректор: *Ю. Л. Минутина-Лобанова*
Оригинал-макет: *О. М. Кукушкина*
Дизайн обложки: *В. Ю. Зувев, В. М. Матвеев*

Подписано в печать 30.10.2018. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,38. Тираж 300 экз. Заказ № 40

Отпечатано в типографии ФГБОУВПО «СПГУТД»
191028, С.-Петербург, ул. Моховая, 26